ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРІИ ВИЗАНТІИ

Подъ редакціей и съ предисловіемъ

В. Н. Бенешевича,

профессора С.-Петербургскаго Университета.

Выпускъ I.

Изданіе Студенческаго Издательскаго Комитета при Истор.-Филол. факультетѣ СПБ. Университета.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1912.

Типографія В. Безобразовъ и Ко. (влад. Н. П. Зандманъ.), Большой пр. 61.

Свѣтлой памяти

незабвеннаго русскаго византиниста

академика

Василія Григорьевича

Васильевскаго

свой трудъ посвящаютъ

переводчики

и

редакторъ.

Н. Я. Костец

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый опытъ хрестоматіи по исторіи Византіи имѣетъ цѣлью служить интересамъ какъ учебнымъ, такъ и научнымъ, тѣсно связаннымъ другъ съ другомъ въ университетскомъ преподаваніи. Трудность поставленной такимъ образомъ задачи усугубляется тѣмъ, что научная литература по исторіи Византіи не предоставляетъ возможности широкаго выбора. Одного общаго единоличнаго труда, обнимающаго въ небольшомъ томѣ съ достаточной полнотой и подробностью событія политической жизни и явленія культурнаго быта Византіи, послѣ переведеннаго уже на русскій языкъ опыта G. Hertzberg: Geschichte der Byzantiner въ иностранной литературѣ не появлялось. Но если бы даже такой трудъ и появился, онъ по необходимости вынужденъ былъ бы разбить на части картину отдѣльныхъ сторонъ духовной и матеріальной культуры Византіи и массой подробностей затруднить усвоеніе даже основныхъ чертъ развитія; въ то же время не было бы удѣлено надлежащее вниманіе хотя бы даже только тому роду письменности, который имѣетъ первостепенное значеніе для изученія исторіи Византіи, а именно, византійскимъ лѣтописямъ и опытамъ историческаго повѣствованія; кромѣ того, самое единство основной идеи, являющееся всегда и достоинствомъ и залогомъ успѣшнаго выполненія общаго труда, казалось бы при наличности указанныхъ выше неудобствъ не особенно говорящимъ за то, чтобы взяться за его переводъ даже при полномъ сочувствіи этой основной идеѣ: проводить ее на каѳедрѣ тѣмъ легче и удобнѣе, чѣмъ вѣрнѣе обезпечены возможность пониманія сообщаемаго и необходимость установленія другихъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія и критическаго отношенія къ каждой изъ нихъ. На основаніи вышесказаннаго ясно,

что небольшая книга лучше всего можетъ ввести въ знаніе и пониманіе исторіи Византіи, если дастъ прежде всего надежное и цѣльное изложеніе важнѣйшихъ фактовъ политической исторіи, а также оцѣнку главныхъ источниковъ нашихъ свѣдѣній о нихъ, и представитъ рядъ цѣльныхъ изображеній важнѣйшихъ сторонъ культурной исторіи.

Можетъ быть, ни одинъ изъ очерковъ политической исторіи Византіи не пользуется такой извѣстностью, какъ составленный ко 2-му изданію К. Крумбахера Geschichte der byzantinischen Litteratur Г. Гельцеромъ Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte (стр. 911—1067). Авторъ этого очерка, умершій 11 іюля 1906 г. профессоръ Іенскаго университета (смотр. некрологи его въ Byzant. Zeitschrift, 1907, т. XVI, стр. 417—430 и въ Визант. Временникѣ 1907, т. XIV, стр. 210—214), извѣстенъ длиннымъ рядомъ замѣчательныхъ монографій по отдѣльнымъ запутаннымъ вопросамъ византійской исторіи, и только смерть помѣшала ему осуществить его грандіозные проекты, въ томъ числѣ и большую исторію Византіи для Allgemeine Staatengeschichte, издаваемой подъ редакціей К. Лампрехта. При всѣхъ своихъ достоинствахъ Abriss Гельцера не лишенъ и нѣкоторыхъ недостатковъ, находящихъ себѣ объясненіе какъ въ условіяхъ работы, такъ, еще болѣе, въ особенностяхъ характера самого автора. Пруссакъ по рожденію (род. въ Берлинѣ 1 іюля 1847 г.), ярый протестантъ, партійный борецъ въ политикѣ, Гельцеръ оцѣниваетъ описываемыя событія и лица иногда пристрастно и дѣлаетъ выпады, совершенно излишніе въ спокойномъ научномъ изложеніи; для характеристики его симпатій и антипатій слѣдуетъ здѣсь привести еще тѣ немногочисленныя мѣста, которыя оказалось возможнымъ выпустить въ самомъ текстѣ. Рисуя мрачными красками состояніе имперіи при Дукахъ (стр. 119), Гельцеръ (передъ: „Характеру строя соотвѣтствовало правительство"...) замѣчаетъ: „короче говоря, тогдашнему Константинополю не хватало только избраннаго народомъ государственнаго совѣта, чтобы наилучшимъ образомъ осуществить все жалкое зрѣлище современнаго конституціоннаго государства"; въ другомъ мѣстѣ (стр. 125) о византійской эпистолографіи онъ ошибочно говоритъ, что она „въ своемъ глубоко дурномъ направленіи вполнѣ соотвѣтствуетъ нашей прессѣ". Совершенно излишенъ и пророческій тонъ заключительныхъ строкъ (стр. 193). Кромѣ того, довѣрившись, повидимому, то памяти, то типографіи, Гельцеръ не всегда точенъ: встрѣчаются досадные пропуски, прямыя

ошибки и опечатки. Все это въ русскомъ переводѣ исправлено, насколько позволяли краткость времени и спѣшность работы.

Трудъ Гельцера, посвященный изображенію исторіи византійской культуры (Byzantinische Kulturgeschichte. Tübingen, 1909.8°. VII+128 стр.) и предназначенный имъ для сборника Kultur der Gegenwart, не встрѣтилъ [1]), такого единодушнаго признанія, какъ его Abriss, отчасти, можетъ быть, и потому, что отсутствуетъ личное обаяніе автора, а главное потому, что авторъ умеръ, не закончивъ обработки широко задуманнаго произведенія. Дѣйствительно, изъ мелкихъ статей хотя бы и самого Гельцера или изъ общихъ изложеній другихъ авторовъ можно было бы составить болѣе полный и разнообразный обзоръ, но зато онъ вышелъ бы далеко за предѣлы допустимаго для него въ предлагаемой книгѣ объема и потребовалъ бы предварительнаго согласованія какъ частей его другъ съ другомъ, такъ и цѣлаго съ очеркомъ политической исторіи. Между тѣмъ Byz. Kulturgeschichte не представляетъ этихъ неудобствъ, и въ то же время книга отличается всѣми достоинствами прочихъ трудовъ Гельцера; въ ней пришлось лишь исключить нѣкоторыя длинноты. Для лучшаго освѣщенія одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ присоединена статья профессора новой исторіи въ Кембриджскомъ университетѣ, послѣ Гиббона и Финлея наиболѣе выдающагося въ Англіи историка Византіи, Джона Бёри (John B. Bury): The Constitution of the later Roman Empire (Creighton Memorial Lecture delivered at University College, London 12 November 1909) Camdridge, at the University press. 1910. 8° min. 49 стр.

Наконецъ, обзоръ византійскихъ историковъ и хронистовъ взятъ изъ уже упомянутой выше книги „отца современнаго византиновѣдѣнія", покойнаго профессора Мюнхенскаго университета K. Krumbacher: Geschichte der byzantinischen Litteratur 2 Aufl). München 1897) стр. 219—408, но съ большими сокращеніями: выброшены указанія на пособія (Hilfsmittel) для изученія писателей и отдѣльныхъ трудовъ и различныя несущественныя подробности и особенности изложенія, интересныя для спеціалистовъ; зато всюду библіографическія указанія дополнены согласно важнѣйшимъ успѣхамъ византиновѣдѣнія съ 1897 года.

Дополненія, сдѣланныя въ заимствованной изъ труда Крум-

---

[1]) Сравн. отзывы A. Gardner (The English Historical Review, 1910, XXV, 320—322), E. Gerland (Deutsche Literaturzeitung, 1911, № 4, стр. 241 и сл.).

бахера (Gesch., стр. 1068—1087) библіографіи, не претендують на исчерпывающую полноту, ограничиваясь лишь существенно необходимымъ. Доведена библіографія до 1912 г.

Карты взяты изъ атласа при The Cambridge Medieval History planed by J. B. Bury. Vol. I (Cambridge 1911).

Переводъ выполненъ слѣдующими лицами: студентами ист.-фил. факультета СПБ. Университета С. Н. Валкомъ (Abriss гл. III, VII, IX; Krumbacher §§ 1—16; 34—37; 42—46 русск. перев.; имъ же составлены синхронистическія таблицы), М. А. Георгіевскимъ (Abriss гл. II и V; Krumbacher §§ 47—55), А. К. Елачичемъ (Abriss гл. VI; Bury The constitution...) и А. П. Смирновымъ (Abriss гл. V, IV и VIII; Krumbacher §§ 38—41); прослушавшей курсъ СПБ. Университета по ист.-фил. факультету М. А. Карпицкой-Елачичъ (Kulturgeschichte гл. V, русск. перев. Krumbacher §§ 17—33, 56—61) и слушательницей ист.-фил. факультета СПБ. Высшихъ Женскихъ Курсовъ Н. П. Катанской (Kulturgescgichte гл. I—IV и VI) Наблюденіе за всѣмъ ходомъ работы по изданію и послѣднія корректуры принялъ на себя товарищъ предсѣдателя издательскаго комитета А. К. Елачичъ.

Дополненія, сдѣланныя редакторомъ перевода, отмѣчены (*В. Б.*), но не всегда, чтобы не пестрить текста.

В. Н. Бенешевичъ.

Н. Я. Коотеша.

ОЧЕРКЪ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРІИ ВИЗАНТІИ.

Г. Гельцера,

профессора Іенскаго университета.

Типографія В. Безобразовъ и К°. В. О., Большой пр., 61.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Всякія періодизаціи и установленія граней въ процессѣ міровой исторіи всегда условны, а потому совершенно произвольны. Сама исторія, поскольку въ ней каждое событіе причинно связано съ предшествующими и послѣдующими событіями, не образуетъ отдѣловъ; она—безпрерывный процессъ. Поэтому нѣтъ болѣе дерзкаго предпріятія, какъ стремиться, на манеръ нашихъ обычныхъ руководствъ по всеобщей исторіи, къ установленію конца римской имперіи и грани между древностью и средними вѣками. Въ нашихъ школахъ этотъ столь важный поворотный моментъ исторіи прикрѣпляется или, вѣрнѣе, прикрѣплялся съ педантичной хронологической точностью къ опредѣленному году. Подъ вліяніемъ привычной, хотя и противорѣчащей дѣйствительному ходу исторіи, переоцѣнки Запада и его историческаго развитія обращали вниманіе только на Западъ; поэтому конецъ римской имперіи и древнихъ временъ безъ колебаній относили къ 476 году, потому что въ этомъ году получилъ, такъ сказать, отставку съ пенсіей Ромулъ Августулъ, послѣдній законный императоръ въ западной половинѣ римской имперіи—событіе съ всемірно исторической точки зрѣнія точно такое же по важности, какъ, напримѣръ, отреченіе отъ престола въ 1892 г. сербскаго короля Милана. Этотъ фактъ якобы универсально-историческаго значенія на современниковъ его произвелъ столь слабое впечатлѣніе, что они—и побѣдоносные германцы въ первую голову—разсматривали попрежнему территорію Одоакра, позже Теодориха, какъ часть римскаго государства, а тамошнихъ подданныхъ, какъ подданныхъ римскаго императора, и даже сохранили императорскія установленія, какъ дѣйствовавшія уже въ имперіи. Вотъ почему золотая монета въ такъ назыв. германскихъ государствахъ носила изображеніе императора, и вотъ почему могли готы гордо заявить Юстиніану, что они всегда блюли императорскія прерогативы. Востокъ имперіи, сумѣвшій сохранить издревле унаслѣдованную культуру съ большей энергіей и счастьемъ, чѣмъ Западъ, совершенно не можетъ, по крайней мѣрѣ, до выступленія ислама, быть расщепленъ на двѣ половины, одну принад-

лежащую древности, другую—среднимъ вѣкамъ: лишь послѣ правленія Ираклія наступаетъ среди ужасной борьбы за существованіе, которую пришлось выдержать Византіи противъ напора семитической расы, то помраченіе, которое длится полтора столѣтія и явно обозначаетъ собою разсвѣтъ новаго міроваго дня. Но если бы мы начали очеркъ византійской исторіи, напримѣръ, вступленіемъ на престолъ Льва Исавра, то мы лишили бы читателя свѣдѣній о наиважнѣйшихъ и со всемірноисторической точки зрѣнія наизначительнѣйшихъ столѣтіяхъ, о той эпохѣ, въ которой даны первые зачатки и предварительныя условія для позднѣйшаго историческаго развитія специфически византійскаго періода.

Точно также само собою разумѣется и то, что совершенно избѣжать періодизаціи и отграниченій историческаго матеріала мы никакъ не можемъ. Мы должны только живо сознавать при этомъ, что имѣемъ дѣло съ неизбѣжными подпорками, которые должны облегчить намъ обозрѣніе матеріала. Именно поэтому слѣдуетъ также отказаться отъ обычнаго профессорскаго и школьнаго педантизма, который не можетъ вынести на рынокъ ни одного историческаго труда, ни одного учебнаго пособія, не снабдивъ ихъ исторически лучше обоснованными отдѣлами или не расчленивъ ихъ по логически болѣе правильнымъ принципамъ дѣленія. Скорѣе всего слѣдуетъ здѣсь руководиться традиціоннымъ здравымъ смысломъ. Мы издавна привыкли объединять исторію имперіи отъ
395- Аркадія до Константина XI (**395—1453**) въ одно цѣлое,
1453 какъ исторію восточно-римскую или византійскую. Оставаясь всецѣло только на практической точкѣ зрѣнія, мы удержимъ это старо-франкское распредѣленіе матеріала, хотя и достаточно извѣстно, что среди ученыхъ оно многократно вызывало недовольство и какъ разъ среди воодушевленныхъ друзей болѣе принципіальныхъ разграниченій. Съ нѣкоторымъ правомъ указывали на то, что современники, не смотря на раздѣленіе имперіи по смерти Ѳеодосія, имѣли въ теченіе многихъ вѣковъ представленіе только объ одной имперіи, о res publica или manus publica, какъ обычно говорили въ Испаніи и во франкскомъ государствѣ еще въ VII и VIII столѣтіяхъ; потому-де и можно говорить о западно-римской имперіи—а слѣдовательно и о восточно-римской имперіи—лишь со времени возстановленія западно-римской имперіи Карломъ Вели-
800 кимъ. Все это столь же правильно и мѣтко, но и столь же доктринально, какъ терминологія тѣхъ юристовъ, которые называютъ время отъ Августа до Діоклетіана діархіей и только послѣдующую эпоху—монархіей: конечно, съ точки зрѣнія государственнаго строя, правильно говорить по отношенію къ этому періоду о раздѣленіи власти между принцепсомъ и сенатомъ; фактически, однако, правы оказываются столь невѣжественные въ государственномъ правѣ хронисты, начинающіе римскую монархію

съ Цезаря и Августа. И въ дѣйствительности, вопреки инымъ представленіямъ современниковъ и ученыхъ, существующая со смерти Θеодосія до паденія Константинополя имперія является восточно-римской, а съ VI, особенно же съ VII столѣтія—греческой.

Только для того, чтобы удовлетворить практической потребности, а совсѣмъ не для того, чтобы создавать почву для какого-то высшаго „историко-философскаго“ взгляда, разбиваемъ мы весь матеріалъ на слѣдующія изстари идущія подраздѣленія:

		Годы:
I.	Эпоха до Юстиніана	395 — 518
II.	Эпоха Юстиніана и его преемниковъ	518 — 610
III.	Домъ Ираклія и борьба съ исламомъ	610 — 717
IV.	Возрожденіе имперіи въ царствованіе сирійскихъ (исаврійскихъ) императоровъ и иконоборчество	717 — 867
V.	Расцвѣтъ восточно-римскаго могущества въ царствованіе армянской династіи	867 — 1025
IV.	Упадокъ имперіи	1026 — 1081
VII.	Комнины и Ангелы	1081 — 1204
VIII.	Никейская имперія	1204 — 1261
IX.	Реставрація Палеологовъ и паденіе	1261 — 1453

[illegible] Византіи. Но, соотвѣтственно порядку вещей, представлявшемуся современникамъ и ученымъ слѣдующихъ поколѣній, Феодосій до паденія Константинополя имперія является восточно-римской, а [illegible] VII столѣтія — греческой.

Только для того, чтобы [illegible] удобнѣе [illegible] не [illegible] того, чтобы [illegible] новые [illegible] исторіи [illegible] матеріалъ на [illegible] части [illegible]:

Н. Я. Костеша

I. Эпоха до Юстиніана (395—518).

Ѳеодосій Великій (**379—395**), геніальный сынъ великаго 379
отца, былъ послѣднимъ изъ длиннаго ряда генераловъ и спаси- 39
телей имперіи, которые, начиная съ Клавдія Готскаго и кончая Валентиніаномъ, желѣзнымъ кулакомъ вновь сковали разошедшуюся по швамъ міровую державу. Онъ блестящимъ образомъ выказалъ себя послѣ ужасной гибели Валента, послѣ адріанопольскаго „lacrimabile bellum“, какъ защитникъ имперіи и спаситель отъ германской опасности. Еще разъ готская волна народовъ была оттѣснена съ имперской почвы. Во внутреннихъ дѣлахъ правленіе Ѳеодосія составило эпоху, благодаря той побѣдѣ, которую одержала надъ аріанствомъ православная церковь, подкрѣпляемая тяжеловѣснымъ вліяніемъ императора, и благодаря тому энергичному принужденію, которое покончило съ остатками
древней вѣры среди римской аристократіи. Умирая 17 января 17 я
395 года, Ѳеодосій оставилъ имперію въ совмѣстное правленіе 39
своимъ двумъ сыновьямъ, **Аркадію** и **Гонорію**. Послѣдній получилъ западную половину: префектуры Италію (Италію и Африку) и Галлію (Галлію, Испанію, Британію), въ то время какъ его старшій братъ сталъ править Востокомъ: префектурами Иллирикомъ (Дакіей и Македоніей) и Востокомъ (Азіей, Понтомъ, Востокомъ, Ѳракіей и Египтомъ).

Борьба Ѳеодосія съ узурпаторомъ Евгеніемъ лишила весь Востокъ военныхъ силъ. И вотъ въ то время, какъ вторгнувшіеся чрезъ каспійскія ворота гунны обрушились на востокъ имперіи, расположенные въ Мизіи и Ѳракіи готскіе вспомогательные отряды (foederati) опустошили подъ начальствомъ своего царственнаго вождя, Алариха, сѣверный Иллирикъ и угрожали столицѣ. Только когда съ Запада подошелъ Стилихонъ, Аларихъ вынужденъ былъ окопаться въ Ѳессаліи. Но такъ какъ побуждаемый къ тому Руфиномъ, Аркадій, можетъ быть, не безъ основаній требовалъ удаленія Стилихона и возвращенія восточныхъ отрядовъ изъ Италіи въ Константинополь, то послѣдніе двинулись

подъ командой Гаины къ столицѣ. Руфинъ палъ имъ въ жертву, и мѣсто руководящаго министра занялъ евнухъ Евтропій.
395 Тутъ-то Аларихъ и предпринялъ свой страшный походъ черезъ Ѳермопилы въ Грецію. Елевсинъ, Пирей, Мегара, Коринѳъ, Аргосъ и Спарта не устояли противъ готскихъ дружинъ, христіанско-варварскую ревность которыхъ фанатики-монахи разожгли до дикаго неистовства противъ этихъ главныхъ обителей и послѣднихъ твердынь язычества. Тутъ во время похода въ Элиду на нихъ напалъ съ тылу вернувшійся Стилихонъ и окружилъ готское войско на аркадійскомъ плоскогорьѣ у Фолои. Вопреки ожиданію дѣло окончилось мирно, и восточно-римское правительство дало страшному готу титулъ magister militum per Illyricum.

Болѣе грозной опасностью становилось руководимое графомъ
399 (comes) Трибигильдомъ возстаніе поселенныхъ во Фригіи остготовъ и грутунговъ. При восточно-римскомъ дворѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ національной римской партіи; начальники германцевъ—могущественный Гаина и его преверженцы—были глубоко обижены. Правда, Трибигильдъ потерпѣлъ тяжелое пораженіе отъ храбраго писидійскаго ополченія. Но посланный противъ него Гаина оказался его тайнымъ союзникомъ, и римскій полководецъ Левъ палъ жертвой готовъ и предательства своего коллеги. Гаина и Трибигильдъ оказались господами положенія и вынудили у императора отставку его министра.

399- Гаина появился въ Халкидонѣ, и дрожащій Аркадій
400 долженъ былъ расположить армію готовъ въ своей столицѣ. Уже казалось, что Востоку суждено подвергнуться подобному же раздробленію на части, какъ въ дальнѣйшемъ это случилось съ Западомъ. Германское королевство готовилось замѣнить здѣсь династію Ѳеодосія. Но ожесточеніе жителей столицы, подвергшихся насилію со стороны готовъ-аріанъ и оскорбленныхъ въ своихъ религіозныхъ чувствахъ, повело къ возстанію. Готовъ заставили очистить городъ, оставшіеся пали жертвой народной ярости. Опустошивъ Ѳракію, Гаина думалъ переправиться у Абидоса въ Азію, но оставшійся вѣрнымъ имперіи готъ Фравитта съ римскимъ флотомъ уничтожилъ его войско. Голова бѣжавшаго во Ѳракію бунтовщика была прислана къ императорскому двору гуннскимъ королемъ Ульдомъ. Спаситель имперіи Фравитта, хотя онъ
401 и былъ язычникъ, былъ награжденъ саномъ консула. Имперія и римское начало были еще разъ спасены.

При томъ же самомъ Аркадіи возгорѣлась и въ Византіи старая борьба между imperium и sacerdotium, исходъ которой сталъ типичнымъ для взаимоотношенія между государствомъ и церковью въ восточномъ Римѣ.

Антіохіецъ Іоаннъ, прозванный впослѣдствіи церковью Златоустомъ, столь же могучій силою своего слова, какъ и

расположеніемъ народа, не щадилъ, подобно какому-нибудь шотландскому пуританину, ни роскоши императорскаго двора, ни нравственной испорченности богачей. Лично преданный строгому аскетизму, онъ являлся одновременно іерархомъ съ папскимъ представленіемъ о своей власти. Азію, гдѣ митрополія Ефеса славилась своимъ апостольскимъ происхожденіемъ отъ любимаго ученика Христова, онъ съ безпощадной силой подчинилъ во время своей поѣздки власти предстоятеля новаго Рима, который съ 381 года уравнялся въ правахъ со старымъ Римомъ. Тогда поднялись враги Іоанна. Правда, отъ пустого и бездарнаго сирійскаго епископа Северина, соперничавшаго съ нимъ въ столицѣ своими проповѣдями, онъ легко избавился. Но тѣмъ болѣе серьезный оборотъ приняли дѣла, когда правительство выдвинуло его смертельнаго врага, честолюбиваго и безпринципнаго александрійскаго папу Ѳеофила. Алесандріецъ сіялъ послѣ разрушенія въ 391 году Серапеума въ свѣжемъ блескѣ славы истребителя идоловъ; св. Аѳанасіемъ и его преемникомъ Петромъ, руководителемъ такъ называемаго вселенскаго собора 381 года, Востокъ уже былъ пріученъ къ тому, чтобы предоставлять окончательное рѣшеніе въ духовныхъ дѣлахъ замѣстителю каѳедры апостола Марка. Ѳеофилъ сумѣлъ придать своимъ махинаціямъ оттѣнокъ святости, привлекши на свою сторону почти столѣтняго борца противъ еретиковъ, ученаго, но крайне ограниченнаго Епифанія, епископа Константіи (на о. Кипрѣ). На соборѣ „подъ дубомъ“ іерархъ новаго Рима былъ лишенъ своего сана; однако, ожесточеніе вѣрующаго населенія столицы доставило ему блестящую побѣду. Ѳеофилъ бѣжалъ, а правительство малодушно уступало, пока Іоаннъ, ставъ дерзновеннѣе отъ успѣховъ, не обрушился въ крайне рѣзкихъ выраженіяхъ на самое императрицу. Новый соборъ 404 года рѣшилъ 404
окончательно паденіе Іоанна, хотя за него и вступились западноримское правительство и папа Запада Иннокентій I. Такъ какъ, благодаря своей перепискѣ, Іоаннъ оставался силенъ и въ своемъ изгнаніи въ армянскомъ городѣ Кукузѣ, то было рѣшено отправить несчастнаго старца на Кавказъ, но онъ изнемогъ отъ тяжестей перехода, не достигнувъ мѣста своего новаго назначенія, 14 сент.
Питіунта (Пицунды въ Абхазіи). Вся церковь высоко чтила па- 407
мять „вселенскаго учителя“; патріархъ Проклъ торжественно перенесъ въ 438 году его останки обратно въ столицу имперіи, а 438
Ѳеодосій II колѣнопреклоненно молилъ передъ ракою святого о милосердіи къ его грѣшнымъ родителямъ. Не взирая, однако, на эти обязательныя и великодушныя формы, государственная власть принципіально одержала все-таки чрезвычайно важную побѣду: она впервые въ силу своего суверенитета установила свои отношенія къ церкви, и этотъ порядокъ удержался въ Византіи навсегда.

408 Въ 408 году Аркадій умеръ, оставивъ послѣ себя несовершеннолѣтняго сына, **Өеодосія II Малаго**, который, какъ истый порфирородный, никогда за все свое длинное правленіе съ
408-450 **408—450** г. не сталъ совершеннолѣтнимъ. До 414 года дѣла правленія лежали на praefectus praetorio Анөиміи, украшенномъ высшимъ почетнымъ титуломъ консула и патрикія, чрезвычайно умномъ государственномъ дѣятелѣ. Затѣмъ стала управлять государствомъ съ помощью сената мудрая въ политикѣ сестра императора, Пульхерія; она женила въ 421 году своего брата на
421 высокообразованной дочери философа Аөинаидѣ, носившей христіанское имя Евдокіи. Послѣдняя скоро пріобрѣла вмѣстѣ съ евнухомъ Хризафіемъ большое вліяніе на управленіе государствомъ; а послѣ ея паденія, въ теченіе всей послѣдней половины своего правленія, императоръ всецѣло находился въ рукахъ Хризафія. Недовольная всѣмъ этимъ, Пульхерія удалилась въ свой частный дворецъ.

Въ то время, какъ западная имперія разрушалась, когда готы, свевы и вандалы самостоятельно устраивались въ Галліи, Испаніи и Африкѣ, а власть призрачнаго императора была въ дѣйствительности ограничена предѣлами одного Апеннинскаго полуострова, восточная половина имперіи счастливо и сравнительно спокойно пережила этотъ критическій періодъ. Продолжительное правленіе Өеодосія въ общемъ итогѣ бѣдно внѣшними событіями.
425 По смерти Гонорія генералы Ардавурій и его сынъ Аспаръ удачно вмѣшались въ дѣла Италіи; устраненное узурпаторомъ Іоанномъ законное правительство было ими возстановлено и подпало такимъ образомъ вліянію Востока.

Величайшую ошибку Великаго Өеодосія пыталось исправить, насколько это было въ его силахъ, столь часто презираемое правительство Өеодосія Малаго. Въ такомъ важномъ государствѣ-буфферѣ, какъ Арменія, которая со временъ Тиридата и Григорія Просвѣтителя была привлечена къ союзу съ Римомъ, римское вліяніе было сокрушено со дня позорно
365-367 заключеннаго Іовіаномъ мира 365 года; правда, Валентъ, преслѣдуя вполнѣ сознательно опредѣленную цѣль, посадилъ на армянскій престолъ еще разъ царемъ Папа и поддерживалъ его; но послѣ того какъ послѣдній былъ вѣроломно убитъ римлянами, разгорѣлась борьба между христіанско-клерикальной и маздаистически настроенной аристократической партіями. Ради правильно понятыхъ интересовъ имперіи римская политика всѣми силами должна была бы поддерживать, какъ это и дѣлали разумные правители Константинова дома, Мамиконіевъ, какъ руководителей священнической партіи. Вмѣсто того, Өеодосій въ непонятномъ ослѣпленіи—въ этомъ его можно сравнить съ Фридрихомъ
387 Великимъ—заключилъ въ 387 году съ восточной державой договоръ

о раздѣлѣ Арменіи. Только около пятой части нѣкогда великаго армянскаго государства досталось вмѣстѣ со столицей Θеодосіуполемъ (Кариномъ) византійцамъ. Все остальное, управляемое номинально еще 40 лѣтъ призрачнымъ царемъ, въ вассальной зависимости отъ Персіи, отошло подъ персидское главенство. Какъ церковный и ученый языкъ, персы систематически терпѣли только сирійскій; греческому языку была объявлена война не на животъ, а на смерть. Оба великихъ генія Арменіи, Месробъ и Сагакъ, переведшіе Св. Писаніе на мѣстный языкъ, послѣ того какъ первый изъ нихъ изобрѣлъ письмо, должны были бѣжать отъ преслѣдованія персидскихъ властей на византійскую почву. Константинопольскій кабинетъ того времени, оказавшись въ данномъ случаѣ болѣе дальнозоркимъ, чѣмъ основатель династіи, по мѣрѣ силъ офиціально оказывалъ содѣйствіе предпріятію и поддерживалъ изъ государственныхъ средствъ школу переводчиковъ, основанную обоими великими армянами. Изъ работъ этого духовнаго разсадника вышла всецѣло зависящая отъ греческой, огромная переводная литература армянъ (такъ назыв. „золотого вѣка"), и народъ, до этого времени не имѣвшій литературы, былъ введенъ въ семью культурныхъ націй. Тѣмъ самымъ Арменія была отторгнута окончательно отъ восточнаго варварства и присоединена на всѣ времена къ западно-эллинской-культурѣ. Это все-таки является неотъемлемой заслугой презираемаго Θеодосія Малаго.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію событій внѣшней политики. Дѣйствительную опасность для имперіи представляла собой въ эту эпоху великая держава гунновъ. Хотя Анөимію и удалось
въ 412 году удачно отразить вторженіе этихъ варваровъ, и дунай- 412
ская флотилія зорко слѣдила за границами имперіи, тѣмъ не
менѣе, уже въ 424 году императоръ заплатилъ дань царю кочев- 424
никовъ. Еще хуже сложились обстоятельства, когда въ Паннонiи
раскинулъ свой военный лагерь воинственный Аттила, когда
наряду съ гуннами имперскимъ границамъ стали въ 441 г. угро- 441
жать персы, и вандалы со своими союзными флотиліями пиратовъ разоряли берега имперіи. Дунайскія крѣпости Виминацій и Сингидунъ, Маргъ, родина равноапостольнаго Константина—Наиссъ, Филиппополь и другіе важные имперскіе города пали подъ ударами гуннскаго царя. Уже дрожала столица имперіи; но храбрый гарнизонъ крѣпости Асимунта поднялъ успѣшной защитой павшій
было духъ византійцевъ. Въ 443 году, благодаря Анатолію, куп- 443
ленъ былъ миръ за 6000 фунтовъ золота и за ежегодную дань въ
700 фунтовъ. Возобновившіяся въ 447 году враждебныя дѣй- 447
ствія были улажены посольствомъ Максимина; риторъ Прискъ, сопровождавшій это посольство въ качествѣ секретаря, оставилъ намъ свое знаменитое, захватывающее своимъ реализмомъ описаніе

лагерной резиденціи гунновъ [1]). Миръ былъ возстановленъ; но платежъ дани продолжался почти до самой смерти Θеодосія.

Гораздо болѣе важнымъ и прямо-таки рѣшающимъ является это царствованіе по современнымъ ему церковнымъ событіямъ. Христіанское государство офиціально и насильственно подавило древнее идолослуженіе; но церковь „широко распахнула врата" и мудрой снисходительностью облегчила старовѣрамъ доступъ въ новую религіозную общину; въ христіанскихъ святыхъ узнавали они часто подъ легкимъ лишь покрываломъ свои старыя языческія божества. Потребность массъ и женщинъ въ призываніи великой многоименной богини-природы была удовлетворена церковью черезъ усиленіе почитанія Богоматери, и уже язычники насмѣхались надъ ревностнымъ культомъ Маріи и поговаривали о „новой Кибелѣ" и о „новой Изидѣ".

Александрійскіе богословы, слѣдовавшіе аллегорическому толкованію Оригена, были въ то же время ревностными вдохновителями новомодной теологіи, тогда какъ антіохійская школа, въ лицѣ своихъ великихъ вождей Діодора Тарсскаго и Θеодора Мопсуестскаго, тщетно пыталась сохранить противъ всемогущаго направленія эпохи трезвое и научное искусство истол-
428- кованія Св. Писанія. Несторій, новый патріархъ столицы,
431 происходившій изъ Германикіи и хранившій вѣрность традиціямъ своей родины, словомъ и писаніями ратовалъ противъ суевѣрнаго, по его мнѣнію, выраженія θεοτόκος (Богородица) и привелъ тѣмъ самымъ въ крайнее безпокойство благочестивое населеніе столицы. Св. Кириллъ, племянникъ и преемникъ Θеофила по апостольской каѳедрѣ въ Александріи, прославленный духовный ораторъ и писатель и весьма опытный въ хитростяхъ церковной политики, сталъ во главѣ противниковъ Несторія. Напрасно пытался Несторій, котораго пока еще поддерживало императорское правительство, возвратиться къ главному предмету: обладатель александрійской каѳедры не хотѣлъ упускать желаннаго случая, чтобы принизить возвышающагося столичнаго соперника. Въ 431 году
431 въ Ефесѣ былъ созванъ вселенскій соборъ. Ограниченный и не освѣдомленный въ истинныхъ причинахъ церковнаго спора патріархъ Запада, папа Целестинъ, бросилъ на вѣсы тяжелый авторитетъ первой каѳедры христіанства въ пользу Кирилла. Свои обсужденія соборъ открылъ, не выждавъ прибытія благопріятно расположенныхъ къ Несторію восточныхъ іерарховъ, и, не взирая на протесты императорскаго коммиссара, Несторій былъ низложенъ. Едва, однако, появился патріархъ Антіохій-

[1]) *Г. С. Дестунисъ:* Сказанія Приска Панійскаго (Уч. Зап. II отд. Имп. Акад. Наукъ, т. 7, стр. 1—112).

скій Іоаннъ, какъ онъ устроилъ въ согласіи съ императорскимъ правительствомъ новый соборъ; на немъ низложили Кирилла и Мемнона Ефесскаго. Тѣмъ не менѣе, въ виду возбужденнаго настроенія огромнаго большинства духовенства и народа, правительство и антіохійскій іерархъ проявили величайшую слабость. Чтобы удовлетворить Кирилла, который не скупился на денежные подарки вліятельнымъ царедворцамъ, пожертвовали Несторіемъ; онъ умеръ въ ссылкѣ. Сирійское духовенство заключило съ египетскимъ патріархомъ унію на условіяхъ, которыя безъ ущерба для своей совѣсти могъ бы подписать и низложенный и проклятый князь церкви новаго Рима. Многочисленныя выраженія Кирилла, въ которыхъ онъ пытался защитить эту унію, показываютъ только неясность его собственной догматики и даютъ полнѣйшее доказательство того, что александрійскій іерархъ меньше заботился о вѣрѣ, чѣмъ о власти. Дѣйствительно, духовный фараонъ являлся теперь могущественнѣйшимъ человѣкомъ въ имперіи; въ столицѣ вершали дѣла, въ качествѣ церковныхъ вождей, его креатуры. Правительство—всякій это видѣлъ—потерпѣло тяжелое пораженіе, какъ это всегда случается, когда религіозно индифферентная бюрократія осмѣливается обрушиться на носительницу идеи, каковой является церковь. Казалось, будто духовное владычество надъ вселенной хочетъ перейти на преемниковъ Св. Марка. Когда поэтому въ 449 году одинъ малоазіатскій епископъ провозгласилъ александрійскаго іерарха вселенскимъ епископомъ, онъ только учитывалъ фактическое положеніе дѣлъ.

Полнѣйшій переворотъ вызвалъ новый папа древняго 452-
Рима, Левъ Великій (442 — 454), не великій богословъ, но 454
перворазрядный церковный политикъ, сумѣвшій исправить невѣроятную ошибку своего предшественника. Константинопольскій архимандритъ Евтихій, ревностный приверженецъ александрійскаго богословія, дошелъ въ созерцательной тиши своей монастырской келіи до чистаго докетизма и далъ тѣмъ самымъ столичному патріарху Флавіану, которому наскучило александрійское ярмо, желанный поводъ выступить противъ архимандрита съ церковными карами. Своей epistola dogmatica къ Флавіану папа Левъ одобрилъ мѣропріятія своего новоримскаго коллеги. Преемникъ
Кирилла, Діоскоръ, не снесъ спокойно удара; всемогущій 444
императорскій министръ Хризафій былъ его послушнымъ ору- 451
діемъ. Поэтому въ Ефесъ, на мѣсто египетской побѣды, созвали
новый вселенскій соборъ („разбойничій“ соборъ 449 года); на этомъ 449
священномъ собраніи было допущено нѣкоторое насиліе, но едва ли поведеніе іерарховъ было много хуже, чѣмъ на признанныхъ церковью соборахъ. Несмотря на протестъ Рима, Египетъ еще разъ торжествовалъ по всему фронту, и ученіе, которое впослѣдствіи называли монофизитствомъ, казалось, угрожало стать признаннымъ исповѣданіемъ

28 іюля 450 всѣхъ восточныхъ странъ, какъ вдругъ 28-го іюля 450 года умеръ Θеодосій. Мудрая въ политикѣ монахиня Пульхерія предложила свою руку старому сенатору **Маркіану**, который и вступилъ на престолъ; онъ—первый императоръ, коронованный столичнымъ патріархомъ. Перемѣна правленія явилась сигналомъ къ полнѣйшей реакціи. Благодаря обѣимъ великимъ ефесскимъ побѣдамъ александрійскій патріархъ стоялъ на вѣрномъ пути къ тому, чтобы стать первой силой въ имперіи и превратить восточный Римъ въ свою церковную область. Поэтому сверженіе египетскаго іерарха являлось для византійскаго правительства вопросомъ жизни и смерти. Весьма мудро сумѣло оно раздобыть себѣ цѣнныхъ союзниковъ въ лицѣ западно-римскаго правительства и особенно въ лицѣ князя
451 церкви стараго Рима. На халкидонскомъ соборѣ **451** года навязали сильно противившимся тому іерархамъ Востока довольно-таки насильническимъ образомъ вѣроисповѣданіе, о которомъ заранѣе условились съ Римомъ; руководившіе соборомъ императорскіе коммиссары дѣйствовали въ полномъ согласіи съ папскими легатами. Діоскоръ былъ низложенъ и отправился въ ссылку, какъ нѣкогда Несторій. Вѣрнѣйшіе приверженцы послѣдняго, Θеодоритъ Кирскій и Ива Эдесскій, были реабилитированы. Восточно-римское государство побѣдоносно завоевало себѣ вновь суверенитетъ и въ церковныхъ дѣлахъ.

Что касается внѣшнихъ отношеній, то Маркіанъ отмѣнилъ платежъ дани гуннамъ; запутанныя отношенія къ Западу мѣшали Аттилѣ активно выступить противъ Византіи; послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ гибель его, устранила окончательно эту опасность для восточной имперіи.

Казалось, что Востокъ принялъ халкидонскія постановленія помимо воли, въ нѣмомъ раболѣпіи. Но такъ только казалось. Александрійское ученіе, односторонне подчеркивавшее божество Христа и почти устранявшее его человѣчество, было вѣрой благочестиваго населенія Востока. Въ Малой Азіи, въ Сиріи и особенно въ Египтѣ шевелились испуганные только, но далеко не павшіе духомъ сторонники Кириллова и Діоскорова ученія. Для восточно-римской имперіи халкидонское рѣшеніе было, съ политической точки зрѣнія, можетъ быть, самымъ тяжелымъ несчастіемъ. Паденіе александрійскаго папы было куплено цѣной внутренняго духовнаго раскола во всей имперіи. Въ эпоху, когда всякая политическая мысль растворялась въ церковномъ сознаніи, антигреческое національное сознаніе сирійцевъ и египтянъ цѣплялось за клерикальное ученіе противниковъ халкидонскихъ постановленій. Убѣдиться въ этомъ и притомъ самымъ вразумительнымъ образомъ суждено было уже преемнику Маркіана, **Льву I**
457-474 (**457—474**).

Левъ, прозванный Великимъ, православный грекъ θракій-

скаго происхожденія, былъ обязанъ своимъ трономъ всемогущему magister militum per Orientem, алану Аспару, аріанское вѣроисповѣданіе котораго мѣшало ему самому вступить на престолъ; зато въ теченіе всей первой половины правленія Льва государственная власть сосредоточивалась въ его рукахъ. Подобно Маркіану, и Левъ принялъ 7 февраля 457 года корону изъ рукъ столичнаго патріарха Анатолія. Какъ и Гаина, Аспаръ опирался на германскій элементъ арміи и, какъ нѣкогда Рицимеръ въ Италіи, хотѣлъ, казалось, играть роль дѣлателя императоровъ. Однако, имѣя въ виду эту цѣль, онъ ошибся, выбирая Льва. Этотъ человѣкъ не былъ призрачнымъ императоромъ, подобно какому-нибудь Анѳемію или Оливрію. Въ противовѣсъ преобладанію германцевъ онъ выдвинулъ вновь навербованную лейбъ-гвардію исавровъ. Ихъ генералъ, хитрый варваръ съ низменными стремленіями, Тарасикодисса получилъ благозвучное эллинское имя Зинона и женился на дочери императора, Аріаднѣ. Не безъ труда вытребовалъ, наконецъ, для себя Аспаръ исполненіе даннаго императоромъ обѣщанія, по которому его сыну Патрикію дали санъ кесаря. Грандіозная морская экспедиція императора противъ пиратскаго государства вандаловъ въ Африкѣ потерпѣла крушеніе изъ-за полнѣйшей бездарности поставленнаго во главѣ ея императорскаго зятя Василиска. Говорили, что Аспаръ изъ зависти содѣйствовалъ назначенію невоинственнаго и скупого полководца, опасаясь военной славы императора. Лишь въ 471 году 471
по повелѣнію императора Аспаръ и его сынъ Ардавурій были убиты. Катастрофа, освободившая правителя отъ тягостнаго майордомата, а государство отъ германскаго владычества, произвела глубокое впечатлѣніе на современниковъ и долго еще жила въ поговоркѣ.

Въ церковномъ управленіи Левъ вполнѣ послѣдовательно продолжалъ политику своего предшественника. Сразу же послѣ смерти Маркіана, александрійцы убили навязаннаго имъ патріарха Протерія. Несчастный вполнѣ заслужилъ свою участь, такъ какъ, будучи въ началѣ креатурой Діоскора, онъ позволилъ противникамъ послѣдняго использовать себя, какъ податливое орудіе. При бурныхъ обстоятельствахъ былъ посаженъ на каѳедру Марка ревностный сторонникъ Діоскора Тимоѳей Элуръ. Левъ отнесся къ дѣлу очень серьезно; созывать новый соборъ было неудобно: это явилось бы явнымъ выраженіемъ недовѣрія халкидонскому собору. Императоръ освѣдомился о мнѣніи духовенства у митрополитовъ и епископовъ всѣхъ провинціальныхъ церквей и у нѣкоторыхъ выдающихся богослововъ своего государства. Оно въ огромномъ большинствѣ склонилось въ пользу Халкидона. Тогда узурпатора сослали, и Тимоѳей Салофакіолъ или Василикъ по прозванію—впервые православную партію стали называть цар-

скою (мелхитами)—занялъ александрійскій престолъ. Это—одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, когда византійское правительство счастливо наложило руку на поддающіяся только нѣжному прикосновенію церковныя дѣла. Тимоѳей оказался—явленіе для того времени неслыханное!—мягкимъ и терпимымъ іерархомъ. Онъ снискалъ любовь и уваженіе даже среди своихъ церковныхъ противниковъ, которые, однако, отказывали и ему въ общеніи.

3 февр. 474 Умирая 3 февраля 474 года, Левъ оставилъ имперію своему несовершеннолѣтнему одноименному внуку, сыну Зинона и Аріадны. Въ 474 году **Левъ II Младшій** торжественно короновалъ своего отца соимператоромъ, а затѣмъ умеръ такъ неожиданно, что на Зинона, теперь единственнаго обладателя трона, совершенно естественно пало самое тяжкое подозрѣніе.

Новый императоръ **Зинонъ**, опиравшійся на своихъ земляковъ, дикихъ и ненавистныхъ исавровъ, былъ крайне непопуляренъ. Поэтому честолюбивая царица-мать, Верина, пыталась возвести на престолъ своего брата, бездарнаго Василиска; въ заговорѣ принялъ участіе и одинъ изъ выдающихся исаврійскихъ
475 генераловъ, Иллъ. Въ концѣ 475 года Зинону вмѣстѣ со своей супругой пришлось бѣжать на родину; въ Константинополѣ народная ярость разразилась избіеніемъ исавровъ. Василискъ опирался на подвергавшуюся притѣсненіямъ въ продолженіе цѣлаго поколѣнія партію монофизитовъ. При радостныхъ кликахъ народа вернулся въ Александрію сосланный Тимоѳей. Азіатскіе епископы поспѣшили выразить свое согласіе съ новымъ государственнымъ вѣроисповѣданіемъ. Но Василискъ сдѣлалъ непростительную ошибку. Онъ, по совѣту недальновиднаго Александрійскаго іерарха, попытался уничтожить основанную Іоанномъ Златоустомъ и торжественно закрѣпленную въ Халкидонѣ патріаршую власть столичнаго іерарха и возвратить древнее первенство чести Ефесу, городу Іоанна Богослова. Тѣмъ самымъ онъ обидѣлъ благочестиваго, безумно почитаемаго народомъ и несомнѣнно тонкаго политика, патріарха Акакія. Опираясь на расположеніе къ нему народа, этотъ мужъ твердо держался халкидонскаго православія, а у Босфора произносилъ въ это время со своего столба въ защиту подвергавшагося опасности православія пламенныя рѣчи столпникъ Даніилъ. Напрасно отрекался теперь Василискъ отъ вѣроисповѣданія своего „окружнаго посланія“ (Ἐγκύκλιον): Иллъ и его братъ Трокундъ перешли на сторону Зинона. Василиску и его семьѣ пришлось умереть голодной смертью въ одной изъ исаврійскихъ крѣпостей.

Своимъ возстановленіемъ (474 г.) Зинонъ былъ обязанъ прежде всего великому патріарху. Поэтому являлось вполнѣ разумной правительственной мѣрой предоставить упорядоченіе церковныхъ отношеній этому политически высокоодаренному іерарху. Акакій

образцово разрѣшилъ свою полную трудностей задачу: имъ составленный и Зинономъ обнародованный „актъ единенія" (Ἑνωτικόν) (**482**) обезпечилъ миръ для двухъ поколѣній. Актъ былъ составленъ **482**
въ духѣ стараго и всѣми признаннаго вѣроисповѣданія Никеи и Ефеса; несчастное халкидонское рѣшеніе фактически было устранено. Черезъ возстановленіе древняго исповѣданія св. Кирилла была предоставлена монофизитскимъ патріархамъ Александріи и Антіохіи возможность возобновить общеніе съ имперской церковью; за ними послѣдовала, за единственнымъ исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ ревнителей, и ихъ паства. Имѣя это въ виду, мы поймемъ, почему монофизитскія церкви донынѣ причисляютъ въ своихъ календаряхъ къ числу святыхъ Зинона и единомысленнаго съ нимъ его преемника Анастасія. Рядомъ съ неизмѣримой выгодой отъ возстановленія церковнаго мира внутри всей имперіи не было большой потерей то, что торжественно отдѣлился папа стараго Рима, Феликсъ III: вѣдь, въ политическомъ и національномъ отношеніяхъ уже существовало отчужденіе отъ латинянъ, и, значитъ, церковное отдѣленіе являлось только необходимымъ слѣдствіемъ. Миротворецъ Акакій, вѣроятно, впервые принялъ, какъ знатнѣйшій іерархъ вновь объединенной церкви, тотъ титулъ вселенскаго патріарха, изъ-за котораго позже много спорили.

Что касается политическаго положенія, то правленіе Зинона и въ дальнѣйшемъ было довольно неспокойно. Правда, возстаніе принца Маркіана было быстро подавлено. Много опаснѣй оказалась другая личность. Magister officiorum Иллъ мало-по-малу 479
завоевалъ себѣ при дворѣ такое всемогущее положеніе, что его можно въ ближайшіе годы считать фактическимъ правителемъ восточной имперіи. Армія, особенно его земляки, исавры, была ему безусловно предана; къ тому же онъ разыгрывалъ роль покровителя ученыхъ и литераторовъ, изъ среды которыхъ еще зачастую рекрутировались высшіе чиновники и между которыми немало было явныхъ и тайныхъ приверженцевъ язычества, какъ напр., Леонтій, начальникъ ѳракійскаго войска, Пампрепій, профессоръ, сначала въ Аѳинахъ, а затѣмъ въ столицѣ, выдающійся государственный талантъ, Марсъ и др. Такъ какъ Иллъ выставлялъ на видъ, что не возможно обойтись безъ него, то это повело къ столкновеніямъ съ крайне самонадѣянной императрицей Ареадной, а въ концѣ концовъ и къ полному разрыву. Тѣмъ болѣе приходится удивляться, что императоръ поручилъ этому безсовѣстному и дерзкому человѣку командованіе надъ восточными войсками: очевидно, иначе онъ не могъ поступить. Тутъ-то Иллъ и скинулъ съ себя маску. Онъ заключилъ союзъ съ безумно честолюбивой царицей-матерью Вериной, которая всецѣло отдалась его планамъ: по его настоянію короновала она въ Тарсѣ императорской короной Леонтія и въ

27 іюня 484 особомъ манифестѣ представила его подданымъ. 27 іюня 484 года Леонтій торжественно вступилъ въ Антіохію. Утвержденіе, будто новый императоръ и его товарищи, эти слѣпыя орудія въ рукахъ Илла, мечтали о возстановленіи язычества, является нелѣпымъ выводомъ изъ кровавыхъ гоненій, которымъ впослѣдствіи подвергло философовъ и грамматиковъ реставрированное правительство Зинона: напротивъ того, правительство претендента включило въ свою программу защиту халкидонскаго православія и этимъ пріобрѣло симпатіи высшаго клира Востока, въ лицѣ своихъ особенно выдающихся представителей отвергавшаго „актъ единенія". Но въ самой странѣ этого направленія держалось лишь незначительное меньшинство: народъ находился въ рукахъ монаховъ и столпниковъ, большинство которыхъ было настроено въ пользу монофизитства. Новое правительство не находило опоры въ народѣ, и посланному Зинономъ генералу, готу Іоанну, не представляло никакого труда побѣдить Илла и заморить его въ той самой исаврійской крѣпости Папиріи, которая нѣкогда пріютила сосланную императрицу
488 Верину и Маркіана. Въ 488 году головы бунтовщиковъ были отправлены въ Константинополь. Естественнымъ послѣдствіемъ явилось низложеніе многочисленныхъ восточныхъ іерарховъ, и прежде всего патріарха антіохійскаго Каландіона. Приверженцамъ Халкидонскаго собора суждено было потерпѣть за свою склонность къ Иллу. Въ Антіохію попалъ старый фаворитъ Зинона, Петръ Кнафей, который уже разъ былъ низложенъ за свое упорное монофизитство, но который теперь принялъ, примирительную формулу Акакія. Въ связи съ политическими перемѣнами на
489 Востокѣ стоитъ и закрытіе въ 489 году персидской школы въ Едессѣ, послѣдняго убѣжища несторіанства. Съ политической точки зрѣнія, поощреніе, оказываемое монофизитамъ въ восточныхъ провинціяхъ, являлось весьма разумнымъ мѣропріятіемъ: такъ какъ несторіане образовали офиціально признанное исповѣданіе въ персидской монархіи, то Византія поступала правильно, оказывая покровительство ихъ смертельнымъ врагамъ, которые уже своимъ вѣроисповѣднымъ направленіемъ представляли лучшую гарантію въ томъ, что они будутъ настроены патріотически въ пользу Византіи.

Гораздо болѣе опаснымъ было положеніе европейской части имперіи въ правленіе Зинона. Готы, неудержимо двигавшіеся къ югу съ своихъ насиженныхъ паннонскихъ мѣстъ, еще разъ стали постоянной грозой имперіи. Было счастьемъ для Зинона, что рядомъ съ королевскимъ родомъ Амаловъ (сначала три брата, а послѣ геніальный сынъ Теодемира, Теодорихъ Великій) сильной партіей располагалъ среди этого народа талантливый солдатъ невысокаго происхожденія Теодорихъ, называемый греками ὁ Στραβός или сыномъ Тріарія. Соперничество двухъ вождей спасало имперію. Правительство, не жалѣвшее золота, могло быть

спокойнымъ за то, что вздумай одинъ изъ Теодориховъ воевать съ имперіей, другой немедля станетъ на его сторону. Правда, что временный союзникъ хозяйничалъ обычно во Ѳракіи и Македоніи не менѣе ужасно, чѣмъ явный врагъ. Въ 478 и въ 478
481 годахъ напалъ на столицу имперіи сынъ Тріарія, а въ 481,
487 году Теодорихъ Великій. Оба были успѣшно отбиты. По- 487
слѣдній имѣлъ храбраго и счастливаго противника, въ лицѣ римскаго полководца Савиніана, ранняя смерть котораго поставила имперію въ новыя затрудненія, главнымъ образомъ потому, что послѣ смерти сына Тріарія развязались руки готскаго короля, котораго 48
Римъ тщетно осыпалъ почетными титулами патрикія и консула. Необузданнымъ „foederati" указали новыя мѣста въ придунайскихъ странахъ, и тутъ-то посольство бѣглаго князька руговъ обратило вниманіе великаго гота на Италію. Какъ уже Одоакръ желалъ быть признаннымъ Византіей въ качествѣ императорскаго полководца и намѣстника Запада, такъ теперь Теодорихъ дѣйствительно по договору съ императоромъ Зинономъ былъ назначенъ— руководствовались еще государственно-правовой фикціей о недѣлимости имперіи—преемникомъ и вторымъ обладателемъ императорскаго сана; союзники Теодориха, германцы, стали имперскими солдатами; для себя просилъ онъ у императора пурпурныя одежды и получилъ ихъ отъ его преемника Анастасія. Теодорихъ всегда подчеркивалъ свою зависимость отъ императора. Однако послѣдній, не доктринеръ государственнаго права, а хладнокровно взвѣшивающій обстоятельства реальный политикъ, только тогда вздохнулъ свободно, когда этотъ „лойяльный подданный" окончательно задержался въ Италіи, благодаря своей побѣдѣ надъ Одоакромъ у Вероны. Такъ окончательно избѣжала имперія опасности получить германскую правящую расу.

При смерти Зинона, 11 апрѣля 491 года, обнаружилась 11 апр. 491
сила династическаго чувства. Избраніе императора зависѣло отъ вдовствующей императрицы Ареадны, дочери Льва I, и она избрала императоромъ и въ то же время для себя мужемъ одного испытаннаго гражданскаго чиновника, силенціарія **Анастасія** **(491—518)**, который—черта характерная для этого времени—не- **491-518**
задолго передъ тѣмъ чуть не сталъ антіохійскимъ патріархомъ. Его правленіе сравнительно съ зиноновскимъ было относительно спокойнымъ. Въ самомъ же началѣ, конечно, пришлось посчитаться съ исаврами. Ихъ землякъ Зинонъ создалъ въ столицѣ своего рода преторіанское положеніе для этого охочаго до грабежа и драки сброда съ гористаго юга Малой Азіи; родственники и приверженцы Зинона занимали важнѣйшія должности въ командованіи арміей. Новый императоръ пытался сначала удалить ихъ изъ столицы, не умаляя ихъ ранга и положенія; но буйныя банды, возбуждаемыя своими вождями, затѣяли гражданскую войну. Тутъ-то и показалъ импе-

раторъ свою энергію. Онъ прекратилъ выдачу исаврамъ пайка зерномъ. Послѣ кровавой борьбы они были выброшены изъ столицы. Но во главѣ мятежниковъ сталъ братъ Зинона, Лонгинъ, претендовавшій самъ на корону. Шесть лѣтъ длилась война на югѣ Малой Азіи. Во главѣ возстанія, принимавшаго все болѣе и болѣе національный характеръ, стояли любимые вожди, среди которыхъ находился и бывшій архіепископъ Апамеи Кононъ, промѣнявшій свой молитвенникъ на мечъ. Однако, послѣ большой побѣды у
493 Котіэя въ 493 году, возстаніе приняло обычный характеръ партизанской и крѣпостной войны, имѣвшей лишь мѣстное значеніе. Восточно-римское правительство избавилось отъ исаврійскаго ига.

Обезлюженныя сѣверныя провинціи европейской половины имперіи были со времени ухода готовъ предоставлены непрестаннымъ
493, вторженіямъ варваровъ. Въ 493, 505 и 517 году намъ сообщаютъ
505, о набѣгахъ гетовъ, подъ которыми принято разумѣть славянскія
517 племена: они побѣждаютъ византійскихъ полководцевъ и, разрушая все на своемъ пути, проникаютъ во Ѳракію, Македонію и Ѳессалію.
499 Въ 499 году финнскіе болгары наносятъ византійцамъ тяжелое пора-
502 женіе у рѣки Цурты, а въ 502 году они опустошаютъ Ѳракію. Постройкой длинной стѣны императоръ защитилъ свою резиденцію. Итакъ, эта эпоха имѣетъ всемірно-историческое значеніе, какъ начальный пунктъ славянизированія Балканскаго полуострова.

Безспорно, самой важной изъ всѣхъ войнъ Анастасія была война съ персами, о которой мы прекрасно освѣдомлены по современной ей хроникѣ сирійскаго столпника Іисуса, монаха Цукнинскаго монастыря. Старые договоры были нарушены обѣими державами; но обоснованный поводъ къ тому дала Византія, принявъ подъ свое покровительство христіанскихъ князей персидской Арменіи. Монофизитствующіе армяне питали расположеніе къ грекамъ, пока превратная политика Юстиніана не уничтожила всѣхъ симпатій къ восточному Риму у этого сосѣдняго государства.
502 Кавадъ открылъ лѣтомъ 502 года военныя дѣйствія и взялъ Ѳеодосіуполь (Каринъ—Эрзерумъ), столицу римской Арменіи. Въ
503 началѣ 503 года, благодаря измѣнѣ, пала послѣ трехмѣсячной осады Амида, главный оплотъ имперіи на месопотамской границѣ. Несчастный городъ испыталъ на себѣ всю ярость озвѣрѣлыхъ побѣ-
504 дителей и только въ 504 г. былъ возвращенъ византійцамъ. Среди византійскихъ полководцевъ особенно отличился magister officiorum Целеръ. И римская и персидская Месопотамія страшно терпѣла отъ разрушительныхъ и хищныхъ походовъ друзей и враговъ. Наконецъ, оба противника оказались крайне истощенными, и былъ
506 заключенъ миръ въ 506 году, возстановившій status quo. Императоръ умно воспользовался затрудненіями персовъ съ сѣверными народами, чтобы, хоть и съ нарушеніемъ договора, возвести важную крѣпость Дару, которая должна была угрожать Низибіи.

Внутри имперіи правительство ревностно заботилось о ре-
формахъ. Въ большую заслугу вмѣняется императору современ- Май
никами и послѣдующими поколѣніями упраздненіе въ маѣ 498 г. 498
жестоко тяготѣвшаго на всѣхъ сословіяхъ налога χρυσάργυρον [1]);
онъ пытался противодѣйствовать и продажѣ должностей. Хара-
ктернымъ для аскетически-монашескихъ воззрѣній того времени
является то обстоятельство, что народъ лишили даже невинныхъ
удовольствій карнавала, такъ какъ усмотрѣли въ нихъ языческіе
пережитки. Подобно тому, какъ современникъ Анастасія папа
Геласій окончательно воспретилъ (494 г.) въ Римѣ празднова- 494
ніе луперкалій, такъ императоръ запретилъ танцы мальчиковъ,
переодѣтыхъ въ женское платье, и упразднилъ майское [2]) торжество
вритъ съ его народными праздничными плясками, потому что сво-
еволіе пьяной толпы неоднократно давало поводы къ кровавымъ
дракамъ и убійствамъ. За признакъ истинно-христіанской добро-
дѣтели правительства слѣдуетъ признать отмѣну крайне популяр-
ныхъ звѣриныхъ травль (venationes) и кровавыхъ гладіаторскихъ
боевъ со звѣрями въ циркѣ.

Правленіе Анастасія въ церковномъ отношеніи болѣе важно,
чѣмъ въ политическомъ. Императоръ дружилъ съ монофизитами не
изъ политическихъ соображеній, подобно своему предшественнику,
а, напротивъ, слѣдовалъ этому церковному направленію изъ глубо-
чайшаго убѣжденія сердца; его главный совѣтникъ, сиріецъ Ма-
ринъ, былъ также убѣжденный монофизитъ; и тѣмъ не менѣе
императоръ взялъ средній курсъ въ церковной политикѣ. Такъ
какъ Европа и особенно столица склонялись къ халкидонскому
вѣроисповѣданію, то Анастасій въ началѣ терпѣлъ православнаго
патріарха Евфимія, и послѣ низложенія Евфимія въ 496 году 496
преемникъ его, Македоній, хотя и подписалъ „актъ единенія",
но въ остальномъ проявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ
церковной политики императора. Изъ восточныхъ провинцій Еги-
петъ былъ столь же рѣшительно монофизитскимъ, какъ Палестина
съ ея многочисленными монашескими колоніями православной; въ
Сиріи господствовала посредствующая партія Флавіана. „Актъ

[1]) Смотр. объ этомъ налогѣ, называвшемся также τετραετηρικόν (у Кедрина) или aurum negotiatorum (у Лампридія), у *Du Cange* Glossarium ad scriptores med. et inf. graecit., 1764—1765; *Tillemont* Histoire des empereurs, t. VI 539—541. Онъ взимался со всѣхъ, кто занимался какой-бы то ни было торговлей или ремесломъ, а также и съ животныхъ, служившихъ для этой цѣли: сборъ производился по однимъ свѣдѣніямъ ежегодно, по другимъ—каждые четыре года, по третьимъ—каждые пять лѣтъ. Современниковъ возмущало какъ то, что онъ падалъ и на нищихъ уличныхъ торговцевъ, такъ и то, что уплачивавшіе его лица предосудительныхъ профессій получали какъ бы оффиціальное разрѣшеніе и одобреніе своей дѣятельности. (*В. Б.*)

[2]) Время и характеръ этого праздника не установлены. О немъ есть сообщеніе только Свиды (ed. *Bernhardy*, II, 663): ἔτι γοῦν δὲ μέχρις Ἀναστασίου βασιλέως οἱ ἐν Κωνσταντινουπόλει πανήγυριν τῶν Βρυτῶν καὶ ταύτην Ἀναστάσιος ἔπαυσε. (*В. Б.*)

единенія“ признавался повсюду государственнымъ символомъ вѣры; только въ интерпретаціи его сказались глубокія партійныя несогласія: египтяне и крайніе монофизиты заявляли, что имъ отвергается Халкидонскій соборъ, въ то время какъ въ столицѣ, напротивъ, путемъ толкованія вывели изъ него принятіе постановленій Халкидонскаго собора; посредствующая партія умно хранила молчаніе въ щекотливомъ вопросѣ, но подъ давленіемъ строгихъ монофизитовъ совершенно послѣдовательно произнесла анаѳему, кромѣ Несторія, и также другимъ главарямъ антіохійской школы, именно Діодору Тарсскому и Ѳеодору Мопсуестскому. Анастасій держался чрезвычайно мудро: онъ просто предоставилъ провинціямъ, столь сильно отличающимся другъ отъ друга по происхожденія, языку и исторіи, держаться прежнихъ обычаевъ и существующихъ взглядовъ. Правительство проявило самыя искреннія стремленія къ поддержанію мира и достиженію единенія. Даже съ Римомъ, этимъ оплотомъ православія, императоръ и его патріархи неоднократно старались добиться примиренія. При кроткомъ папѣ Анастасіи II переговоры, казалось, должны были увѣнчаться успѣхомъ; но его ранняя смерть разбила
499 всѣ надежды на миръ, ибо упрямо отстаиваемое Римомъ условіе: вычеркнуть изъ церковныхъ книгъ имя Акакія, было непріемлемо для чести восточнаго Рима. Съ другой стороны, ярые монофизиты безпрерывно слали въ столицу монашескія депутаціи, и ихъ главы, геніальный Северъ Антіохійскій и энергичный Ксенаія Іерапольскій, выслушивались императоромъ. Засѣдали соборъ за соборомъ, но протекали всѣ одинаково безрезультатно. Въ придворныхъ часовняхъ распѣвали Трисвятое съ монофизитской прибавкой: (Богъ), распныйся за ны. Буйное городское населеніе Константинополя, воодушевлявшееся и горячившееся только изъ-за цирковыхъ наѣздниковъ да акробатовъ, объявило себя теперь съ такою же горячностью защитникомъ православія и угрожающимъ обра-
512 зомъ бунтовало за вѣру. Разгнѣванный императоръ созвалъ въ 512 году въ Сидонѣ соборъ, который долженъ былъ дать прямой отвѣтъ. Но умные и умѣренные руководители собора, Флавіанъ Антіохійскій и Илія Іерусалимскій, къ великому негодованію покровительствуемыхъ камарильей фанатиковъ, воспрепятствовали принятію всякихъ крайнихъ мѣръ. Императоръ мало-по-малу состарился, усталъ и сталъ нетерпѣливъ; ему надоѣли долгіе переговоры съ богословами, неподдающимися вразумленію, и онъ рѣшительно бросился въ объятія явныхъ монофизитовъ. Такимъ образомъ Анастасій порвалъ сознательно со своей прежней полной такта церковной политикой. „Онъ поглупѣлъ“, говоритъ кроткій столпникъ Іисусъ, „подобно состарѣвшемуся Соломону“. Патріархъ Македоній былъ замѣщенъ строгимъ монофизитомъ Тимоѳеемъ, который и вступилъ, не медля, въ общеніе съ церк-

вами Востока. Флавіанъ Антіохійскій, а вслѣдъ за нимъ и Илія Іерусалимскій отправились въ ссылку, и духовный глава монофизитовъ Северъ занялъ апостольскую каѳедру въ Антіохіи. На Тирскомъ соборѣ 513 года торжественно былъ 513
принятъ „актъ единенія“, а Халкидонскій соборъ былъ проклятъ. Но и тутъ сказалась мягкость императора: онъ рѣшительно запретилъ намѣстнику Ливанской Финикіи всякое примѣненіе силы противъ противившихся епископовъ Эпифаніи и Аретусы, говоря, что онъ не хочетъ даже въ опасныхъ и важныхъ случаяхъ прибѣгать къ наказанію, разъ при этомъ необходимо пролить хоть одну каплю крови.

Но многаго не доставало, чтобы перемѣна правительственной политики была принята въ европейскихъ провинціяхъ безъ сопротивленія. Въ 512 году дѣло дошло въ столицѣ до ужасной рево- 512
люціи, подвергшей опасности и самую корону; конечно, бунтовали только въ защиту находящагося въ опасности православія. Дворцы Марина и префекта Платона были разграблены и сожжены. Нѣсколько несчастныхъ монаховъ-монофизитовъ пало жертвой народной ярости. Вперемежку съ этими ужасами толпа цѣлыми днями распѣвала въ циркѣ гимны въ православномъ текстѣ. Уже провозгласили царемъ Ареовинда, какъ неожиданно появился въ циркѣ безъ короны и императорскихъ отличій Анатасій и объявилъ черезъ герольда о своей готовности отказаться отъ трона, добавляя, что невозможно правленіе многоголовой толпы и что необходимо передать правленіе государствомъ кому-нибудь одному. Безбоязненная рѣчь престарѣлаго монарха подѣйствовала съ волшебной силой на толпу: она вновь привѣтствовала его императоромъ и разсѣялась. Немедленно послѣ этого правительство съ величайшей энергіей возстановило полнѣйшее спокойствіе.

Такимъ настроеніемъ западныхъ провинцій воспользовался одинъ изъ генераловъ. Въ дунайскихъ провинціяхъ поднялъ въ 514 году знамя возстанія Виталіанъ, уроженецъ Мизіи, человѣкъ 514
грубый и честолюбивый. Православное ученіе было для него такъ же безразлично, какъ нѣкогда для Илла. Но, принимая въ свою программу защиту Халкидонскаго собора, онъ могъ быть увѣренъ въ симпатіяхъ духовенства и народа европейской части имперіи. Съ громаднымъ войскомъ, говорятъ, въ 50.000 „гунновъ“ двинулся онъ въ 514 году на столицу имперіи и такъ напугалъ 514
императора, что тотъ вступилъ въ переговоры о мирѣ и далъ обѣщаніе созвать соборъ для возсоединенія съ западными странами. Едва Виталіанъ отступилъ, какъ противъ него послали полководца Кирилла, но послѣдній былъ разбитъ. Страшное пораженіе понесъ и племянникъ самого императора, Ипатій: большая часть его войска была уничтожена, онъ самъ былъ взятъ въ плѣнъ. Какъ раньше города Одиссъ и Анхіалъ, такъ теперь попалъ въ

руки мятежника Созополь. Даже съ моря угрожалъ Виталіанъ столицѣ. Императоръ былъ вынужденъ выкупить своего племянника, заплативъ 5000 фунтовъ золота и оффиціально признать за Виталіаномъ титулъ magister militum per Thraciam. Соборъ въ Ираклін не состоялся, хотя туда послалъ своихъ легатовъ съ разрѣшенія Теодориха и папа Гормиздъ. Виною тому было, вѣроятно, менѣе двуличность императора, какъ это представляетъ намъ Ѳеофанъ, а скорѣе церковно-политическая и догматическая точка зрѣнія Рима, унія съ которымъ была невозможной для тогдашней Византіи.
515 515 годъ сталъ свидѣтелемъ новой борьбы между непокорнымъ скиѳомъ и императоромъ. Но рѣшительная морская побѣда Марина при Сикахъ (у Виѳаріи) добыла, наконецъ, столицѣ спокойствіе: Виталіанъ ушелъ на сѣверъ, и его движеніе было окончательно сокрушено.

Старѣющему императору духовенство безпрерывно доставляло заботы. Монахи и отшельники, особенно сильные въ Палестинѣ, составляли подъ руководствомъ св. Савы и его друзей большія собранія протеста противъ принятаго въ Константинополѣ придворнаго богословія, а въ Александріи дошло даже до большого бунта, потому что въ 517 году греческая городская аристократія посадила безъ согласія духовенства и народа новаго патріарха, Діоскора. Но ловкій іерархъ сумѣлъ привлечь противниковъ на свою сторону и личной поѣздкой въ Константинополь умилостивить и правительство.

515 Уже въ 515 году умерла Ареадна. 9 апрѣля 518 года
9 апр. послѣдовалъ за нею, наконецъ, и преклонный лѣтами супругъ.
518 Слабоумный старикъ окончательно утерялъ инициативу и способность принимать рѣшенія, неразумно не сдѣлавъ никакихъ распоряженій относительно престолонаслѣдія, хотя у него были вліятельные и небезталанные родственники.

Со смертью Анастасія кончается первый періодъ восточноримской исторіи. Дважды угрожавшая опасность—пасть, подобно Западу, жертвой германской воинской касты—была счастливо и окончательно отстранена. Въ этотъ періодъ, который по его религіозной и церковной возбужденности, можно сравнить, пожалуй, лишь съ XVI вѣкомъ, императорская власть въ общемъ проявила чрезвычайно много такту и ловкости. Если не принимать во вниманіе неудачныхъ мѣръ въ послѣдніе годы правленія Анастасія, то, кажется, все подавало хорошія надежды; возбужденные умы стали вновь возвращаться къ благоразумію; что Западъ продолжалъ дуться, имѣло мало значенія. Однако эти добрые виды на будущее разрушило пылкое честолюбіе ограниченнаго, но страдавшаго маніей величія государя.

II. **Эпоха Юстиніана и его преемниковъ** (518—610).

Вопросомъ о престолонаслѣдованіи при открывшейся вакансіи трона занялся всесильный начальникъ дворцовыхъ евнуховъ Амантій. Онъ намѣревался добиться провозглашенія императоромъ своего родственника Ѳеокрита. Для этой цѣли онъ передалъ иллирійцу Юстину, занимавшему въ качествѣ начальника дворцовой гвардіи (comes excubitorum) одну изъ значительнѣйшихъ придворныхъ должностей, необходимыя для этого богатыя средства, долженствовавшія привлечь на сторону евнуха могущественныхъ преторіанцевъ. Но лукавый иллиріецъ, съ коварствомъ истаго варвара, употребилъ ихъ для собственнаго провозглашенія; сенатъ и народъ согласились, какъ всегда. Юстинъ, суровый и опытный воинъ, считался ревностнымъ приверженцемъ православія. Что Амантій тотчасъ же былъ устраненъ, это понятно само собой при тогдашнихъ нравахъ. Коренная перемѣна выразилась въ новомъ блестящемъ положеніи Виталіана: онъ получилъ высокій
военный постъ, а въ 520 г., званіе консула. Правленіе **Юстина** 520
(**518—527**) бѣдно внѣшними событіями; это скорѣе междуцарствіе **518-**
и подготовленіе для долголѣтняго и чреватаго послѣдствіями цар- **627**
ствованія Юстиніана. Главнѣйшимъ событіемъ правленія Юстина является возстановленіе единенія съ древнимъ Римомъ
въ 519 году, одинъ изъ величайшихъ тріумфовъ папства, дѣло 518
кампанца съ персидскимъ именемъ, папы Гормизда. Виталіанъ, какъ испытанный защитникъ православія, стоялъ здѣсь на самомъ первомъ мѣстѣ. По его распоряженію былъ сосланъ духовный глава монофизитовъ, геніальный Северъ Антіохійскій.

Правительство, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, слѣдило съ все возрастающимъ безпокойствомъ за дѣйствіями этого грубаго и безпринципнаго человѣка, пользовавшагося, однако, очень большою любовью солдатъ: пріобрѣтя еще симпатіи и духовенства, онъ могъ представлять собою несомнѣнную политическую опасность для династіи, какъ когда-то префектъ гвардіи Плавтіанъ для дома Севера. Вполнѣ понятно поэтому, что уже на слѣдующій

годъ правительство не остановилось передъ преступленіемъ, чтобы убрать съ дороги фактическаго соправителя, и едва-ли ошиблось общественное мнѣніе, указывая на племянника императора, какъ на вдохновителя этого преступленія. Но въ данный моментъ правительство принуждено было волей или неволей вступить на намѣченный Виталіаномъ путь церковной политики. Унія была достигнута цѣной неслыханнаго униженія восточнаго Рима; память одного изъ наиболѣе дорогихъ національному чувству вождей церкви подверглась гоненію, имя великаго Акакія и его преемниковъ было вычеркнуто изъ диптиховъ. Единственнымъ объясненіемъ можетъ здѣсь быть предположеніе, что уму наслѣднаго принца Юстиніана, о вѣскомъ согласіи котораго курія особенно ревностно хлопотала, уже и тогда предносились планы возсоединенія западной имперіи: если желали пріобрѣсти симпатіи западныхъ латинскихъ провинцій и ихъ вліятельнаго строго ортодоксальнаго духовенства, то неизбѣжнымъ условіемъ этого было примиреніе съ Римомъ, и за это стоило заплатить высокую цѣну. Новое государственное исповѣданіе проводилось въ Малой Азіи и на Востокѣ съ величайшей суровостью; болѣе пятидесяти епископовъ, людей большею частью благочестивыхъ, ученыхъ и убѣленныхъ сѣдинами, были лишены каѳедръ и пошли въ суровое изгнаніе.

Только Египетъ не посмѣли тронуть: въ теченіе слѣдующихъ пятнадцати лѣтъ монофизитизмъ находилъ здѣсь себѣ убѣжище, и скрывшіеся сюда духовные руководители Сиріи и Малой Азіи продолжали спорить о тлѣнности и нетлѣнности тѣла Христова. Для Восточной имперіи реставрація халкидонскаго исповѣданія была неисправимой политической ошибкой. Въ шестомъ столѣтіи повсюду замѣчается пробужденіе національнаго самосознанія, которое, сообразно характеру того времени, могло проявиться лишь въ сферѣ церковныхъ интересовъ. Зародившіяся при Юстиніанѣ національныя церкви Сиріи и Египта отвернулись съ ненавистью отъ имперіи; цѣлое населеніе важнѣйшихъ провинцій было охвачено партикуляристическимъ и антидинастическимъ настроеніемъ. На всемъ тогдашнемъ Востокѣ можно прослѣдить регрессъ римской идеи. Та же инстинктивная народная ненависть одушевляла и грековъ противъ латинянъ. При Юстиніанѣ начинается поворотъ, когда все больше и больше начинаютъ стряхивать съ себя докучныя путы оффиціальнаго латинскаго придворнаго и канцелярскаго языка. Но Виталіанъ и Юстиніанъ упорно стояли на своемъ, и на
525 Пасхѣ 525 года Константинополь былъ свидѣтелемъ зрѣлища, какъ папа Іоаннъ, посланный Теодорихомъ съ весьма непріятной миссіей добиться терпимости для аріанъ восточнаго Рима, занялъ въ патріаршей церкви столицы почетное мѣсто передъ вселенскимъ патріархомъ и служилъ литургію на латинскомъ языкѣ. Юсти-
1 апр. ніанъ фактически уже велъ дѣла правленія, когда 1 апрѣля 527 г.
527 Юстинъ назначилъ его и короновалъ соимператоромъ. Одно-

временно съ этимъ и его супруга Θеодора, бывшая цирковая танцовщица, приняла корону изъ рукъ царственнаго дяди. Прошлое столь уважаемой Юстиніаномъ августы было, навѣрное, судя по ея соціальному положенію, не безупречно; но не нужно забывать, что всѣ обвиненія, повторяемыя на протяженіи столѣтій, обязаны своимъ происхожденіемъ весьма сомнительному по своей достовѣрности образчику мемуарной литературы [1]). Во многихъ случаяхъ можно доказать, что вырванный изъ придворной атмосферы царедворецъ неслыханнымъ образомъ и ядовито лгалъ въ дни своей угрюмой старости; это понуждаетъ насъ быть осторожными и по отношенію къ другимъ его свѣдѣніямъ. Во всякомъ случаѣ жизнь Θеодоры, какъ правительницы, вполнѣ безупречна. Даже враги ея не могутъ отрицать ея выдающагося ума и благоразумія, какъ въ политическихъ, такъ и въ церковныхъ дѣлахъ. Если бъ императоръ чаще слушался совѣтовъ своей необыкновенной жены, то это не послужило бы ко вреду имперіи.

1 августа 527 года умеръ Юстинъ, и **Юстиніанъ** (**527—565**) сталъ фактическимъ самодержцемъ. Правленіе Юстиніана отмѣчаетъ собою важный поворотный пунктъ въ византійской исторіи. [2]). Владыка восточной имперіи пытается еще разъ возвратить подпавшую власти германцевъ западную имперію и возстановить старую всемірную монархію. Упорная послѣдовательность, съ которой онъ въ продолженіе всего своего царствованія преслѣдовалъ свои властолюбивые планы, увѣнчалась, наконецъ, успѣхомъ и прославила его имя у послѣдующихъ поколѣній. Но эта смѣлая завоевательная политика далеко превысила военныя и финансовыя средства имперіи и была, по настоящему, причиной упадка ея въ слѣдующемъ столѣтіи. Какъ внѣшняя, такъ и церковная политика этого выше всякой мѣры прославленнаго императора восточнаго Рима сдѣлались въ одинаковой мѣрѣ пагубны для имперіи. **527-565**

Войны, которыя велись большей частью съ помощью навербованныхъ иноземныхъ наемниковъ, требовали огромныхъ средствъ. Собранныя Анастасіемъ богатства быстро растаяли во время далеко не бережливаго правленія Юстина, главнымъ образомъ благодаря расточительности его племянника, стремившагося пріобрѣсти народную любовь. Объ удовлетвореніи все возрастающихъ потребностей дорогого правленія долженъ былъ заботиться, въ качествѣ руководителя финансами, префектъ преторія Іоаннъ Каппадокіецъ, человѣкъ грубый и жестокій, неразборчивый въ средствахъ, но необычайный финансовый геній съ не знающей препят-

---

[1]) Послѣ образцоваго изслѣдованія *F. Dahn'a*: Prokopius von Cäsarea (Berlin 1865) основанія, выставленныя противъ Прокопія, какъ автора Anecdota, нужно считать устарѣлыми.

[2]) Сравн. *Ch. Diehl* Justinien et la civilisation byzantine au VI siècle. Paris 1901 (русск. пер. Спб. 1908) (*В. Б.*).

ствій энергіей. Мрачная картина его корыстолюбія и испорченности, нарисованная современниками, безусловно въ значительной своей части не лишена основанія. Но нельзя забывать, что вообще житель Востока смотритъ на государство, напрягающее платежныя силы подданныхъ, какъ на своего заклятаго врага, и на министра финансовъ, какъ на беззаконное орудіе этой силы, расхищающей кошельки мирныхъ гражданъ. Юстиніанъ признавалъ всю невозможность обойтись безъ своего министра, и въ теченіе всей первой половины своего царствованія сохранялъ за нимъ его постъ.

Во внутренней жизни императорское правительство первымъ дѣломъ обнаружило наибольшую энергію въ борьбѣ съ чрезмѣрно усилившимися партіями ипподрома. Совершенно неправы тѣ, кто признаетъ въ цирковыхъ партіяхъ лишь буйныя толпы черни какой-нибудь столицы, управляемой султанскимъ произволомъ, или нѣчто въ родѣ масонства, сродни неаполитанской маффіи. Партіи назывались димами и имѣли своихъ старшинъ, избиравшихся въ опредѣленномъ порядкѣ. Древняя эллинская идея республиканской свободы нашла въ нихъ свое послѣднее прибѣжище и воплощеніе. Скорѣе всего ихъ можно сравнить съ македонской экклисіей Александріи при первыхъ Птоломеяхъ. Эти цирковыя партіи завоевали, вслѣдствіе огромнаго значенія столицы, такое положеніе, съ которымъ правительству приходилось считаться. Дворъ и чиновничество принуждены были придерживаться опредѣленнаго цвѣта. Если при Анастасіи преобладали „Зеленые", то при Юсти-
532 ніанѣ стояли у власти „Голубые." Въ началѣ 532 года правительство попыталось было съ достойной уваженія безпартійностью поступить рѣшительно и освободиться, наконецъ, отъ недостойной партійной опеки, наказавъ нарушителей закона изъ обѣихъ партій. Однако, этимъ оно вызвало страшное возстаніе „Ника". Ужасный пожаръ въ городѣ усилилъ неистовство революціонеровъ. Напрасны были уступки императора, отставка наиболѣе ненавистныхъ государственныхъ чиновниковъ, личное униженіе, которому подвергъ себя императоръ въ циркѣ, какъ когда-то Анастасій. Политическіе виды вожаковъ возстанія обнаружились: 19-го января племянникъ Анастасія Ипатій былъ провозглашенъ императоромъ. Положеніе было чрезвычайно критическое. Императоръ и министры, даже испытанный генералъ Велизарій, готовы были искать спасенія въ бѣгствѣ. Въ этотъ моментъ спасла династію своей рѣшительностью Ѳеодора. У претендента не хватило въ критическую минуту нужной энергіи. „Голубые" были снова привлечены обѣщаніями и раздачей денегъ, въ то же время Велизарій и Мундъ потушили возстаніе въ потокахъ крови. Отставленные чиновники возвратились опять на свои мѣста. Побѣдоносное подавленіе возстанія „Ника" является межевымъ камнемъ въ процессѣ развитія восточно-римской имперіи: народъ и сенатъ перестаютъ

быть факторами политической жизни, чистый абсолютизмъ достигъ безграничнаго господства.

Только теперь могъ Юстиніанъ подумать объ осуществленіи столь давно лелѣянныхъ имъ завоевательныхъ плановъ. Характерно, что уже въ ближайшемъ слѣдующемъ году разсчитались съ вандалами. „Вѣчный миръ", заключенный въ сентябрѣ 532 года съ Персіей, обусловилъ возможность наступленія на Западъ. Африканское государство германскихъ пиратовъ уже давно стало клониться къ упадку. Тонкій господствующій слой вандаловъ подозрительно смотрѣлъ на многочисленную массу своихъ подданныхъ, отдѣленныхъ отъ нихъ вѣрою и происхожденіемъ. Борьба со свободными маврами была несчастлива. Хильдерихъ (523—530) видѣлъ спа- 523-
сеніе имперіи въ союзѣ съ Византіей и терпимости по отношенію 530
къ своимъ православнымъ подданнымъ. Гелимеръ (530—533) снова 530-
вступилъ на путь „національной" политики. Дипломатическое вмѣша- 533
тельство Юстиніана въ пользу низвергнутаго монарха осталось, какъ и надѣялось, конечно, восточно-римское правительство, безрезультатнымъ. Но императорскіе совѣтники совершенно справедливо выставляли весьма серьезныя возраженія военнаго и финансоваго характера; вѣскія представленія министра финансовъ Іоанна поколебали, повидимому, даже самого императора, и только „посланный Богомъ" сонъ одного восточнаго епископа укрѣпилъ его въ первоначальномъ рѣшеніи; но безъ сомнѣнія, бо́льшее вліяніе оказали здѣсь благопріятствовавшія византійцамъ возстанія въ Триполи и Сардиніи. Въ іюнѣ 533 года изъ гавани Византіи Іюнь.
вышелъ флотъ съ 10000 пѣхотинцевъ и 500 всадниковъ подъ не- 533
ограниченной командой Велизарія. Переѣздъ былъ облегченъ благодаря близорукой предупредительности остготскаго правительства: его чиновники въ Сициліи получили приказъ оказать всяческое содѣйствіе восточно-римскому флоту. Сверхъ всякаго ожиданія, счастье улыбалось Велизарію. Въ сентябрѣ 533 года онъ Сент.
высадился въ Африкѣ и пріобрѣлъ симпатіи провинціаловъ, въ 533
то время какъ застигнутые совершенно врасплохъ вандалы только тогда подумали о защитѣ, когда врагъ стоялъ уже на ихъ территоріи. На десятой верстѣ (ad Decimum) Гелимеръ съ превосходными силами загородилъ врагу дорогу. Побѣда Велизарія рѣшила также и судьбу столицы, которая съ ликованіемъ встрѣтила освободителя. Разбитый король бѣжалъ въ Буллу Регію. Подкрѣпленный силами своего брата Цацона, только что покорившаго возставшую Сардинію, онъ снова выступилъ противъ Велизарія. Подъ Трикамаромъ въ декабрѣ 533 года вандалы Дек.
были вторично разбиты. Король бѣжалъ въ горы Нумидіи. Вскорѣ 533
онъ отдался въ руки враговъ, и украсилъ собою вполнѣ заслужен- Весна
ный тріумфальный въѣздъ побѣдителя въ столицу. Мавританскія и 534
островныя владѣнія вандальскаго государства капитулировали безъ

сопротивленія. Четырехмѣсячный походъ вернулъ Африку римлянамъ. Храбрый генералъ, доместикъ Соломонъ, облеченный Велизаріемъ неограниченной верховной властью, проникъ далеко на югъ въ горную страну Авразію, отложившуюся при слабомъ господствѣ вандаловъ. Рядъ укрѣпленій обезпечивалъ вновь пріобрѣтенныя владѣнія римлянъ. Хотя римлянамъ и приходилось довольно часто въ слѣдующія десятилѣтія бороться, какъ съ маврами, такъ и съ собственными взбунтовавшимися войсками и ихъ честолюбивыми предводителями, все же въ общемъ господство римлянъ въ Африкѣ упрочилось. Карѳагенъ, сдѣлался центромъ діоцеза, остававшагося покорнымъ восточной имперіи почти полтора столѣтія.

Почти непосредственно за паденіемъ вандальскаго королевства, слѣдуетъ война противъ остготовъ Италіи. Ея почти двѣнадцатилѣтняя продолжительность можетъ быть объяснена характеромъ правленія Юстиніана. Борьба была начата и большею частью велась съ весьма недостаточными средствами; алчная и рискованная завоевательная политика идетъ рука объ руку съ плачевной слабостью военныхъ силъ. Конечно, эта алчность нашла себѣ поощреніе въ той совершенно безрасудной политикѣ послѣднихъ Амаловъ, которая породила между ними и народомъ полнѣйшій расколъ и ослабила королевство. Амаласвинта, дочь великаго Теодориха, такъ же, какъ и Теодатъ, позднѣе ея соправитель и убійца, благодаря римскому образованію и учености, были оба въ равной степени чужды своему племени. Амаласвинта осыпала милостями, римлянъ; и покровительствовала имъ; римлянамъ было ввѣрено управленіе государствомъ. Оба правителя окончательно за-
534 путались въ измѣнническихъ переговорахъ съ восточнымъ Римомъ. Но убійство союзной Юстиніану королевы дало императору
Лѣто желанный поводъ для объявленія войны. Лѣтомъ 535 года, Вели-
535 зарій высадился въ Сициліи съ 7500 человѣкъ; почти весь островъ подпалъ его власти; одновременно въ Далмацію вторгся Мундъ. Несчастный Теодатъ былъ уже готовъ уступить Юстиніану свой тронъ, когда побѣда остготскаго оружія въ Далмаціи измѣнила его намѣреніе и передала власть въ руки національной партіи войны. Въ это время Велизарій продолжалъ безъ промедленія подвигаться по Нижней Италіи, почти сплошь заселенной римлянами. Только сопротивленіе Неаполя задержало его на короткое время. Между тѣмъ король оставался бездѣятельно въ столицѣ. Тогда недовольство народа перешло въ открытое возстаніе. Родъ Амаловъ былъ объявленъ лишеннымъ трона, Теодатъ убитъ во время бѣгства, и на щитъ былъ поднятъ Витигесъ, человѣкъ не королевскаго происхожденія. Однако, исполинская задача спасти погибающее государство была совсѣмъ не по силамъ храброму, но ограниченному и совершенно неспособному дѣйствовать при такихъ обстоя-

тельствахъ человѣку. Вмѣсто того, чтобы удерживать Римъ, онъ поспѣшилъ въ Равенну; его женитьба на Матасвинтѣ, дочери Амаласвинты, должна была узаконить его королевское званіе. Одновременно съ этимъ на сѣверѣ можно было наблюдать двусмысленную политику франковъ, которыхъ оба противника старались привлечь на свою сторону. Тогда, по приглашенію духовенства, сената и народа, 9 декабря 536 года Велизарій занялъ слабо защищенный Римъ. Симпатіи романскаго населія облегчили ему взятіе важнѣйшихъ пунктовъ Средней Италіи. Витигесъ попытался по мѣрѣ силъ исправить свою ошибку. Онъ подступилъ къ Риму со всѣмъ готскимъ войскомъ, и началась достопамятная осада, тянувшаяся болѣе года, и окончившаяся, благодаря геніальному веденію защиты Велизаріемъ, полной неудачей готовъ, несмотря на всю недостаточность помощи, которую могло оказывать императорское правительство своему полководцу. Занятіе стратегически важнаго Аримина помощникомъ Велизарія Іоанномъ и его исавры принудили въ мартѣ 538 года Витигеса къ отступленію. Одновременно пришли и новыя подкрѣпленія изъ Византіи. Въ Пиценумъ прибылъ евнухъ Нарзесъ съ отборнымъ войскомъ въ 7000 человѣкъ. Но инструкція, составленная императорскимъ правительствомъ, съ умысломъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, ставила его въ почти независимое по отношенію къ Велизарію положеніе. Какъ сильно упалъ кредитъ готовъ, показываетъ намъ попытка Милана перейти на сторону Велизарія. Двинувшись изъ Лигуріи, Мундила занялъ этотъ важный городъ и сосѣдніе пункты. Теперь, наконецъ, удалось королю остготовъ путемъ уступки франкамъ Прованса заключить съ ними союзъ. Готы и посланные Теодебертомъ бургунды покорили Миланъ. Вскорѣ прибылъ въ Верхнюю Италію и самъ австразійскій король, предметъ ужаса для готовъ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ для грековъ. По уходѣ франковъ Велизарій завоевалъ Фезулы и Ауксимумъ и въ 539 году осадилъ столицу готовъ Равенну. Столь же ловкій дипломатъ, какъ и полководецъ, онъ сумѣлъ разстроить предложенные готамъ франками планы раздѣла Италіи, какъ вдругъ вмѣшательство имперскаго правительства, казалось, дѣлало отчасти сомнительными всѣ его успѣхи. Хозрой, обезпокоенный побѣдами римлянъ, готовился вторгнуться въ Сирію. Для Юстиніана поэтому было очень важно прекратить войну на Западѣ. Онъ предложилъ королю готовъ власть надъ странами по ту сторону По, съ условіемъ, что остальная часть полуострова должна быть римской. Но своевольное честолюбіе Велизарія, къ несчастью для имперіи, помѣшало осуществленію этого весьма разумнаго плана. Онъ притворно согласился на предложеніе готовъ самому сдѣлаться королемъ Италіи. Равенна сдалась; король былъ взятъ въ плѣнъ. Готскіе властители Верхней Италіи почти всѣ безъ исключенія вы-

9 дек. 536 — Мартъ 538 — 539 — 539 — Зима 539-540

разили свою преданность и подчиненіе. Казалось, что вся Италія была возвращена Римской имперіи. Въ это время Велизарій былъ отозванъ для веденія персидской войны. Не колеблясь, онъ
Мартъ подчинился приказанію, и привезъ въ Константинополь короля
540 готовъ и сокровища королевскаго дворца.

Но торжество Византіи было преждевременно. Близорукое раздѣленіе главнаго начальства между различными генералами и тяжелое бремя финансовой системы новаго правительства, какъ разъ были тѣми ошибками, которыми воспользовалась партія патріотовъ. Націоналисты взялись за оружіе. Послѣ двухъ непродолжительныхъ
Осень междуцарствій, во время которыхъ безпорядокъ достигъ своего апо-
541 гея, въ 541 году на королевскій щитъ былъ поднятъ Бадуила или Тотила. Въ теченіе одного года обстоятельства совершенно измѣнились. Римляне были разбиты въ нѣсколькихъ битвахъ. Не задерживаясь на осадѣ главныхъ крѣпостей, готскій король прошелъ побѣдоносно Среднюю Италію. Въ 542 году подчинился ему и югъ. Въ
543 543 году палъ Неаполь. Напрасно былъ призванъ въ Италію Велизарій. Связанный въ своихъ дѣйствіяхъ, съ совершенно недостаточнымъ войскомъ и безъ денегъ, онъ не могъ помѣшать То-
546 тилѣ занять въ 546 году также и Римъ. Жители были изгнаны изъ города, самъ онъ былъ опустошенъ огнемъ, часть стѣнъ его срыта, и только дипломатическое вмѣшательство Велизарія воспрепятствовало его разрушенію. Но въ то время, какъ король ушелъ въ Луканію, Велизарій ворвался въ Римъ, жители вернулись обратно, и поспѣшно были возстановлены укрѣпленія. Попытка Тотилы снова овладѣть городомъ не удалась. Но и положеніе Велизарія все же оставалось невыносимымъ. Императорское правительство оставило его безъ поддержки. Въ этомъ нельзя винить злую волю Юстиніана: нападеніе сѣверныхъ племенъ на Балканскій полуостровъ и полное истощеніе имперскихъ финансовъ достаточно объясняютъ намъ безсиліе правительства.
549 Велизарій возвратился въ Константинополь. Римъ снова перешелъ въ руки готовъ. Тотила былъ теперь почти безспорно владыкой Италіи. Его флотъ занялъ и опустошилъ Сицилію и разорилъ Сардинію и берегъ Эпира.

550 550-ый годъ замѣчателенъ новымъ поворотомъ въ итальянской политикѣ Юстиніана. Германъ, племянникъ императора, супругъ остготской принцессы Матасвинты, долженъ былъ въ званіи генералиссимуса принять начальствованіе въ Италіи. Дѣло шло о томъ, чтобы помирить противорѣчивые интересы германскихъ и римскихъ элементовъ населенія созданіемъ римско-готскаго второго поколѣнія. Но Германъ умеръ въ Сардикѣ посреди своихъ приготовленій къ войнѣ, задержанный наводнившими Иллирикъ славянами и гуннами.

Наконецъ, Юстиніанъ проявилъ настоящую энергію въ

веденіи войны. Въ Нарзесѣ онъ нашелъ истиннаго полководца, передъ военнымъ геніемъ котораго всѣ охотно склонялись. Снабженный въ изобиліи денежными средствами, этотъ послѣдній впервые могъ выступить съ внушительнымъ войскомъ, набраннымъ большей частью среди союзныхъ варваровъ. Первое мѣсто занимали въ немъ наемники, выставленные по договору лангобардскимъ королемъ. Несмотря на попытки франковъ и готовъ воспрепятствовать проходу Нарзеса, ему все же удалось достигнуть сухимъ путемъ Равенны. При Тагинѣ, въ среднеитальянскихъ Апеннинахъ (средина Авг.
лѣта **552** г.) произошла рѣшительная битва, фактически положившая **552**
конецъ господству готовъ въ Италіи; ее можно разсматривать, какъ національную гибель благороднаго племени. Отчаянная борьба подъ начальствомъ Тейи кончилась въ Кампаньѣ пораженіемъ при Мар.
Сарнѣ (553). Тѣмъ опаснѣе было для римлянъ теперь, правда, 553
слишкомъ поздно пришедшее вмѣшательство франковъ. Сохраненіе до сихъ поръ бездѣятельнаго нейтралитета можетъ служить вполнѣ достаточнымъ доказательствомъ политической незрѣлости Меровингской династіи. Да и теперь дѣйствовали франки необычайно плохо. Алемано-франкское народное ополченіе подъ начальствомъ герцоговъ Левтариса и Бутилина погибло все, частью отъ чумы, частью подъ мечемъ Нарзеса при Капуѣ. Послѣ того 554
какъ было покончено съ этимъ ничтожнымъ сбродомъ при дѣятельной поддержкѣ остатка готовъ, вся Италія снова вошла окончательно въ составъ Византійской имперіи. Столь важное переустройство вновь соединеннаго съ имперіей полуострова было ввѣрено патрикію Нарзесу.

Непосредственно примыкаетъ по времени къ ниспроверженію господства остготовъ вмѣшательство въ дѣла Пиренейскаго полуострова. Въ 554 году для поддержки претендента на корону Агилы 554
въ борьбѣ его съ вестготскимъ королемъ Атанагильдомъ въ Испанію былъ посланъ патрикій Либерій. Кордова стала средоточіемъ греческой провинціи на югѣ Испаніи; но ея непрочные предѣлы, которые Данъ и другіе представляютъ черезчуръ обширными, ограничивались главнымъ образомъ нѣсколькими важными приморскими укрѣпленіями, каковы Карѳагенъ Спартарскій, Малага и Ассидонія. Эти завоевательныя войны, далеко превышавшія силы восточнаго Рима, воспрепятствовали гораздо болѣе необходимой защитѣ сѣверной границы имперіи. Мы безпрестанно слышимъ о вторженіяхъ гунновъ, славянъ и антовъ въ области, лежащія къ югу отъ Дуная. Иллирикъ и Ѳракія являются постояннымъ театромъ ихъ опустошительныхъ набѣговъ. Особенно ужасно было вторженіе 540 года, распространившееся на Элладу и остановив- 540
шееся только подъ укрѣпленіями Коринѳскаго перешейка. Въ 559 году 559
гунны (болгары) и славяне угрожали даже самой столицѣ; ихъ отбросилъ сѣдой Велизарій. Правительственная система укрѣпле-

ній, не защищенная достаточнымъ количествомъ войска, оказалась
совершенно безполезной; денежная плата и подарки вмѣсто того,
чтобы удерживать алчныхъ варваровъ вдали, лишь привлекали ихъ
все снова за Дунай.

Недостатокъ свободныхъ войскъ вслѣдствіе войнъ на Западѣ
обнаружился и въ слабой политикѣ по отношенію къ Персіи [1]). Не-
посредственно передъ смертью Юстина старый Кавадъ подъ нич-
тожнымъ предлогомъ началъ войну, въ которой сначала большую роль,
какъ полководецъ, игралъ Велизарій; въ ней же замѣчательно
выступленіе и выдающееся положеніе арабовъ: они распоряжаются
въ пограничныхъ странахъ обѣихъ великихъ имперій, какъ вас-
сальные князья, и до тѣхъ поръ повинуются обѣимъ великимъ
державамъ, пока имъ это выгодно. Мундиръ, вассальный князь
531 Хиры, сражался на сторонѣ персовъ. Въ 531 году Юстиніанъ
подчинилъ Хариту, сыну Габалы, родовыхъ старѣйшинъ всѣхъ
подвластныхъ Византіи сарацинъ и даровалъ ему королевскій титулъ.
Прежде всего онъ обязанъ былъ отразить своихъ стоящихъ на
персидской сторонѣ земляковъ. Въ томъ же году двинулся въ по-
ходъ и самъ персидскій царь и при Каллиникѣ на голову раз-
билъ Велизарія; побѣда однако не имѣла въ дальнѣйшемъ ни-
какихъ послѣдствій. Смерть царя и вступленіе на престолъ
532 Хозроя въ 532 году повели къ вѣчному миру, при чемъ Византія
согласилась на унизительныя условія, и прежде всего на ежегодные
взносы для поддержанія кавказскихъ крѣпостей: Византія, во чтобы
то ни стало хотѣла развязать себѣ руки на Западѣ. Уже черезъ
восемь лѣтъ возгорѣлась вторая война. Для этого вовсе не нужны
539 были послы ни отъ короля Витигеса, ни отъ угнетенныхъ вельможъ
римской Арменіи: Хозрой хотѣлъ войны, ибо побѣдоносное
усиленіе его византійскаго соперника пугало его. Велъ онъ войну съ
540 необычайной энергіей. Уже въ 540 году онъ вторгся въ Сирію.
Укрѣпленные города должны были за большія суммы покупать его
удаленіе; пробовавшіе защищаться пали одинъ за другимъ, пер-
вымъ дѣломъ столица Сиріи Антіохія. Жителей ея, по древнему восточ-
ному обычаю, онъ переселилъ поближе къ своей резиденціи; тамъ
онъ заложилъ Хозроеву Антіохію съ греческо-христіанскими учре-
жденіями. Въ слѣдующіе годы война въ Месопотаміи шла съ пере-
мѣннымъ счастьемъ. Достойнымъ упоминанія обстоятельствомъ была
544 безуспѣшная осада персами Эдессы въ 544 году: сирійскіе хри-
стіане твердо вѣрили въ чудесную защиту своего палладіума, „не-
545 рукотворенной иконы“ Господа нашего. Въ 545 году наступило
перемиріе. Война продолжалась, однако, между Харитомъ и
Мундиромъ; перемиріе не было распространено и на Лазистанъ

[1]). *K. Güterbock*: Byzanz u. Persien in ihren diplom.-völkerrechtl. Beziehungen im Zeitalter Justinian's. (Berlin 1906). (*В. Б.*).

(Лазику). Эта страна, въ древности Колхида, стояла къ Византіи, назначавшей ея князей, въ вассальныхъ отношеніяхъ. Основаніе приморской крѣпости Петры и хищническое обираніе со стороны византійскихъ чиновниковъ въ высшей степени ожесточили народъ. Князь Гобазъ перешелъ на сторону персовъ. Хозрой, тогда уже владыка Иверіи, жадно ухватился за представившійся ему случай открыть себѣ доступъ къ Черному морю. Важная Петра перешла въ руки
персовъ. Но въ 549 году, когда византійцы опять энергично начали 549
войну, лазы, по обычаю всѣхъ разбойничьихъ государствъ примыкать
къ сильнѣйшему, снова обратились къ нимъ. Въ 551 году Петра была 551
снова завоевана византійцами; въ битвахъ послѣдующихъ лѣтъ они все рѣшительнѣй одерживали верхъ. Такимъ образомъ перемиріе
распространилось и на Лазистанъ, и, наконецъ, въ 562 году былъ 562
заключенъ на пятьдесятъ лѣтъ миръ. По этому миру византійцы обязались къ значительнымъ ежегоднымъ платежамъ; зато Лазистанъ былъ признанъ окончательно за ними. Это единственный настоящій успѣхъ, котораго они добились на Востокѣ.

Какъ во внѣшней политикѣ правленіе Юстиніана отмѣчаетъ собою важный моментъ въ развитіи византійской исторіи, такъ и во внутреннемъ управленіи оно замѣчательно цѣлымъ рядомъ величественныхъ начинаній. На первомъ мѣстѣ стоятъ постройки. Можетъ быть ни одинъ періодъ византійской исторіи не отличается такой оживленной строительной дѣятельностью, какъ правленіе Юстиніана. Основывались новые города, старые украшались банями, цистернами, дворцами, строились мосты. Всѣ границы имперіи систематически снабжались крѣпостными сооруженіями, которыя, правда, почти совершенно не удовлетворяли своему назначенію на наиболѣе угрожаемой сѣверной границѣ. Но наиболѣе изумительно, соотвѣтственно характеру того времени, изобиліе церковныхъ построекъ. Съ особеннымъ усердіемъ Юстиніанъ закладывалъ церкви и монастыри. Эль-Акса въ Іерусалимѣ и особенно храмъ св. Софіи въ столицѣ до сихъ поръ свидѣтельствуютъ о благородствѣ духа правителя, который могъ съ полнымъ правомъ гордиться, что превзошелъ Соломона. На что способны были еще тогда единомысленные съ нимъ и богатые подданные, показываетъ намъ дѣло набожнаго банкира Юліана—удивительная постройка Санъ-Витале въ Равеннѣ, не только выстроенная на средства этого частнаго человѣка, но и украшенная богатой мозаикой.

Несмотря на весь внѣшній блескъ, время Юстиніана нельзя назвать счастливымъ; необычайныя несчастья посѣтили его. Ужас-
ная чума 542 года, свирѣпствовавшая четыре года, казалась со- 542
временникамъ знаменіемъ Божьяго гнѣва. Многочисленныя землетрясенія разрушали великолѣпнѣйшіе города. Особенно сильно пострадала Антіохія, постигнутая черезъ два года послѣ ужаснаго
разрушенія (въ 526 г.) при Юстинѣ снова тѣмъ же несчастьемъ. 526

Императорскій фискъ постоянно принималъ на себя крупную долю въ расходахъ по отстройкѣ городовъ. Почти непостижимо, какъ могъ онъ, наряду съ дорого стоющими войнами, хоть какимъ бы то ни было образомъ удовлетворять этимъ многочисленнымъ нуждамъ: вѣдь, подданные стонали подъ невыносимымъ бременемъ налоговъ. А между тѣмъ было совершено и нѣчто великое.

Послѣдующимъ поколѣніямъ имя Юстиніана памятно благодаря той окончательной формѣ, которую онъ далъ праву. Дѣло шло о сведеніи въ одинъ кодексъ всѣхъ источниковъ права, jus и leges, чѣмъ должно было быть отсѣчено устарѣвшее право, устранены контроверзы въ литературѣ и все довольно значительное количество правовыхъ институтовъ подвергнуто преобразованію. Эта важная задача была поручена комиссіи законовѣдовъ подъ ру-
529 ководствомъ Трибоніана. Въ **529** году появился Codex Justinianeus, собраніе всѣхъ постановленій общей обязательности. Въ
533 **533** году были обнародованы Дигесты (Digestae), труднѣйшее предпріятіе, сборникъ законовъ, составленный изъ юридическихъ сочиненій. Сверхъ того въ Институціяхъ (Institutiones) создано было руководство для изученія права; онѣ должны
30 дек. 533 были вмѣстѣ съ Дигестами получить силу закона съ 30 декабря 533 года. Шестилѣтняя работа комиссіи обнаружила
534 многіе недостатки ихъ первой работы—Кодекса, и въ **534** году появился Codex repetitae praelectionis. Юстиніанъ заявилъ торжественно, что этимъ, наконецъ, законодательство завершено. Для будущихъ постановленій было предусмотрѣно особое дополненіе—новеллы, (Novellae Constitutiones). Послѣ того, какъ этотъ новый законодательный трудъ вошелъ въ силу, онъ одинъ только сталъ приниматься въ судахъ; только по нему можно было преподавать въ признанныхъ юридическихъ школахъ имперіи, въ Константинополѣ, Римѣ и Бейрутѣ [1]).

Наконецъ, должна быть упомянута также дѣятельность Юстиніана въ церковныхъ дѣлахъ. Ни одинъ изъ императоровъ не проводилъ энергичнѣе Юстиніана своего права надзора въ церковныхъ дѣлахъ, ни одинъ также не видѣлъ болѣе полнаго признанія своего верховенства со стороны церкви. Онъ фактически былъ царь и вмѣстѣ первосвященникъ. „Противъ воли и приказа императора въ церкви вообще ничто не можетъ происходить“, объя-
536 вляетъ соборъ 536 года. Своими обширными трактатами Юстиніанъ дѣйствительно вліялъ направляюще на догматическое развитіе; доказательствомъ являются его письмо патріарху Минѣ объ ориге-
543 нистическихъ заблужденіяхъ и его эдиктъ 543 года о „трехъ главахъ“. Нельзя отрицать, что его церковная политика стремилась по мѣрѣ силъ исправить тяжелую ошибку 519 года и привлечь

[1]) Наилучшее изданіе *Моммсена*, *Крюгера* и *Шелля* (съ *Кроллемъ*) Corpus juris civilis. Editio stereotypa. Berolini (1902—1904). (*В. Б.*).

на свою сторону монофизитовъ. Въ Египтѣ господствовали отдѣлившіеся отъ православія; въ Сиріи и Месопотаміи народъ былъ на ихъ сторонѣ—обстоятельство, съ которымъ каждое правленіе должно было серьезно считаться. Они пользовались открытымъ покровительствомъ какъ императрицы Өеодоры, доказавшей и въ этомъ свою политическую проницательность, такъ и многочисленныхъ членовъ императорскаго дома и двора[1]). Камнемъ преткновенія оставалось халкидонское исповѣданіе. Напрасно Леонтій и скиөскіе монахи перетолковывали формулы въ кирилловскомъ смыслѣ такимъ образомъ, что при добромъ желаніи, пожалуй, возможно было бы согласиться съ Северомъ, самымъ выдающимся монофизитскимъ учителемъ; напрасно въ своихъ декретахъ императоръ обходилъ халкидонскія формулы. Величайшая предупредительность на религіозномъ диспутѣ 533 года осталась безъ всякаго вліянія на моно- 533
физитовъ. „Боголюбезная августа“ неустанно хлопотала за своихъ друзей и даже надѣялась провести формальную отмѣну халкидонскаго исповѣданія. Въ лицѣ Анөима былъ уже возведенъ единомышленникъ на столичную каөедру. Но римскій папа Агапитъ, предупрежденный Ефремомъ Антіохійскимъ, успѣлъ во время вмѣшаться. Нельзя было толкать къ новому церковному отдѣленію Западъ, только что пріобрѣтенный политически, и соборъ
536 года произнесъ анаөему на Анөима и Севера. Въ 537 году 536
смерть александрійскаго архіепископа Тимоөея и вызванный ею 537
расколъ между знатью и народомъ въ вопросѣ о выборѣ ему преемника дали императорскому правительству желанный поводъ добиться, при помощи неслыханныхъ насилій, признанія государственной церкви, конечно, чисто внѣшняго и въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ монофизитовъ. Лишь іерархія, щедро надѣленная церковными доходами разоренныхъ монофизитовъ, высшее чиновничество и часть греческой городской знати стояли за церковь императора. Но всѣ испытанныя имъ до сихъ поръ неудачи не отклонили его отъ своихъ уніональныхъ плановъ и не ослабили его болѣзненнаго стремленія работать въ области догматики. Одною изъ церковно-политическихъ мѣръ, и при томъ чрезвычайно тонко придуманной, было осужденіе „трехъ главъ“. Великій учитель антіохійской школы Өеодоръ Мопсуестскій, о которомъ Халкидонскій соборъ молчитъ, различныя творенія Өеодорита Кирскаго и Ивы Эдесскаго, православіе которыхъ опредѣленно признано четвертымъ соборомъ, были теперь — сто лѣтъ спустя — заднимъ числомъ осуждены. Это было не только совершеннымъ противорѣчіемъ духу Халкидонскаго собора и молчаливымъ осужденіемъ богословія Льва Великаго, но и фактическимъ

[1]) Юстинъ II и Софія до вступленія на престолъ склонялись въ сторону монофизитовъ. Народъ смотрѣлъ на „отдѣлившихся“, какъ на праведниковъ, и не безъ основанія.

исправленіемъ собора и косвеннымъ устраненіемъ, если не формальнымъ уничтоженіемъ его. Попросту возстановили программу бывшихъ приверженцевъ „акта единенія". Казалось, проклятый Римомъ Акакій и святой Флавіанъ Антіохійскій блистательно оправдывались. Дальше уже нельзя было идти въ направленныхъ къ примиренію уступкахъ. Но все это пришло слишкомъ поздно. Правда, восточные патріархи и епископы, привыкшіе вѣрить, какъ имъ прикажетъ императоръ, подчинились, скрѣпя сердце; слабый и неустойчивый Вигилій, сидѣвшій на престолѣ св. Петра, поступился самымъ жалкимъ образомъ авторитетомъ римской церкви передъ императоромъ, фактически управлявшимъ тогда церковью; пятый вселенскій соборъ послушно вынесъ окончательное рѣшеніе въ полномъ соотвѣтствіи съ предписаніемъ императора; все же, несмотря на это, обнаружилась полная неудача всего предпріятія, глубоко взволновавшаго всю имперію: монофизиты упорствовали въ своемъ отдѣленіи отъ церкви. Наоборотъ, Италія и Африка видѣли въ новыхъ постановленіяхъ нарушеніе высоко почитаемаго на всемъ Западѣ Халкидонскаго собора. Верхнеитальянскіе и истрійскіе епископы довели дѣло до схизмы, которая просуществовала цѣлыя поколѣнія. Африканскій же епископъ Факундъ Герміанскій смѣло упрекалъ императора, подкрѣпляя свои слова ветхозавѣтными примѣрами (Осіи, Даѳана, Авирона и др.) въ томъ, что онъ преступаетъ границы государственной власти: только Христосъ обладаетъ вмѣстѣ и царствомъ и священствомъ, князьямъ же онъ запретилъ то, что свойственно священникамъ. Это тѣ же ноты, что нѣкогда слышались уже въ рѣчахъ Доната Великаго и которыя принадлежали къ исконнымъ особенностямъ Запада. Цѣпенѣющій въ лояльности Востокъ, вѣроятно, тогда уже внималъ имъ съ сильнѣйшимъ удивленіемъ и даже нравственнымъ негодованіемъ; однако въ послѣдующія столѣтія имъ суждено было найти откликъ и въ Византіи.

Но всѣ эти неудачи въ стремленіяхъ снискать любовь монофизитовъ не смутили Юстиніана. Еще въ послѣдній годъ своего правленія безпрестанно занятый догматическимъ творчествомъ императоръ-священникъ выпустилъ оскорбительный для благочестивыхъ ушей эдиктъ, долженствовавшій провозгласить государственной догмой „афтартодокетизмъ", даже большинствомъ монофизитовъ непризнаваемое ученіе о нетлѣнности тѣла Господня. Лишь наступившая вскорѣ смерть императора (14 ноября 565 года) спасла православное духовенство отъ большаго насилія надъ совѣстью или отъ низложенія и изгнанія.

14 нояб. 565

Въ то время, какъ на монофизитовъ смотрѣли, какъ на членовъ вселенской церкви, хоть и отдѣлившихся отъ нея, и обращались съ ними съ той предупредительной нѣжностью, какую обыкновенно бюрократія обнаруживаетъ по отношенію къ хорошо организованнымъ, повелѣвающимъ преданными имъ массами церковнымъ обще-

ствамъ, съ остальными, большею частью, численно слабыми диссидентами совсѣмъ не церемонились.

Цѣлый рядъ постановленій начала правленія Юстиніана показываетъ намъ, съ какою энергіей стремился онъ сдѣлать вѣру императора вѣрой всѣхъ подданныхъ. Остатку древнихъ еретиковъ, среди которыхъ особый интересъ фиска возбуждали аріане, благодаря богатству своихъ учрежденій, былъ предложенъ трехмѣсячный срокъ для принятія офиціальнаго вѣроисповѣданія; въ противномъ случаѣ грозило изгнаніе. Это насильственное обращеніе было распространено и на самарянъ; но весь народъ возсталъ и провозгласилъ антиимператора. Пришлось подавить возстаніе въ потокахъ крови. Страна была разорена. Въ связи съ этимъ стоятъ одно время настоящіе инквизиціонные процессы противъ всѣхъ явныхъ и тайныхъ приверженцевъ древней эллинской вѣры, которая насчитывала еще многочисленныхъ послѣдователей какъ разъ среди знати и высшаго чиновничества. Наказывали конфискаціей имущества и отнятіемъ права занимать государственныя должности. Рядъ значительныхъ магистратовъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Центромъ старой вѣры были Аѳины и ихъ принадлежащіе новоплатоновской школѣ учителя философіи. Юстиніанъ, котораго, главнымъ образомъ, интересовало большое имущество языческихъ корпорацій, отобралъ въ 529 году имущество Платоновской академіи и запретилъ преподаваніе въ тамошнемъ университетѣ философіи и права; семь послѣднихъ учителей переселились въ Персію. Хорошо организованная языческая іерархія имѣла еще въ Малой Азіи многочисленныхъ приверженцевъ, именно, среди сельскаго населенія. Іоаннъ Ефесскій, сирійскій историкъ, называющій себя предстоятелемъ язычниковъ и сокрушителемъ идоловъ и пользовавшійся довѣріемъ Юстиніана, въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій совершалъ здѣсь въ большихъ размѣрахъ дѣло обращенія: онъ хвалился, что крестилъ 70000 человѣкъ.

Несравненно болѣе радостную картину представляетъ распространеніе церкви во внѣ. Юстиніанъ, какъ на главную цѣль своей политико-религіозной правительственной программы, наряду съ постановленіемъ единства вѣры въ имперіи, смотрѣлъ на распространеніе христіанства среди языческихъ племенъ. Даже его дипломатическія сношенія должны были служить этой цѣли и снискивать проповѣдникамъ покровительство могущественныхъ сосѣдей. Такимъ образомъ, время Юстиніана, какъ уже и время его непосредственныхъ предшественниковъ, обнаруживаетъ сильный подъемъ миссіонерской дѣятельности.

Христіанская пропаганда дѣйствовала съ одинаковымъ успѣхомъ среди геруловъ около Сингидуна, гуннскихъ племенъ, къ сѣверу отъ Чернаго моря, и среди народовъ Кавказа. Князья прибываютъ за крещеніемъ въ столицу; народъ слѣдуетъ ихъ вѣрѣ.

Въ Африкѣ были пріобрѣтены христіанству оазисы Сахары. Кровавое преслѣдованіе христіанъ въ Іеменѣ еврейскимъ королемъ Дху-Нувасомъ взволновало все восточное христіанство. Побѣ-
526 доносное покореніе Іемена абиссинскимъ королемъ Эѳіопіи въ 526 году было радостно привѣтствовано, и въ южную Аравію былъ посланъ по императорскому приказанію одинъ изъ египетскихъ клириковъ въ качествѣ епископа. Особенно выдѣлялись своей миссіонерской дѣятельностью монофизиты. Одинъ сирійскій монахъ проповѣдывалъ среди ортаевъ, вѣроятно, курдскаго племени Южной Арменіи. При Юстиніанѣ александрійскій клирикъ Юліанъ началъ обращеніе нубійцевъ, оконченное при его преемникахъ епископомъ Лонгиномъ. Король и народъ нобатовъ приняли крещеніе. Крестился и король „великаго народа" алодеевъ. Съ тѣхъ поръ нубійская церковь въ теченіе столѣтій состояла въ тѣсномъ единеніи съ монофизитскимъ патріархатомъ Александріи.

Между тѣмъ при всемъ внѣшнемъ блескѣ, при всемъ неоспо-
14 н. римомъ величіи стремленій своего правленія, Юстиніанъ все же
565 оставилъ, умирая (14 ноября 565), совершенно разоренную имперію. Задача сохранять свои завоеванія на Западѣ была ей совершенно не по силамъ; не хватало для этого также и средствъ. Развѣ могла помочь съ грѣхомъ пополамъ достигнутая церковная унія при глубокой, покоющейся на національномъ отчужденіи, ненависти между греками и латинянами! Церковно-политическія мѣропріятія императора являются поэтому цѣпью ошибокъ; они собственно вскормили національныя сепаратистическія стремленія сирійцевъ и египтянъ. Тогдашнее время скрывало движущія имъ идеи подъ церковнымъ одѣяніемъ. Монофизитское ученіе служило востоку средствомъ краснорѣчиваго выраженія своего національнаго чувства, которому римская императорская идея становилась все болѣе чуждой. Отторженіе восточныхъ областей отъ монархіи, совершившееся въ VII столѣтіи, приготовлено было въ особенности церковной политикой Юстиніана, такъ же какъ его завоевательная политика, отвлекавшая всѣ силы имперіи для западныхъ провинцій, ослабила дѣйствія на Востокѣ.

565- 55. **Юстинъ II (565 — 578)**, племянникъ Юстиніана, назна-
578 ченный имъ своимъ наслѣдникомъ, овладѣлъ трономъ и удерживалъ его, смиряя иногда силой недовольныхъ принцевъ императорскаго дома, главнымъ образомъ благодаря необычайной энергіи своей супруги, честолюбивой Софіи, и начальника дворцовой гвардіи Тиверія. Періодически возвращавшееся, наконецъ, совсѣмъ овладѣвшее императоромъ умопомѣшательство было причиной воз-
574 веденія **Тиверія** въ санъ кесаря (574). Съ этихъ поръ послѣдній фактически велъ дѣла управленія вмѣстѣ съ императрицей
578- Софіей и позднѣе наслѣдовалъ тронъ (578—582).
582 Оба эти царствованія отмѣчаютъ собою важный поворотный пунктъ. Уже при Юстиніанѣ официальная фикція латыни, какъ

государственнаго языка, начинаетъ падать; теперь латынь все рѣшительнѣй вытѣсняется греческимъ языкомъ. На эту перемѣну указываютъ намъ также лангобардскіе и сирійскіе хронисты, когда они начинаютъ Маврикіемъ рядъ „греческихъ" императоровъ.

Во внутреннемъ управленіи бережливость Юстина была очень благодѣтельна для государственныхъ финансовъ, но, конечно, увеличивала нелюбовь къ правительству. Напротивъ, столь же популярная сколь безалаберная расточительность Тиверія положила собственно основаніе для трудностей слѣдующаго царствованія.

Въ церковномъ отношеніи оба государя были вполнѣ православны. Ихъ пагубная уступчивость столичнымъ патріархамъ, которымъ они дали полную свободу или даже поддерживали въ преслѣдованіяхъ монофизитовъ, окончательно довершила отчужденіе восточныхъ провинцій.

Во внѣ перемѣны на престолѣ послѣ смерти Юстиніана означаютъ полный разрывъ съ предшествующей политикой. Положеніе имперіи настоятельно требовало, чтобы императорское правительство главное вниманіе обратило на обезпеченіе сѣверныхъ и восточныхъ границъ. Первое мѣсто занимаютъ поэтому отношенія къ народамъ, живущимъ къ сѣверу отъ Дуная, и къ персамъ; Западъ, напротивъ, отходитъ на задній планъ. Въ степныхъ областяхъ востока возникло могущественное тюркское царство, съ хаканомъ котораго византійцы вскорѣ вступили въ дружественныя дипломатическія сношенія. Гораздо важнѣе былъ новый племенной элементъ, авары, появившійся въ концѣ цаствованія въ расположенныхъ къ сѣверу отъ Дуная областяхъ. На востокѣ Венгерской равнины ихъ власти подчинились славянскія племена; вскорѣ вмѣшались они съ успѣхомъ и въ дѣла вѣчно враждовавшихъ между собой германскихъ королевствъ лангобардовъ и гепидовъ въ Панноніи. Эта смѣна отношеній требовала серьезнѣйшаго вниманія со стороны Византіи.

Новое правительство проявило по отношенію къ этимъ опаснымъ врагамъ рѣшительную политику. Ежегодная дань, къ которой Юстиніанъ пріучилъ аваровъ, была отвергнута его преемникомъ; къ тому же авары были вовлечены въ ожесточенную войну между лангобардами и гепидами. Ихъ вмѣшательство въ пользу лангобардовъ помогло довершить гибель гепидовъ въ 567 году; Византія 567
не предприняла ничего въ интересахъ послѣднихъ. Авары, по уходѣ лангобардовъ господствующій народъ на Венгерской равнинѣ, а также и славянскія племена стали теперь все сильнѣе угрожать придунайскимъ провинціямъ. Византія проявила здѣсь большую энергію и въ общемъ боролась съ честью; однако, несмотря на личное командованіе Тиверія, византійское войско потерпѣло тяжелое пораженіе. Миръ купленъ былъ лишь цѣной дани. Въ правленіе Тиверія была потеряна важная пограничная крѣпость Сирмій. 581
Этимъ обстоятельствомъ рѣшена была судьба сѣверныхъ провинцій.

Теперь ясно обнаружилось, что завоевательная политика Юстиніана была не подъ силу имперіи. Когда лангобарды ворвались въ 568 году въ Италію—призваніе ихъ Нарзесомъ позднѣйшая басня,—императорское правительство было не въ состояніи могучимъ напряженіемъ своихъ силъ удержать эту важную провинцію. Въ теченіе немногихъ лѣтъ побѣдоносные завоеватели подчинили себѣ Сѣверную Италію и Тусцію; въ Сполето и Беневентѣ (571) повелѣвали лангобардскіе герцоги. Укрѣпленные города, устоявшіе при первомъ натискѣ, также капитулировали одинъ за другимъ передъ лангобардами: въ 572 году Тичино, въ слѣдующемъ поколѣніи Падуя и Кремона. Византійскія владѣнія ограничивались скоро, если не считать Южной Италіи и Сициліи, Равенной и сосѣдними городами Эмиліи и Пентаполя, далѣе областью Рима и Неаполя; сюда же нужно причислить города лигурійскаго и венеціанскаго побережья. Разстроенный Велизаріемъ планъ раздѣла оставилъ бы византійцамъ гораздо больше, и, вмѣсто „недостойнаго никакого имени", „вонючаго" народа лангобардовъ, они имѣли бы сосѣдями рыцарски-благородную восточно-римскую расу. Такимъ образомъ, послѣдующему времени на каждомъ шагу пришлось искупать вольныя и невольныя ошибки, изъ которыхъ состоитъ изумительная великодержавная политика этого Людовика XIV VI столѣтія.

568
571
572

Силы Византіи особенно были ослаблены персидской войной. Поводъ дали армяне, которые, будучи крайне оскорблены вызывающей постройкой храма огнепоклонниковъ въ ихъ духовной столицѣ Двинѣ, возстали въ 571 году противъ Персіи, искали и нашли помощь въ Византіи. Къ нимъ примкнули иверы. Началась война, продолжавшаяся съ безпрестанно прерывавшими ее мирными переговорами двадцать лѣтъ. Пока византійцы безуспѣшно осаждали Низибію, персы покорили въ 573 году важную крѣпость Дару; вся Сирія была опустошена ими. Тиверій, сдѣлавшись регентомъ, добился перемирія, изъ котораго однако исключена была Арменія. Въ 575 году Хозрой проникъ оттуда до Каппадокіи и сжегъ Севастію и Милитину. Но, дважды разбитый на голову превосходными византійскими силами, персидскій царь съ трудомъ спасся за Ефратъ. Арменія осталась въ рукахъ византійцевъ. Между тѣмъ уже въ 576 году они были снова изгнаны, и война продолжалась. Comes excubitorum Маврикій, которому ввѣрено было начальствованіе на востокѣ, съ успѣхомъ перенесъ театръ военныхъ дѣйствій на персидскую территорію. Счастливому завершенію столь часто возобновлявшихся мирныхъ переговоровъ помѣшала смерть Хозроя въ 579 году. Тиверій энергично продолжалъ войну, противъ его воинственнаго сына и преемника Гормизда. Въ 581 году римляне одержали при Константинѣ блестящую побѣду.

571
573
575
576
579
581

Годъ спустя, **Маврикій** (**582 — 602**) самъ вступилъ на престолъ. Во внутреннемъ управленіи онъ старался бережливой фи-

582-602

нансовой политикой удовлетворить многообразныя нужды имперіи, чѣмъ и положилъ, конечно, основаніе той нелюбви, которая въ концѣ концовъ стоила ему трона. Въ церковныхъ дѣлахъ онъ цѣликомъ слѣдовалъ политикѣ своихъ предшественниковъ. Преслѣдованія монофизитовъ все же были ограничены, благодаря столичному патріарху Іоанну IV Постнику: этотъ святой аскетъ безупречнѣйшей жизни и незапятнаннаго православія выказалъ по отношенію къ благочестивымъ людямъ, уклоняющимся въ догмѣ, терпимость, большею частью чуждую іерархамъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Зато тѣмъ безжалостнѣе вело правительство процессы противъ мнимыхъ язычниковъ въ Сиріи. Фанатическая монофизитская толпа причислила къ нимъ также патріарха государственной церкви въ Антіохіи. Послѣдній впрочемъ прекрасно зналъ свою паству и доказалъ чистоту своей вѣры, выстроивъ большой циркъ, „церковь сатаны“, какъ, вздыхая, жаловались благочестивые диссиденты. Много значительнѣе былъ споръ съ древнимъ Римомъ. Папа Григорій I (590—604) оспаривалъ, какъ новшество, введенный его 590-
новоримскимъ коллегой титулъ вселенскаго патріарха; и оспаривалъ 604
въ дѣйствительности безъ всякаго на то права, ибо титулъ былъ уже въ употребленіи около столѣтія, и никогда не отрицался Римомъ. Правительство и восточные патріархи стали цѣликомъ на сторону столичнаго іерарха, который побѣдоносно удержалъ свой титулъ. На трогательныя жалобы папы императоръ и всѣми уважаемый Анастасій Антіохійскій отвѣтили довольно пренебрежительно: имъ, очевидно, все дѣло казалось незначительной перебранкой. Впослѣдствіи и Римъ безъ шума отказался отъ своей позиціи.

Персидская война продолжалась еще нѣсколько лѣтъ съ перемѣннымъ счастьемъ. За цѣлымъ рядомъ византійскихъ побѣдъ послѣдовало въ 589 году взятіе важнаго Мартирополя. Но тутъ дѣла 589
приняли совершенно неожиданный оборотъ, отдавшій судьбы сосѣдняго государства въ руки византійскихъ владыкъ. Возмущеніе полководца Ваграмъ-Чобина стоило персидскому царю трона и жизни; его сынъ Хозрой II Парвезъ бѣжалъ къ византійцамъ. Маврикій вступился за него, и походъ 591 года востановилъ 591
его на родовомъ тронѣ. Но насколько Маврикій былъ счастливый полководецъ, настолько же онъ былъ плохой дипломатъ. Онъ вовсе не сумѣлъ использовать необыкновенно благопріятно сложившихся обстоятельствъ. По миру возвращены были только Дара и Мартирополь; далѣе, персидскій царь уступилъ римлянамъ бо̀льшую часть персидской Арменіи. Напротивъ, важная Низибія осталась въ рукахъ персовъ.

На западѣ новое правительство также проводило твердую политику. Не лишено значенія то обстоятельство, что при Маврикіи впервые появляется титулъ экзарха въ Равеннѣ и

Карѳагенѣ. Италія и Африка, въ равной степени угрожаемыя лангобардами и маврами, получили въ лицѣ экзарховъ военныхъ правителей съ широкими полномочіями, подчинившихъ себѣ постепенно и гражданское управленіе. Учрежденіе обоихъ экзарховъ является прелюдіей къ вступающей въ VII вѣкѣ въ жизнь ѳемной организаціи. Въ цѣляхъ возвращенія Верхней Италіи Маврикій заключилъ союзъ съ франками. Особенную дѣятельность проявилъ предпріимчивый экзархъ Смарагдъ. Прочныхъ успѣховъ достигнуто не было, зато все-таки этимъ былъ положенъ предѣлъ дальнѣйшему наступленію лангобардовъ.

Безпрестанной опасности подвергалась сѣверная граница имперіи. Съ аварами, правда, миръ былъ купленъ за повышенную дань, зато вторгались, подстрекаемые ими, подвластные имъ славянскія племена. По свидѣтельству современныхъ сирійскихъ писа-
581 телей, авары [1]) и славяне проникли далеко на югъ. Въ 581 году они не только нападаютъ на Ѳракію, но осѣдаютъ отрядами въ окрестностяхъ Ѳессалоникъ и проходятъ до Пелопоннеса, гдѣ и остаются. Согласно одной поздней и по достовѣрности сомнительной легендѣ, какъ разъ въ это время жители лакедемонскаго „голоднаго" Эпидавра бѣжали отъ надвигающихся славянъ на близлежащій скалистый островъ, и, такимъ образомъ, положили начало столь важному позднѣе торговому центру Монемвасіи. Въ самомъ дѣлѣ, еще полтора столѣтія спустя моряки называли Кинурію „славянской областью". Какъ силенъ былъ славянскій элементъ въ эллинскихъ областяхъ, показываетъ то обстоятельство, что въ
623 слѣдующемъ поколѣніи (623 г.) славянскій разбойничій флотъ напалъ на Критъ и разграбилъ его. Но слѣдуетъ—что уже давно признано—отнести къ области сказокъ смѣлую гипотезу Фалльмерайера о страшномъ избіеніи всего несчастнаго племени эллиновъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ приморскихъ крѣпостей) и о полнѣйшей славянизаціи Эллады и Пелопоннеса при Маврикіи. Объ ея опроверженіи во всякомъ случаѣ позаботились не теперешніе эллины, которые руководятся больше патріотическими, чѣмъ научными основаніями. Главная заслуга принадлежитъ нѣмцу Карлу Гопфу (C. Hopf), который своимъ осмотрительнымъ изслѣдованіемъ отнялъ почву у дикой фантазіи Фалльмерайера; но, конечно, и онъ въ своемъ отрицаніи какихъ бы то ни было глубокихъ слѣдовъ славянскихъ набѣговъ при Маврикіи, зашелъ слишкомъ далеко въ противоположномъ направленіи и работалъ не всегда

[1]) Авары образуютъ, сравнительно со славянами, лишь малочисленную аристократическую касту. Замѣчательно, впрочемъ, что въ этомъ столѣтіи урало-алтайскія племена, большей частью численно слабыя, подчиняютъ себѣ германскія и славянскія племена; они, очевидно, должны были обладать военными, политическими и духовными преимуществами. Стоитъ только вспомнить гунновъ (повелителей готовъ и др. германскихъ племенъ), аваровъ, болгаръ.

методически. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что вовсе не столь незначительная часть теперешнихъ эллиновъ состоитъ изъ огречившихся славянъ. Для Греціи это произведенное въ умѣренномъ размѣрѣ смѣшеніе народовъ было счастьемъ, ибо старые народы, живущіе въ строгомъ отчужденіи, останавливаются въ своемъ развитіи и хирѣютъ; стоитъ вспомнить, напримѣръ, исландцевъ. Отъ этого предохранила Элладу проникшая въ V и VI столѣтіяхъ славянская кровь. Совершенно славянизованъ былъ въ этомъ и послѣдующемъ поколѣніи сѣверъ Балканскаго полуострова, теперешнія области сербско-кроатскаго и болгарскаго языковъ.
Въ 583 году въ руки аваровъ и подвластныхъ имъ славянъ пере- 583
шли Сингидунъ, Виминацій и другія дунайскія крѣпости. Въ
587 году подпали ихъ власти города Мизіи: Ратіарія, Доро- 587
столъ (Драчъ) и другіе до Маркіануполя. Страна южнѣе Балканъ до Адріанополя попеременно подвергалась нашествіямъ аваровъ и славянъ. Перемѣна наступила въ 591 году, когда 591
Маврикій могъ, наконецъ, по заключеніи мира съ Персіей, направить на защиту европейскихъ провинцій гораздо больше боевыхъ силъ. Вслѣдствіе этого война возгорѣлась съ удвоенной яростью. Авары осадили Өессалоники и угрожали самой столицѣ Но въ 593 году, 593
выдающійся византійскій полководецъ Прискъ вторгнулся за Дунай
и въ 601 году одержалъ надъ ними большую побѣду, сначала подъ 601
Виминаціемъ, а затѣмъ, подвигаясь по сѣверному берегу, на берегу Тиссы, въ бывшей области гепидовъ. Въ слѣдующемъ году воевали также удачно. Однако войска, раздраженныя неумѣстной бережливостью императора, подняли открытый мятежъ, когда имъ
въ 602 году пришлось зимовать по ту сторону Дуная. Характерно 602
для этого солдатскаго мятежа, что во главѣ сталъ офицеръ низшаго ранга, центуріонъ Фока. Маврикій попробовалъ удержать за собой столицу, вооруживъ цирковыя партіи „зеленыхъ" и „голубыхъ". Но, когда армія направилась къ столицѣ, здѣсь тоже разразилась революція. Растерявшійся императоръ счелъ все потеряннымъ, и бѣжалъ со своимъ семействомъ на азіатскій берегъ.
Въ ноябрѣ 602 года **Фока** (602 — 610), былъ вѣнчанъ импе- 602-
раторомъ; немедленно за своимъ вступленіемъ онъ приказалъ 610
умертвить низвергнутаго императора. Многочисленные смертные приговоры должны были укрѣпить власть узурпатора. Историческія повѣствованія, находящіяся цѣликомъ подъ вліяніемъ поздняго врага императора, рисуютъ этого послѣдняго въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Въ данномъ случаѣ они, кажется, не отступаютъ отъ истины: болѣе грубаго и неспособнаго правленія восточный Римъ еще никогда не видалъ [1]).

Хозрой воспользовался перемѣной на тронѣ, чтобы подъ видомъ мщенія за своего „отца" Маврикія возобновить враждеб-

---

[1]) Сравн: *Spintler*: Phokas. (*В. Б.*).

ныя дѣйствія; Нарзесъ, одинъ изъ способнѣйшихъ генераловъ востока, гроза персовъ, возмутился въ Эдессѣ и вступилъ въ сношенія съ Хозроемъ. Чтобы быть въ состояніи сосредоточить всѣ свои силы на востокѣ, Фока заключилъ съ аварами миръ, повысивъ ежегодную дань. Нарзесъ сдался, полагаясь на слово императорскаго племянника и полководца Доментіола, но былъ вѣроломно умерщвленъ Фокой. Персы одержали цѣлый рядъ
606 побѣдъ. Въ 606 году пала важная пограничная цитадель Дара; Сирія и Месопотамія были наводнены конными отрядами персовъ Въ
608 608 году они прорвались черезъ Малую Азію даже до Халкидона. Въ столицѣ настроеніе чиновниковъ и знати по отношенію къ правителю было въ высшей степени враждебное. Только съ помощью кроваваго террора могъ Фока удерживать свою власть. Въ это время способнѣйшій генералъ Прискъ, котораго Фока сдѣлалъ своимъ зятемъ и возвысилъ въ степень comes excubitorum, вошелъ въ сношенія съ экзархомъ Африки Ираклiемъ и его братомъ Григоріемъ. Эти послѣдніе съ нѣкотораго времени уже приготовились къ борьбѣ. Сынъ Григорія, Никита, двинулся сухимъ путемъ въ Египетъ и завладѣлъ послѣ упорной битвы Александріей; въ то же время сынъ экзарха, Ираклій, поплылъ съ африканскимъ флотомъ прямо къ столицѣ. Въ началѣ октября
Окт. 610 610 года флотъ вошелъ въ гавань Византіи, не встрѣтивъ серьезнаго сопротивленія. Фока палъ жертвой народной ярости; съ нимъ вмѣстѣ погибли руководящіе люди его правленія Доментіолъ, Вонось и Леонтій. 5 октября 610 года сенатъ и
5 окт. 610 народъ торжественно провозгласилъ Ираклія августомъ и онъ былъ коронованъ патріархомъ Сергіемъ.

Съ Ираклія мы опять можемъ начать новый историческій періодъ: его царствованіе одновременно и послѣдняя плита на гробницѣ умирающаго времени и начало новой эпохи. Эллинская классическая культура, проявившая еще свои жизненныя силы особенно въ исторической литературѣ (Прискъ, Малхъ, Прокопій, Агаѳія, Менандръ), дала свой послѣдній отпрыскъ въ Ѳеофилактѣ Симокаттѣ, кліентѣ геніальнаго покровителя науки патріарха Сергія. Вскорѣ за этимъ наступаетъ полуторавѣковой періодъ полнаго варварства. Ужасная борьба за существованіе съ Востокомъ, продолжавшаяся все это время, заставила замолчать и музъ и законы. Конечно, только педанты могутъ презрительно думать и говорить о подобномъ безплодномъ въ литературѣ времени; но съ древне-греческимъ великолѣпіемъ тогда было надолго покончено. Къ этому моменту мы лучше всего можемъ отнести начало новой эпохи. Мы покидаемъ классическую древность и вступаемъ на порогъ переходнаго времени.

III. Династія Ираклія и борьба съ исламомъ (610 — 717).

Со времени отреченія племянника Юстиніана пурпурная мантія доставалась почти исключительно военнымъ. **Ираклій** (**610— 610-641**) [1]) былъ тоже военнымъ; онъ происходилъ изъ семьи, уже въ 641 теченіе двухъ поколѣній занимавшей высокіе посты на военной и гражданской службѣ. Онъ былъ предназначенъ быть правителемъ и имѣлъ счастіе опять основать династію, процвѣтавшую въ теченіе пяти поколѣній. Во главѣ имперіи теперь стоялъ геніальный полководецъ и способный организаторъ и политикъ. Но положеніе было почти отчаянное. Европу опустошали авары и славяне; въ Азіи дѣлали набѣги персы; всѣ укрѣпленные города дрожали передъ ними; персы перешли Евфратъ. Послѣ крупной побѣды надъ римлянами ихъ власти въ 611 г. подпали Антіохія, Апамея, Емеса 611
и каппадокійская Кесарія. Многократно начинаемые императоромъ мирные переговоры кончались неудачей, такъ какъ Хозрой питалъ надежды на окончательную побѣду надъ ромейской имперіей; и событія послѣдующихъ лѣтъ, казалось, оправдывали его предположенія. Въ 613 г. персидскій полководецъ Шарбаразъ взялъ 613
Дамаскъ; въ 614 г. онъ перешелъ Іорданъ и занялъ Іерусалимъ. 614
Святой градъ былъ превращенъ въ пепелъ, его населеніе перебито или переселено въ Персію; также и патріархъ Захарія и „животворящее древо“, святой крестъ, были отправлены въ Ктесифонъ. Это событіе вызвало необычайное возбужденіе. Какъ безмѣрное несчастіе была воспринята потеря палладія вѣры далеко за предѣлами ромейской имперіи всѣмъ христіанствомъ и прежде всего благочестивымъ народомъ франковъ. Только св. губку и св. копье спасъ, по крайней мѣрѣ, патрикій Никита и доставилъ въ столицу имперіи. Шахинъ, второй персидскій полководецъ, прошелъ въ 615 г. до Халкидона; однако диверсія византійскаго полководца Фи- 615
липпика въ Арменію принудила его пока возвратиться. Но въ 619 г. персы завоевали Анкиру и вслѣдствіе этого стали госпо- 619

[1]) *A. Pernice:* L'imperatore Eraclio. Saggio di storia bizantina (Firenze, 1905). (*В. Б.*).

дами путей сообщенія, соединявшихъ столицу съ Сиріей и Азіей. Въ томъ же году подъ власть персовъ попалъ Египетъ, необходимый для снабженія продовольствіемъ столицы, съ своимъ главнымъ городомъ Александріей.

Понятно, что въ припадкѣ отчаянія императоръ думалъ спастись въ Африку. Но его удержали вельможи синклита и патріархъ Сергій, патріотъ и государственный умъ. Безмѣрность политическаго несчастія вызвала, какъ въ 1806 г. въ Германіи, продолжительный нравственный и политическій подъемъ. Ираклій использовалъ слѣдующіе годы, чтобы возстановить и заново обучить армію, во времена Фоки совершенно разстроенную и почти уничтоженную.

Весною 622 г. онъ составилъ регенство изъ своего несовершеннолѣтняго сына и соимператора Константина подъ руководствомъ патріарха и патрикія Воноса (Βόνοσος) и отправился затѣмъ въ походъ противъ персовъ. Экспедиціи императора имѣли характеръ крестовыхъ походовъ: онѣ были направлены противъ разрушителя св. града и похитителя св. Креста. Подобно тому какъ во время взятія Константинополя—корабли его флота были украшены образомъ Богоматери, такъ и теперь войска и ихъ вожди думали, что они будутъ сражаться подъ явнымъ покровительствомъ Пресвятой. Ираклій уже достигъ персидской границы, когда его принудило къ возвращенію вторженіе аваровъ. Гораздо болѣе значительной была
624 вторая экспедиція, начатая въ 624 г. Императоръ побѣдоносно прошелъ черезъ Арменію до Адербейджана, гдѣ разбилъ самого персидскаго царя и разрушилъ въ Гандзакѣ знаменитый храмъ огня—война вслѣдствіе этого ясно отмѣчается, какъ война религіозная. Но онъ долженъ былъ отказаться отъ попытки пройти въ собственно Персію черезъ мидійскіе проходы, такъ какъ противъ него двинулись Шарбаразъ изъ Малой Азіи и Шахинъ съ вновь набраннымъ войскомъ. Онъ двинулся въ сѣверныя мѣстности, гдѣ нашелъ въ иверахъ, лазахъ и авазгахъ важныхъ союзниковъ и драгоцѣннѣйшихъ соратниковъ для всевозможныхъ дѣлъ при условіи
625 регулярнаго платежа жалованья. Въ 625 г. противъ него дѣйствовало и третье персидское войско подъ предводительствомъ Шараплакана. Ираклій долженъ былъ отступить къ сѣверу, въ страну гунновъ. Отсюда онъ опять двинулся въ персидскую Арменію и въ началѣ зимы одержалъ блестящую побѣду надъ Шарбаразомъ, которой онъ не могъ, однако, использовать. Напротивъ того, онъ пошелъ обратно со своими истощенными войсками черезъ Тавръ и Сирію въ Малую Азію, и персы не смогли ему помѣшать.

626 Лѣтомъ 626 г. мы встрѣчаемъ императора въ Лазикѣ, уже занятаго третьимъ походомъ. Ему удалось заключить союзъ противъ персовъ съ могущественнымъ хазарскимъ ханомъ, господство-

вавшимъ въ русско-киргизской равнинѣ. Но совмѣстная осада Тифлиса не привела ни къ какому результату. Послѣ утомительныхъ переходовъ въ срединѣ зимы слѣдующаго года дошло, наконецъ, до большого и рѣшительнаго сраженія при Ниневіи **12 дек. 627** г., которое уничтожило персидское войско. Непосредственно послѣ этого былъ разгромленъ и разрушенъ рядъ царскихъ замковъ, среди нихъ резиденція Хозроя Дастагердъ, и освобождено много христіанъ. Походъ на Ктесифонъ оказался невыполнимымъ, такъ какъ персы разрушили всѣ мосты черезъ Нахарванъ, и стали по ту сторону послѣднихъ. Ираклій предпринялъ опасное возвращеніе черезъ горныя мѣстности Мидіи. Онъ достигъ счастливо границы, перешелъ Малую Азію, и при безмѣрномъ восторгѣ населенія побѣдоносный императоръ вступилъ въ свою столицу. Уже на пути его настигло извѣстіе о катастрофѣ, постигшей персидскаго царя. Сынъ послѣдняго Сирой просилъ мира и получилъ перемиріе. Персидскія войска очистили римскія провинціи, которыя Ираклій опять кое-какъ привелъ въ порядокъ; послѣднимъ ушелъ въ 629 г. изъ Египта Шарбаразъ. Въ томъ же 629 году св. крестъ былъ снова отосланъ въ Іерусалимъ. Самъ императоръ со всѣмъ духовенствомъ при восторгѣ народа водрузилъ опять крестъ, (**14 сент. 629 г.**) и съ тѣхъ поръ церковь торжественно стала праздновать ежегодно праздникъ Воздвиженія Креста. На все христіанство это дѣло императора Ираклія произвело самое сильное впечатлѣніе, продолжавшее жить въ теченіе столѣтій. Въ слѣдующемъ году, кажется, былъ, наконецъ, заключенъ съ Персіей формальный миръ.

Ираклій стоялъ на вершинѣ своей славы. Персидское царство было поколеблено и ослаблено постоянными перемѣнами на тронѣ, и такимъ образомъ казалась устраненной навсегда опасность на востокѣ.

Въ то время какъ вся сила имперіи была сосредоточена на восточныхъ дѣлахъ, на западѣ произошли важныя потери. Въ 616 г. сдались вестготскому королю Сисебуту еще принадлежавшіе имперіи приморскіе города, и его преемникъ Свинтила окончательно положилъ конецъ немногимъ остаткамъ восточно-римскихъ владѣній на пиренейскомъ полуостровѣ. Точно также при Иракліи пришлось окончательно оставить дунайскую линію, съ трудомъ удерживаемую уже Маврикіемъ. Область между Дунаемъ и Балканами давно уже была наводнена славянскими поселенцами. Позднѣйшее извѣстіе сообщаетъ, что сербы и хорваты въ правленіе Ираклія заняли историческія мѣста своего поселенія, и утѣшаетъ себя тѣмъ, что эти племена будто бы пришли сюда по соглашенію съ императоромъ противъ аваровъ. На самомъ дѣлѣ произошло какъ разъ наоборотъ. Византія съ трудомъ удерживала власть надъ далматинскими приморскими городами. Гораздо болѣе страшной была опасность со стороны аваровъ. Въ 623 г. они 623

прошли почти до столицы, и только значительнымъ увеличеніемъ дани правительство купило миръ. Въ то же время славяне все въ большемъ числѣ вторгались въ европейскія провинціи; ихъ легкія
623 лодки грабя дошли въ 623 г. до Крита. Еще ужаснѣе было на-
29 іюля паденіе 29 іюля 626 г.: авары и славяне тѣснили столицу съ суши
626 и моря, и одновременно на азіатскомъ берегу у Халкидона стоялъ Шарбаразъ со своими персами. Но геройскій гарнизонъ отбилъ всѣ нападенія: въ августѣ славяне и авары должны были опять отступить.

Послѣ этого послѣдняго страшнаго напряженія авары перестаютъ быть опасностью для имперіи. Славянскія племена продолжали и въ слѣдующія десятилѣтія начатое въ правленіе Маврикія заселеніе балканскаго полуострова; они поселились плотными массами въ Мизіи, Македоніи, Элладѣ и Пелопоннесѣ. Теперь впервые выступаютъ съ особымъ значеніемъ урало-алтайскіе болгары, давно упоминаемые среди дунайскихъ племенъ. Именно, послѣ упорядоченія восточныхъ дѣлъ Ираклій вступилъ въ союзъ съ ихъ княземъ Кувратомъ, чтобы воспользоваться имъ противъ аваровъ и славянъ. Кувратъ сполна выполнилъ возложенныя на него ожиданія и благодарный императоръ возвелъ его въ санъ патрикія. Авары были ограничены теперь Панноніей.

Побѣдоносное окончаніе персидской войны повело въ политическомъ отношеніи къ возврату монофизитскихъ провинцій Сиріи и Египта, долѣе десятилѣтія оторванныхъ отъ имперіи. Совершенно естественно, что одной изъ самыхъ ревностныхъ заботъ правительства было снова морально завоевать жителей этихъ ставшихъ національно и религіозно чуждыми византійскому государству восточныхъ областей, и оно надѣялось сдѣлать ихъ путемъ религіозной уніи снова доступными имперской идеѣ. Императоръ самъ совѣщался съ самыми выдающимися іерархами яковитовъ. Сверхъ всякихъ ожиданій унія состоялась. Предложенная по совѣту столичнаго патріарха Сергія, дѣйствительно превосходнаго администратора и очень разсудительнаго церковнаго политика, формула: „Состоящій изъ двухъ природъ богочеловѣкъ все произвелъ единой богочеловѣческой энергіей“, вполнѣ соотвѣтствовала старому ученію церкви и нашла полное сочувствіе у египтянъ и сирійцевъ. Епископъ Фасиса Киръ, съ которымъ императоръ познакомился во время своего кавказскаго похода, послѣ своего возведенія на александрійскій престолъ оказался въ высшей степени удобнымъ и способнымъ орудіемъ императорской политики. Созванный въ Арменіи, ставшей опять въ зависимыя отношенія къ Византіи, католикосомъ Эзромъ синодъ заявилъ о своемъ полномъ согласіи съ ученіемъ „боговозлюбленнаго“ императора. И самымъ важнымъ было то, что рука объ руку съ Сергіемъ шелъ римскій епископъ Гонорій, мягкій и разсудительный человѣкъ. Казалось, что все

складывалось самымъ лучшимъ образомъ, какъ вдругъ неожиданно весьма рѣзко выступилъ противъ съ трудомъ установленнаго ученія уніи вновь избранный іерусалимскій патріархъ Софроній, превосходный ученый и благочестивый аскетъ изъ школы александрійскаго патріарха Іоанна Милостиваго (610—619), но вмѣстѣ съ тѣмъ страстный и безтактный ревнитель. Громадное впечатлѣніе произвело мнѣніе этого іерарха, равно уважаемаго и за свою ученость и за благочестіе. Благочестивые люди вздыхали и объявляли поврежденной чистоту вѣры. Напрасно благоразумные епископы новаго и стараго Рима старались успокоить „гнѣвнаго святого". Какъ обычно бываетъ, онъ счелъ себя обязаннымъ повиноваться болѣе Богу, чѣмъ людямъ, и остался глухимъ къ самымъ убѣдительнымъ представленіямъ. Ираклій старался дѣйствовать примирительно и издалъ въ 638 г. составленный Сергіемъ указъ 638
(ἔκθεσις), который не былъ способенъ, однако, успокоить бурю своимъ яснымъ признаніемъ ученія о единой волѣ. И въ западныхъ провинціяхъ, Италіи и Африкѣ, распространилось сильное возбужденіе и раздуваемое духовенствомъ прямо революціонное настроеніе. Бывшій тайный секретарь императора св. Максимъ, основательно изучившій философію Аристотеля, тонкій діалектикъ, прямо таки нелояльнымъ образомъ повысилъ раздраженіе африканцевъ и по мѣрѣ силъ увеличивалъ правительству затрудненія своею мало благочестивой ревностью. Такимъ образомъ правительство, когда ему въ высшей степени угрожали новыя военныя опасности, видѣло себя ослабленнымъ внутри государства религіознымъ споромъ.

Со времени крушенія персидскаго могущества восточныя дѣла казались благоустроенными. Какъ могли въ Византіи предчувствовать, что Аравія, страна лишенная исторіи, вдругъ возсіяетъ подобно метеору, и станетъ носительницей могучей всемірно-исторической будущности! Какъ могли римляне предвидѣть, что радостно-религіозный военный энтузіазмъ ислама станетъ столь ужаснымъ для имперіи! Къ первымъ нападеніямъ мусульманъ, не имѣвшимъ заслуживающаго упоминаній успѣха, въ столицѣ отнеслись очень легко. Но когда въ 634 г. въ ихъ руки попала Бостра, столица 634
византійской провинціи Аравіи, императоръ самолично появился въ сирійской столицѣ Антіохіи. Но его полководцы сражались неудачно. Въ 635 г. палъ Дамаскъ; важнѣйшіе сирійскіе города 635
капитулировали, и въ 636 г. большая битва при Ярмукѣ окончательно рѣшила судьбу Сиріи. Только что возставшій изъ пепла св. 636
градъ послѣ двухлѣтней осады былъ переданъ въ 637 г. по договору Омару патріархомъ Софроніемъ. Съ завоеваніемъ Месопотаміи и Едессы весь востокъ оказался въ рукахъ арабовъ. Симпатіи христіанъ монофизитовъ часто стояли на сторонѣ завоевателей и, по крайней мѣрѣ отчасти, объясняютъ эти безпримѣрные успѣхи. 637

Подъ руководствомъ Амру арабы утвердились и въ Египтѣ. Вблизи Ликополя и затѣмъ при Иліополѣ греки были разбиты, Вавилонъ, Никіу и другіе города были взяты штурмомъ. Когда
11 февр. 641 Ираклій умеръ 11 февраля 641 г., почти вся страна, за исключеніемъ Александріи, была въ ихъ рукахъ. Уполномоченный новымъ правительствомъ патріархъ Киръ велъ переговоры съ Амру и заключилъ договоръ. Но вслѣдствіе вторичной смѣны на тронѣ трактатъ отказались признать въ столицѣ, хотя рѣшительно не имѣли силъ поддерживать въ теченіе продолжительнаго времени
29 сент. 643 при помощи флота сильно тѣснимую Александрію. 29 сентября 643 г. побѣдоносный Амру въѣхалъ въ городъ Нила. И въ Египтѣ ненависть коптовъ къ грекамъ оказала большую помощь завоевателямъ. Все дѣло Ираклія было разрушено, и имперія была ограничена Малой Азіей, Балканскимъ полуостровомъ и разсѣянными владѣніями на латинскомъ Западѣ.

Послѣ смерти Ираклія во власти хотѣла утвердиться его вторая супруга, честолюбивая племянница Мартина, съ которою онъ вступилъ въ бракъ къ величайшему соблазну церкви. Но армія возложила правленіе на его обоихъ сыновей: **Константина II**, долголѣтняго соправителя покойнаго императора, и его младшаго брата **Ираклія** (**Ираклеона**), сына Мартины. Уже давно болѣвшій Константинъ, бывшій дѣйствительнымъ
24 мая 641 правителемъ, умеръ уже 24 мая 641 г. Обвиненіе его мачехи въ отравленіи распространилось тотчасъ, и послѣ смѣны на престолѣ было оффиціально высказано, но несмотря на это не заслуживаетъ довѣрія. Ираклеонъ былъ теперь признанъ въ столицѣ императоромъ. Фактически правили Мартина и патріархъ Пирръ. Но армія и ея вожди стояли на сторонѣ дѣтей умершаго императора. Уже осенью 641 г. императоръ и его мать были свергнуты, и малолѣтній сынъ Константина, **Константъ II** (оффиціально
641 668 **Константинъ III**) былъ провозглашенъ императоромъ (**641—668**).

Большія территоріальныя потери имперіи въ эпоху Ираклія принесли ей косвенно пользу. Національно чуждые и непокорные элементы населенія были выдѣлены. Жители Малой Азіи и тѣхъ частей Балканскаго полуострова, которыя признавали власть императора, образовали по вѣрѣ и языку совершенно однообразную массу, надежно лояльную. Къ этому присоединяется организація ѳемнаго строя. Уже Юстиніанъ и его преемники сдѣлали первые шаги къ замѣнѣ стараго діоклетіановскаго раздѣленія военныхъ и гражданскихъ властей концентраціей всего управленія въ рукахъ главы военной власти. Военныя затрудненія Ираклія и его преемниковъ заставили правительство разложить Малую Азію и постепенно всю имперію на рядъ военныхъ округовъ—ѳемъ. Стоявшіе во главѣ нихъ генералы-стратиги вмѣстѣ съ высшей командой надъ войсками соединяли въ своихъ рукахъ и гражданское управленіе.

Достроена и улучшена была эта система геніальными императорами сирійской династіи. Она спасла имперію.[1]).

Константъ показалъ себя непоколебимымъ и самостоятельнымъ государемъ, вполнѣ доросшимъ до своей трудной задачи. Цѣною неслыханныхъ усилій удалось задержать арабское вторженіе. Предпріимчивымъ намѣстникомъ Сиріи, Моавіей, былъ уже орга-
низованъ флотъ. Въ 648 г. Моавія напалъ на Кипръ и взялъ 648
столицу Константію; годомъ позже былъ разрушенъ Арадъ. Въ
654 г. арабы разграбили Родосъ; точно также византійцы потеряли
Арменію вслѣдствіе измѣны мѣстнаго государя. Огромный флотъ,
высланный противъ самой столицы, побѣдилъ въ 655 г. у ликій- 655
скаго берега императорскій флотъ. Но смерть халифа Отмана и
послѣдовавшія за ней внутреннія замѣшательства принудили Моа-
вію въ 659 г. не только къ заключенію мира, но даже къ пла- 659
тежу имперіи дани. Въ 663 г. возобновились враждебныя дѣй- 663
ствія. Ежегодно арабы нападали на Малую Азію Въ 668 г. они 668
прошли до Халкидона; Аморій былъ завоеванъ, но вскорѣ опять потерянъ. Ничего прочнаго они не достигли: усиленіе военныхъ силъ имперіи охранило ее отъ значительныхъ потерь. Мирнымъ временемъ императоръ воспользовался для похода противъ „Склавоніи“, т.-е. повидимому противъ македонскихъ племенъ, угрожавшихъ Солуни. Многія изъ нихъ были принуждены платить имперіи дань.

Во внутреннихъ дѣлахъ восточный Римъ все еще душили монофелитскіе споры. Западъ энергично протестовалъ противъ императорскаго ученія. Честолюбивый экзархъ Африки Григорій, другъ монаховъ, сдѣлалъ главной квартирой православія свою провинцію, куда стекались въ множествѣ бѣглецы изъ завоеванныхъ восточныхъ провинцій; онъ провозгласилъ себя императоромъ. Но его эфемерная
власть, основанная на „правовѣріи“, пала уже въ 647 г. подъ ударами 647
побѣдоносно наступающихъ арабовъ. Африка почти цѣликомъ попала въ ихъ руки. Императоръ, желая возстановить церковный миръ, из-
далъ въ 648 г. указъ (Τύπος), который запрещалъ всякіе споры о числѣ 648

[1]) Объ организаціи ѳемъ ср. превосходное изслѣдованіе (въ частностяхъ, конечно, не свободное ни отъ возраженій ни отъ ошибокъ) *Bury* (A History of the later Roman Empire т. II, стр. 399 сл.) „origin of the system of Themes“. Согласно ему можно указать въ VII ст. слѣдующіе, поставленные во главѣ провинціальнаго управленія, военные округа:

А. въ Азіи: 1) опсикійскій (Виѳинія), 2) анатолійскій (Арменія I и Понтъ), 3) арменіакскій (Каппадокія I и II, Арменія III), 4) ѳракисійскій (древняя провинція Азія), 5) кивиреотскій друнгаріатъ (адмиральство) (Памфилія и Писидія)

Б. въ Европѣ: 1) Ѳракія, 2) Эллада (съ Пелопоннесомъ), 3) итальянскій или равеннскій экзархатъ съ подчиненными ему провинціями: а) Урбикаріей, б) Кампаніей, в) Аннонаріей, г) Эмиліей, д) Апуліей, е) Бреціумомъ, ж) Сициліей, з) Венеціей; 4) карѳагенскій или африканскій экзархатъ съ подчиненными ему провинціями (большею частью потерянными): а) проконсульской, б) Визакіей, в) Нумидіей, г) Мавританіей I, д) Мавританіей II=Septum, е) Сардиніей. [Сравн. также *Ch. Diehl*. L'origine du régime des thèmes dans l'empire Byzantin (въ Études d'hist. du moyen-âge dediées à G. Monod. Paris 1896); *H. Gelser:* Die Genesis der byz. Themenverfassung (Leipzig 1899); *Ѳ. Успенскій:* Военное устройство виз. имперіи (Изв. Русск. Арх. Инст. въ КП. 1900). (*В. Б.*)].

воль и энергій. Но самый выдающійся идейный вождь монаховъ св. Максимъ отрицалъ за императоромъ право вмѣшательства
649 въ дѣла вѣры, и на латеранскомъ соборѣ 649 г. папа Мартинъ I торжественно осудилъ монотелитское ученіе вмѣстѣ съ указами (Ἔκθεσις и Τύπος). Императоръ выказалъ, однако, необычайную энергію, придерживаясь старой традиціи Востока въ противоположность но-
653 вому ученію о свободѣ церкви. Въ 653 г. папа Мартинъ былъ арестованъ равеннскимъ экзархомъ и доставленъ въ столицу, гдѣ противъ него начали процессъ. Онъ умеръ въ изгнаніи въ Херсонѣ; впечатлѣніе получилось желательное, такъ какъ его преемники, Евгеній и Виталіанъ, выказали себя необычайно послушными правительству. Подобная же судьба постигла и св. Максима, который былъ сильно замѣшанъ въ африканской революціи и сильно заподозрѣнъ въ государственной измѣнѣ. Возстановленіе церковнаго единенія съ старымъ Римомъ дало ясное выраженіе императорской побѣдѣ.

Не только церковныя замѣшательства, но и политическія отношенія направили вниманіе императора на западъ. Вслѣдствіе массоваго наплыва бѣглецовъ изъ утраченныхъ восточныхъ провинцій Сицилія стала превращаться въ греческую провинцію—цѣнное укрѣпленіе византійскаго господства на западѣ. Почти всѣ папы послѣдующаго времени происходятъ изъ этихъ сирійскихъ и греческихъ эмигрантскихъ семействъ. Изъ этого обстоятельства совершенно превратно выводили опредѣленную политическую тенденцію византійскаго правительства, въ то время какъ здѣсь слѣдуетъ видѣть доказательство преимущественнаго положенія этого элемента въ близкомъ къ патріарху стараго Рима клирѣ. Уже въ
652 652 г. арабы сдѣлали нападеніе на этотъ островъ, но это былъ только разбойничій набѣгъ въ крупномъ размѣрѣ; во всякомъ случаѣ было умѣстно выступить тутъ противъ нихъ серьезно. Им-
662 ператоръ явно имѣлъ далеко идущіе планы, когда онъ въ 662 г. поплылъ съ сильнымъ флотомъ черезъ Аѳины въ Тарентъ. Предстояло сдѣлать опять, какъ въ былыя времена, центромъ тяжести имперіи въ теченіе долгаго времени запущенные внѣшніе ея посты, западныя провинціи. Старый Римъ долженъ былъ снова стать столицей. Но императоръ, посвятившій съ большимъ упорствомъ позднѣйшіе годы своей жизни этой романтической политикѣ возстановленія имперіи, не смогъ выполнить даже перваго ея условія, отвоеванія Италіи отъ лангобардовъ. Безрезультатно прошли его попытки снова подчинить Византіи беневентское герцогство. Послѣ кратковременнаго посѣщенія Рима императоръ сдѣлалъ своей постоянной резиденціей Сиракузы, направивъ свои взоры на Африку. Здѣсь удалось отвоевать Карѳагенъ и нѣсколько другихъ приморскихъ крѣпостей. Но изъ двухъ посланныхъ императоромъ византійскихъ флотовъ одинъ былъ побѣжденъ арабами, другой разбитъ бурей. Современники

громко жаловались на тяжелое бремя и на притѣсненія, которыя налагало на западныя провинціи это чрезвычайное напряженіе силъ имперіи. Все вздохнуло свободно, когда могучій императоръ закончилъ свою жизнь въ 668 г. подъ ударами убійцъ въ сиракузскихъ баняхъ. 668

Въ Сициліи императоромъ былъ провозглашенъ армянинъ Мизизій (Межежъ), который нравился солдатамъ, какъ нѣкогда Геліогабалъ, только своею тѣлесной красотой. Однако сынъ Константа, **Константинъ IV Погонатъ (668—685)**, ведшій до сихъ поръ въ Византіи дѣла правленія, явился въ Сицилію съ большимъ флотомъ и положилъ скорый конецъ узурпаціи. На обратномъ пути отряды анатолійской ѳемы принудили его сдѣлать соимператорами своихъ братьевъ Ираклія и Тиверія. Солдаты хотѣли—характерно для вполнѣ теологическаго образа мыслей вѣка—имѣть на землѣ отображеніе небесной Троицы. Лишь въ 680 г. смогъ Константинъ опять достигнуть единодержавія, которое онъ раздѣлилъ потомъ со своимъ юнымъ сыномъ Юстиніаномъ II. Константинъ занялъ тронъ юношей; онъ показалъ, что вполнѣ выросъ для своей тяжелой задачи. Исповѣдники ислама страшно напрягали свои силы. Почти ежегодно они проходили черезъ Малую Азію. Въ 669 г. состоялась въ Сициліи высадка египетскихъ сарацинъ. Но главный ударъ былъ нанесенъ самой столицѣ. Неутомимый и воинственный Моавія подготовлялъ въ 672 г. грандіозную морскую экспедицію. Съ апрѣля и до сентября 673 г. флотъ стоялъ передъ Константинополемъ; но всѣ его нападенія были отбиты вслѣдствіе умѣлой организаціи императоромъ обороны. И болѣе всего вспоминаютъ краткія извѣстія хронистовъ о греческомъ огнѣ инженера Каллиника; брандеры византійскаго флота истребили арабскія суда.

668-685 680 669 672 673

Когда арабы овладѣли Эгейскимъ моремъ и заняли мимоходомъ въ 674 г. Критъ, они изъ своей главной базы Кизика съ безпримѣрнымъ упорствомъ стали возобновлять ежегодно лѣтніе набѣги на столицу, съ одинаковымъ неуспѣхомъ. Въ 677 г. блокада была снята; гордая армада была почти совсѣмъ уничтожена бурями у памфилійскаго берега и нападеніями кивиреотскаго флота. Въ то же время мардаиты, христіанскія разбойничьи шайки таврскихъ горъ, укрѣпились въ Ливанѣ и безпокоили сосѣднія области своими набѣгами, доходившими до Іерусалима. Моавія долженъ былъ купить тридцатилѣтній миръ платежомъ ежегодной дани. По отношенію къ нападеніямъ Востока Византія показала себя оплотомъ христіанской цивилизаціи; современники признали великое значеніе восточно-римскаго подвига, и многочисленныя посольства аварскаго кагана и западныхъ королей и націй поздравляли императора съ достигнутымъ имъ тріумфомъ. 674 677

Во время этихъ событій въ центрѣ имперіи второй городъ

балканскаго полуострова, Солунь, находился подъ угрозой почти ежегодныхъ нападеній осѣвшихъ въ Македоніи и Θессаліи славянскихъ племенъ. Особенно ужаснымъ было нападеніе 675 г., когда
675
677 городъ былъ запертъ съ суши и съ моря. Въ 677 г. подъ его стѣнами появляются и авары. Но городъ спасли отсутствіе единства и раздробленность славянъ, и геройское сопротивленіе горожанъ, руководимыхъ архіепископомъ Іоанномъ. Какъ въ столицѣ приписали удачу побѣдителей милосердой Богоматери, такъ въ Солуни она была отнесена къ св. Димитрію.

Гораздо болѣе значенія имѣло появленіе болгаръ на византійской почвѣ. Самыя древнія поселенія этого финно-угорскаго народа находятся на востокѣ сарматской низменности. Но многочисленныя орды давно отдѣлились и направились къ западу. Одна изъ нихъ сидѣла въ углу между Днѣстромъ, Дунаемъ и Чернымъ моремъ. Въ правленіе ихъ предпріимчиваго князя Испериха (Аспарухъ у грековъ) ихъ походы распространились до Мизіи. Хорошо сознавая опасность, Константинъ выступилъ противъ нихъ съ вели-
679 чайшей энергіей. Въ 679 г. онъ появился на нижнемъ Дунаѣ со своими сухопутными и морскими силами. Но походъ — вѣроятно вслѣдствіе неожиданной болѣзни императора — прошелъ совсѣмъ неудачно. Греки должны были очистить страну между Дунаемъ и Балканами. Здѣсь Исперихъ основалъ новое царство, котораго центромъ сперва была Варна, вскорѣ Преславъ и Дристръ (Силистрія). Болгары оказались народомъ, обладающимъ въ качествѣ властвующаго племени выдающейся политической ловкостью и большимъ организаторскимъ талантомъ. Славяне придунайскихъ областей должны были подчиниться ихъ владычеству. Финнская властвующая каста, кажется, скоро слилась со своими подданными въ одинъ народъ, и такъ какъ она приняла, подобно германскимъ завоевателямъ Испаніи и Италіи, языкъ побѣжденныхъ, то и возникло впервые болѣе значительное славянское государство. Многочисленныя славянскія племена, давно осѣвшія въ сѣверныхъ провинціяхъ имперіи, не представляли серьезной опасности для государства вслѣдствіе своей изолированности и разрозненности, а также и отсутствія политическаго смысла; напротивъ того, вновь основанному болгарскому царству суждено было страшнымъ образомъ вмѣшаться въ судьбы восточнаго Рима.

Потомство сохранило о Константинѣ, суровомъ и непоколебимомъ воинѣ, необыкновенно благодарное воспоминаніе не за его великія военно-политическія дѣла, а за возвращеніе государству церковнаго мира. Онъ низвергъ на шестомъ вселенскомъ со-
680- борѣ 680—681 гг. монотелитизмъ и возстановилъ господство пра-
681 вославія [1]). Для этой холодной разсудочной натуры имѣли значеніе

[1]) Такъ сообщаетъ, по крайней мѣрѣ, традиціонная церковная исторія. На самомъ дѣлѣ старое, отцами переданное ученіе, торжественно провозгла-

политическіе мотивы: монофизитскія провинціи были окончательно потеряны; итакъ, зачѣмъ поддерживать ненавистный эдиктъ объ уніи, когда это стало безцѣльнымъ?

Къ этому присоединился второй моментъ. Въ борьбѣ противъ итальянскихъ узурпаторовъ папа Виталіанъ лояльно поддерживалъ императорское правительство. Вліяніе римской куріи было безусловно рѣшающимъ на западѣ. Чтобы тѣсно связать Италію и Римъ съ имперіей, византійское придворное богословіе должно было подчиниться римскому. Память великаго Сергія, какъ нѣкогда Акакія, а также другихъ главъ уніи, была предана анаѳемѣ. Мало значило, что среди заклейменныхъ находилось и имя римскаго папы Гонорія. Несмотря на это, VI соборъ является рѣшительнѣйшей побѣдой, которую Римъ одержалъ надъ Востокомъ.

Константину наслѣдовалъ его лишь 16-лѣтній сынъ **Юстиніанъ II** (**685—695**; **705—711**), тоже истый сынъ богато **685-**
одаренной династіи Ираклія; но суровыя черты характера его **696;**
отца и дѣда въ немъ исказились въ каррикатуру; въ памяти по- **705-**
томковъ полный силъ и способный государь жилъ только въ об- **711**
разѣ жестокаго и отвратительнаго тирана. У молодого и неопытнаго правителя совсѣмъ не было благоразумія. И здѣсь сохранило значеніе то, что, умный констанцскій епископъ Соломонъ рамшвагскій писалъ аббату Augia Dives „Горе тебѣ, страна, гдѣ королемъ дитя“. Сознаніе высокаго значенія императорскаго званія, проникавшее Юстиніана, принимало у него почти причудливыя формы: полный болѣзненной жажды дѣятельности, онъ съ чисто царской неблагодарностью отпустилъ испытанныхъ министровъ отца и окружилъ себя безпринципными интриганами, для хитрости которыхъ онъ служилъ игрушкой, несмотря на то, что все время разыгрывалъ роль владыки. Уже его дѣдъ Константъ былъ—какъ это показываетъ его удаленіе въ Сицилію—рѣшительно ненормаленъ; и такимъ образомъ можно указать на вліяніе наслѣдственности, какъ на обстоятельство, извиняющее его завѣдомую манію власти. Съ арабами былъ заключенъ казавшійся очень благопріятнымъ миръ; они обязались платить повышенную дань. Обѣ великія державы должны были сообща управлять Кипромъ, Арменіей и Иверіей, какъ нѣкоторыми „общими владѣніями“. Но

шенное еще современникомъ Юстиніана патріархомъ Миной—палеографическія изслѣдованія св. отцовъ о письмѣ Мины отчасти сомнительнаго свойства—было замѣнено совершенно новыми догматическими конструкціями св. Максима, принятыми папой Мартиномъ. Папа Агаѳонъ извиняетъ себя самого неученостью своихъ совѣтниковъ. Но греческіе теологи, несмотря на это, склонились передъ ними. Императорское принужденіе содѣйствовало тутъ, кажется, такъ же, какъ въ Халкидонѣ; впрочемъ, смѣлый Макарій Антіохійскій былъ готовъ дать изрубить себя на куски за старую церковную истину. Никакъ не служитъ къ чести собора, что онъ осудилъ двухъ такихъ выдающихся и дѣйствительно святыхъ людей, какъ старо-римскій Гонорій и ново-римскій Сергій.

произведенное за это съ византійской стороны переселеніе мардаитовъ въ Малую Азію и Өракію справедливо разсматривалось, какъ тяжелая ошибка. Пусть эти передовые борцы за Христово ученіе были въ значительной степени дикой разбойничьей бандой, подобно неаполитанскимъ разбойникамъ, оружіе которыхъ благословлялъ кардиналъ Руффо; но ихъ опустошенія и жестокости мало отличались отъ того, что тогда считалось „справедливой войною", и постигали только „проклятыхъ Богомъ невѣрныхъ агарянъ". Поэтому христіане питали къ нимъ большое уваженіе и порицали императора за то, что онъ самъ разрушилъ „желѣзную стѣну" ромейской имперіи. Напротивъ, экспедиція императора противъ болгаръ и славянъ первоначально, казалось, увѣнчалась успѣхомъ: Онъ отбросилъ болгаръ, подчинилъ славянъ областей Гебра и Стримона и побѣдоносно прошелъ до Солуни. Славяне были массами переселены въ Азію, въ опсикійскую өему, и изъ нихъ образовали особый военный отрядъ въ 30.000 человѣкъ. Но и самъ императоръ потерпѣлъ на обратномъ пути большія потери, причиненныя болгарами, и новые славянскіе солдаты оказались совершенно ненадежными.
691 Когда Юстиніанъ въ 691 г. нарушилъ по ничтожнымъ поводамъ миръ съ арабами, онъ потерпѣлъ въ 692 г.
692 тяжелое пораженіе при Севастополѣ въ Киликіи главнымъ образомъ изъ-за измѣны вспомогательнаго славянскаго корпуса. Слѣдствіемъ этого было, что Арменія опять цѣликомъ попала въ руки арабовъ.

Громадныя суммы, которыя поглощались дорогими войнами и страстью правителя къ постройкамъ, и для собиранія которыхъ министры Өеодотъ и Стефанъ позволяли себѣ крайній произволъ и вымогательства, сдѣлали его правленіе въ высшей степени
695 ненавистнымъ. Когда въ 695 г. возмутился испытанный въ азіатскихъ походахъ воинъ Леонтій, довѣряясь предсказаніямъ своихъ друзей монаховъ, къ нему тотчасъ присоединились горожане и духовенство. Леонтія привѣтствовали, какъ императора, а Юстиніану отрѣзали носъ и сослали его въ Херсонъ.

Такъ по винѣ послѣдняго правителя былъ лишенъ трона послѣ 85-лѣтняго управленія законно правящій домъ; слѣдствія были въ корнѣ губительными для имперіи: сознающая свое всемогущество армія распоряжалась, какъ настоящіе мамелюки. Въ теченіе 22 лѣтъ быстро послѣдовали другъ за другомъ шесть правителей, изъ которыхъ большинство обязано діадемой милости солдатъ.

695- Кратковременное правленіе **Леонтія** (695—698) памятно
698 вслѣдствіе окончательной потери Африки. Съ величайшимъ упорствомъ византійцы здѣсь защищали свои приморскіе города въ постоянной борьбѣ съ арабами. Побѣдоносное наступленіе арабовъ,
697 которые въ 697 г. заняли даже Карөагенъ, побудило Византію къ

послѣднему напряженію своихъ силъ. Патрикій Іоаннъ завоевалъ городъ, разбилъ враговъ и снова овладѣлъ „твердыней Африки". Но уже въ слѣдующемъ году онъ долженъ былъ отступить передъ новымъ арабскимъ флотомъ. Карѳагенъ палъ и византійское владычество было ограничено Септумомъ, гдѣ при помощи вестготовъ еще продержался короткое время византійскій губернаторъ. Іоаннъ поплылъ обратно за подкрѣпленіями; но на пути въ Критѣ вспыхнулъ мятежъ. Апсимаръ, адмиралъ или друнгарій кивиреотовъ, былъ провозглашенъ императоромъ подъ именемъ **Тиверія III (698—705)** и скоро овладѣлъ столицей. Изуродованный Леонтій отправился въ монастырь. Правленіе Тиверія ни въ коемъ случаѣ **698-705** не было несчастнымъ. Его способный братъ Ираклій во главѣ азіатскихъ войскъ нѣсколько разъ рѣшительно разбилъ арабовъ, но не могъ воспрепятствовать ихъ укрѣпленію въ Киликіи. Возстаніе армянъ въ пользу Византіи было быстро и кроваво подавлено арабскимъ генераломъ.

Серьезной угрозой для правительства сталъ неутомимый Юстиніанъ. Онъ бѣжалъ къ хозарамъ и сочетался бракомъ съ дочерью кагана, въ христіанствѣ Ѳеодорой. Только вслѣдствіе удивительной энергіи онъ ушелъ отъ агентовъ варварскаго князя, подкупленнаго греческимъ золотомъ. Съ немногими преданными людьми онъ бѣжалъ послѣ опаснаго морского путешествія на утлой лодкѣ къ устьямъ Дуная и вступилъ въ сношенія съ преемникомъ Испериха Тервелемъ, котораго онъ вполнѣ склонилъ на свою сторону. Войско изъ болгаръ и славянъ привело его въ Византію. Хитростью ему удалось овладѣть городомъ. Тервель былъ возведенъ въ кесари и отпущенъ съ богатыми подарками. Столицу постигла неимѣющая себѣ подобной расправа обезумѣвшаго отъ ярости императора. Оба претендента были обезглавлены послѣ позорнаго выставленія напоказъ на улицахъ города и въ циркѣ; патріархъ Каллиникъ, который день низложенія Юстиніана отмѣтилъ, какъ Господній день, и короновалъ его обоихъ противниковъ, былъ ослѣпленъ и сосланъ въ Римъ. Всѣ выдающіеся военные члены противной партіи были жестокимъ образомъ умерщвлены; та же судьба постигла многихъ горожанъ и солдатъ, такъ что ряды войска въ азіатскихъ войнахъ должны были пополниться незакаленными въ походахъ крестьянами. Все дрожало передъ полусумасшедшимъ деспотомъ во время этой отвратительной реакціи.

Во внѣшнихъ дѣлахъ второе правленіе Юстиніана было достаточно несчастнымъ. Большой походъ противъ болгаръ, во время котораго императоръ овладѣлъ Анхіаломъ, рѣшительно не 708
удался: съ трудомъ Юстиніанъ и часть его войска убѣжали морскимъ путемъ. Осажденную арабами Тіану онъ безуспѣшно пытался освободить, и въ 709 г. городъ сдался въ руки невѣрныхъ. 709
Особенная ненависть императора была направлена на Херсонъ и

Равенну, которые явно держали сторону его противниковъ. Въ
710 Равенну онъ послалъ въ 710 г. флотъ; городскіе нотабли были измѣннически схвачены и отосланы для казни въ Константинополь; гавань (Classis) погибла въ пламени. Роковой суждено было стать для этого кроваваго человѣка его ярости по отношенію къ Херсону. Посланный туда флотъ завоевалъ городъ, но большая часть этого флота погибла на обратномъ пути. Оставленный въ Херсонѣ гарнизонъ соединился съ жителями, такъ какъ опасался гнѣва императора, только частью выполнивъ его кровавые приказы. Повстанцы просили помощи у хозаръ; во главѣ ихъ сталъ выдающійся офицеръ армянскаго происхожденія Филиппикъ Варданъ, сосланный Тиверіемъ и возвращенный Юстиніаномъ II. Сдѣланная съ недостаточными средствами попытка опять подчинить Херсонъ императору не удалась. Второй болѣе сильный флотъ подъ предводительствомъ патрикія Мавра осадилъ городъ; уже двѣ башни пали подъ ударами византійскихъ осадныхъ машинъ, когда появилась хозарская подмога. Флотъ заключилъ перемиріе и—это характерно для той глубокой ненависти, которую внушалъ къ себѣ безумный преступникъ—соединился съ мятежниками. Филиппикъ былъ провозглашенъ императоромъ. Оставленный безъ сообщеній о дѣйствіяхъ флота Юстиніанъ перешелъ съ своими войсками на азіатскій берегъ и поспѣшилъ къ Синопу, чтобы получить извѣстія изъ Крыма. Между тѣмъ Филиппикъ уже занялъ столицу и послалъ ему навстрѣчу своего сотоварища спаѳарія Илію, нѣкогда назначеннаго Юстиніаномъ архонтомъ Херсона.

На равнинѣ Даматриса тиранъ былъ всѣми оставленъ и убитъ Иліей, какъ онъ этого заслужилъ. Его несовершеннолѣтній сынъ Тиверій былъ уже ранѣе убитъ въ столицѣ при самомъ оскорбительномъ нарушеніи права церковнаго убѣжища. Освободившій имперію отъ персовъ и аваровъ домъ Ираклія былъ истребленъ съ корнемъ.

711- Новый императоръ, **Филиппикъ** (711 — 713), показалъ себя
713 рѣшительно неспособнымъ. Болгары, выдавая себя мстителями за Юстиніана, предприняли опустошительный походъ до столич-
712 ныхъ стѣнъ. Въ 712 г. попали въ руки мусульманъ Амасія и
713 Мисѳія, въ 713 г. писидійская Антіохія. Императоръ способствовалъ еще разъ непрочной побѣдѣ моноѳелитизма съ согласія восточнаго духовенства, но при рѣшительномъ протестѣ Рима, или вслѣдствіе суевѣрія или, быть можетъ, съ цѣлью привлечь къ себѣ своихъ земляковъ-армянъ, которымъ онъ далъ новыя мѣста для поселенія въ запустѣвшей Мелитинѣ и четвертой Арменіи. Между тѣмъ возстаніе исходившее изъ стоявшей во Ѳракіи опсикійской ѳемы готовило
713 скорый конецъ его господству. Въ воскресенье на Троицу 713 г.
713- былъ коронованъ императоромъ, подъ именемъ **Анастасія II**
715 (713—715), уважаемый гражданскій чиновникъ, тайный секретарь

Артемій. Онъ тотчасъ успокоилъ умы возстановленіемъ православія. Прежде всего онъ направилъ свои заботы на планомѣрную реорганизацію арміи, совершенно разстроенной и потерявшей дисциплину вслѣдствіе длительнаго анархическаго состоянія. Зачинщиковъ послѣдней революціи постигла строгая кара. Въ новомъ замѣщеніи важнѣйшихъ высшихъ постовъ онъ выказалъ не разъ въ высшей степени счастливую руку. При извѣстіи о большихъ приготовленіяхъ мусульманъ, направленныхъ противъ столицы, онъ привелъ ее въ оборонительное положеніе, а флотъ получилъ приказаніе собраться у Родоса, чтобы предупредить арабовъ наступательнымъ ударомъ. Но вновь возмутились отряды опсикійской ѳемы, привыкшей дѣлать императоровъ и раздраженной наказаніемъ ея офицеровъ, убили адмирала и поплыли къ столицѣ. Къ своему собственному большому испугу былъ провозглашенъ императоромъ, совершенно незначительный провинціальный чиновникъ **Ѳеодосій III** (715 — 717). Вслѣдствіе измѣны 715-
столица попала въ руки мятежниковъ. Но новый правитель не 717
былъ признанъ важнѣйшими полководцами, анатолійскимъ стратигомъ Львомъ и стратигомъ армянской ѳемы Артавасдомъ. Между тѣмъ калифъ Сулейманъ закончилъ свои военныя приготовленія. Вступившіе въ Малую Азію полководцы его предложили корону Льву. Ведя для вида съ ними переговоры, онъ освободилъ важный осажденный ими Аморій. Большая арабская армія должна была уйти изъ истощенной страны, не сдѣлавъ ничего значительнаго. Левъ теперь безпрепятственно пошелъ на столицу. Съ согласія патріарха и сената Ѳеодосій отказался отъ престола. 25 марта 717 г. **Левъ III** (**717—741**) былъ признанъ императо- **717-**
ромъ. На принятіе такого рѣшенія подѣйствовала страшная опас- **741**
ность, грозившая имперіи со стороны мусульманъ.

Домъ Ираклія провелъ побѣдоносно борьбу съ исламомъ. Шаблонныя руководства по всемірной исторіи полны удивленія, и не безъ основанія, передъ Карломъ Мартеломъ, разбившимъ при Пуатье Абдъ-эль-Рахмана. Но мы совершенно не находимъ въ нихъ правильной оцѣнки гораздо болѣе могучаго подвига восточнаго Рима. Въ тысячелѣтней борьбѣ онъ отбросилъ не одинъ послѣдній отпрыскъ міровыхъ завоевателей, но выдержалъ напоръ главной массы. Тогдашняя Малая Азія была фокусомъ и убѣжищемъ западной культуры. По большей части малоазіатскими епископами развивались тѣ новыя догматы, которые объявлялись „истиннымъ ученіемъ" на многочисленныхъ имперскихъ соборахъ христіанскаго міра. Изъ жителей Малой Азіи были образованы ѳемы или военные отряды, которые отражали наслѣдственнаго врага на востокѣ. Залитая славянами европейская половина имперіи какъ въ этомъ столѣтіи такъ и въ слѣдующія обращаетъ на себя мало вниманія. Переворотъ наступилъ только вслѣдствіе успѣховъ болгаробойцы Ва-

ченіе этого событія не можетъ быть оцѣнено достаточно высоко: напоръ арабовъ достигъ своего высшаго напряженія; Византія и ея императоръ, отразивъ его, спасли христіанство и западно-европейскую культуру. Еще до сего дня возноситъ православная церковь въ гимнѣ акаѳиста благодареніе тремъ великимъ героямъ: Ираклію, Константину IV и Льву III за избавленіе отъ аварской, персидской и арабской опасностей. Въ теченіе правленія Льва часто еще возобновлялись мусульманскіе набѣги въ Малой Азіи; но они не вызывали больше опасеній за
740 имперію. Въ 740 году у Акроина, надъ арабами была одержана большая и рѣшительная побѣда. Добрыя отношенія съ сѣверомъ были закрѣплены бракомъ наслѣдника престола Константина съ хазарской принцессой Ириной. Возстанія внутри имперіи императоръ подавилъ съ энергичной быстротой. Сицилія, возмутившаяся во время осады столицы и провозгласившая претендента, безъ труда была вновь приведена къ покорности. Обезпечивъ себѣ такимъ образомъ внѣшнее и внутреннее спокойствіе, великій правитель могъ приступить къ упорной работѣ надъ возрожденіемъ имперіи. О его усердной законодательной дѣятельности свидѣтельствуетъ обнародованная имъ совмѣстно съ его сыномъ и соправителемъ Константиномъ „эклога законовъ“, краткій сборникъ дѣйствующаго права, представляющій собою его средневѣковое развитіе подъ христіанскимъ вліяніемъ. Узаконенія относительно земледѣлія (νόμος γεωργικός), регулирующія отношенія арендаторовъ къ помѣщикамъ и внутреннія отношенія свободныхъ сельскихъ общинъ по владѣнію землей, были вызваны, по весьма вѣроятному предположенію, заселеніемъ имперіи новыми элементами населенія (мардаитами и армянами въ Малой Азіи, славянами на Балканскомъ полуостровѣ). Замѣчательно, что эти новые арендаторы и крестьяне, въ противоположность старымъ, прикрѣпленнымъ къ землѣ колонамъ, пользуются личной свободой.

Особую заботливость проявилъ Левъ къ военному дѣлу. Была возстановлена павшая-было дисциплина. А какіе прочные результаты имѣла его военная реформа, на это указываютъ и его собственные военные успѣхи и успѣхи его сына. Въ связи съ этимъ стоитъ и реорганизація провинціальнаго управленія. Ѳемное устройство, какъ оно постепенно вырабатывалось въ правленіе династіи Ираклія подъ нуждой времени въ борьбѣ съ врагами имперіи, получило отъ Льва свою окончательную форму [1]). Финансы были

[1]) Тогдашнія ѳемы были:
въ Азіи: 1) Опсикійская, 2) Анатолійская, 3) Ѳракисійская, 4) Арменіакская, 5) Кивиреотская, 6) Вукелларійская, 7) Колонія (?);
въ Европѣ были: 1) Ѳракія, 2) Эллада съ Пелопоннесомъ. 3) Македонія, 4) Сицилія съ Калабріей.

страшно подорваны расточительностью Филиппика и дорого стоющими войнами съ арабами; только примѣненіемъ строгихъ фискальныхъ мѣръ можно было завести здѣсь порядокъ. Податная же тягость является единственной государственной мѣрой, которая становится въ высшей степени чувствительной даже для терпѣливаго и рабски настроеннаго жителя Востока: народъ считалъ счастливымъ положеніе христіанъ, находившихся подъ арабскимъ владычествомъ, а императора называли новымъ фараономъ. Но равновѣсіе въ государственныхъ финансахъ было возстановлено.

Однако, не эти великія дѣла по обновленію имперіи, но церковная борьба сохранила воспоминаніе объ этомъ императорѣ у позднѣйшихъ, конечно, чрезвычайно враждебно настроенныхъ къ нему поколѣній. Иконоборчество выросло изъ малоазіатскаго корня. Отдѣлившіяся отъ имперской церкви общины внутреннихъ и восточныхъ частей Малой Азіи, (монтанисты, павликіане) отвергали господствующее иконопочитаніе, какъ идолопоклонство. Фригійскій епископъ Константинъ Наколійскій объявилъ себя приверженцемъ этого взгляда и нашелъ сторонниковъ даже среди высшаго духовенства. Обоснованный на почитаніи иконъ, реликвій и святыхъ, упрекъ ислама въ томъ, что христіанская вѣра есть многобожіе, производилъ сильное впечатлѣніе на людей образованныхъ
и заставлялъ задумываться. Итакъ, выступая въ 726 году съ первымъ эдиктомъ противъ иконопочитанія, императоръ считался съ 726
широко распространеннымъ въ азіатскихъ провинціяхъ духовнымъ теченіемъ. Тѣмъ сильнѣйшее противодѣйствіе встрѣтилъ онъ во всей остальной имперіи. Главнымъ образомъ, монахи выступили повсюду на защиту иконопочитанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на защиту своеобразнаго уклада греческой церкви. Для монаховъ иконописаніе было главнымъ средствомъ заработка, а слѣдовательно, борьба за иконы была для нихъ вопросомъ существованія. Возбужденіе столичнаго населенія могло быть подавлено только силой. Особенно жители Греціи и островов были привязаны къ почитанію изображеній святыхъ, которые зачастую занимали мѣсто древнихъ національныхъ боговъ и героевъ. Снаряженный ими флотъ подъ начальствомъ
Козмы, претендента на престолъ, поплылъ въ 727 году къ столицѣ; 727
но эти сражавшіеся, подобно Саламинскимъ борцамъ, за отечественныхъ боговъ эллины погибли отъ греческаго огня.

Когда въ томъ же году эдиктъ объ иконахъ пришелъ въ Ита-

Наконецъ, Константинъ Порфирогенитъ перечисляетъ въ началѣ X вѣка:

А. въ Азіи ѳемы: 1. Анатолійская, 2. Арменіакъ, 3. Ѳракисій, 4. Опсикій, 5. Оптиматъ, 6. Вукелларій, 7. Пафлагонія, 8. Халдія, 9. Месопотамія, 10. Колонія, 11. Севастія, 12. Ликандъ, 13. Селевкія, 14. Кивиреотская, 15. Кипръ, 16. Самосъ, 17. Эгейское море, 18. Каппадокія.

Б. въ Европѣ ѳемы: 1. Ѳракія, 2. Македонія, 3. Стримонъ, 4. Солунь, 5. Эллада, 6. Пелопоннесъ, 7. Кефалинія, 8. Никополь, 9. Диррахій, 10. Сицилія, 11. Лонгибардія.

лію, папа Григорій II высказался противъ него и проклялъ императорскаго экзарха. Вся провинція открыто возстала и вступила въ союзъ съ лангобардами. Но преданность венеціанцевъ и политически мудрое поведеніе папы, обратившаго весь свой авторитетъ на то, чтобы воспрепятствовать разрыву съ восточно-римскимъ правительствомъ, спасли еще разъ византійское господство въ Италіи. Далеко за границами имперіи кипѣлъ споръ. Православные подданные халифа, энергично вступились за иконопочитателей, въ особенности Іоаннъ Дамаскинъ, блестящій литературный застрѣльщикъ ихъ дѣла. Тѣмъ рѣшительнѣе выступилъ Левъ. Вселенскій патріархъ Германъ долженъ былъ, какъ ревностный
729 иконопочитатель, уступить въ 729 году свое мѣсто Анастасію, единомышленнику императора. Правда, попытка вновь подчинить
731 Римъ и Италію, не удалась; въ 731 году восточно-римскій флотъ, потерпѣлъ крушеніе въ Адріатическомъ морѣ. Но зато въ Нижней Италіи и въ Сициліи, гдѣ продолжали господствовать греки, были конфискованы земли св. Петра. Эти области и весь Иллирикъ, принадлежавшій дотолѣ юрисдикціи древняго Рима, были подчинены Константинополю. Споръ за иконы все явственнѣе становился принципіальнымъ споромъ. Съ одной стороны, стояли высшіе чиновники, а также епископы, утверждавшіе за императоромъ право надзора и управленія надъ церковью, съ другой стороны, подкрѣпленные народнымъ расположеніемъ монахи, отказывавшіе свѣтской власти во всякомъ правѣ вмѣшательства въ духовную область.

18 іюня **741-775** Когда 18 іюня 741 [1]) года Левъ умеръ, оставивъ бразды правленія своему сыну **Константину V Копрониму (741—775)** [2]), борьба не была еще рѣшена окончательно. Зять императора, армянинъ **Артавасдъ**, воспользовался озлобленностью иконопочитателей и благорасположеніемъ къ нему въ войскѣ многочисленныхъ армянъ, чтобы поднять возстаніе; столица и патріархъ перешли на его сторону. Лишь послѣ двухгодичной войны удалось Константину вновь овладѣть Константинополемъ и сломить силу претендента.

Укрѣпившись теперь окончательно въ своей власти, императоръ направлялъ съ большимъ счастьемъ внѣшнюю политику имперіи. Противъ арабовъ онъ сражался рѣшительно успѣшно. Большой арабскій флотъ, который долженъ былъ отторгнуть у грековъ Кипръ,
746 былъ въ 746 году совершенно уничтоженъ; Германикія, Мелитина
752 (Малатія) и даже армянскій Θеодосіуполь (752 г.) были отвоеваны.

---

[1]) Для хронологіи VII и VIII вв. здѣсь воспроизводятся въ главнѣйшихъ пунктахъ даты Θеофана, которыя часто оказываются лишь приблизительно вѣрными. Вся эпоха нуждается еще, въ хронологическомъ отношеніи, въ основательномъ пересмотрѣ съ систематическимъ привлеченіемъ сирійскаго, арабскаго и армянскаго матеріала, ибо изслѣдованія *Паги*, *Гутшмида* и *Бери* не дали до сихъ поръ окончательныхъ результатовъ.

[2]) Сравн. *A. Lombard:* Constantin V l'empereur des Romains (740—775). (Paris 1902). (*В. Б.*).

Связанныя съ паденіемъ Оммайядовъ и вступленіемъ на тронъ Аббасидовъ внутреннія смуты въ халифатѣ были византійцамъ на руку; правда, что съ 756 года наступилъ здѣсь снова поворотъ. 756

Съ величайшей энергіей велъ императоръ борьбу противъ болгаръ. Не менѣе восьми разъ выступалъ онъ въ походъ противъ нихъ. Тяжелыя пораженія его не смущали, а блестящая побѣда 763 года имѣла своимъ послѣдствіемъ рядъ дворцовыхъ революцій 763 въ непріятельской странѣ и основательное ослабленіе болгаръ; лишь къ концу правленія Константина Церигъ (Телеригъ) сталъ опять опаснымъ врагомъ.

Славянизацію всей Эллады и Пелопоннеса относитъ единственный упоминающій объ этомъ событіи источникъ къ правленію Константина и приводитъ ее въ связь съ ужасной чумой 746 года, 746 которая являлась для имперіи катастрофой, сходной съ эпидеміей, случившейся въ царствованіе Юстиніана. Однако, неопровержимымъ свидѣтельствомъ точно установлено, что уже въ правленіе Льва славяне были въ Пелопоннесѣ старожилами. Мы выше (стр. 44) видѣли, что славянизація эллинскихъ областей, простиравшаяся въ Пелопоннесѣ, впрочемъ, лишь на нѣкоторыя части страны, началась значительно раньше.

Несравненно рѣзче и суровѣе своего отца выступилъ императоръ въ борьбѣ съ церковью. Сопротивленіе почитавшаго иконы монашества пытался онъ сломить систематическими и въ позднѣйшіе годы правленія все усиливавшимися преслѣдованіями, кровавыми мученіями, конфискаціей имуществъ у монастырей и секуляризаціей посвятившихъ себя Богу людей. Его легкомысленное издѣвательство надъ церковной вѣрой испугало даже покладистаго царедворца-патріарха. Однако, епископатъ держался императорской политики и торжественно санкціонировалъ ее на имперскомъ соборѣ **754** года **754** въ Іеріи, постановленій котораго, конечно, не признали ни восточные патріархи ни папа. Въ теченіе всего своего правленія императоръ съ величайшей рѣшительностью и жестокостью проводилъ свою систему относительно монаховъ и иконъ.

Его сынъ **Левъ IV (775—780)** придерживался съ умѣренностью въ теченіе своего непродолжительнаго правленія основныхъ положеній прежней политики. Непрестанныя пограничныя войны съ арабами приняли съ побѣдой при Германикіи въ 778 году благопріятный для грековъ оборотъ. **775-780** 778

Послѣ смерти Льва (8 сентября 780 года) бразды правленія взяла 8 сен. 780 вмѣсто своего несовершеннолѣтняго сына **Константина VI** умная и крайне честолюбивая Ирина вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ фаворитовъ, среди коихъ самымъ выдающимся и вліятельнымъ былъ патрикій Ставракій. Пограничная война съ Аббасидами продолжалась, и театромъ военныхъ дѣйствій ея являлась почти исключительно греческая Малая Азія. Борьба кончилась несча-

783 стливо для грековъ, и императрица увидѣла себя въ 783 году принужденной купить только трехлѣтнее перемиріе цѣной ежегодной дани въ 70.000 золотыхъ. Гарунъ аль-Рашидъ далъ
786 затѣмъ въ 786 году чрезвычайно сильно почувствовать римской имперіи свое военное превосходство, благодаря возведенію прекрасно оправдавшей себя на дѣлѣ системы укрѣпленій отъ Малатіи до Тарса. Счастливѣе сражался Ставракій на Балканскомъ полуостровѣ: славянскіе вожди въ Македоніи и Элладѣ были принуждены къ уплатѣ дани, и византійскіе отряды побѣдоносно прошли черезъ Пелопоннесъ.

Гораздо болѣе важнымъ было то обстоятельство, что императрицѣ удалось, не взирая на горячее сопротивленіе военной партіи и значительной части высшаго духовенства, возстановить миръ въ церкви. Вселенскій соборъ, который первоначально предполагался въ столицѣ и который затѣмъ вслѣдствіе угрожающаго поведенія императорской гвардіи былъ открытъ только въ сентябрѣ
787 787 года въ Никеѣ, отвергнулъ рѣшенія лже-собора 754 года, возстановилъ православіе и вмѣнилъ вѣрующимъ въ обязанность почитаніе иконъ. Благодаря этому возстановленъ былъ церковный миръ съ Римомъ и Востокомъ. Съ догматической стороны побѣда монашеской партіи была полной; но государственнымъ правомъ верховнаго надзора въ церковныхъ дѣлахъ правительство не поступилось. Поэтому рѣшительные представители церковной свободы, какъ игуменъ Платонъ и его племянникъ, Өеодоръ Студитъ, находились все время въ натянутыхъ отношеніяхъ съ правительствомъ и тяготѣвшими къ императорской партіи патріархами Тарасіемъ и Никифоромъ.

Съ величайшей рѣшительностью держала Ирина въ своихъ рукахъ бразды правленія даже по отношенію къ подрастающему
788 сыну: она самовольно расторгла въ 788 году политически столь важное обрученіе его съ франкской принцессой и принудила сына
790 къ иному браку. Но возстаніе войска передало въ 790 году единодержавіе въ руки Константина. Вѣрный традиціямъ своего дома, онъ храбро, хотя въ общемъ и неудачно, сражался съ болгарами
792 и арабами. Но уже въ 792 году онъ совершилъ большую ошибку, допустивъ къ соправительству свою честолюбивую и безсовѣстную
795 мать. Разводъ съ прежнею женою и женитьба въ 795 году на придворной фрейлинѣ Өеодотѣ было тайнымъ дѣломъ ея рукъ. Такъ какъ придворное духовенство, вмѣстѣ съ патріархомъ, молчаливо допустили это, то покровительствуемые Ириной приверженцы строгаго направленія, Платонъ и Өеодоръ, и примыкавшая къ нимъ монашеская партія прекратили церковное общеніе съ Константиномъ и его патріархомъ. Наложенныя императоромъ наказанія, тюрьма и ссылка, сдѣлали монаховъ мучениками церковной свободы и усилили, къ тайному

удовольствію интриганки Ирины, непопулярность ея сына. Когда же онъ неразумными мѣропріятіями оттолкнулъ отъ себя и расположеніе войскъ, Ирина сумѣла привлечь ихъ на свою сторону; Константинъ былъ преданъ, схваченъ и по приказу безчеловѣчной матери ослѣпленъ 15 августа **797** года. 15 авг. **797**

Именемъ вновь достигшей единодержавія императрицы правили не останавливающіеся даже передъ государственной измѣной насильники—евнухи, сначала Ставракій (въ 800 г.), затѣмъ 800 Аэтій. Миръ съ арабами Ирина еще разъ купила денежными платежами.

Коронованіе Карла Великаго императоромъ 25 декабря 25 дек. **800** года явилось для Востока событіемъ, весьма чреватымъ послѣдствіями. **800** Римская курія тутъ оффиціально примкнула къ франкской монархіи, и вторая столица, старый Римъ, была окончательно отторгнута отъ имперіи. Съ этого времени можно съ полнымъ правомъ говорить о Восточно-римской имперіи. Между тѣмъ, Византія не сумѣла установить отношеніе къ новой великой державѣ. Ссоры съ франками изъ-за итальянскихъ владѣній восточнаго Рима не прекращались въ правленіе Ирины.

Заговоръ могущественныхъ чиновниковъ и вельможъ въ октябрѣ 802 года, лишилъ Ирину трона, и ея мѣсто занялъ прежній 802 государственный казначей **Никифоръ I** (**802—811**); годъ спустя **802-** умерла бывшая императрица, въ нищетѣ, какъ она того заслужила, **811** на островѣ Лесбосѣ. Послѣ восьмидесятилѣтняго владычества была низвергнута сирійская династія; впервые случилось, что такой переворотъ шелъ съ верховъ гражданскаго управленія, а не отъ войска и его начальниковъ.

Никифоръ проявилъ себя несомнѣнно способнымъ правителемъ. Его суровыя финансовыя мѣропріятія сдѣлали его нелюбимымъ, были, однако, необходимы послѣ расточительнаго правленія Ирины. И церковное имущество не избѣгло податного обложенія, къ тому же Никифоръ умѣлъ энергично проявлять свое право высшаго духовнаго надзора. Новый патріархъ Никифоръ (съ 806 года) шелъ съ нимъ рука объ руку, а главари проти- 806
вящейся монашеской партіи были сосланы. Въ 803 году, онъ 803
заключилъ миръ съ Карломъ Великимъ; за восточными римлянами были признаны ихъ владѣтельныя права на Нижнюю Италію, Венецію, Истрію и Далматинское побережье. Но уже въ 805 году, 805
Венеція отпала, и только въ царствованіе императора Михаила въ 812 году, былъ заключенъ окончательный миръ. Далеко не 812
такимъ счастьемъ сопровождалась его борьба съ арабами. Его отказъ платить въ дальнѣйшемъ дань повелъ къ тяжелымъ пораже- 804
ніямъ императорскаго войска. Тіана, гдѣ халифъ воздвигъ „домъ поношенія“, и цѣлый рядъ важныхъ пограничныхъ замковъ попали въ руки противника. Кипръ и Родосъ систематически опу-

806 стошались; все это вынудило императора заключить въ 806 году унизительный миръ.

Дѣлающимъ эпоху событіемъ въ исторіи имперіи является начинающееся съ этого времени оттѣсненіе славянскаго элемента.
807 Героическое населеніе Патръ одержало въ 807 году блестящую побѣду надъ надвигавшимися пелопоннескими славянами, хотя послѣднихъ и поддерживали съ моря африканскіе мусульмане. Съ
810 810 года правительство ревностно посвятило себя великой задачѣ, систематической эллинской колонизаціей отвоевать для греческаго элемента занятые славянами округа. Вполнѣ послѣдовательно императоръ направилъ свои главныя усилія на болгарское государство, вновь достигшее могущества при страшномъ князѣ
809 Крумѣ. Въ 809 году пала Сардика. Послѣ двухлѣтнихъ обширныхъ приготовленій, Никифоръ задумалъ нанести рѣшительный ударъ сѣверному царству. Но покровительствуемый вначалѣ счастьемъ,
811 императоръ потерялъ въ упорной битвѣ 26 іюля **811** года и тронъ и жизнь. Македонія и Ѳракія достались въ добычу побѣдителямъ.

Сынъ Никифора, **Ставракій**, съ тяжелой раной бѣжав-
2 окт. 811 шій съ поля битвы, долженъ былъ уже 2 октября 811 года передать бразды правленія своему благочестивому зятю **Михаилу I Рангаве**, который находился всецѣло въ рукахъ строго-церковной партіи, даже планъ военныхъ дѣйствій предоставилъ начертать студійскому игумену и обнаружилъ крайнюю неспособность передъ болгарами. Войско и народъ бурно просили тогда очень способнаго
813-820 генерала, армянина **Льва V** (**813—820**), „приняться за общее дѣло и спасти христіанское государство“.

Въ сознаніи тяжелой отвѣтственности, которая должна пасть на него, Левъ медлилъ, затѣмъ уступилъ, исключительно, изъ сознанія долга. Болгары стояли лагеремъ подъ столицей. Коварное нападеніе императора на Крума, во время переговоровъ о мирѣ имѣло своимъ слѣдствіемъ ужаснѣйшее опустошеніе окрестныхъ мѣстностей. Адріанополь попалъ во власть болгаръ. Неожиданная
815 смерть болгарскаго князя (въ 815 году) явилась поэтому величай-
817 шимъ счастьемъ для восточнаго Рима. Когда же затѣмъ въ 817 году Левъ одержалъ кровавую побѣду у Месимвріи и вошелъ въ предѣлы Болгаріи, то новый болгарскій князь Омортагъ заключилъ съ византійцами миръ на тридцать лѣтъ.

На Востокѣ Левъ счастливо защищалъ границу отъ Аббасидовъ; также и Сицилія, благодаря его союзу съ африканскими Аглабидами, добыла себѣ спокойствіе отъ испанскихъ корсаровъ.

Роковымъ было вмѣшательство императора въ церковныя дѣла. Лично искренне благочестивый и въ сущности терпимый человѣкъ, онъ былъ увлеченъ настроеніемъ войска и нѣкоторой части духовенства къ тому, чтобы, оставивъ разумную церковную политику императора Никифора, открыто выступить противникомъ иконъ.

Тѣмъ самымъ онъ достигъ только того, что государственная церковная партія патріарха и свободно-церковная партія Ѳеодора Студита, „политики“ и „ревнители“, совмѣстно обернули фронтъ противъ правительства. Низложеніе высокочтимаго и любимаго патріарха Никифора и далеко не удачная замѣна его ловкимъ царедворцемъ Ѳеодоромъ Мелиссиномъ (815), созывъ со- 815
бора, возстановившаго иконоборческія постановленія 754 года и проклявшаго иконопочитателей, стали лишь шагами политической необходимости. Но императоръ дѣйствовалъ противъ своихъ церковныхъ противниковъ, съ большимъ терпѣніемъ и съ большой умѣренностью. Когда въ день Рождества 820 года, онъ палъ жер- 820
твой заговора, руководимаго нѣкогда бывшимъ его другомъ, честолюбивымъ генераломъ Михаиломъ, то самъ низложенный патріархъ заявилъ, что убитый императоръ былъ правителемъ, который оказалъ государству важныя услуги.

Михаилъ II (820—829) изъ Аморія, основатель новой „фри- **820-**
гійской“ династіи, въ религіозномъ отношеніи былъ совершенно **829**
индифферентенъ; сохраняя въ существенномъ церковную политику своего предшественника, онъ все же пошелъ на встрѣчу православнымъ широкою терпимостью. Впрочемъ, его положеніе на тронѣ было довольно шатко: примѣръ двукратнаго удачнаго захвата трона дѣйствовалъ заразительно. Старый, весьма любимый солдатами генералъ Ѳома, нѣкогда сотоварищъ по оружію Льва и Михаила, возсталъ въ 822 году въ Малой Азіи; почти вся 822
область перешла на его сторону. Возстаніе получило весьма опасную соціально-революціонную окраску, ибо какъ разъ низшіе слои населенія массами устремились къ претенденту. Онъ же вступилъ въ союзъ съ арабами и съ ихъ разрѣшенія патріархъ антіохійскій короновалъ его императоромъ. Однако его двукратная попытка (822 г. и весной 823 г.) взять столицу съ помощью флота 822-
рушилась, благодаря той осмотрительности съ которой велась защита 823
города императоромъ и его сыномъ Ѳеофиломъ. Ѳома, разбитый во Ѳракіи болгарами, кинулся на Аркадіополь. Когда въ Окт.
октябрѣ 824 года изголодавшійся городъ сдался, бунтовщикъ былъ 824
казненъ съ обычными тому времени пытками.

Но главная опасность грозила имперіи со стороны все возраставшаго морского владычества африканскихъ и испанскихъ арабовъ. Изгнанные изъ Кордовы повстанцы осѣли первоначально въ Египтѣ (815) и съ 823 года угрожали оттуда Криту. Этотъ сбродъ, 815-
выгнаный также и изъ Египта, бросился подъ начальствомъ Абу- 823
Хафсъ Омара на этотъ островъ и въ 826 году окончательно 826-
покорилъ его. До 961 года правили здѣсь потомки Омара, какъ 961
независимые князья. Презрѣнное государство корсаровъ стало бичомъ для Эгейскаго моря, постоянной угрозой для островов и приморскихъ городовъ. И на западѣ Михаилу не везло. Фати-

мидскіе арабы, прельщенные измѣнниками-вельможами, начали селиться въ Сициліи; игра, которую 1200 лѣтъ передъ тѣмъ велъ съ сицилійцами Карѳагенъ, повторилась здѣсь съ существенно болѣе
829 печальнымъ исходомъ. Михаилъ умеръ въ 829 году, оставивъ Им-
829- перію своему сыну **Ѳеофилу** (**829—842**), одному изъ безотрадныхъ
842 явленій на императорскомъ престолѣ восточнаго Рима. Манія величія, по примѣру восточныхъ султановъ, чванство всезнайствомъ, самостоятельно и единолично разрѣшающее всѣ военные, церковные и административные вопросы, и рѣшительное непониманіе знаменій времени, вотъ отличительные признаки этого сильно переоцѣненнаго, но въ сущности незначительнаго правителя.

Въ Сициліи продолжалась начатая Михаиломъ война.
831 Патрикій Ѳеодотъ палъ въ 831 году при штурмѣ Минея
832 (Минава); въ 832 году сарацины овладѣли Панормомъ. Съ остальными западными князьями, съ халифомъ Кордовскимъ и съ франкской монархіей восточный Римъ поддерживалъ посольствами дружескія сношенія. Весьма важные для понтійской торговли хазары стояли въ особенно интимныхъ отношеніяхъ съ Византіей; противъ страшныхъ печенѣговъ братъ императрицы Ѳеодоры, спаѳарокандидатъ Петрона Каматиръ, заложилъ по просьбамъ хазарскаго хана на Дону крѣпость Саркелъ („Бѣлая вѣжа"); по его
833 же предложенію и республиканскую свободу Херсона, протевонъ котораго съ архонтами, такъ называемыми „отцами города", правилъ совершенно независимо, ограничили тѣмъ, что поставили императорскаго стратига намѣстникомъ для надзора за этой важной колоніей.

Тѣмъ яростнѣй свирѣпствовала война съ халифами Мамy-
813- номъ (813—833) и Мутасимомъ (833—842). Страшная соці-
842 альная революція, произведенная въ монархіи халифовъ объединенными подъ руководствомъ Бабека коммунистами (хумарритами) оказала имперіи неизмѣримыя услуги. Персидскій князь Хорасана, носившій христіанское имя Ѳеофова, перешелъ со своими отрядами къ грекамъ; число этихъ персидскихъ наемниковъ достигало 30.000 человѣкъ.

Хорошо понимая интересы имперіи, Ѳеофилъ предпочелъ войну выдачѣ этихъ перебѣжчиковъ ихъ законному господину. Ѳеофова высоко чтили и выдали за него замужъ сестру императора Елену. Мутасимъ напрягалъ всѣ свои силы; войско его систематически вновь формировалось изъ турецкихъ и берберскихъ наемниковъ. Тѣмъ не менѣе, византійскіе генералы, Мануилъ и Ѳеофовъ, счастливо проникли въ арабское государство, взяли
837 въ 837 году Самосату и разрушили Запетру (Созапетру), родину владыки правовѣрныхъ. Ярость послѣдняго не знала границъ. Съ
838 напряженіемъ всѣхъ силъ ринулся онъ въ 838 году на Малую Азію, чтобы уготовить твердынѣ имперіи, Аморію, колыбели фри-

гійской династіи, ту же участь. Турки одержали полную ужасовъ кровавую побѣду. Пятьдесятъ пять дней защищалъ городъ мужественный Аэтій. Предложенная архіепископомъ и іерархами капитуляція была отвергнута. Мести, не побѣды жаждалъ халифъ. Судьба блестящаго города была ужасной. Напрасно выступилъ въ походъ самъ императоръ. Военнымъ талантомъ своихъ генераловъ онъ не обладалъ, и битвы окончились для византійцевъ несчастливо. Они вынуждены были купить миръ уплатой военныхъ расходовъ. Несмотря на несчастную войну, торговля и промышленность мощно цвѣли въ имперіи; финансовое хозяйство шло совсѣмъ превосходно, и средства никогда не изсякали для дорого стоющихъ потребностей правительства. Заслуга въ томъ принадлежитъ не императору, который своимъ безграничнымъ строительнымъ рвеніемъ только затруднялъ установленіе финансоваго равновѣсія, но отлично функціонировавшему бюрократическому аппарату.

Въ церковныхъ дѣлахъ императоръ обнаруживаетъ всю ничтожность ограниченнаго фанатика эпохи „просвѣщенія", непонимающаго знаменій новаго времени. Разумная терпимость его отца выродилась въ столь же мелочное, какъ и жестокое притѣсненіе духовенства совершенно въ духѣ какого-нибудь Помбаля или Хуареса. Эдиктъ 832 года вновь настоятельнѣй подчеркнулъ запрещеніе 832
иконопочитанія и наивно пытался лишить святыхъ православной церкви ихъ почетныхъ предикатовъ.

Императоръ самъ пустился въ религіозныя диспуты; за свое духовное превосходство и діалектическое преобладаніе, Лазарь и оба Θеодора поплатились кровавымъ мученичествомъ. Тщетно пытался умный патріархъ Іоаннъ Грамматикъ обуздать императорскій произволъ; покровительство Θеофила наукамъ совершенно походило на покровительство деспотовъ. Свою истинно княжескую неблагодарность проявилъ онъ и на одрѣ смерти, когда повелѣлъ коварно убить благороднаго Θеофова и съ радостью разсматривалъ его окровавленную голову.

Вмѣсто его несовершеннолѣтняго сына **Михаила III Пьяницы (842—867)** правленіе взяла въ свои руки умная и энергичная, но доограниченности благочестивая мать его, Θеодора, **842-867**
пользовавшаяся совѣтами логоθета Θеоктиста, своего дяди Мануила и брата Варды. Послѣдній былъ душою правленія, и ему удалось мало-по-малу отстранить своихъ соперниковъ. Варда былъ „сверхъ-человѣкомъ", стоялъ выше всякихъ сомнѣній, которыми религія и мораль сдерживаютъ прочихъ смертныхъ; выгодное преступленіе совершалъ онъ хладнокровно, безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти; церковныя дѣла онъ оцѣнивалъ только съ точки зрѣнія выгоды.

Согласно этимъ принципамъ, министры съ вѣдома императрицы отказались отъ гадкой борьбы низменныхъ душъ противъ рели-

гіозныхъ убѣжденій; болѣе чѣмъ столѣтняя борьба вызвала страшное утомленіе и нѣкоторое равнодушіе въ общественномъ мнѣніи. Монахи, которыхъ долгое время травили, теперь торжествовали. Ученый патріархъ долженъ былъ отказаться отъ своего сана и подвергся со стороны побѣдителей жестокому и безсердечному обращенію; на каѳедру апостола Андрея взошелъ исповѣдникъ Меѳодій, уроженецъ Сициліи, переводившій въ изгнаніи у св. Петра въ Римѣ латинскія житія святыхъ на греческій языкъ и тѣмъ самымъ имѣющій безконечное значеніе въ культурныхъ сношеніяхъ Востока съ Западомъ: отпущеніе грѣховъ умершему императору онъ даровалъ, лишь склонивъ вдовствующую императрицу къ офиціальной лжи. Понятно, что и остальныя епископіи были замѣщены исключительно монахами и почитателями иконъ. На
843 крайне шумливомъ соборѣ 843 года было затѣмъ торжественно возстановлено православное вѣроисповѣданіе, и теперь еще справляетъ православная церковь ежегодно съ большой торжественностью κυριακὴ τῆς ὀρθοδοξίας (недѣлю православія). Догматически она одержала полную побѣду; въ церковно-политическомъ отношеніи, Ѳеодоръ Студитъ и другія друзья „церковной свободы" потерпѣли столь же полное крушеніе. Идеи о свободѣ церкви, какъ онѣ восторжествовали на западѣ въ X вѣкѣ, восточно-римскіе императоры уничтожили въ корнѣ и отстояли надъ церковью тотъ авторитетъ, который столь характеренъ какъ для Восточнаго Рима, такъ и для прочихъ православныхъ государствъ (Болгаріи, Сербіи, Россіи). Для церкви это было величайшимъ спасеніемъ: при сравненіи патріарховъ новаго Рима IX и X вѣковъ съ современными имъ папами, приходится высказаться, несомнѣнно, въ пользу первыхъ.

Въ Сициліи восточно-римское правительство, не смотря на упорное сопротивленіе, несетъ только потери. Въ правленіе ве-
841-856 ликаго Аглабида Абулъ-Аббасъ-Мухаммеда I (841—856) африканцы овладѣли въ 843 году Мессиной, въ 848 году цѣлымъ
843, 848 рядомъ замковъ. Въ 846 году въ одномъ несчастномъ сраженіи пало 9000 христіанъ. Въ 847 году былъ взятъ штурмомъ Леон-
846- тини, въ 853 году Бутера (Βοθήρ), и, не взирая на большую морскую побѣду христіанъ (въ 858 году), арабы неудержно дви-
853 гались впередъ. Въ 859 году, они завоевали Энну, въ 864 году
858 Ното (Νέτος) послѣ того какъ онъ былъ у нихъ отвоеванъ, завое-
859 вали въ 866 году вторично. Какъ нѣкогда въ XII вѣкѣ Сицилія
864 была убѣжищемъ для африканскихъ и сирійскихъ православныхъ
866 бѣглецовъ, такъ въ теченіе этого и слѣдующихъ столѣтій многочисленные христіане несчастнаго острова укрывались въ Калабріи и Пелопоннесъ.

Въ высшей степени дѣльное правительство направило всю свою энергію на эту ославянившуюся мѣстность. Ѳеоктистъ Вріенній, назначенный стратигомъ Пелопоннеса, основательно

укротилъ въ 849 году при помощи большой воинской силы не- 849
покорныя славянскія народности. Самыя дикія и воинственныя
племена, мелинги (милензы) и езериты (езерцы), жившія по Пен-
тадактильскимъ горамъ (Тайгетъ), примирились съ уплатой пра-
вильной дани. Противъ халифата, которому его турецкая гвардія
стала столь же роковой, какъ нѣкогда германская для западнаго
Рима, правительство боролось съ большимъ успѣхомъ. Къ несча-
стью, и здѣсь все испортилъ слѣпой фанатизмъ ревностной импе-
ратрицы. Въ греческихъ пограничныхъ областяхъ, къ востоку отъ
Тавра и Ефрата, сидѣли павликіане, которые выдвинули противъ
обмірщенной государственной церкви истинно-апостольское библей-
ское христіанство. Преслѣдуемые императорами V вѣка, они
пользовались, благодаря мудрой политикѣ иконоборцевъ, весьма ши-
рокой терпимостью. Храбрые отряды этихъ христіанскихъ Макка-
веевъ образовывали крайне полезный живой кордонъ противъ ис-
лама. Для укрѣпленія ихъ положенія много сдѣлалъ ихъ выдаю-
щійся духовный глава Сергій (около 800 года). Преслѣдованія 800
при императорѣ Михаилѣ I и Львѣ V выгнали часть ихъ на
арабскую территорію. Но общее отчаяніе охватило дѣятельное на-
селеніе, когда Өеодора начала крайне кровавое преслѣдованіе.
Коммиссары по духовнымъ дѣламъ, не уступавшіе въ своей крово-
жадности префектамъ испанской инквизиціи, были убиты, и пред-
приняты были разбойничьи набѣги на имперію. Секта получила въ
лицѣ бывшаго римскаго офицера Карвеи военно-политическаго
главаря, и изъ пограничной крѣпости Тефрики велась съ император-
скими отрядами очень счастливая партизанская война, похожая на
ту, что вели вальденцы съ пьемонтцами.

Душей правительства былъ безпринципный, но политически
высоко одаренный Варда. Его пылкое честолюбіе не знало уко-
ровъ совѣсти за то, что онъ всячески поощрялъ безпутную жизнь
и грубо чувственный разгулъ своего племянника Михаила. Өео-
дора была вынуждена въ 856 году удалиться, и отнынѣ правилъ 856
Михаилъ (856—867) номинально одинъ, фактически же восточ- 856-
ный Римъ управлялся всемогущимъ министромъ. О молодомъ им- 867
ператорѣ столица знала только по его ребяческимъ выходкамъ.
Своего maître de plaisir Грилла онъ подобно Петру Вели-
кому назначилъ всепьянѣйшимъ патріархомъ; своихъ принужден-
ныхъ противъ воли къ державному охуленію церкви друзей онъ
назначилъ шутовскими митрополитами; съ ними онъ открыто
пародировалъ священные обряды и насмѣхался на улицахъ надъ 846-
вселенскимъ патріархомъ, св. Игнатіемъ (846—858 и 867—878), 858,
въ міру Никитой, сыномъ императора Михаила I Рангави, 867-
оскопленнымъ и постриженнымъ въ монахи Львомъ V. 878

Уже въ первой половинѣ IX столѣтія, скандинавскіе россы,
отважные сѣверные витязи, грубо подчинивъ своей власти добро-

душныя, лишенныя энергіи племена славянъ (дреговичей, кривичей, радимичей), спустились по Днѣпру и напали на своихъ пиратскихъ челнахъ на греческое сѣверное побрежье Малой Азіи
860 (Амастриду). 18-го іюня **860** года, въ пятый годъ правленія Михаила, появилось двѣсти судовъ страшныхъ руссовъ подъ стѣнами столицы имперіи. Живое впечатлѣніе страшнаго парализующаго ужаса, который вселялъ „этотъ сѣверный страшный перунъ" на жителей, воспроизводятъ намъ оба слова Фотія. Великій патріархъ видѣлъ въ этомъ тяжелую кару Божію за грѣхи римскаго христіанства. Помощи Богоматери, нѣкогда уничтожившей персидскій флотъ Хозроя и армаду Моавіи, приписали христіане побѣду и спасеніе отъ русской опасности.

Важнѣйшимъ событіемъ этой эпохи является расцвѣтъ болгарскаго вопроса и въ связи съ этимъ разрывъ со старымъ Римомъ. Оба великіе апостолы славянъ, Меѳодій и Константинъ (позже въ монашествѣ Кириллъ) изобрѣтеніемъ такъ называемой глаголицы [1]) и переводомъ Св. Писанія на славянскій языкъ оказали славянскимъ народностямъ столь-же безсмертную услугу, какъ Месробъ и св. Сагакъ подобнымъ же подвигомъ Арменіи: всѣ эти святые мужи открываютъ культурную эру для народовъ, весьма некультурныхъ до этого времени за отсутствіемъ грамоты. Въ Великоморавской державѣ, уже открытой для христіанства нѣмецкими миссіонерами, а также и въ тогдашней славянской Панноніи начали оба брата свою весьма успѣшную дѣятельность; они овладѣли сердцемъ народа, пользуясь при богослуженіи не латинскимъ языкомъ, какъ нѣмецкіе епископы-миссіонеры, а славянскимъ. Вопреки горячему протесту со стороны нѣмцевъ, Римъ въ припадкѣ величественнаго великодушія вынесъ рѣшеніе въ пользу національнаго дѣла. Однако, противъ враждебности латинскихъ епископовъ, поддерживаемыхъ свѣтской рукой и выступившихъ съ насиліемъ, Меѳодій по смерти Кирилла удержаться не могъ; Римъ допустилъ его паденіе: Іоаннъ VIII совсѣмъ не былъ достойнымъ преемникомъ своихъ великихъ предшественниковъ, Николая I и Адріана II. Моравская держава распалась, и паннонскіе славяне пали подъ ударами пришедшихъ мадьяръ. Грубѣйшее язычество финско-угрской рассы, казалось, растоптало обильный надеждами посѣвъ. Тѣмъ не менѣе, изгнанный ученикъ Меѳодія, св. Климентъ, былъ поставленъ болгарскимъ царемъ Борисомъ христіанскимъ епископомъ надъ третью
852- его широко раскинувшагося государства. Борисъ (852—888) хо-
888 рошо понялъ, что его народъ, клиномъ вошедшій между великими

[1]) Смотр.: Графика у славянъ. (Энциклоп. Слав. Филол., вып. III. СПБ. 1911) (*В. Б.*).

державами франковъ и византійцевъ и моравскимъ государствомъ, не сможетъ долго противостоять христіанскому вліянію. Поэтому при заключеніи мира послѣ одной изъ обычныхъ пограничныхъ войнъ
(864 или 865 г.), онъ торжественно крестился; самъ императоръ былъ 864-
его воспріемникомъ, и въ честь его принялъ онъ христіанское 865
имя Михаила. Въ подкрѣпленіе договора греки уступили пограничную область, такъ называемую Загору. Во время этихъ чреватыхъ послѣдствіями событій патріархъ Игнатій уже болѣе не правилъ: у него хватило мужества отказать всемогущему и геніальному правителю государства Вардѣ, за кровосмѣсительное сношеніе съ собственной снохой, въ церковномъ общеніи и причащеніи. Его низложили, а его мѣсто занялъ высоко-ученый государственный дѣятель Фотій, который въ теченіе нѣсколькихъ дней (20—
24 декабря 858 года) прошелъ всѣ степени священства и который 858
послѣ того, какъ онъ враждебно и пристрастно обошелся съ родственниками и сторонниками низложеннаго патріарха, дѣйствительно достойнымъ и славнымъ образомъ несъ свое первосвященническое служеніе. Фотій былъ отъ рожденія борцомъ греческой націи противъ притязаній Рима, которыя послѣдній отстаивалъ скорѣе съ упрямствомъ, чѣмъ со счастіемъ. Понятно, почему Римъ медлилъ съ признаніемъ князя церкви, столь незаконно занявшаго
каѳедру. Больше того, римскій соборъ 863 г. объявилъ его низло- 863
женнымъ. Если уже тѣмъ самымъ отношеніе имперіи къ куріи было крайне натянутымъ, то разрывъ сталъ неизбѣжнымъ изъ-за вмѣшательства Рима въ болгарскія дѣла. Съ истинно-славянской хитростью началъ новый христіанскій царь болгаръ переговоры съ древнимъ Римомъ, чтобы освободиться отъ данной клятвы при-
знавать тягостное верховенство вселенскаго патріарха. Съ готов- 858-
ностью пошелъ папа Николай I (858—867) навстрѣчу желаніямъ 867
царя Бориса. Римскіе епископы ввели латинскіе обряды въ болгарской церковной области. Съ упорнымъ постоянствомъ не переставалъ Римъ, начиная съ VII вселенскаго собора отстаивать свои юридическія притязанія на подчиненіе себѣ Иллирика. Казалось, въ началѣ былъ достигнутъ успѣхъ. Но какъ разъ теперь поднялась греческая народность, какъ одинъ человѣкъ, противъ этихъ застарѣлыхъ требованій. По вопросу объ удержаніи пріобрѣтенныхъ во время иконоборчества церковныхъ провинцій игнатіане, заклятые враги фо-
тіанъ, шли съ ними рука объ руку. Когда позже съ возстановленіемъ 869
Игнатія на примирительномъ соборѣ 869 года представители куріи вновь выступили съ ихъ иллирійскими притязаніями, греки сухо заявили: „крайне непристойно, что вы, стряхнувшіе съ себя греческое верховенство и бросившіеся въ объятія франковъ, хотите удержать внутри имперіи нашего владыки права посвященія“. Византійцы съ ясною послѣдовательностью не хотѣли внутри своихъ имперскихъ границъ ни признавать, ни терпѣть, подобно

Іосифу II Австрійскому подчиненіе церкви внѣшнему духовному главенству.

Если бы тогдашній Римъ, дѣйствительно, обладалъ государственной мудростью, которую ему часто неосновательно приписываютъ, онъ бы долженъ былъ здѣсь уступить. Греческое національное чувство стало со дней **Ирины** весьма впечатлительнымъ. Люди строгаго направленія, вродѣ **Ѳеодора Студита**, потеряли популярность какъ разъ черезъ свою безусловную склонность къ старому Риму, подобно тому, какъ въ V вѣкѣ въ Арменіи это случилось со св. **Нерсесомъ** и іерархической партіей, благодаря ихъ приверженности къ великимъ каппадокійцамъ и дружбѣ съ греками. **Фотій** выступилъ съ величайшей рѣшимостью на поле брани, какъ передовой боецъ греческой національности и ея духовной независимости противъ Рима: въ этомъ и заключается все-
867 мірно-историческое значеніе его окружнаго посланія 867 года. Богословскія основанія **Фотія** слабы; они относятся къ мелочнымъ различіямъ въ обрядности и дисциплинѣ, которыя во всѣ времена молчаливо терпѣлись въ отдѣльныхъ церквахъ. Также и единственный догматическій спорный вопросъ, именно о происхожденіи Святого Духа, [1]) съ вытекающей изъ него многотомной, но мало значительной полемической литературой, не бросаетъ особенно блестящаго свѣта на духовный уровень греческихъ и латинскихъ богослововъ какъ этого, такъ и послѣдующихъ столѣтій. Если бы искренно желали соединенія церквей, то формула св. **Іоанна Дамаскина**, послужила бы удобной основой для взаимнаго пониманія. Но догматика и церковная дисциплина были только предлогомъ; на самомъ же дѣлѣ шелъ вопросъ о національности. Церковное освобожденіе греческой народности, политически давно уже эмансипировавшейся отъ Рима, является непреходящей заслугой великаго **Фотія**.

При дворѣ, между тѣмъ, произошли сильныя перемѣны. **Варда**, безпринципный геній, для котораго всѣ люди были только пѣшками въ его игрѣ, обладалъ однимъ честнымъ энтузіазмомъ, а именно къ наукѣ. Онъ основалъ своего рода высшую школу философіи, филологіи и естествознанія, въ которой ученики бывшаго

---

[1]) Если стать на точку зрѣнія тогдашнихъ богословскихъ контроверзистовъ то, конечно, придется признать, что греки были правы: черезъ прибавку къ символу Filioque испанская и франкская церкви, дѣйствительно, провели новшество сравнительно съ издревле освященной традиціей; римская курія послѣ энергичнаго сопротивленія со стороны Льва III высказала сначала только свое „tollerari posse“ и лишь позднѣе реципировала измѣненную формулу. Но латинскіе акты первыхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ ясно показываютъ, что тогдашняя церковь читала символъ не искаженнымъ. Итакъ значитъ, со стороны филологической или палеографической греки были правы. Иной вопросъ, требовалось-ли—мягко выражаясь—ради богословскихъ тонкостей разрывать 850-лѣтнее единство церкви.

патріарха, ученаго Іоанна Грамматика, преподавали философію, грамматику, риторику, геометрію и астрономію. Пытался онъ поднять и изученіе права. Но онъ потерпѣлъ то, чего заслужилъ своими дѣяніями. Поощряя грубѣйшій разгулъ императора, онъ надѣялся самъ править неограниченно; среди соучастниковъ императорскихъ оргій находился и стройный конюшій Василій, армянинъ по происхожденію, родомъ изъ Македоніи, сильно заселенной съ V в. малоазійцами. Василій, скоро открыто признанный любимцемъ императора и женщинъ, былъ геніально одареннымъ человѣкомъ съ пылкимъ честолюбіемъ. Онъ заключилъ союзъ со своимъ землякомъ Симватіемъ, занимавшимъ высокій чиновничій постъ, чтобы съ согласія императора убить въ 866 году всемогущаго кесаря. 26 мая, того же года онъ 866
самъ былъ назначенъ кесаремъ и соправителемъ и велъ правленіе отличнѣйшимъ образомъ.

Когда Михаилъ подъ вліяніемъ своей незаурядной матери обнаружилъ желаніе эмансипироваться, Василій велѣлъ своимъ преданнымъ наемникамъ изрубить его 23 сентября 867 года. 23сен. 867
Преступленіе, которое Михаилъ Косноязычный совершилъ надъ своимъ другомъ и господиномъ, ужаснымъ образомъ было отмщено Божественнымъ Правосудіемъ на его внукѣ.

V. Расцвѣтъ восточно-римскаго могущества при армянской династіи (867—1025).

867-886 **Василій I (867—886)** является основателемъ славной македонской династіи [1]), представители которой, какъ настоящіе restitutores orbis, были въ теченіе почти двухъ столѣтій послѣдними совершенными выразителями всеміpнаго римскаго владычества. Средства, при помощи которыхъ Василій достигъ трона, не вызывали въ немъ ни малѣйшихъ угрызеній совѣсти. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ геніальныхъ, но жестокихъ сильныхъ натуръ, какъ Сулла, Теодорихъ, Хлодвигъ, Наполеонъ I, которые не совершаютъ ненужныхъ преступленій, но на злодѣянія, для нихъ выгодныя смотрятъ съ величайшимъ спокойствіемъ, какъ на фатальную необходимость. Невозможно сомнѣваться въ армянскомъ происхожденіи династіи [2]). Уже изгнанный Фотій, въ своемъ стремленіи стать снова при дворѣ persona grata, приготовилъ родословную, производящую новое величество отъ Арсака и Тиридата. Армянскіе рыцари и наемники, удерживавшіе въ теченіе этого столѣтія своею храбростью имперію отъ распаденія, производятъ себя отъ древнихъ Арсакидовъ и Пахлавидовъ съ неменьшимъ правомъ, чѣмъ многочисленныя семьи нашего „столбового дворянства“ ведутъ свой родъ отъ древнихъ крестоносцевъ и знаменитыхъ побѣдителей на турнирахъ.

Новое правительство поспѣшило возстановить свои отношенія къ Риму. Фотій былъ изгнанъ, и патріархомъ снова сталъ Игнатій (867—877). Такъ называемый римлянами восьмой вселен-
867-877

[1]) Сравн. *Albert Vogt* Basile 1-er empereur de Byzance (867—886) et la civilisation byzantine à la fin du IX-e siècle. Paris, A. Picard 1908. и отзывъ L. *Brehier* въ Byz. Ztschr. 1910 t. XIX, 160—165. (*В. Б.*)

[2]) См. соотвѣственныя замѣчанія *de Booro* Vita Euthymii S. 130 Только онъ заблуждается, считая веденіе родословной отъ Арсакидовъ „слишкомъ скромнымъ“. Слѣдовало бы ему также отбросить замѣтку Гамзы Исфаганскаго (т. I, стр. 78 текста, стр. 59 лат. пер. изд. *Gottwaldt*), а не осквернять ее противорѣчащими извѣстіями греческихъ писателей. (Сравн. *А. Васильевъ*. Происхожденіе импер. Василія Македонянина Виз. Врем. 1906, т. XII, 148—165).

скій соборъ 869 года былъ грандіознымъ тріумфомъ папы Адріана 869
II, преемника Николая I. Фотіане самымъ безжалостнымъ образомъ принуждались къ отреченію, если только они хотѣли остаться въ церковномъ общеніи. И здѣсь римская курія, своей неосторожной политикой главнымъ образомъ сама себѣ повредила. Ея высокомѣрное поведеніе глубоко оскорбило національное чувство грековъ и даже самого престарѣлаго Игнатія, расположеннаго къ римлянамъ. Поводъ къ новому раздору скоро явился. Съ непонятной близорукостью Адріанъ II не утвердилъ въ санѣ архіепископа Болгаріи, несмотря на настойчиво выраженное желаніе царя, будущаго папу Формоза, тогда римскаго легата въ Болгаріи. Разгнѣванный царь Борисъ-Михаилъ перешелъ окончательно на сторону грековъ, и съ тѣхъ поръ болгары сохраняли постоянную вѣрность православной церкви, къ чему предназначала ихъ уже и сама природа и историческое развитіе. Возстановленный на престолѣ 877
Фотій снова побѣдилъ (877—886); онъ перехитрилъ даже весьма хи- 886
траго папу Іоанна VIII. Въ темныхъ интригахъ, всегда нѣсколько свысока третирующихъ фактическую истину, греки постоянно превосходили латинянъ. Результатомъ былъ разрывъ съ Римомъ и освобожденіе греческой націи отъ его примата, т. е. блестящее осуществленіе Фотіемъ своей церковно-политической программы.

Во внѣ Василій, среди тяжелыхъ обстоятельствъ, проводилъ вполнѣ планомѣрную и твердую политику. Прежде всего Византія снова стала владычицей морей. Въ Сициліи, одной изъ наименѣе защищенныхъ западныхъ провинцій и уже почти потерянной, византійцы воевали хоть и несчастливо, но съ достойнымъ удивленія упорствомъ, уступая лишь шагъ за шагомъ. Въ 870 году пала Мальта. 870
Въ 872 году византійцы, въ союзѣ съ могущественнымъ императоромъ 872
франковъ Людовикомъ II одержали при Салерно надъ сарацинами блестящую морскую побѣду. Но 21 мая 878 года взятъ, наконецъ, ара- 878
бами послѣ отчаяннаго сопротивленія и главный городъ Сиракузы. Тѣмъ энергичнѣе сумѣлъ Василій установить порядокъ на Адріатическомъ морѣ. Старый союзъ съ Венеціей былъ возстановленъ, союзные сарацинамъ сербскіе пираты далматинскаго побережья были жестоко наказаны; не взирая на протесты слабыхъ Каролинговъ, онъ принудилъ великаго жупана далматинскихъ кроатовъ признать верховенство императорской столицы на Золотомъ Рогѣ. Мусульманскій разбойничій сбродъ, безпрестанно посѣщавшій изъ Африки, Крита и Киликіи берега Греціи и Адріатики, послѣ блестящихъ побѣдъ
880 и 881 годовъ, получилъ вполнѣ заслуженно ужасный кровавый 880-
урокъ. Культура и христіанство искореняли здѣсь желѣзнымъ ку- 881
лакомъ морское варварство поклонниковъ корана. Паденіе франкскаго могущества въ Нижней Италіи было какъ нельзя болѣе кстати для восточныхъ римлянъ. Въ 875 году сдался имъ важный Бари, съ 875
этихъ поръ главный стратегическій пунктъ ромеевъ на Западѣ.

Способные полководцы императора прогнали арабовъ изъ Калабріи и образовали здѣсь новую ѳему Лонгибардію, важное возмѣщеніе за потерянную Сицилію.

Прежній режимъ оставилъ Василію I тяжелую задачу въ религіозныхъ войнахъ съ павликіанами, которые, въ правленіе Михаила имѣли большой успѣхъ подъ предводительствомъ Карвея. Достойный преемникъ послѣдняго Хризохиръ былъ побѣжденъ въ первомъ
871 походѣ 871 года, и императоръ получилъ несмѣтную добычу; онъ, однако, не смогъ взять крѣпкую Тефрику. Въ слѣдующемъ году онъ распространилъ свои разорительные набѣги за Евфратъ до Самосаты и въ прежнюю IV Арменію; конечно, взять крѣпкую Мелитину ему не удалось. Самымъ важнымъ успѣхомъ было измѣнническое
874 убійство Хризохира въ 874 году однимъ грекомъ, нѣкогда пользовавшимся его расположеніемъ. Благочестивая разбойничья республика потеряла духовнаго и политическаго главу; дѣло павликіанъ было проиграно.

Василію наслѣдовали его сыновья и до того времени со-
886- правители, **Левъ VI Философъ (886—912)** и **Александръ**. Вслѣдствіе
912 того, что послѣдній предался всецѣло наслажденіямъ, фактически
904 управлялъ Философъ; въ 904 году онъ положилъ конецъ даже и номинальному правленію своего брата. Молва называла его сыномъ Михаила. Отецъ и сынъ не питали другъ къ другу никакой любви, и уже рано Левъ составлялъ противъ отца заговоры. Левъ былъ прямой противоположностью своему геніальному отцу: ученый педантъ, тщедушный, и какъ разъ потому увѣренный, подобно Іакову I англійскому, въ богоподобности своего императорскаго величія. Но при этомъ останется все же нѣсколько наивнымъ то историческое пониманіе, которое со Льва начинаетъ переходъ римскаго абсолютизма въ деспотизмъ и сентиментально оплакиваетъ паденіе при немъ муниципальной свободы греческихъ городовъ. Въ дѣйствительности, переходъ къ феодализму совершился скорѣе при македонской династіи. Въ отдѣльныхъ провинціяхъ богатыя землевладѣльческія фамиліи стали значительной силой. Ихъ тяготѣніемъ къ обособленію было вызвано то длительное ослабленіе имперіи, которое низвело ее постепенно на одинъ уровень съ современными ей, еще довольно варварскими и жалкими государственными образованіями Запада.

Левъ опозорилъ себя однимъ изъ первыхъ своихъ правительственныхъ поступковъ, принудивъ великаго Фотія подписать грамоту о своемъ отреченіи. Управленіе православной церковью императоръ довѣрилъ своему едва достигшему восемнадцатилѣтняго возраста брату Стефану. Позднѣе, подобнымъ же образомъ былъ
933- возведенъ въ это достоинство Ѳеофилактъ (933—956), принцъ
956 императорскаго дома—явленіе совершенно необычайное въ Восточно-

римской имперіи [1]). Это напоминаетъ намъ положеніе дѣлъ въ Арменіи, гдѣ домъ католикоса вошелъ въ свойство съ царской фамиліей. Фотій удалился, сопровождаемый всеобщимъ уваженіемъ, въ монастырь „вѣроятно, болѣе счастливый, чѣмъ если бъ онъ сидѣлъ на патріаршемъ тронѣ несмотря на отлученіе девяти папъ“ [2]). При Львѣ была также торжественно обнародована новая церковная конституція, знаменитый Діатипозисъ, указывающій прелатамъ Балканскаго полуострова, когда-то подчиненнымъ Риму, ихъ опредѣленное мѣсто въ соборѣ имперскаго духовенства; этимъ положенъ былъ конецъ сохранявшимся до сей поры среди духовныхъ пастырей недостойнымъ порядкамъ, вырождавшимся часто въ драку.

Стороники Игнатія, ставшіе у власти при Стиліанѣ Неокесарійскомъ, тотчасъ же снова вступили въ союзъ съ
древнимъ Римомъ, и, послѣ затяжныхъ переговоровъ, около ок.
900 года общеніе было, наконецъ, дѣйствительно возстановлено. 900
Однако, это было чисто внѣшнее единеніе римскаго церковнаго правительства съ руководителями византійскаго государства; оно имѣло столь же ничтожную цѣнность, какъ и всѣ многочисленные союзы, заключавшіеся въ слѣдующія шесть съ половиной столѣтій. Народы оставались попрежнему совершенно раздѣленными въ этническомъ и религіозномъ отношеніи.

Еще важнѣе законодательная дѣятельность Льва. Уже Василій поручилъ переработать законодательство Юстиніана;
плодомъ этой дѣятельности явился изданный въ 879 году по его 879
распоряженію „Прохиронъ“, къ которому въ 884—886 годахъ при- 884-
соединилась „Эпанагога“, второе руководство по дѣйствующему праву. 886
При его сынѣ съ 887—893 годъ было опубликовано, въ качествѣ
сборника дѣйствующихъ законовъ для всей имперіи, собраніе 887-
„Василики“ въ 60 книгахъ, этотъ дѣйствительно основной трудъ. 893

Правленіе Льва бѣдно внѣшними событіями и довольно несчастливо. Христіане вели съ перемѣннымъ счастьемъ войны съ сарацинами. Византійцы проникали, разоряя все на пути, далеко въ глубь Сиріи. Магометанскіе морскіе разбойники оставались
попрежнему бичемъ Эгейскаго моря. Въ 888 году они пожгли 888
Самосъ, въ 902 г. разрушили Димитріаду въ Ѳессаліи. Настоящимъ 902
руководителемъ этихъ предпріятій и злѣйшимъ врагомъ всѣхъ христіанъ былъ, какъ обыкновенно, ренегатъ съ южнаго берега Малой Азіи, Левъ Триполійскій. Появившись 29 іюля
904 года неожиданно передъ совершенно неприготовленными Ѳес- 904

---

[1]) Въ счетъ не идутъ, конечно, постриженные въ монахи отпрыски павшихъ родовъ, какъ Ѳеодосій Ефесскій, сынъ Апсимара, и патріархъ Игнатій. Византійскаго принца я нахожу еще только на престолѣ Ахриды; это Адріанъ ὁ πανσέβαστος σεβαστός, въ монашествѣ Ἰωάννης ὁ Κομνηνός.

[2]) *Finlay*: hist. of the R. Empire, vol I. p. 311.

салониками, вторымъ городомъ имперіи, всего только съ 54 кораблями, экипажъ которыхъ состоялъ большею частью изъ „эѳіоповъ“, онъ взялъ городъ штурмомъ съ моря и благополучно уплылъ съ огромной добычей и безчисленными плѣнниками (22,000 человѣкъ). Такого тяжелаго безчестія уже давно никто не наносилъ имперіи. Въ Сициліи и Нижней Италіи лѣтописи отмѣчаютъ въ царствованіе
889 Философа также только несчастія. Въ 889 году африканцы нанесли грекамъ тяжелое пораженіе въ морской битвѣ при Милѣ
901 (Мелаццо). Въ 901 году былъ взятъ Регій, а въ 902 палъ по-
902 слѣдній оплотъ греческаго господства Тавроменій. Въ Нижней Италіи также попалъ въ руки беневентанскихъ лангобардовъ, по крайней мѣрѣ временно, Бари. Правленіе Льва носитъ на себѣ повсюду характерную печать слабости и неспособности.

По отношенію къ болгарамъ тоже не сумѣли себя поставить.
893- Могучій царь Симеонъ (893—927), основатель церковной авто-
927 номіи Болгаріи учрежденіемъ шестого патріархата, не хотѣлъ больше терпѣть монопольной эксплуатаціи своего царства кучкой византійскихъ крупныхъ торговцевъ. Византія прибѣгла тогда къ старому испытанному средству дипломатической борьбы: она подняла венгровъ противъ болгаръ. Съ помощью византійскаго флота они ворвались въ Болгарію. Симеонъ, съ трудомъ оборонялся отъ нихъ въ своихъ крѣпостяхъ. Зато по уходѣ нагруженныхъ добычей грабителей, болгары преслѣдовали ихъ, и разгромили ихъ въ ихъ бессарабскихъ степяхъ. Теперь можно было свести счеты съ греками. Вслѣдъ за блестящей побѣдой, одержанной Симеономъ надъ послѣдними при Болгарофигѣ, тяжелую руку его пришлось испытать и мадьярамъ. Въ союзѣ съ днѣпровскими печенѣгами онъ, пока мадьяры были въ походѣ, напалъ въ Бессарабіи на ихъ семьи. Они были частью перебиты, частью уведены въ плѣнъ, и мадьяры были окончательно принуждены основать свое варварское государство между Дунаемъ и Тиссой. Съ греками болгары теперь соблюдали миръ. Византійско-христіанская культура и литература могучимъ потокомъ вливались въ страну и оказывали благодѣтельное вліяніе на суровый народъ. Эпоха Симеона считается золотымъ вѣкомъ болгарской литературы.

Въ этихъ событіяхъ всемірно-исторической важности императорское византійское правительство держалось совершенно безучастнымъ зрителемъ. Тѣмъ больше дворъ занятъ былъ брачными дѣлами императора. Хилый Левъ былъ женатъ три раза; вполнѣ понятно, конечно, что знаменитая жена его св. Ѳеофано не любила своего жалкаго супруга. Къ тому же онъ жилъ со своей фавориткой Зоей, отъ которой, къ его безграничной радости, у него родился сынъ. По смерти своей третьей супруги, онъ хотѣлъ сдѣлать свою любовницу императрицей, чтобы узаконить

сына. Однако, духовенство, во главѣ съ патріархомъ Николаемъ I Мистикомъ, энергично воспротивилось четвертому браку, выказавъ при этомъ безконечно больше мужества, чѣмъ ихъ русскіе духовные собратья XVI вѣка. Николай былъ низложенъ, и на первую кафедру имперіи возведенъ услужливый прелатъ Евѳимій, впрочемъ личность вообще почтенная. Согласіе восточныхъ патріарховъ было безъ труда получено; ихъ легаты, бѣдные монахи, давно уже привыкли за денежное подношеніе стоять то за Фотія, то за Игнатія. Печальнѣе было, что Римъ, клонящійся уже къ упадку, въ лицѣ своихъ легатовъ также вы- 6 янв.
разилъ согласіе. 6-го Января 906 года состоялось также торже- 906
ственное крещеніе наслѣднаго принца Константина. 11 мая

Послѣ смерти Льва (11 мая 912) непосредственно за 912
нимъ слѣдовалъ братъ его **Александръ** (912—913), опекунъ 912-
несовершеннолѣтняго наслѣдника Константина. Жалкій го- 913
сударь самъ почти не правилъ, предоставивъ дѣйствовать врагамъ своего брата. Между приверженцами новаго патріарха и приверженцами Николая оставалась попрежнему ожесточенная вражда въ такой степени, что даже безсмысленные слухи объ измѣнническихъ проискахъ низложеннаго іерарха противъ императора Льва встрѣчали у нѣкоторыхъ довѣріе. Теперь наступила, наконецъ, столь обычная въ Византіи реакція. Несчастный Евѳимій, при поощрительномъ одобреніи своихъ противниковъ, былъ лишенъ сана; „они бросились на него, подобно дикимъ звѣрямъ, били его кулаками и вырвали ему бороду“. Николай былъ снова торжественно возстановленъ на престолѣ. Во внѣшней политикѣ Александръ сумѣлъ лишь омрачить добрыя отношенія къ могущественному царю Болгаріи. Но къ счастью для имперіи онъ умеръ уже послѣ одного года своего неудачнаго правленія 6-го іюня 6 іюня
913 г., учредивъ за своего несовершеннолѣтняго племянника реген- 913
ство съ патріархомъ Николаемъ во главѣ.

Вмѣстѣ съ патріархомъ въ регентскомъ совѣтѣ сидѣлъ лишь одинъ значительный человѣкъ, Іоаннъ Элада; остальные были бывшіе любимцы Александра, люди славянскаго происхожде-
нія. **Константинъ Порфирородный** (**913—959**) является воплоще- **913-**
ніемъ принципа: Le roi règne, mais il ne gouverne pas. И до **959**
наступленія совершеннолѣтія и послѣ онъ никогда не правилъ, и нужно признаться, что это было большимъ счастьемъ для имперіи, ибо судьбы ея покоились почти безъ исключенія всегда въ болѣе способныхъ рукахъ, чѣмъ руки склоннаго къ наукамъ Порфирогенита. Несмотря на это, часто пытались совершенно невѣрно представить первую половину X вѣка эпохой упадка въ противоположность сильно переоцѣниваемымъ императорамъ иконоборческаго періода. Македонская династія, за двумя исключеніями, правила во всякомъ случаѣ лишь по имени; но зато она поставила

у кормила правленія, какъ когда-то въ иллирійскій періодъ древней имперіи отъ Клавдія Готскаго до Константина, чрезвычайно способныхъ и энергичныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, людей большею частью армянскаго происхожденія. Константинъ Дука, весьма способный воинъ, попытался-было свергнуть регенство и, какъ кажется, не безъ вѣдома патріарха, который предпочиталъ править лучше съ этимъ грубымъ человѣкомъ, чѣмъ со стоявшими до сихъ поръ во главѣ регенства придворными. Однако, когда онъ добился своего провозглашенія императоромъ, онъ встрѣтилъ въ осторожномъ регентѣ Іоаннѣ Эладѣ достойнаго противника. Дука и весь его родъ были истреблены, Іоаннъ Элада призвалъ обратно, по желанію императора, императрицу-мать Зою, удаленную Александромъ изъ дворца, и она была включена въ число регентовъ.

Во внѣ пожинали плоды безтолковой политики Александра. Въ 913 году Симеонъ прошелъ со своими болгарами до столицы, опустошая все на пути; въ слѣдующемъ году болгары взяли при помощи измѣны даже Адріанополь, но не могли отстоять его отъ грековъ. Правительство приготовилось къ серьезнымъ дѣйствіямъ. Всѣ войска, даже азіатскія, были сконцентрированы въ Европѣ для рѣшительнаго нападенія на болгаръ; командованіе было ввѣрено одному изъ самыхъ дѣльныхъ генераловъ имперіи Льву Фокѣ. Одновременно византійское золото воздѣйствовало на умы печенѣговъ; ихъ дѣйствія долженъ былъ поддержать византійскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Романа. Однако, Романъ велъ себя весьма двусмысленно. Ожидаемая печенѣжская помощь не явилась по его винѣ, и такимъ образомъ, 20 августа
917 917 года, византійцы подъ начальствомъ Льва потерпѣли ужасное пораженіе при Ахелоѣ. Интриги враждовавшихъ соперниковъ, Льва и Романа, закончились полнымъ пораженіемъ Льва. Им-
25мар. ператоръ Константинъ былъ номинально объявленъ совершенно-
919 лѣтнимъ. 25 марта 919 года управленіе перешло въ руки Романа Лекапина, провозглашеннаго великимъ етеріархомъ (генералъ гвардейскаго отряда изъ иноземцевъ). Дочь его Елена стала женой императора; уже въ апрѣлѣ того же года онъ получилъ вновь созданное достоинство василеопатора (отца императора), а его высокій военный постъ былъ ввѣренъ его сыну Христофору. Слабый Кон-
17Дек. стантинъ скоро назначилъ своего энергичнаго тестя цезаремъ,
919 17 же декабря 919 года онъ былъ торжественно коронованъ пат-
919- ріархомъ Николаемъ, какъ соимператоръ (**919—944**).
944 Главной опасностью для имперіи являлись болгары и крит-
893- скіе корсары. При Симеонѣ (893—927) Болгарское царство до-
927 стигло вершины своего могущества. Принятый имъ титулъ „царь болгаръ и самодержецъ ромеевъ“ свидѣтельствуетъ намъ о ясномъ намѣреніи замѣнить въ политическомъ отношеніи дряхлѣющую

Восточно-римскую имперію, подобно тому, какъ и возведенный въ санъ патріарха митрополитъ Преславы, очевидно, предназначался занять мѣсто вселенскаго патріарха. Границы Болгаріи раздвигались все шире за Адріанополь, Месимврію и Водену на счетъ Византійской имперіи; на западѣ, послѣ покоренія старинныхъ иллирійскихъ областей, они достигли Адріатики. Византія прибѣгла къ старой испытанной политикѣ: сербы и кроаты были подняты противъ своихъ восточно-балканскихъ братьевъ. Тяжелое пораженіе (927) 927
Алоготобура, кроатами и наступившая въ этомъ же году смерть великаго царя отмѣчаютъ собою начало упадка Болгаріи. Сынъ Симеона набожный, миролюбивый и слабый царь Петръ (927—968), заключилъ послѣ короткой борьбы въ Македоніи миръ 927-
съ Византіей, и сердечное согласіе обѣихъ великихъ державъ было 968
окончательно закрѣплено бракомъ царя Петра съ внучкой императора Романа Маріей, первой византійской царицей на болгарскомъ тронѣ. Блестящимъ политическимъ ходомъ восточно-римскаго правительства было торжественное признаніе болгарскаго патріархата; этимъ болгарская національная церковь окончательно была прикрѣплена къ православію, и всякая связь съ древнимъ Римомъ была порвана.

Въ Нижней Италіи Романъ съ честью отстоялъ греческія владѣнія. Бичъ Эгейскаго моря, наводящій ужасъ ренегатъ Левъ Триполійскій, былъ въ 924 году такъ основательно разгромленъ храбрымъ друнгаріемъ Іоанномъ Радиномъ въ упорной морской битвѣ при Лемносѣ, что морскую опасность можно было считать въ основѣ устраненной.

Но главнымъ доказательствомъ могучаго подъема являются восточныя отношенія, борьба на Востокѣ съ охваченымъ глубокимъ безпорядкомъ и распадающимся на свои составныя части Багдадскимъ халифатомъ. Выдающійся генералъ армянинъ Іоаннъ 920-
Куркуасъ въ теченіе двадцати лѣтъ упорныхъ битвъ (920—942) 942
продвинулъ границы отъ Галиса до Евфрата и Тигра. Въ 928 году 928
эмиръ Малатіи (Мелитины) Апохапсъ (Абу-Хафсъ) заключилъ съ византійцами союзъ. Такимъ образомъ, этотъ волнорѣзъ сталъ для набѣговъ невѣрныхъ главнымъ оплотомъ Византійской имперіи. Войска эмира сражались вмѣстѣ съ византійцами противъ своихъ единовѣрцевъ. „Послѣ одержанныхъ побѣдъ они вмѣстѣ съ византійцами вступали съ тріумфомъ въ столицу, ведя съ собой взятыхъ въ плѣнъ агарянъ“. Это былъ „чудесный и неожиданный знакъ погибели безбожныхъ агарянъ“, говоритъ полный высокаго чувства хронистъ (Георгій Амартолъ ed. *Muralt* стр. 834). Преемники Апохапса поплатились за перемѣну образа мыслей покореніемъ и разореніемъ цвѣтущей Мелитины и сосѣднихъ съ ней городовъ. На территоріи, столь долго принадлежавшей исламу, теперь повелѣвалъ римскій кураторъ. Куркуасъ же „великій воинъ, вездѣ

воздвигъ памятники побѣдъ, расширилъ римскія границы и разрушилъ безчисленные города сыновъ Агари“.

Событіемъ огромной важности было связанное съ этимъ возрожденіе восточныхъ христіанъ, армянъ и иверовъ, стряхнувшихъ съ себя иго ислама. Уже во времена Василія I Багратиды снова основали независимое армянское царство, и императоръ послалъ „князю князей“ Ашоту царскую корону и заключилъ съ
885 нимъ союзъ, послѣ того какъ и халифъ въ 885 году провозгласилъ
889 его торжественно царемъ. По смерти Ашота (889) и его герой-
914 скаго сына Смбата (914) арабы снова одержали перевѣсъ; въ Арменіи царила анархія. Однако, достойный сынъ Смбата Ашотъ
915- „Желѣзный“ (915—928) очистилъ съ помощью иверскихъ и абхаз-
928 скихъ царьковъ страну отъ арабовъ, и въ союзѣ съ греками до-
922 стигъ вершины могущества Багратидовъ. Въ 922 году халифъ даровалъ ему почетный титулъ „шаханъ-шахъ“, царь царей; это не пустой титулъ: этимъ въ офиціальной торжественной формѣ, признавался его сюзеренитетъ надъ христіанскими вассальным и князьями Васпуракана, Албаніи, Иверіи и Абхазіи.

Съ этихъ поръ Арменія была окончательно вырвана изъ круга вліянія халифата, и стояла въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ восточнымъ Римомъ, образуя собою форпостъ христіанства. Представитель Востока, исламъ былъ, какъ и во времена пареянъ, отброшенъ за гористые пограничные валы Адрбейджана. Армяне и занимающіе, конечно, второе мѣсто иверы были тогда господами всемірно-историческаго положенія. Храбрые и умные сыны этихъ націй достигли руководящаго положенія какъ среди генералитета такъ и въ кабинетѣ восточно-римской имперіи и достойнымъ образомъ занимали его. Казалось также, что правленіе „богохранимаго и христолюбиваго“ императора Романа отличено „благословеніемъ неба“:
942 послѣ взятія штурмомъ Низибіи въ 942 году геніальнымъ Куркуасомъ послѣдній принудилъ жителей сильно угрожаемой теперь Эдессы выдать святыню ихъ города, „нерукотворенную божественную икону Того, Кто есть неизмѣняемый образъ Своего Отца“. Вся имперія была охвачена одушевленіемъ. Въ торжественномъ тріумфальномъ шествіи привѣтствуемая во всѣхъ городахъ ликующими депутаціями клира, знати и народа, святыня прибыла въ столицу имперіи, и была встрѣчена тамъ съ той необычайной помпой, на какую, обыкновенно, способно въ такихъ случаяхъ духовенство вселенской каѳедры.

941 Въ 941 году 40.000 руссовъ болѣе чѣмъ на 1000 кораблей двинулись подъ начальствомъ своего великаго князя Игоря противъ столицы, совершая на пути невѣроятныя злодѣйства. На голову разбитые Куркуасомъ на сушѣ и у Іерія патрикіемъ Ѳеофаномъ на морѣ, они надолго успокоились, и скоро заключили съ восточнымъ Римомъ важный торговый договоръ.

Въ то время, какъ во внѣшнихъ отношеніяхъ правленіе императора Романа обнаруживаетъ вездѣ могущественный подъемъ восточнаго Рима въ X вѣкѣ, оно и внутри развило крайне полезную дѣятельность. Главное вниманіе Романъ устремилъ, какъ показываютъ его новеллы, на аграрный вопросъ. Онъ какъ бы рѣшилъ слѣдовать Богу въ своихъ заботахъ объ экономически слабыхъ противъ притѣсненій сильныхъ. Ростъ латифундій разорялъ финансы государства. Поэтому, говоритъ императоръ, мечъ законодательства долженъ быть обнаженъ противъ внутреннихъ враговъ; ибо защита подданныхъ противъ тиранническаго гнета является не меньшей обязанностью, чѣмъ возстановленіе и укрѣпленіе границъ государства. Свободная купля и продажа крестьянскихъ имѣній запрещается. Со времени страшнаго голода 927 года, впервые обра- 927
тившаго вниманіе правительства на соціальные вопросы, всѣ новыя пріобрѣтенія подобныхъ имѣній были признаны недѣйствительными и должны были перейти къ прежнимъ собственникамъ, даже безъ возмѣщенія расходовъ за сдѣланныя улучшенія. Латифундіальнымъ хозяйствомъ были затронуты не только финансы: оно пагубно отражалось и на военномъ дѣлѣ. Военная служба, какъ и въ древней Римской имперіи, покоилась обычно на неотчуждаемыхъ солдатскихъ имѣніяхъ. Какъ только они скупались ведущими выгонное хозяйство магнатами, наборъ въ армію становился невозможенъ. Если въ своей борьбѣ съ этимъ могучимъ стремленіемъ эпохи правительство и имѣло мало успѣха, то все же его здоровая тенденція, прекратившая по крайней мѣрѣ самыя рѣзкія извращенія, достойна всякой похвалы.

При этомъ не нужно забывать, что сильно занятое и внѣшними и внутренними дѣлами правительство должно было бороться съ непрестанными заговорами враждебныхъ ему придворныхъ партій и вельможъ. Но Романъ умѣлъ строгостью подавлять всякую оппозицію; однако эти событія замѣчательны во всякомъ случаѣ, какъ симптомъ возрастающаго могущества знати: они непріятно напоминаютъ намъ параллельныя событія въ культурно ниже стоящихъ государствахъ Запада.

Безжалостно попирая все, Романъ сосредоточилъ эгоистически всѣ свои заботы на своей семьѣ. Всѣ его сыновья были назначены
соправителями, Христофоръ въ 921 году, Стефанъ и Кон- 921
стантинъ въ 924; даже внука своего Романа, сына Христо- 924
фора, онъ вѣнчалъ императорской повязкой. Жена Христофора была возведена въ степень августы (923); его дочь Марія была выдана за болгарскаго царя (927). Наконецъ, четвертый сынъ Романа Ѳеофилактъ, обладавшій основательными познаніями въ искусствѣ верховой ѣзды и по своему умственному уровню едва ли отличавшійся отъ какого-нибудь аристократа-спортсмэна или жокея, былъ избранъ украсить собою престолъ апостола Андрея и

св. Стахія,—единственная недостойная фигура, запятнавшая эту каѳедру. Законный отпрыскъ македонскаго дома, ученый призрач-
922 ный императоръ Константинъ, былъ, въ 922 году со столь свойственнымъ тогдашнимъ грекамъ нарушеніемъ клятвы оттѣсненъ на второе мѣсто; позднѣе и остальные Лекапины стали впереди его, „и тотъ, кто долженъ бы былъ быть первымъ, сталъ пятымъ“.

Церковный споръ Романъ также похоронилъ. По возстанов-
912 леніи своемъ Александромъ въ 912 году страстный патріархъ Николай вычеркнулъ изъ диптиховъ имя римскаго епископа и пересталъ
920 молиться о немъ въ церкви. Въ 920 году была заключена торжественно новая унія (конечно, ничтожной цѣнности), признавшая греческій принципъ о недопустимости четвертаго брака. Въ своемъ слѣпомъ усердіи Николай не замѣчалъ, что онъ, самъ того не зная, устраиваетъ дѣла хитраго регента. Единственный законный государь, церковнымъ непризнаніемъ брака своего отца, былъ въ глазахъ благочестивыхъ людей заклейменъ, какъ незаконнорожденный, въ то время, какъ домъ узурпатора „творилъ угодное Господу“. Монахи и бѣдняки взапуски восхваляли „великія дѣла и несчетныя благодѣянія вѣрнѣйшаго и православнѣйшаго императора Романа“.

Такимъ-то образомъ этотъ ужасный насильникъ правилъ при помощи желѣзной лозы византійскимъ міромъ. Окончательное замѣщеніе македонскаго дома династіей Лекапиновъ казалось лишь вопросомъ времени, какъ вдругъ, подобно молніи съ яснаго неба, и его застигла катастрофа, и съ той стороны, откуда этого никто не ожидалъ и не могъ ожидать.

Съ сознательной, принципіальной безжалостностью Романъ подавлялъ всякую мысль объ узурпаціи и презиралъ всѣ чужія права Только на измѣну собственныхъ сыновей онъ никогда не разсчитывалъ. Ужасный судъ Немезиды заключался въ томъ, что этотъ геніальный, но безпринципный злодѣй былъ низвергнутъ черной неблагодарностью тѣхъ, для кого онъ попралъ ногами всѣ божескія и человѣческія права. Напрасно его суровый другъ, мо-
16Дек. нахъ Сергій, предсказывалъ ему судьбу первосвященника Илія.
944 Его старшій сынъ умеръ раньше отца. 16 декабря 944 года Стефанъ и Константинъ арестовали своего отца [1]) и послали его въ монастырь на островѣ Проти „философствовать съ мона-
948 хами“. Тамъ онъ и умеръ въ 948 году, „низвергнутый съ трона, какъ старый Кроносъ Зевсомъ“.
945 Но уже 27 января 945 года оба мятежника должны были отправиться въ монастырь къ своему отцу, который встрѣтилъ ихъ

[1]) Theoph. cont. 53 p. 435, называетъ вдохновителемъ этого предпріятія императора Константина. Тогда этотъ послѣдній былъ уже не такой жалкій и слабовольный, какимъ его считали, и вполнѣ заслужена отъ него тестемъ подобная месть.

суровыми насмѣшками. [1]) Ликованіе народа по поводу возстановленія потомка законныхъ государей показывало, какіе могучіе успѣхи сдѣлала легитимистическая идея въ умахъ византійцевъ, привыкшихъ до сихъ поръ къ правленію однихъ солдатъ. Сто или двѣсти лѣтъ тому назадъ это было совершенно немыслимо. Развѣ въ 797 году народъ проявилъ состраданіе къ несчастному Константину VI? Могущественная династія Лекапиновъ вдругъ низверглась во прахъ, и всѣ интриги, выходившія изъ патріаршаго дворца ничтожнаго Ѳеофилакта, не могли ее снова поднять. Въ борьбѣ съ приверженцами Лекапиновъ Константинъ опирался на опытный въ военномъ дѣлѣ домъ Фоки. Варда Фока, братъ былого претендента на корону Льва, былъ сдѣланъ доместикомъ схолъ, три его весьма способныхъ въ военномъ дѣлѣ сына, Никифоръ, Левъ и Константинъ, получили важные военные посты въ Азіи. Фактически за ученаго буквоѣда управляла его честолюбивая жена Елена и ея фаворитъ Василій ὁ πετεινός.

Войну противъ азіатскихъ Хамдановъ неприлично жадный Варда Фока велъ вначалѣ неуспѣшно; однако, его дѣльному сыну Никифору удалось возстановить дисциплину въ войскѣ и порядокъ въ гражданскомъ управленіи.

Послѣдній блескъ правленію Константина придало посѣщеніе русской княгини Ольги, крестившейся съ многочи-
сленной свитой въ столицѣ имперіи въ 957 году. Христіанизація 957
этого столь важнаго для Византіи народа должна быть, однако, *признана заслугой болѣе поздняго поколѣнія*.

Когда 9 ноября 959 года Константинъ умеръ, онъ оставилъ тронъ своему распутному, нетвердому и еще молодому сыну **Роману II**
(**959—963**). Сначала отецъ женилъ его на Бертѣ, внѣбрачной 959-
дочери короля Гуго Провансскаго; позднѣе наслѣдникъ безъ памяти 963
влюбился въ красивую, честолюбивую и безпринципную Анастасію, дочь трактирщика. Безхарактерный отецъ позволилъ въ 957 году едва достигшему девятнадцати лѣтъ наслѣднику взять ее себѣ въ жены подъ именемъ Ѳеофанó. Она стала злымъ геніемъ императорскаго дома. При Романѣ правленіе велъ въ высшей степени

[1]) Какое празднество побудило ваши величества посѣтить наше смиреніе. Состраданіе, думаю я, выгнавшее меня изъ дворца, не позволило и вашей милости тамъ дольше пребывать. Вы очень хорошо сдѣлали, выславъ меня сюда впередъ. Мои милые братья и ревнители въ Богѣ, отдавшись цѣликомъ изученію небесной премудрости, не знали бы, какъ нужно принимать императора, если бъ не было съ ними меня, столь опытнаго въ императорскомъ придворномъ этикетѣ. Такъ милости просимъ! Воды для васъ здѣсь достаточно и болѣе свѣжей, чѣмъ еслибъ она была охлаждена горнымъ льдомъ; нѣжные бобы, овощи и свѣжія груши находятся въ вашемъ распоряженіи. Морскіе деликатессы не портятъ намъ здѣсь желудковъ, скорѣе же частые посты. Многочисленную и пышную свиту мы по своей бѣдности принять не можемъ; мы можемъ принять лишь Ваше Величество, пришедшее сюда, чтобы покоить старость отца Liutprandi Antapod. V, 23.

способный патрикій Іосифъ Вринга. Онъ передалъ веденіе грандіозной морской экспедиціи противъ гнѣзда критскихъ пиратовъ лучшему полководцу имперіи Никифору Фокѣ, доместику схолъ. Уже давно изъ византійскихъ гаваней не выходило столь блестящей армады. Превосходному веденію дѣла соотвѣтствовалъ безпри-
961 мѣрный успѣхъ. Въ мартѣ 961 года столица Крита Хандакъ была взята послѣ кровопролитнаго штурма и сравнена съ землей; мусульманское населеніе было изгнано, или обращено византійскими миссіонерами, во главѣ со св. Никономъ, въ христіанство. Этотъ ударъ снова сдѣлалъ, наконецъ, византійцевъ господами въ собственномъ морѣ.

962 И въ Азіи счастье сопутствовало Никифору. Въ 962 году въ его руки перешла Долиха, Іераполь и киликійскій Аназарбъ. Хамданида Гейф-ад-Давла онъ разбилъ близъ его столицы Алеппо, взялъ посады города и самый городъ; удержался лишь кремль. Узнавъ о приближеніи арабской арміи изъ Дамаска, онъ отступилъ съ богатой добычей.

15мар. 963 Какъ разъ во время этихъ необычайныхъ успѣховъ, 15 марта 963 года, умеръ Романъ, оставивъ вдову Ѳеофано и двухъ несовершеннолѣтнихъ сыновей Василія (957) и Константина VIII (961). Никифоръ, принесшій сперва клятву на вѣрность правительству вдовствующей императрицы, руководимой Врингой, узнавъ о козняхъ противъ него, появился у воротъ столицы съ азіатскимъ войскомъ и принудилъ Врингу къ удаленію. 16 августа 963 года патріархъ короновалъ его императоромъ, а вскорѣ затѣмъ онъ женился на вдовѣ императора Ѳеофано. Правленіе
963- Никифора II Фоки (963—969) и его преемниковъ Іоанна Цими-
969, схія (969—976) и Василія Болгаробойцы (976—1025)
976- является временемъ настоящаго расцвѣта византійскаго могущества.
1025 „Тогда, подобно молніи, появился Фока, и обрушился на враговъ Рима... Онъ разорялъ, сжигалъ, плѣнялъ города и земли варваровъ. Онъ перебилъ миріады иноземцевъ и распространилъ господство и могущество римлянъ. Арабы дрожали, армяне и сирійцы тряслись, сарацины отступали, турки бѣжали, а римляне покоряли ихъ земли и страны, и имя Фоки наводило на всѣхъ ужасъ“. (Георгій Амартолъ ed. *Muralt*. стр. 961).

Никифоръ образовалъ превосходную армію; ядро ея составляли армяне и иверы, славяне и руссы и навербованные иностранные наемники. Военный бюджетъ поглощалъ чудовищныя суммы, и народъ былъ ожесточенъ тяжелымъ бременемъ податей, которое наложилъ на гражданское населеніе этотъ менѣе всего либеральный государь. Духовенство съ его богатыми имѣніями было также энергично привлечено къ несенію государственныхъ тяготъ. Злая воля клира оказывала поэтому вездѣ, гдѣ это было возможно, противодѣйствіе императору. Чтобы возбудить патріотизмъ своихъ вои-

новъ, потребовалъ онъ непремѣннаго причисленія къ мученикамъ всѣхъ павшихъ въ бою съ мусульманами христіанъ. И лишь священнической закоснѣлостью объясняется то, что св. Поліевктъ, тогдашній вселенскій патріархъ, наотрѣзъ отказалъ въ этомъ, сославшись на каноны св. Василія: при нѣкоторой долѣ добраго желанія и бо́льшей любви къ отечеству церковная исторія могла бы дать ему прецеденты для этого. Правда, весьма разумный Никифоръ прекратилъ безсмысленное и неумѣренное строительство монастырей и больницъ, и этого духовенство ему не простило.

Духовенство же виновно и въ дурномъ направленіи императорской политики по отношенію къ диссидентамъ. По почину Никифора яковитскій патріархъ Антіохіи обратился къ своимъ единовѣрцамъ съ призывомъ къ заселенію опустошенной Мелитины. Послѣ торжественныхъ увѣреній императора не начинать печальныхъ халкидонскихъ притѣсненій, сирійцы массами устремились сюда. 28 сирійскихъ церквей украсили городъ, въ самомъ городѣ и окрестностяхъ поднялись многочисленные монастыри. Въ киновіи Барида патріархъ Маръ Іохананъ, прозванный Сригта (965—985) основалъ свою резиденцію. Для Византійской имперіи въ 965-
политическомъ отношеніи было очень важно считаться покрови- 985
тельницей восточныхъ христіанъ. Но греческій архіепископъ Мелитины, изъ мелочной зависти, довелъ при поддержкѣ патріарха дѣло до того, что, съ явнымъ нарушеніемъ императорскаго слова, стали принуждать заточеніемъ, вызовами на судъ въ Константинополь и тому подобными средствами сирійскихъ епископовъ къ уніи. Всѣ тѣ мелочныя притѣсненія, на которыя жаловались греки подъ латинскимъ господствомъ, сами они, будучи господами положенія, пускали въ ходъ противъ своихъ сирійскихъ единовѣрцевъ и выказали при этомъ не меньшую политическую близорукость, чѣмъ латиняне.

Попытка Оттона Великаго связать брачными узами Западную и Восточную имперіи потерпѣла неудачу, частью благодаря неумѣлости не въ мѣру горячаго дипломата, епископа Ліутпранда Кремонскаго, частью благодаря слишкомъ неумѣреннымъ притязаніямъ Оттона, который былъ такъ наивенъ, что потребовалъ отъ грековъ передачи ему въ приданое за Ѳеофану нижне-италіанскихъ владѣній.

Грандіозны были успѣхи Никифора въ Азіи. Въ 964 964
году онъ покорилъ Аназарбъ, Розъ, Адану и Мопсуестію, въ
965 году перешелъ въ его руки съ несмѣтной добычей уже съ 965
прошлаго года осажденный имъ Тарсъ. Одновременно съ этимъ, флотъ подъ начальствомъ патрикія Никиты снова завладѣлъ Кипромъ. Въ 968 году, послѣ двухлѣтняго промежутка импера- 968
торъ, съ арміей въ 80000 человѣкъ, снова предпринялъ азіатскую войну. На этотъ разъ была взята сирійская столица Антіохія.

Были завоеваны: Лаодикія, Іераполь, Алеппо, Арка и Эмеза, Триполи и Дамаскъ уплатили дань. Въ теченіе зимы храброму и талантливому Вурцѣ, командовавшему расположеннымъ при Антіохіи наблюдательнымъ корпусомъ, удалось, при помощи пришедшаго изъ Киликіи на зимнія квартиры Петра, возвратить христіанской имперіи знаменитую столицу (Дамаскъ), въ теченіе 328 лѣтъ находившуюся во власти невѣрныхъ. Недовольный императоръ, оставившій строгое приказаніе сохранить для него лавры этой побѣды, отставилъ обоихъ генераловъ.

Благороднѣе поступилъ онъ съ побѣдоноснымъ покорителемъ Кипра Никитой, попавшимся въ плѣнъ Фатимидамъ Кайруана послѣ неудачной попытки вновь завладѣть Сициліей. Онъ выкупилъ его въ обмѣнъ на захваченный въ Сиріи мечъ Магомета.

Гордость современниковъ по поводу возвращенія Сиріи и Месопотаміи по сю сторону Евфрата выражается въ новомъ изданіи Іероклова описанія имперіи, которое принадлежитъ этому времени и даетъ намъ описаніе возстановленнаго при Никифорѣ объема имперіи. Въ немъ намѣренно (такъ какъ принадлежали невѣрнымъ) выпущена большая часть Месопотаміи по ту сторону Евфрата, Финикія, Палестина, Египетъ и Киренаика.

Столь же могуча была политика Никифора и въ Европѣ. Въ отмщеніе за побѣду царя Симеона, онъ создалъ планъ совершеннаго покоренія болгарскаго государства. Послѣ взятія Тарса
965 онъ обратился въ 965 году, противъ Болгаріи, и заключилъ съ дикимъ руссомъ Святославомъ союзъ для большихъ взаимныхъ
967 операцій. Этотъ послѣдній въ августѣ 967 года появился въ устьѣ Сулина, съ сильной разбойничьей флотиліей. Доростолъ и другіе придунайскіе города перешли въ руки могучаго героя, который расположился на зимнія квартиры въ Переяславцѣ. Но съ византійцами случилось то же, что съ аѳинянами и ихъ другомъ Ситалкомъ изъ Одризъ. Поразительные успѣхи руссовъ испугали грековъ не меньше, чѣмъ болгаръ. Императоръ поспѣшно заключилъ союзъ съ болгарскимъ царемъ Петромъ Святымъ, подкрѣплен-
969 ный взаимными браками и выдачей въ качествѣ заложниковъ болгарскихъ принцевъ; затѣмъ набѣгъ печенѣговъ въ 969 году отозвалъ руссовъ въ Кіевъ. Однако, уже весной того же года Святославъ возвратился въ Болгарію и „взялъ Переяславецъ копьемъ“; царь Борисъ II попалъ къ нему въ плѣнъ. Нападеніе Святослава на Византійскую имперію падаетъ уже на слѣдующее царствованіе.

Нелюбовь къ Никифору ограничивалась лишь столицей; въ провинціяхъ все было спокойно, солдаты его боготворили. Онъ палъ жертвой заговора недовольныхъ офицеровъ, къ которымъ принадлежалъ отставленный Вурца и, прежде всего, его племянникъ, одинъ изъ способнѣйшихъ византійскихъ генераловъ, Іоаннъ Цимисхій. Его собственная супруга Ѳеофано была причастна

къ заговору. 10 декабря **969 года** великій государь палъ, и непосредственно за этимъ **Іоаннъ I Цимисхій** былъ провозглашенъ императоромъ. Послѣ Никифора, онъ безспорно былъ способнѣйшимъ генераломъ имперіи. По происхожденію онъ былъ армяниномъ, и его земляки съ восторгомъ говорили о кіуръ Жанѣ (Ἰάννης), императорѣ Рима. Это происхожденіе не вредило его популярности у грековъ: вѣдь, важнѣйшіе военные посты почти безъ исключенія были заняты тогда армянами и иверами. Благоволеніе народа онъ быстро снискалъ своимъ благороднымъ почти расточительнымъ обхожденіемъ, которое сильно отличалось отъ бережливаго хозяйствованія Никифора и не могло, конечно, долго продолжаться. Патріархъ Поліевктъ не хотѣлъ короновать Іоанна, обагрившаго свои руки въ крови; однако, святой мужъ пошелъ на сдѣлку, и Іоаннъ былъ помазанъ на царство и коронованъ цѣной отмѣны полезныхъ церковныхъ законовъ Никифора. Впрочемъ, по смерти Поліевкта (970) онъ далъ достодолжный отпоръ его строптивому преемнику на каѳедрѣ. Армянскій императоръ не былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ духовенства. **969** 970

Ѳеофано, помышлявшая о новомъ бракѣ, была по заслугамъ заточена имъ въ монастырь; напротивъ, къ обоимъ малолѣтнимъ императорамъ онъ относился съ тѣмъ же почтеніемъ, какъ къ своимъ товарищамъ по сану, что и Никифоръ, „онъ довольствовался постомъ премьеръ-министра и рангомъ императора“ [1]).

Опасное возстаніе, поднятое братомъ Никифора Львомъ и его двумя сыновьями, содержавшимися, какъ и дядя, подъ легкимъ надзоромъ, испытанными воинами, было не безъ труда подавлено (970). Возставшіе принцы были ослѣплены въ наказаніе. Во внѣшней политикѣ онъ оставилъ мелочныя придирки Никифора и споры за подробности этикета; сестра маленькаго императора Ѳеофану была послана въ 972 году въ Италію и выдана за сына Оттона. 970 972

Множество манихеевъ и павликіанъ было поселено Цимисхіемъ вокругъ Филиппополя; въ этомъ онъ подражалъ примѣру столь славнаго Константина V. Уже по своей національности онъ не могъ относиться къ этимъ общинамъ съ мрачнымъ фанатизмомъ православныхъ ревнителей; кромѣ того, онъ могъ совершенно правильно разсчитывать, что ихъ храбрыя дружины будутъ безконечно нужнѣе для защиты границъ Балканскаго полуострова, чѣмъ въ Азіи, гдѣ всѣ эти Хамданиды, Буиды, Саффариды и т. п. бились за остатки обезсиленнаго халифата, и откуда не грозило никакой серьезной опасности. Эти ѳракійскіе павликіане оказали вліяніе своимъ болѣе чистымъ и проникновеннымъ христіанствомъ на недавно крещенныхъ славянъ. При царѣ Петрѣ (927—968) Богомилъ или Іеремія распространилъ это ученіе 927-928

[1]) Такъ мѣтко охарактеризовалъ отношенія *Finlay*, I, 397.

среди своихъ соотечественниковъ; успѣшная пропаганда его между болгарами и греками является печальнымъ доказательствомъ незначительной притягательной силы, какую имѣла въ эти времена на умы православная церковь.

Болѣе чѣмъ когда византійская имперія нуждалась, чтобы во главѣ ея стоялъ опытный воинъ. Страшный Святославъ, покоривъ къ концу правленія Никифора Болгарское царство, обратился
970 на Ѳракію. Въ 970 году онъ перешелъ Балканы, взялъ штурмомъ Филиппополь, сопровождая это безчеловѣчными ужасами. Послѣ напрасныхъ предложеній платить ежегодную дань, Цимисхій поспѣшилъ на театръ военныхъ дѣйствій. Въ 970 году произошла
971 нерѣшительная битва при Адріанополѣ. Весной 971 года императоръ перешелъ незанятые беззаботными варварами балканскіе проходы и появился передъ Великой Преславой. Несмотря на мужественное сопротивленіе славянъ, греки взяли и сожгли городъ и кремль; плѣненный царь Борисъ II былъ освобожденъ и осыпанъ Цимисхіемъ почестями. Только при помощи террора Святославъ могъ держаться въ Доростолѣ (Силистріи); болгары массами перебѣгали къ императору-освободителю. Упорная битва у воротъ города была рѣшена византійской конницей не въ пользу руссовъ. Послѣ трехмѣсячной осады, которую со стороны рѣки поддерживалъ
22 іюл. византійскій флотъ, и послѣ послѣдней отчаянной вылазки 22 іюля
971 971 года, гордый руссъ принужденъ былъ капитулировать на условіи свободнаго отступленія. Сообразно желанію приднѣпровскаго варвара, Цимисхій согласился на свиданіе съ нимъ на одномъ изъ дунайскихъ острововъ. Вслѣдъ за тѣмъ флотилія пиратовъ отплыла
972 къ берегамъ Чернаго моря. Весной 972 года Святославъ палъ въ битвѣ съ печенѣгами, и князь ихъ Куръ сдѣлалъ изъ его черепа себѣ кубокъ.

Успѣхи Цимисхія затмили собою блескъ царствованія Никифора, и намъ вполнѣ понятно, что современники простили этому герою пролитую при завладѣніи трономъ кровь. Болгарское царство, въ теченіе 300 лѣтъ бывшее предметомъ ужаса для имперіи, лежало у ногъ василевса ромеевъ разбитое и укрощенное. Безъ сомнѣнія, уничтоженіе могущественной націи было дѣломъ руссовъ; но сами страшные непобѣдимые сѣверяне не доросли еще до превосходнаго военнаго искусства римлянина, и такимъ образомъ, послѣ упорной кровавой борьбы, славный побѣдный лавръ достался ему.

Наивные болгары думали, что Цимисхій возстановитъ ихъ царство. Этотъ энергичный политикъ-практикъ попросту аннексировалъ Восточную Болгарію (иначе онъ и не могъ поступить), и такимъ образомъ вновь пріобрѣлъ для имперіи столь важную дунайскую границу. Царскую корону онъ посвятилъ храму Небесной Премудрости (св. Софіи) въ столицѣ; Борисъ долженъ былъ сложить съ себя пурпуръ и знаки царскаго достоинства и получилъ въ скром-

ный удѣлъ титулъ магистра. Доростольскій патріархъ Даміанъ былъ также смѣщенъ, и новые восточно-болгарскіе іерархи, само собой разумѣется, греки, подчинились теперь, какъ и въ старину, всеэленской каѳедрѣ. Только въ Западной Болгаріи (Македоніи и Албаніи), оторванной въ 963 году „царемъ" Шишманомъ отъ митрополіи, утвердилось національно и церковно независимое, конечно, довольно жалкое, Болгарское царство подъ управленіемъ четырехъ „графскихъ сыновей" (κομητόπουλοι). Вотъ великое дѣло Іоанна Цимисхія. Его побѣдоносный мечъ отвратилъ отъ Византійской имперіи славянскую опасность и обезпечилъ ей два слѣдующихъ вѣка ея существованія.

963

Послѣ этого славнаго разрѣшенія своей задачи въ Европѣ, императоръ обратился въ Азію, гдѣ онъ съ 972 по 976 годъ сражался съ рѣдкимъ счастьемъ и еще разъ поднялъ могущество греческой имперіи на такую высоту, о какой въ тяжелыя времена Погоната и Исавровъ не посмѣлъ бы пророчествовать даже самый смѣлый энтузіастъ. Большіе успѣхи христіанъ вызвали соединеніе мусульманъ въ цѣляхъ обратнаго завладѣнія Антіохіей; руководителями ихъ явились чрезвычайно энергичные Фатимиды Египта, начавшіе притязать на главенство въ Сиріи; но храбрый евнухъ Никита спасъ Антіохію. Однако, взятіе Низибіи византійцами въ такой степени испугало правовѣрныхъ, что въ 973 году изъ Багдада началась проповѣдь священной войны и было организовано всеобщее возстаніе мусульманъ. Подъ Амидой византійское войско потерпѣло тяжелое пораженіе. Въ 974 году Цимисхій самъ принялъ командованіе и руководилъ блестящимъ походомъ къ верхнему Тигру и въ Сирію. Амида и Мартирополь сдались; тамошніе эмиры заплатили дань. Іераполь, Апамея, Эмеса и Иліополь были взяты почти безъ всякаго сопротивленія. Цимисхій перешелъ Ливанъ и покорилъ Бейрутъ, откуда онъ послалъ въ Константинополь палладіумъ города икону Распятаго. Въ то время реликвіи восточныхъ городовъ систематически грабились византійцами въ интересахъ храма Небесной Премудрости, подобно тому, какъ разбойничьи толпы Директоріи въ Италіи протягивали свои жадныя руки къ сокровищамъ искусствъ итальянскихъ князей. Но подъ стѣнами крѣпкаго Триполи военное искусство императора потерпѣло неудачу. „И народы были въ великомъ страхѣ передъ яростью Цимисхія. И онъ расширилъ предѣлы римской имперіи; сарацины и армяне бѣжали, персы дрожали и со всѣхъ сторонъ несли ему дары; они просили его милости и мира; онъ прошелъ до Эдессы и до водъ Евфрата; и земля была усѣяна лагерями римлянъ. Сирія и Финикія были растоптаны римскими конями. Онъ одерживалъ огромныя побѣды, и мечъ христіанъ жалъ подобно серпу" (Георгій Амартолъ ed. *Muralt* стр. 865).

972-976

973

Конечно, этимъ эфемернымъ завоеваніямъ многаго недоставало,

чтобы сдѣлаться прочными. Лишь первый страхъ подчинилъ большею частью мусульманское населеніе покоренныхъ городовъ, и оно совсѣмъ не представляло прочныхъ гарантій въ вѣрности имперіи. Даже освобожденная Антіохія закрыла передъ императоромъ свои ворота и могла быть завоевана снова лишь послѣ смерти Цимисхія.

Кажется, что Цимисхій вполнѣ распозналъ язву имперіи: распространеніе феодализма и латифундій, губившія свободное крестьянство и вводившія выгонное хозяйство. Могущественныя военныя фамиліи, какъ напримѣръ, Фоки, Склиры и др., пріобрѣтали, благодаря своимъ огромнымъ провинціальнымъ латифундіямъ и толпѣ своихъ преданныхъ приверженцевъ, положеніе, подобное положенію государей. Древне-римское военное и чиновничье государство все больше принимало средневѣковый аристократически-дворянскій обликъ.

Суровый приговоръ Цимисхія надъ ненасытнымъ евнухомъ, которому императоры служатъ, какъ наемники, для котораго одного истощается страна, проливаютъ кровь храбрые воины, испугалъ, по всей вѣроятности, и его соучастниковъ, хотя разсказъ о ядѣ, который будто бы подослалъ ему какъ разъ навлекшій на себя императорскій гнѣвъ всемогущій имперскій канцлеръ
10 янв. Василій, является наивной народной легендой. 10 января
976 976 года на возвратномъ пути въ столицу великій герой-императоръ неожиданно скончался въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, всего пятидесяти лѣтъ отъ роду. Вполнѣ естественно, что для народнаго сознанія столь неожиданное событіе могло быть лишь дѣломъ черныхъ интригъ.

Зло, на которое указалъ Цимисхій, продолжало рости. Въ послѣдующее время государство все больше и больше дѣлается игрушкой въ рукахъ знатныхъ родовъ. Можетъ быть желѣзный воинъ и страшный насильникъ въ родѣ Суллы могъ бы при помощи систематическаго кроваваго террора остановить еще разъ ходъ событій, но онъ не явился; когда же двѣсти лѣтъ спустя это пытался сдѣлать Андроникъ Комнинъ, то было уже поздно. Своеобразнымъ явленіемъ этого періода является также то, что наряду съ пустившей при македонянахъ корни легитимистической идеей возникаетъ также особый родъ майордомата. Прежніе солдатскіе императоры, обязанные пурпуромъ большею частью арміи или военнымъ заговорамъ, представляютъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ не повторяющійся во всемірной исторіи рядъ дѣйствительно выдающихся по своимъ феноменальнымъ военнымъ и государственнымъ способностямъ монарховъ. Династическая идея исключаетъ eo ipso выборъ наилучшихъ; большинство правителей, по закону естественной необходимости, были люди посредственно или слабо одаренные. Древность не знаетъ выработаннаго замѣстительства

правителя министрами, какъ это имѣется въ конституціонныхъ государствахъ. Нѣчто подобное создалъ, однако, X вѣкъ въ Византіи. Слабыя руки законныхъ носителей пурпура не могли фактически вести правленія, и такимъ образомъ мы видимъ, что управляютъ государствомъ смѣняющіе другъ друга въ довольно правильной послѣдовательности высокоодаренные воины. Эти правители имперіи de facto короновались и такимъ образомъ дѣлались совершенно равными легитимному императору, который или былъ, подобно Константину VII, кабинетнымъ ученымъ, или, подобно Василію II, ребенкомъ. Нельзя, конечно, отрицать того, что эту должность соимператора они отправляли къ величайшему благу имперіи, хотя Лекапины, правда, меньше, чѣмъ Никифоръ Фока и Цимисхій. Лишь эта вынужденная обстоятельствами уступка спасла имперію. Послѣ паденія Лекапиновъ притязанія на управленіе наряду съ войскомъ предъявляетъ и высшее чиновничество. Василій Евнухъ, незаконный сынъ стараго Романа, при сверженіи его дома одинъ пощаженный Константиномъ VII, благодаря своему выдающемуся административному таланту, завоевалъ постепенно, какъ предсѣдатель сената и имперскій канцлеръ, весьма внушительное положеніе: онъ подобенъ Талейрану при тогдашнихъ солдатскихъ императорахъ. Возвышеніе, какъ Никифора, такъ и Цимисхія не обошлось безъ его участія. Теперь имъ былъ провозглашенъ самостоятельнымъ государемъ двадцатилѣтній **Василій (976—1025)**. 976-1025
Руководство дѣлами осталось въ рукахъ всемогущаго евнуха. Но если только онъ надѣялся заставить играть своего царственнаго протеже призрачную роль своего ученаго отца, то онъ основательно обманулся. Высокоодаренный и воинственный государь ревниво наблюдалъ за нимъ, чтобы—конечно, лишь черезъ тринадцать лѣтъ — нанести ему со всей энергіей рѣшительный ударъ.

Василію при вступленіи его во власть было всего двадцать лѣтъ, а брату его и соправителю всего лишь семь. Но въ то время, какъ этотъ послѣдній отдался весь, по желанію всемогущаго имперскаго канцлера, удовольствіямъ, Василій, съ необычной для его юности серьезностью и рѣдкимъ сознаніемъ долга, тотчасъ же отказался отъ всѣхъ придворныхъ удовольствій, чтобы цѣликомъ посвятить себя изученію военнаго дѣла и управленію. Стремленія ревнивыхъ, постоянно стремящихся къ униженію императорскаго могущества вельможъ выработали въ его характерѣ черты суровости, недовѣрчивости и жестокости; такой человѣкъ не могъ быть популярнымъ государемъ; но хранителемъ имперіи онъ былъ.

Вполнѣ естественно, что генералы и также вельможи стремились занять мѣсто Цимисхія. Судя по положенію вещей до

сихъ поръ, всѣ они надѣялись достигнуть цѣли своего честолюбія. Но расчетъ ихъ былъ совершенно невѣренъ: въ качествѣ законнаго государя имъ противостоялъ вовсе не Порфирогенитъ. Первое мѣсто среди нихъ занялъ Варда Склиръ, командующій въ Азіи генералъ. Лишенный своего поста канцлеромъ Василіемъ, онъ поднялъ на восточной границѣ знамя возстанія и при помощи новыхъ подданныхъ, магометанскихъ феодальныхъ князей, дважды разбилъ на голову византійскія арміи, наводнилъ всю Малую Азію и серьезно угрожалъ столицѣ. Казалось, что Склиръ становится вторымъ Никифоромъ. Въ этихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ былъ вызванъ центральнымъ правительствомъ изъ своей созерцательной кельи, какъ когда-то Филиппикъ Ираклiемъ, давно изгнанный императорской немилостью въ одинъ изъ хіосскихъ монастырей соперникъ Склира Варда Фока и поставленъ во главѣ сохранившихъ вѣрность войскъ. Но Склиръ, какъ тактикъ, превосходилъ Фоку. Имперскій генералъ потерялъ двѣ битвы, подъ Аморіемъ и при Василика Терма (ѳема Харсіанъ Каппадокія). Онъ долженъ былъ идти въ Иверію, чтобы набрать новыхъ наемниковъ у преданнаго Византіи союзника, куропалата Давида. Третья битва при Галисѣ у Павкали началась одинаково несчастливо; однако, въ поединкѣ Фока сбросилъ Склира съ лошади; когда она начала метаться безъ всадника по рядамъ бунтовщиковъ, они сочли предводителя погибшимъ и обратились въ дикое бѣгство. Въ
979 самомъ концѣ лѣта 979 года Склиръ долженъ былъ бѣжать на арабскую территорію, гдѣ онъ до времени и содержался въ плѣну.

Всѣ слѣдующія восемь лѣтъ Фока сохранялъ свой высокій постъ генералиссимуса азіатской арміи; онъ счастливо сражался съ сарацинами и принудилъ алеппскаго эмира платить дань. Но энергія необычайно сильнаго волей Василія, не мирившагося съ ролью призрачнаго императора, напротивъ, туго натягивавшаго бразды правленія, подобно своему одноименному предку, возбудила живѣйшее неудовольствіе магнатовъ, занимающихъ гражданскія и военныя должности. По прежнему въ интригѣ
987 былъ замѣшанъ творецъ императоровъ Василій; 15 августа 987 г. во дворцѣ Евстаѳія Малеина (ѳема Харсіанъ) Варда Фока провозгласилъ себя императоромъ. Противъ него арабы выпустили второго претендента Варду Склира съ арміей христіанскихъ перебѣжчиковъ. Но Фока одолѣлъ его и обратилъ те-
988 перь всю свою энергію противъ законнаго императора. Въ 988 г. онъ покорилъ большую часть центральной Малой Азіи; законному государю оставалась столица и наводненный болгарами Балканскій полуостровъ. Въ это время впервые спасителями имперіи дѣлаются вспомогательные русскіе народы, варяги.

До самыхъ временъ Василія II древній греческій городъ Херсонеса Таврическаго Херсонъ, противоставшій съ такой отчаянной храбростью неистовствамъ Юстиніана II, сохранилъ свою національность и древнюю республиканско-аристократическую автономію. Правда, со времени императора Θеофила сюда посылался для верховнаго надзора византійскій стратигъ, но этотъ глава гражданской и военной бюрократіи не имѣлъ большого вліянія. Въ 988 году передъ этимъ греческимъ городомъ появился съ боль- 988
шой русской арміей сынъ Святослава Владимиръ. Какъ когда-то Амида, форпостъ противъ персовъ въ войнѣ съ Кавадомъ, такъ и теперь Херсонъ палъ, благодаря измѣнѣ одного священника. Но тогдашніе руссы не были уже больше „мерзкимъ, безбожнымъ, невѣрнымъ народомъ“ Фотія: Владимиръ жаждалъ св. крещенія и былъ крещенъ въ Херсонѣ въ церкви Всѣхъ Святыхъ; послѣ того, какъ младшая сестра императора, порфирородная принцесса Анна вышла замужъ за русскаго великаго князя, онъ вступилъ въ тѣснѣйшія дружественныя отношенія съ Византійской имперіей, которой уже его предшественники поставляли многочисленныхъ наемниковъ. Завоеванный городъ онъ возвратилъ византійцамъ. Его вѣрный народъ, повинуясь приказу великаго князя, послушно крестился въ водахъ Днѣпра, чтобы воспринять „святое просвѣщеніе“ изъ рукъ греческихъ священниковъ и монаховъ. Крещеніе св. Владимира—одна изъ важнѣйшихъ датъ въ лѣтописи православной церкви: это часъ рожденія русской церкви, духовной и церковной наслѣдницы церкви восточной.

Политическія отношенія властителей „Царяграда“ и Кіева оставались неомраченными. Во главѣ вновь пришедшихъ вспомогательныхъ русскихъ отрядовъ и императорской арміи братья—правители Василій и Константинъ двинулись къ осажденной Фокой приморской крѣпости Абидосу, важному ключу Геллеспонта. Оба войска стояли другъ противъ друга, готовыя къ бою. Фока только что собрался, по своему обыкновенію, помѣряться съ Василіемъ на поединкѣ, какъ вдругъ послѣ того, какъ онъ напился холодной воды, упалъ мертвымъ съ лошади. Въ дикой паникѣ отряды мятежниковъ бросились врассыпную. Такимъ образомъ въ апрѣлѣ 989 года гражданская война неожиданно окончилась. 989
Взятый въ плѣнъ Варда Склиръ былъ приведенъ къ императору. „И передъ такимъ человѣкомъ мы еще вчера дрожали“, вскричалъ Василій, когда безпомощный толстый старикъ, еще въ красныхъ императорскихъ башмакахъ, появился передъ своимъ законнымъ господиномъ. Онъ былъ помилованъ и вскорѣ послѣ этого умеръ.

Теперь, наконецъ, вполнѣ заслуженная судьба постигла старую лисицу, имперскаго канцлера Василія: онъ былъ безъ всякаго суда и слѣдствія лишенъ всѣхъ своихъ должностей и до-

стоинствъ, его баснословное состояніе, на которое онъ могъ содержать цѣлую армію, было конфисковано, его дворецъ отданъ на
989 разграбленіе столичной черни и самъ онъ посланъ въ изгнаніе (989). Спустя шесть лѣтъ былъ вызванъ въ столицу безмѣрно богатый, окруженный безчисленными вооруженными кліентами пограничный владѣлецъ Евстаѳій Малеинъ. Онъ больше не увидѣлъ своего каппадокійскаго удѣла, и послѣ его смерти фискъ отобралъ его богатства. Василій буквально и систематически слѣдовалъ мнимому совѣту, какъ ему лучше всего смирить мятежную провинціальную знать, именно, пускать кровь богачамъ, чтобы обезсилить и обезопасить ихъ. Такъ, Василій приказалъ разрушить дворецъ и раздать обратно крестьянамъ землю какого-то достигшаго должности и чиновъ выскочки, скупившаго всю свою деревню и превратившаго ее въ виллу. Это называютъ восточнымъ султанскимъ произволомъ, какъ будто новѣйшее „правовое“ государство съ его секуляризаціями имущества „мертвой руки“ поступало иначе. Развѣ нѣмецкіе князья церкви, которымъ съѣздъ имперскихъ депутатовъ (1803) по всѣмъ правиламъ судопроизводства помогъ осуществить апостольскую бѣдность, чувствовали меньшее попраніе своихъ правъ, чѣмъ крупные землевладѣльцы секвестрированные Василіемъ?

Какъ скоро Василій смирилъ мятежниковъ среди столбового дворянства, онъ и въ законодательствѣ пошелъ по стопамъ
996 своего прадѣда Романа. Языкъ его новеллы 996 года необычайно энергиченъ. Естественно, что всѣ предписанія о неотчуждаемости крестьянскихъ имѣній оставались лишь на бумагѣ. Теперь были съ необычайной суровостью отмѣнены всѣ захваты собственности магнатами и законодательнымъ путемъ уничтоженъ обходъ закона, который придумали крупные землевладѣльцы, дѣлая крестьянское имѣніе сначала церковнымъ и защищая его такимъ образомъ отъ притязаній. Императоръ безъ обиняковъ говоритъ, что государственный интересъ понуждаетъ препятствовать сосредоточенію въ однихъ рукахъ большихъ земельныхъ владѣній и въ особенности непрерывной передачѣ этихъ латифундій по наслѣдству. Съ такой энергіей этотъ могущественный монархъ сумѣлъ противостать латифундіальной и плантаціонной системѣ. Главною цѣлью его законодательства была защита среднихъ и низшихъ классовъ, и это одно ставитъ этого суроваго и необразованнаго воина неизмѣримо выше многихъ изъ наиболѣе выдающихся его товарищей по сану.

Мѣтко говоритъ Финлей: „Правленіе Василія II является вершиной византійскаго могущества. Константинопольскіе орлы пролетали во время его жизни длинный побѣдный путь отъ береговъ Дуная до Евфрата и отъ армянскихъ горъ до взморья Италіи. Непреодолимое мужество Василія, его страшная жестокость, равнодушіе къ искусству и литературѣ и его религіозное суевѣріе—

все соединяется въ немъ, чтобы создать изъ него представителя своего государства и своего времени. Цѣлью его правительственной политики было укрѣпленіе единства государственнаго управленія въ Европѣ при помощи окончательнаго покоренія болгаръ и славянъ, соединенныхъ, благодаря родству языка, въ одну націю; соединяла ихъ также и непримиримая ненависть къ императорскому правительству".

Сыновья Шишмана I, родъ „графскихъ сыновей", происходящій изъ Тырнова на Янтрѣ [1]), освѣтилъ передъ своимъ паденіемъ еще разъ прощальнымъ блескомъ болгарскій народъ. Шишманъ I и Давидъ носили царскій титулъ, также и Самуилъ (976— 976-
1014), послѣдній сильный, но несчастный властитель этого народа. 1014
При нихъ центръ тяжести болгарскаго могущества перемѣстился въ оставшіяся еще свободными западныя области, Албанію и Македонію. Резиденціей царя и патріарха была Преспа, поросшій лѣсомъ скалистый островъ на озерѣ Преспѣ, еще и до сихъ поръ сохраняющій развалины прежней крѣпостной стѣны и четырехъ церквей. Вскорѣ однако царь переселился въ Охриду на озерѣ Лихнитисъ древнихъ, богатое и великолѣпное барское помѣстье. Когда позднѣе греки взяли столицу, они нашли въ царской сокровищницѣ украшенную жемчугомъ корону, затканныя золотомъ одежды и сто центнеровъ золота. Главной опорой совершенно феодальнаго по своему устройству государства было могущественное, привыкшее къ войнѣ сословіе бояръ. Корону Самуилъ получилъ изъ Рима; и для богомиловъ онъ былъ также милостивымъ господиномъ: потому-то и не продолжаетъ онъ жить, подобно другимъ царямъ, въ славной памяти православной церкви. Смерть Цимисхія и возстаніе Склира были для дунайскихъ болгаръ сигналомъ ко всеобщему возстанію. Въ теченіе короткаго времени Самуилъ возстановилъ древнее великое царство. Ѳракія, окрестности Солуня и даже сама Греція подверглись его нападенію, изъ Лариссы онъ унесъ въ Преспу останки св. исповѣдника Ахилла. Но въ Василіи II Самуилъ нашелъ себѣ достойнаго противника. Изъ Филиппополя, Мосинополя и Солуня императоръ оперировалъ противъ царя съ сухопутнымъ войскомъ и флотомъ не всегда со счастьемъ, но постоянно съ одинаковой настойчивостью.
Но когда онъ двинулся въ 981 году къ Средцу (Сардика-Софія), 981
его византійское войско было совершенно разгромлено. Война затихла на пятнадцать лѣтъ. Самуилъ использовалъ этотъ срокъ, чтобы присоединить къ своимъ владѣніямъ Диррахій съ адріатическими прибрежными областями и подчинить своему сюзеренитету сербовъ. Въ это время Охридское царство стояло на вершинѣ своего блеска.

---

[1]) Давидъ, Моисей, Ааронъ и Самуилъ.

996 Въ 996 году возгорѣлась вторая война. Самуилъ побѣдилъ греческаго полководца Григорія изъ армянскаго рода Таронъ и двинулся, разоряя все на пути, на югъ въ Пелопоннесъ. Однако при его возвращеніи на Сперхіи расположился лагеремъ Никифоръ Уранъ. Ночью греки переправились черезъ потокъ и устроили среди болгаръ ужасную рѣзню. Самуилъ съ большимъ трудомъ спасся въ свой островной замокъ. Его собственный зять, армянинъ Ашотъ измѣннически сдалъ грекамъ ввѣренный ему Диррахій. Послѣ безуспѣшнаго вторженія императора въ область Средца полководцы его подчинили окончательно придунайскую
1000 Болгарію (1000); годъ спустя греки утвердились въ Нижней Ма-
1002 кедоніи; Веррія, Сервія, Водена подпали ихъ власти. Въ 1002 году Василій завладѣлъ важнымъ Бдиномъ, въ то время, какъ разграбленіе Самуиломъ Адріанополя было лишь преходящимъ успѣхомъ. Императоръ завоевалъ также и важную Скопье. Но крѣпкій Церникъ въ Стримонскомъ ущельѣ оказался неприступнымъ. Лишь осложненія на Востокѣ помѣшали императору нанести послѣдній
1014 ударъ царству. Въ 1014 году началась послѣдняя война. Борьба съ перемѣннымъ счастьемъ сосредоточилась вокругъ крѣпкихъ горныхъ замковъ. Одинъ за другимъ они брались и занимались гарнизономъ. Живущіе вокругъ болгары были по древне-ассирійскому обычаю переселяемы далѣе въ Арменію. Особенно славенъ былъ воин-
1014 скій подвигъ Никифора Ксифія (1014); онъ обошелъ гору Белазику (Балатиста) и напалъ на болгаръ съ тылу. Все болгарское войско было уничтожено послѣ отчаяннаго сопротивленія. Царь съ трудомъ бѣжалъ въ Прилепъ. 15.000 плѣнныхъ были ослѣплены по приказу Василія, такимъ образомъ, что каждые сто слѣпцовъ получили одноглазаго поводыря. Когда эта масса несчастныхъ появилась передъ Самуиломъ, онъ упалъ, подобно Илію, безъ сознанія на землю. Уже черезъ два дня, 15 сентября 1014 года несчастный монархъ скончался въ ужасныхъ сердечныхъ судорогахъ. Сынъ Самуила Гавріилъ-Романъ (Радомиръ), храбрый воинъ, при которомъ въ руки грековъ перешли Витоль, Прилепъ, Стипъ, Водена и Моглена, безуспѣшно предлагалъ миръ;
1015 онъ палъ въ 1015 году жертвой своего коварнаго двоюроднаго брата Іоанна-Владислава, сына Аарона. Расположенный къ грекамъ узурпаторъ, принужденный боярами къ продол-
1016 женію національной войны, счастливо сражался въ 1016 и 1017
1017 году. Но бдительность греческихъ комендантовъ дунайскихъ крѣпостей помѣшала осуществленію проектированнаго союза съ пече-
1018 нѣгами. Въ 1018 году Іоаннъ-Владиславъ, послѣдній царь Охриды, палъ при осадѣ болгарами Диррахія. Могущественная боярская партія, съ патріархомъ Давидомъ, царицей Маріей, и великимъ воеводой Богданомъ во главѣ, просила о мирѣ подъ условіемъ подтвержденія ихъ привилегій. Василій выступилъ изъ

столицы. Въ Адріанополѣ къ нему явились болгарскіе послы съ донесеніемъ о подчиненіи Перника и тридцати пяти окружныхъ замковъ. Въ Струмицѣ патріархъ передалъ ему письмо царицы. При его появленіи подъ Охридой навстрѣчу ему вышли нѣкоторые изъ „графскихъ сыновей“. Въ горахъ Албаніи держались еще короткое время Фружинъ и храбрый Ивацъ. Римскій мечъ и византійское коварство сломили и это послѣднее сопротивленіе.

Послѣ сорокалѣтней борьбы могущественное славянское царство, такъ долго выступавшее, какъ равная Византійской имперіи великая держава, лежало во прахѣ совершенно униженное и побѣжденное. Въ гордомъ сознаніи своихъ огромныхъ побѣдъ Василій двинулся въ Аѳины, чтобы принести Божіей Матери свою благодарность и свои дары въ давно уже посвященномъ истинной вѣрѣ Парѳенонѣ. При вступленіи „Болгаробойцы“ въ столицу имперіи ликованіе было безмѣрно. Съ золотой разукрашенной перьями короной на головѣ ѣхалъ шестидесятичетырехлѣтній старикъ тріумфаторомъ къ Золотымъ воротамъ; передъ нимъ шла царица Марія, дочь Самуила, и взятые въ плѣнъ бояре. Болгарское государство было вычеркнуто изъ списка самостоятельныхъ общественныхъ союзовъ. Со временъ Юстиніана ни одинъ императоръ не пользовался на Балканскомъ полуостровѣ такой полнотой власти.

Василій обращался съ покоренной страной съ кротостью и большой мудростью. Онъ оставилъ нетронутымъ ея политическое и церковное устройство. Охридское царство было объединено съ Византійской имперіей какъ-бы личной уніей. Онъ утвердилъ его военное устройство и податную систему; болгарская знать сохранила
свои привилегіи; въ 1019 году автокефальная охридская церковь 1019
получила въ Іоаннѣ своего національнаго главу. Три золотыя буллы императора обезпечивали ему распространеніе его власти не только на національныя болгарскія и сербскія епархіи, но и на греческія завоеванія, вошедшія въ составъ Болгарскаго царства при славной памяти царяхъ Симеонѣ и Петрѣ. Лишь въ Доростолѣ повелѣвалъ попрежнему подчиненный вселенской каѳедрѣ митрополитъ. Члены царскаго дома и высшихъ боярскихъ фамилій были переселены въ Константинополь и приняты въ ряды имперской знати. Многія знатныя греческія фамиліи впослѣдствіи вошли съ ними въ кровное родство; гордые своимъ благородствомъ Дуки и Комнины гордились своимъ происхожденіемъ отъ Шишманидовъ.

Во время ужасной болгарской войны императоръ ни разу не
выпустилъ изъ виду восточныхъ событій. Въ 995 году онъ по- 99
явился на Востокѣ, гдѣ за годъ передъ тѣмъ храбрый Никифоръ Уранъ былъ разбитъ арабами. Оружіе императора было побѣдо-

носно. Онъ взялъ Алеппо, Хемсъ и Шайзаръ; лишь стѣны крѣпкаго Триполи устояли противъ его нападенія. По его возвращеніи въ Константинополь Алеппо снова сдѣлался добычей Фатимидовъ.

Гораздо прочнѣе было его вмѣшательство на армянской территоріи. Смбатъ II (977—989 гг.), „царь царей“ и „міродержецъ“,
977-
980 сдѣлалъ своими роскошными постройками Ани однимъ изъ величайшихъ
1020 колѣпнѣйшихъ городовъ Востока. Онъ и его братъ Гагикъ († 1020) царствовали могущественно и счастливо, конечно, среди безпрестанной борьбы съ христіанскими удѣльными князьми, созданными неразумной домашней политикой Багратидовъ, и съ мусульманскими эмирами Восточной Арменіи. Давидъ, храбрый князь
998 Таика и части Грузіи, разбилъ на голову (998) съ помощью своихъ сосѣдей эмира Мамлуна съ его гораздо болѣе превосходнымъ войскомъ при Дземпои. Отъ Василія онъ получилъ ти-
999 тулъ куропалата. Въ 999 году, умирая, онъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ Василія, который двинулся изъ Тарса, радуясь столь благопріятной возможности вмѣшаться въ дѣла Арменіи. Но умный Гагикъ разстроилъ планы императора. Послѣ его смерти возгорѣлся споръ между наслѣдниками трона, ученымъ и невоинственнымъ Іоанномъ и его способнымъ братомъ Ашотомъ. Благодаря вмѣшательству царя Грузіи безпорядокъ достигъ своего апогея, пока Ашотъ не возстановилъ съ помощью византійской арміи своего авторитета.

1021 Въ это время впервые въ 1021 году появляются на армянской территоріи отвратительныя орды сельджуковъ, тѣ орды, которыхъ судьба предназначила стереть съ лица земли сравнительно еще весьма значительную культуру Арменіи и восточной части Малой Азіи и оставить за собой, подобно ихъ столь же страшнымъ двоюроднымъ братьямъ монголамъ, одни развалины. Послѣдній изъ Арцруніевъ Васпуракана Сенекеримъ, испуганный дикимъ опустошеніемъ своей страны турками, передалъ всю свою власть
1027 Василію, который за это сдѣлалъ его леннымъ княземъ († 1027) полуармянской Севастіи (Сивасъ). Также и мусульманскіе эмиры городовъ вокругъ Ванскаго озера (Беркри, Манцкертъ, Хлатъ, Арчешъ) также сдѣлались васаллами Византійской имперіи, и такимъ образомъ, владѣнія Багратидовъ были со всѣхъ сторонъ окружены византійскими землями. Царь Грузіи Георгъ, возмутившійся противъ греческаго верховенства и доходившій въ своихъ разбойничьихъ набѣгахъ до Трапезунда, былъ жестоко наказанъ неутомимымъ императоромъ ромеевъ, а его союзникъ царь Іоаннъ Багратидъ былъ принужденъ принять отъ Василія въ ленъ городъ Ани. Послѣ его смерти его государство должно было также войти въ составъ имперіи. Само собой понятно, что въ лицѣ митрополитовъ Кельцены была поставлена сильная греческая іерархія,

которая по мѣрѣ силъ разжигала злобную ненависть между греками и армянами и, благодаря своей крутой нетерпимости, больше всѣхъ виновна въ паденіи восточно-римскаго могущества въ Азіи. Но это были ошибки времени, а не Василія. Самъ онъ дѣлалъ все возможное, чтобы привести въ боевую готовность новопріобрѣтенную восточную область. Когда при Константинѣ IX ворвались сельджуки, они нашли всѣ крѣпости и замки хорошо укрѣпленными и охраняемыми достаточными гарнизонами. Это было дѣломъ этого неусыпнаго военнаго и организаторскаго таланта.

Его неутомимый духъ не довольствовался этими успѣхами. Съ неусыпной энергіей вооружилъ онъ сильную армаду, которая должна была вырвать у невѣрныхъ потерянную обоими его предками, Василіемъ I и Львомъ VI, Сицилію. Но смерть постигла шестидесятилѣтняго старика посреди его приготовленій въ декабрѣ 1025 года. дек. 1025

Послѣ покоренія славянъ и аннексіи Арменіи, Византійская имперія достигла небывалаго со времени Юстиніана объема. Соединенная съ мягкостью сила императора Василія оставила милліонамъ славянскихъ подданныхъ ихъ отечественныя учрежденія и вольности. Опасно было и не доказывало продуманной правительственной политики на Востокѣ включеніе въ составъ имперіи не только чуждыхъ національно, но и отдѣленныхъ церковно армянскихъ княжествъ. Лишь причины военнаго характера, настойчиво требовавшія вниманія, могутъ одни извинить эту аннексію. Но она влекла за собою серьезную опасность. Монофизитизмъ былъ тамъ еще реальной силой, съ которой нужно было считаться. Всѣ злополучія, приготовленныя юстиніановскому и до юстиніановскому періоду сирійскими и египетскими провинціями, ожили здѣсь опять. Только суровые воины, подобно Василію управлявшіе любящимъ споры и грезившимъ объ уніи клиромъ съ помощью желѣзной палки, могли бы продолжать здѣсь и частью даже улучшать его политику.

Но случилось наоборотъ. Крупная земельная собственность знати все расширялась. Императоры сдѣлались игрушкой въ рукахъ этихъ вельможъ. На востокѣ Малой Азіи свободное крестьянство почти совершенно исчезло. Въ Европѣ у славянъ были отняты ихъ національныя привиллегіи и ими были надѣлены греки. Способнѣйшіе генералы были стѣснены въ своихъ наиболѣе блестящихъ предпріятіяхъ немилостью двора и недовѣріемъ усилившейся чиновничьей олигархіи, концентрировавшейся въ сенатѣ, и доводились до отчаянія и мятежа. Къ этому присоединилось невыносимое бремя податей, которое, въ связи съ рѣзкимъ переходомъ отъ натуральнаго къ денежному хозяйству, довело

славянъ и азіатовъ частью до революціи, частью до выселенія. Къ тому же дворъ предавался по временамъ, какъ будто все было спокойно, безвкусной утонченности нравовъ и совсѣмъ несвоевременному увлеченію литературой. Вполнѣ понятно, что подобнымъ правителямъ и подобной знати не подъ силу было бороться ни съ сельджуками ни съ норманнами.

VI. Упадокъ имперіи (1026—1081).

Короткое правленіе **Константина VIII** (1026 — 1028), брата Василія Болгаробойцы, уже представляло отвратительный контрастъ съ управленіемъ его предшественника.

Рѣдко можно было встрѣтить противоположность бо́льшую, чѣмъ между Василіемъ и Константиномъ, такъ что византійцы прилагали къ нимъ поговорку: „крестъ и плевательница изъ одного дерева". Самъ совершенно не воинственный, Константинъ выказывалъ молчаливую подозрительность относительно арміи и ея вождей. Высшія мѣста въ арміи и въ государственномъ управленіи онъ довѣрилъ преданнымъ ему придворнымъ; такъ, евнухъ Спондилъ былъ назначенъ намѣстникомъ въ Антіохію, другой фаворитъ—на важнѣйшій и отвѣтственный постъ въ Иверію. При этомъ безъ всякаго сожалѣнія выколачивали подати. Но несравненный организмъ, созданный геніями двухъ предшествующихъ поколѣній, пока что, дѣйствовалъ со всей желательной точностью. Константинъ Діогенъ отбросилъ обратно за Дунай вторгшихся въ 1027 г. 1027
печенѣговъ; точно такъ же были побѣдоносно отражены нападенія африканскихъ мусульманъ, угрожавшихъ Эгейскому морю.

Умирая, императоръ оставилъ только трехъ дочерей. Евдокія была монахиня, Θеодора не хотѣла выходить замужъ и, такимъ образомъ, оставалась „порфирородная" **Зоя**, особа, правда, уже очень немолодая (ей было 48 лѣтъ), но весьма склонная къ замужеству и очень любимая столичнымъ населеніемъ. Отъ брачныхъ узъ, въ которыя вступила бы эта законная наслѣдница императорскаго престола, зависѣла судьба государства. Въ силу предсмертной воли ея отца ей дали въ мужья почтеннаго сенатора **Романа III Аргира (1028—1034)**, который, будучи уже шестидесятилѣт- 1028-1034
нимъ старикомъ, именно съ цѣлью жениться на императрицѣ, долженъ былъ разстаться со своей супругой. Источники молчатъ о томъ, чтобы патріархъ и правящій синодъ, которые какъ разъ въ то время допускали несчетныя послабленія въ брачныхъ дѣлахъ, какимъ-ни-

будь образомъ осудили это тягчайшее нарушеніе не только священническихъ предписаній, но и Божеской заповѣди.

Въ теченіе пятидесяти двухъ лѣтъ только порфирородные занимали престолъ. Понятно, что Романъ, выскочка, старый и боязливый человѣкъ, прежде всего заботился о томъ, чтобы пріобрѣсти расположеніе различныхъ классовъ населенія. Простой народъ привлекъ онъ на свою сторону выкупомъ плѣнныхъ захваченныхъ во время войны печенѣгами. Заключенные за долги въ тюрьму были всѣ помилованы и въ удовлетвореніе претензій ихъ кредиторовъ казна уплатила ихъ долги.

Расположеніе высшаго дворянства и знатнаго духовенства было пріобрѣтено отмѣною аллиленгіона, т. е. возложенной на состоятельныхъ обязанности обезпечивать своими имѣніями поступленіе недоимокъ съ бѣднѣйшихъ въ ихъ податныхъ округахъ. Но болѣе всего Романъ пришелся по сердцу духовенству. Онъ повысилъ неисчислимыя доходы клира св. Софіи. Сирійскіе схизматики-епископы и выдающіеся богословы, въ томъ числѣ ихъ патріархъ, занимавшій каѳедру въ Мелитинѣ, были насильственно доставлены въ Константинополь. Диспутъ съ краснорѣчивыми восточными церковниками не былъ допущенъ, но надъ ними было наряжено формальное слѣдствіе по поводу ученія о двухъ естествахъ. Изгнаніе и тюрьма—такова была участь почти всѣхъ безъ исключенія упорствовавшихъ. Въ этомъ случаѣ благодушный императоръ былъ несомнѣнно скорѣе руководимымъ, чѣмъ руководителемъ. Говорятъ, видные придворные проливали слезы во время этихъ прямо отвратительныхъ сценъ, и только правовѣрные іерархи остались холодны, какъ сталь. Но правительство наложило на себя тяжелую отвѣтственность. Несчастные сирійцы массами бѣжали подъ власть мусульманъ. Государство лишило себя импатій диссидентовъ, ошибка, которая должна была дорого стоить.

Достойнѣе была другая мѣра. Правительство дало, съ согласія правящихъ въ Палестинѣ Фатимидовъ, значительныя суммы
1010 на возстановленіе храма Воскресенія, который въ 1010 году былъ раз-
967- рушенъ по приказанію помѣшаннаго халифа Хакима, (967—1021
1021 обожествленнаго друзами. Вслѣдствіе недоброжелательства все еще фанатически настроеннаго правительства каирскихъ халифовъ, постройка была закончена только при Константинѣ IX въ
1048 1048 году.

Императрица Зоя была охвачена недоброжелательствомъ и завистью къ своей умной и сильной волей сестрѣ Ѳеодорѣ. Послѣднюю обвинили въ томъ, что она была вдохновительницей заговоровъ Прусіана и Константина Діогена, справедливо ли, трудно рѣшить, въ виду запутанности византійскихъ придворныхъ интригъ; но ея участіе едва ли вѣроятно. Прусіанъ былъ обвиненъ въ томъ, что покушался на престолъ; Константинъ въ

томъ, что тайно содѣйствовалъ возстанію славянъ и болгаръ. Въ обоихъ обвиненіяхъ сказывается только раскаяніе правительства въ дурномъ управленіи славяноболгарскими подданными. Ѳеодора и Прусіанъ, должны были постричься въ монашество; Константинъ былъ присужденъ къ ослѣпленію, но еще до приведенія приговора въ исполненіе успѣлъ покончить съ собой. Многочисленные представители высшаго дворянства, какъ предполагаемые соучастники заговора, были изгнаны. По винѣ намѣстника Антіохіи Спондила византійцы потерпѣли въ 1029 году тяжкое пора- 1029
женіе. Въ 1030 году самъ императоръ появился на сирійскомъ 1030
театрѣ военныхъ дѣйствій, казалось для того только, чтобы эмиръ Алеппо и Триполи нанесъ ему столь основательное пораженіе, что онъ и его войско съ трудомъ достигли Антіохіи. Богатая добыча досталась на долю побѣдителей.

Здѣсь выступаетъ впервые на историческую сцену могучій воинъ-герой Георгій Маніакъ. Успѣшно поведя партизанскую войну, онъ вскорѣ получилъ командованіе надъ Нижней Мидіей съ главнымъ городомъ Самосатой. Смѣлый ударъ отдалъ въ его руки Эдессу въ 1032 году, и письмо Христа къ топарху 1032
Авгару было препровождено въ столицу для присоединенія къ нерукотворенному образу въ качествѣ второй священнѣйшей реликвіи.

Въ теченіе двухъ лѣтъ болѣлъ старый императоръ, и столичная молва выставляла, какъ одну изъ причинъ болѣзни, отравленіе его собственной супругой. Монахъ Іоаннъ, нѣкогда дворецкій Романа, въ то время управляющій благотворительными заведеніями, имѣлъ брата изумительной красоты, правда страдавшаго падучей, въ котораго императрица влюбилась со всѣмъ неистовствомъ старческой страсти. Во всякомъ случаѣ, непристойно было то, что немедленно послѣ смерти императора 11 Апрѣля 11 апр. 1034
1034 года императрица собрала всѣхъ придворныхъ и представила имъ своего любовника **Михаила IV Пафлагонца** (1034—1041) въ 1034-
качествѣ императора. „Побѣдителю добыча“ таково было осно- 1041
ваніе, по которому эта вышедшая изъ низинъ плебейская семья дѣлила между собой правительственную власть. Іоаннъ, этотъ по истинѣ „дѣлатель императоровъ“, сталъ государственнымъ канцлеромъ съ прямо неограниченной властью. Другой братъ, Константинъ, сталъ генералиссимусомъ или великимъ доместикомъ, Стефанъ же, прежде корабельный инженеръ, сталъ адмираломъ императорскаго флота, а его сынъ Михаилъ Калафатъ былъ облеченъ саномъ кесаря. Почти всѣ безъ исключенія эти искатели приключеній были въ высшей степени даровитые люди, особенно геніальный правитель Іоаннъ, который однако своимъ безжалостнымъ тиранствомъ и истинно-греческимъ фискализмомъ напоминалъ знаменитаго одноименнаго ему министрафинасовъ при Юсти-

ніанѣ Іоанна Каппадокійца. Уже при Романѣ африканскіе
и сицилійскіе корсары стали нападать на побережіе Адріатики. Но
теперь византійское правительство встрѣтило ихъ внушительнымъ
отпоромъ. Чѣмъ болѣе свободное крестьянство, которое нѣкогда
выставило кадры побѣдоносныхъ въ войнахъ съ болгарами и мусуль-
манами ѳемъ, гибло отъ произвола дворцовой знати, тѣмъ болѣе
правительство оказывалось вынужденнымъ прибѣгать къ найму сол-
датъ. Среди послѣднихъ вскорѣ занимаютъ первое мѣсто по числу
и значенію „варанги“ и „руссы“. Скандинавы изъ Россіи, затѣмъ
норвежцы, исландцы, со времени побѣды Вильгельма Завоева-
теля въ 1066 г., многочисленные датчане и англо-саксы наполняли
ихъ ряды. Но ни одинъ изъ нихъ не былъ такъ знаменитъ, какъ
Гаральдъ Гаардрадъ, сынъ Сигурда, брата св. Олафа (короля
1033- Норвегіи 1047—1066), который въ 1033—1043 годахъ, подъ воин-
1043 ской кличкой Нордбриктъ, совмѣстно съ азіатскимъ героемъ
Георгіемъ Маніакомъ совершилъ величайшіе подвиги въ за-
1032 щиту имперіи ромеевъ. Въ 1032 году соединенный флотъ здѣсь впер-
вые выступившихъ опытныхъ мореходовъ республики Рагузы и зятя
императора Константина Карантина, намѣстника Навпліи,
настолько основательно разбилъ сарациновъ, что они рѣшили ото-
1034- мстить со всей доступной имъ энергіей. Въ 1034—1035 годахъ они
1035 нападали на острова Эгейскаго моря и Ликію. Но намѣстники при-
морскихъ ѳемъ Ѳракисія и Кивиреотика уничтожили суда мор-
скихъ разбойниковъ. Наказаніе было обычное: по всему за-
падному и южному побережью Малой Азіи виднѣлись висѣлицы
и колья. Побѣдоносный Гаральдъ навелъ ужасъ на все афри-
канское побережье. Главный ударъ надо было нанести Сициліи,
которая со времени отпаденія отъ Фатимидовъ подпала анархіи
эмировъ. Патрикій Маніакъ, командовавшій въ Италіи получилъ
порученіе дѣйствовать противъ Сициліи; лангобарды изъ Салерно,
итальянскіе норманны и варанги подъ начальствомъ Гаральда
составляли ядро сухопутнаго войска. Его предпріятія поддерживалъ
1038 флотъ Стефана, брата императора. Въ 1038 году была взята
штурмомъ Мессина, и арабы потерпѣли пораженіе при Раметтѣ,
благодаря военнымъ способностямъ Маніака. Новое присланное
1040 изъ-за моря африканское войско было разбито въ 1040 году при
Драгинѣ. Но возгорѣвшійся на личной почвѣ въ высшей степени
рѣзкій раздоръ между главнокомандующимъ и адмираломъ вызвалъ
вмѣшательство императорскаго правительства; Маніака аресто-
вали и отправили въ столицу. Съ этого дня счастье покинуло
императорское оружіе.

Гораздо опаснѣе при Михаилѣ было возстаніе славянскихъ подданныхъ на Балканскомъ полуостровѣ. Причина возстанія была экономическая. Правительство стало переходить въ виду въ высшей степени напряженныхъ потребностей болѣе высокой культуры,

отъ натуральнаго хозяйства къ денежному. Вездѣ и во всѣ времена народы разсматривали это явленіе, какъ тиранію и жестокость правящихъ; припомнимъ хотя бы возстаніе швейцарскихъ крестьянъ 1653 г. Если уже и въ старыхъ областяхъ озлобленіе было очень сильно, то въ сербо-болгарскихъ намѣстничествахъ дѣло дошло до дикаго возстанія. Тамошніе подданные имѣли полное основаніе ссылаться на то что право, закрѣпленное Василіемъ Болгаробойцей въ писанномъ видѣ нарушено новыми финансовыми порядками.

Петръ Делеанъ, по оффиціальнымъ греческимъ извѣстіямъ самозванный, на дѣлѣ же дѣйствительный внукъ царя Самуила, поднялъ въ 1040 году знамя возстанія. Какъ одинъ человѣкъ, под- 1040
нялся болгарскій народъ. Народная ярость обрушилась прежде всего на нѣсколькихъ кровопійцъ изъ числа агентовъ фиска. Затѣмъ, востаніе распространилось, какъ лавина. Гроза нависла надъ Солунью; Диррахій палъ. Никопольская ѳема присоединилась къ возстанію, за исключеніемъ главнаго ея города Навпакта. Князь Алузіанъ, важный сановникъ изъ рода комитопула Аарона, перешелъ на сторону своего народа. Сорокатысячное войско штурмовало въ теченіе шести дней (октябрь 1040) твердыню Солуни Окт.
Но геройское населеніе еще разъ возвеличило имя эллин- 1040
ской πόλις и спасло государство въ то самое время, когда слабодушное правительство его губило. Какъ нѣкогда ихъ дѣды, полагаясь на отеческихъ боговъ и героевъ, выступили противъ мидійскаго наслѣдственнаго врага, такъ теперь солунцы почерпнули у своего могучаго патрона св. Димитрія мужество къ бою и силу для славной побѣды. Возстаніе было сломлено этой рѣшительной битвой. Раздоръ между вожаками, который побудилъ Алузіана къ ослѣпленію „царя" Делеана и къ повторной измѣнѣ, привелъ возстаніе къ концу. Михаилъ легко восторжествовалъ надъ локализованными бандами. Но черногорскіе сербы утвердили свою свободу и уготовали вторгшемуся при Константинѣ IX ромейскому войску ту же участь, какую впослѣдствіи имъ не разъ было суждено уготовать арміямъ полумѣсяца. Въ Болгаріи государственное управленіе было поставлено совсѣмъ на греческій ладъ; автокефальная охридская церковь и всѣ епископскія каѳедры стали (совсѣмъ какъ въ печальныя времена фанаріотовъ) добычей столичныхъ карьеристовъ изъ духовенства и, прежде всего, клира св. Софіи, при чемъ эти эллинскіе князья церкви, смотрѣвшіе на свои весьма доходныя пастырскія мѣста, какъ на золотое дно, еще громко жаловались на ссылку въ варварскую страну, какъ видно изъ переписки Ѳеофилакта[1]). Тогдашніе греки выказывали ту

[1]) О перепискѣ Ѳеофилакта см. изслѣдованіе проф. *Ѳ. И. Успенскаго*: „Образованіе второго Болгарскаго царства". (Записки Имп. Новорос. Универс. т. XXVII и отдѣльно. Одесса, 1879.) (*В. Б.*).

же политическую мудрость, какую позднѣе проявили латиняне, т. е. они частью сознательно, частью по близорукости, прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы рано или поздно вызвать страшную національную реакцію.

10 дек. 1041 По смерти Михаила IV 10 декабря 1041 года Зоя возвела прежняго кесаря на императорскій престолъ подъ именемъ
18 апр. 1042 **Михаила V Калафата.** 18 апрѣля 1042 года наглый выскочка заключилъ свою старую благодѣтельницу въ монастырь на о. Принкипо. Это послужило сигналомъ ко всеобщему возстанію столичнаго населенія. Во главѣ движенія стало дворянство, которое съ полнымъ правомъ ненавидѣло и презирало добравшуюся до престола дерзкую клику искателей приключеній. Обѣ порфиророжденныя принцессы, Θеодора и Зоя были торжественно
21 апр. 1042 провозглашены августами 21 апрѣля 1042 года и, попытка сопротивленія потоплена въ крови. Калафатъ былъ насильственно постриженъ въ монахи. Вполнѣ естественно, что прежніе правители были наказаны конфискаціей имущества. Между
11 юня 1042 обѣими сестрами миръ царилъ лишь недолгое время. 11-го іюня **1042** года шестидесятидвухлѣтняя Зоя вышла замужъ за **Константина IX Мономаха**, одного изъ членовъ императорскаго дома,
1050 который правилъ съ ней до **1050** года и одинъ до **1054**. Среди
1054 многочисленныхъ безразсудствъ старухи этотъ чисто политическій бракъ былъ наибольшей глупостью; государство нуждалось въ государѣ-воинѣ, и Маніакъ былъ наиболѣе подходящій василевсъ. На горе имперіи на престолъ былъ возведенъ разслабленный развратникъ. Правленіе Константина является послѣднимъ счастливымъ періодомъ въ жизни имперіи, но этимъ счастливымъ состояніемъ она менѣе всего была обязана императору. Императоръ былъ настроенъ въ высшей степени антимилитаристически, дѣлалъ сбереженія на солдатскомъ жалованіи и тратилъ крупныя суммы на постройки и развитіе наукъ, для чего менѣе всего подходили эти тяжелыя времена.

Въ Италіи норманны, нѣкогда наемники Маніака, стали
1041 величайшей опасностью для греческаго господства. Въ 1041 году вторглись они въ Апулію, взяли Мельфи и дважды разбили на голову катапана Докеана; его преемникъ не былъ счастливѣе. Вліятельный примасъ Бари Аргиръ соединился съ норманнами; однако, Маніакъ, посланный Михаиломъ V въ Италію, гдѣ Тарентъ, Бриндизи и Отранто одни только и повиновались грекамъ, вы-
1042 звалъ еще разъ поворотъ судьбы; въ 1042 году одержалъ онъ большую побѣду при Монополи. Но возведеніе въ санъ императора Константина, съ фавориткой котораго Склиреной и ея родней онъ находился въ глубокой враждѣ, жестоко огорчило героя; онъ провозгласилъ себя императоромъ; тщетно дворъ подкупалъ противъ него предателя Аргира. Сѣвъ на корабль въ Отранто, Маніакъ

высадился въ Диррахіи въ февралѣ 1043 года. Всѣ ждали, что его движеніе по древней via Egnatia дастъ государству новаго монарха. Его конецъ былъ тотъ же, что впослѣдствіи Цезаря Борджіа: шальная стрѣла убила могучаго и уничтожила его дѣло. Константинъ вновь твердо сидѣлъ на подгнившемъ престолѣ. Февр. 1043

Власть грековъ въ Италіи теперь быстро шла къ концу. Ни западный императоръ, ни папа не могли пріостановить успѣховъ норманновъ. Въ 1055 году палъ Отранто, въ 1060 году—крѣпкая Троя; со взятіемъ Регія и Скилакія было закончено завоеваніе Калабріи. Послѣдніе остатки побѣдныхъ трофеевъ Юстиніана были отняты у восточнаго Рима. Побѣда норманновъ, которые вскорѣ завладѣли и Сициліей, была вмѣстѣ съ тѣмъ успѣхомъ древняго Рима, который могъ опять распространить на всю Италію свою въ теченіи долгаго времени ограниченную власть. Въ связи съ этими событіями дѣло дошло до полнаго церковнаго разрыва между древнимъ и новымъ Римомъ. Папа Левъ IX, человѣкъ высокомѣрный, обладалъ яснымъ сознаніемъ своихъ цѣлей. Его новоримскій коллега Михаилъ Кирулларій ни мало не уступалъ ему въ этомъ отношеніи. Но необходима была вся западная предвзятость, чтобы усмотрѣть въ посланіяхъ патріарха Михаила Кирулларія вызовъ въ то время, какъ именно патріархъ былъ вызванъ: истинно-православный человѣкъ долженъ былъ разсматривать состоявшееся присоединеніе митрополичьяго округа Отранто, Агіи Северины, Россано и Регія къ полусхизматическому въ глазахъ грековъ престолу древняго Рима, какъ угрозу для спасенія многихъ душъ. 1055 1060

Поэтому Михаилъ Кирулларій исполнилъ только свой архипастырскій долгъ, когда онъ совмѣстно со Львомъ, автокефальнымъ іерархомъ церкви въ Охридѣ, предостерегалъ италійскихъ православныхъ отъ ереси западныхъ. Столь же мягкій сколь уважаемый богословъ восточной церкви патріархъ Петръ Антіохійскій въ письмѣ къ Доминику, псевдо-патріарху Градо, осудилъ только рѣзкую форму увѣщаній и мѣропріятій Михаила, по существу же онъ стоялъ вполнѣ на его сторонѣ.

Правительству споръ былъ въ высшей степени неудобенъ: если только было возможно спасти что-либо въ Италіи, оно не могло обойтись безъ папы. Но правительство было слабо, и патріотическое антилатинское народное сознаніе сказалось, какъ сила, передъ которой оно должно было склониться. Правда, Левъ IX сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы неудачнымъ выборомъ легата пойти наперекоръ миролюбивымъ намѣреніямъ правительства: грубое и вызывающее выступленіе кардинала Гумберта должно было глубоко возмутить всякаго истаго грека. Весьма торжественно предали другъ друга проклятію, и, въ концѣ-концовъ, это было самымъ разумнымъ выходомъ. Введенная со времени прекращенія раскола,

вызваннаго Фотіемъ, лживая двойная бухгалтерія прекратилась: признали другъ друга врагами открыто и честно.

Очень серьезна для государства была при Константинѣ опасность отъ печенѣговъ. Ихъ ханъ Тиракъ, озлобленный на грековъ, которые переманили часть орды съ ихъ вождемъ Кегеномъ, распустилъ боевыя знамена; однако, его совершенно разбили, и, по давно испытанному правительственному обычаю, византійцы поселили плѣнниковъ въ пустынныхъ мѣстностяхъ кругомъ Ниша и Срѣдца; это сдѣлалось для Византіи несчастьемъ: новые поселенцы призвали на помощь соплеменниковъ изъ-за Дуная. Печенѣги опустошили всю Болгарію до воротъ Адріанополя и
1051 разбили и уничтожили три византійскія арміи. Лишь въ 1051 году разбойничьи шайки были изгнаны изъ предѣловъ Ѳракіи и Македоніи. Тиракъ, угрожаемый въ своемъ главномъ лагерѣ при Преславѣ, просилъ мира съ чисто варварской трусостью.

На востокѣ Константинъ продолжалъ ложную политику Василія Болгаробойцы. Послѣ смерти Ашота IV, анійскаго Багратида, произошли въ Арменіи обычныя смуты изъ-за престола, и Михаилъ IV рѣшилъ, наконецъ, медіатизировать Арменію. Византійская армія обложила армянскую столицу, но катастрофа, постигшая
1041 Пафлагонскую династію въ 1041 году, заставила армію отступить. Вельможи согласились возвести на престолъ Багратидовъ семнадцатилѣтняго Гагика. Онъ и его полководецъ Григорій Магистръ удачно сражались съ сельджуками. Какъ только Константинъ укрѣпился на престолѣ, онъ медіатизировалъ почти всѣхъ мелкихъ
1045 армянскихъ князей. Въ 1045 году Гагикъ былъ вызванъ въ столицу, а годъ спустя греки заняли Ани. Кто еще въ Арменіи вѣрилъ въ то, что византійское владычество представляетъ сильную опору христіанству Арменіи, у того открылись глаза: жадная толпа греческихъ клириковъ водворилась въ богатыхъ епископствахъ и монастыряхъ; религіозныя измывательства надъ правовѣрными моно-
1056 физитами были нескончаемы. Католикосъ Петръ († 1056) былъ вызванъ въ столицу. Послѣ смерти его преемника ставились препятствія по избранію католикоса. Всѣ тяжелыя испытанія VII и послѣдующихъ столѣтій прошли безслѣдно для греческихъ іерарховъ, ничего не забывшихъ и ничему не научившихся. Характерно, что еще злосчастный императоръ Романъ Діогенъ клялся передъ своимъ походомъ, по своемъ возвращеніи уничтожить армянскую вѣру. Армянскіе монахи взывали къ Богу, чтобы Онъ погубилъ императора подобно тому, какъ погубилъ проклятаго Василіемъ Великимъ безбожнаго Юліана. Это настроеніе армянъ, вызванное сумасбродствомъ греческаго церковнаго управленія, даетъ ключъ къ пониманію успѣховъ сельджуковъ. Прежде всего послѣ присоединенія небольшихъ горныхъ государствъ, византійская имперія должна была сдерживать натискъ сельджуковъ, занявшихъ при

Тогрулъ-беке первенствующее положеніе въ Азіи. Истинно-греческая мелочная политика, какъ обыкновенно, сказалась въ неумѣстной скупости—обложеніи недавно присоединенныхъ горныхъ округовъ и роспускѣ 50,000 человѣкъ армянской и иверійской милиціи. Но великій Василій Болгаробойца своей никогда не превзойденной системой укрѣпленій восточной границы подготовилъ спасеніе безмозглыхъ потомковъ. Вторгшіеся въ Васпураканъ турецкіе отряды были въ 1048 году разбиты при Страгнѣ. Но орды обратили въ пепелъ неукрѣпленный богатый торговый городъ, Ардзенъ (Каринъ-Өеодосіуполь). 1048

Вредъ этотъ былъ частично покрытъ одержанной съ помощью иверійскаго народнаго ополченія побѣдой при Капетрѣ въ 1050 году. Личное нападеніе Тогрулъ-бека сокрушилось о твердыню крѣпости Манцикерта. 1050

Константинъ былъ счастливъ не по заслугамъ. Въ 1047 году 1047 очень опасное возстаніе армянскаго генерала Льва Торника потерпѣло неудачу подъ стѣнами столицы, и Константинъ спокойно правилъ послѣ смерти Зои до собственной кончины въ 1054 году. 1054 Охотно передалъ бы онъ власть начальствовавшему въ Македоніи генералу Никифору Врієннію; но чувство легитимизма пробудилось: народъ, сенатъ и гвардія радостно привѣтствовали энергичную старую **Өеодору**, когда она, послѣдняя изъ порфирородныхъ, взяла въ свои руки скипетръ (**1054—1056**) **1054-1056** и съ необычайной энергіей имъ владѣла. То, что креатуры ея предшественника поплатились за свое положеніе ссылкой и конфискаціей имущества, это входитъ въ законный ритуалъ смѣны обладателя византійскаго престола. Но этимъ не ограничилась дѣятельность старой императрицы, которая казалось унаслѣдовала всю силу духа своего дяди Василія Болгаробойцы. Она выказала и не безъ основанія, прямо врожденное тогдашнимъ правительствамъ недовѣріе къ генералитету, ибо среди высокородныхъ представителей послѣдняго дѣланіе императоровъ и претендентскія замашки стали прямо наслѣдственной и модной болѣзнью. Она отозвала высокоодареннаго главу дѣйствующей противъ сельджуковъ арміи Исаака Комнина и замѣнила его покладистымъ придворнымъ. Передъ смертью 30 Августа 1056 года она передала импе- 30 авг. раторское достоинство старому генералу и сенатору **Михаилу VI** 1056 **Стратіотику** (30 Августа **1056** до 31 Августа **1057**). Это было 30 авг. слишкомъ оскорбительно для самолюбія арміи. Лояльность и любовь **1056-** къ природному царствующему дому, которыя такъ трогательно про- 31 авг. явились въ отношеніи къ Зоѣ и Өеодорѣ, угасла вмѣстѣ со **1057** смертью послѣдней представительницы Македонской династіи: вспыхнуло бурное военное возстаніе. Генералы, большею частью богатые малоазіатскіе землевладѣльцы, объединились, какъ въ дни Севера или Авреліана. При восторженномъ сочувствіи отдѣльныхъ

воинскихъ частей, они провозгласили императоромъ **Исаака I Комнина** сперва въ Кастамонѣ, потомъ на равнинѣ Гунаріи 8 іюня 1057 года. Дѣйствительный „дѣлатель императоровъ", смѣщенный стратигъ Антіохіи Катакалонъ побудилъ никопольскія войска къ присоединенію. Исаакъ двинулся на Никею и побѣдилъ императорскія войска. Михаилъ VI отрекся отъ престола и 2 сентября **1057** г. Исаакъ вѣнчался на царство въ св. Софіи.

8 іюня 1057

2 сент. **1057**

Это была побѣда военной партіи надъ сенатомъ, аристократіей и гражданскимъ чиновничествомъ. Первый пріемъ императора произвелъ, поэтому, на всѣхъ присутствующихъ неизгладимое впечатлѣніе: сенаторы стояли вмѣстѣ, потупивъ взоры, императоръ произносилъ только самыя необходимыя слова, высказывая свою волю болѣе движеніями головы и рукъ, чѣмъ словами и предоставляя говорить своимъ секретарямъ. Дальнѣйшее теченіе правленія соотвѣтствовало этому началу. Исаакъ проявилъ необыкновенную энергію. Какъ долголѣтній начальникъ арміи, онъ долженъ былъ сочувствовать своимъ солдатамъ въ томъ злѣ, которое возникало со временъ финансовой разрухи наступившей послѣ Василія Болгаробойцы. Дѣйствуя въ видахъ оздоровленія финансовой политики, онъ, подобно Веспасіану, не боялся непопулярности. Синекуры для придворныхъ, ученыхъ и слишкомъ многочисленной толпы духовенства были упразднены. Была проведена основательная финансовая реформа. Какъ мало онъ боялся фрондирующей оппозиціи государственнаго совѣта, показываетъ смѣщеніе Михаила Кируларія, іерархическая надменность котораго сдѣлалась невыносимой. Этотъ князь церкви со своими папскими замашками имѣлъ только одно подобіе въ исторіи православной церкви—московскаго патріарха Никона. Исаакъ и Алексѣй Михайловичъ, одинъ въ Византіи, другой въ Россіи задушили образующееся папство въ самомъ зародышѣ.

Преклонный возрастъ Исаака, еще ослабленнаго болѣзнью послѣ счастливаго похода противъ венгерскихъ и печенѣжскихъ
1059 разбойничьихъ ордъ (1059), не соотвѣтствовалъ тяготамъ императорской власти. Еще болѣе ослабила его тихая и пассивная оппозиція бюрократіи. „Богъ", говаривали обыкновенно, „далъ себѣ шесть дней времени для сотворенія міра; этотъ же человѣкъ хочетъ привести все въ порядокъ въ одинъ день". Занимать императорскій престолъ восточнаго Рима было уже не забавой, а роковой должностью.

Какъ въ Римѣ третьяго вѣка, такъ и теперь лучшіе люди, видѣли въ императорствѣ долгъ и судьбу. Усталый старецъ отрекся отъ престола и удалился въ Студійскій монастырь. Онъ передалъ
1059- власть своему другу и министру **Константину X Дукѣ** (**1059—1067**),
1067 геніальному финансисту, который блистательно проявилъ себя на второстепенномъ посту. Очевидно изъ нравственныхъ соображеній

выбралъ Исаакъ именно Константина и устранилъ отъ престола своего высокоодареннаго брата Іоанна и его еще болѣе даровитыхъ сыновей, полагая, что этимъ онъ наилучшимъ образомъ устроитъ судьбу государства. Но этотъ выборъ оказался глубокой ошибкой.

Константинъ X открываетъ время **Дуковъ**, несчастную эпоху господства бюрократовъ, риторовъ и ученыхъ [1]). Уже однажды при Маркѣ Авреліи осуществленіе идеала Платоновской политіи—правленіе философовъ, стало для государства роковымъ. Дука сильно расширилъ сенатскую аристократію массовымъ включеніемъ въ нее плебейскаго элемента, ремесленниковъ и варваровъ. Старые сенаторы, дворянство которыхъ было очень подозрительно и со вчерашняго дня, смотрѣли на это съ непріязнію; но можно было утѣшаться тѣмъ, что демократическая сенатская партія теперь вполнѣ взяла въ свои руки управленіе государственнымъ кораблемъ. Бюрократы управляли; слово финансовыхъ агентовъ было особенно вѣско. Это была реакція гражданскаго управленія противъ милитаризма, столицы противъ провинціальнаго дворянства, которое занимало высшіе военные посты и при возведеніи на престолъ императора Исаака рѣзко проявило преторіанскій духъ. У этихъ военныхъ посягательствъ на корону должна была быть окончательно отнята почва; для достиженія этого соотвѣтствующими мѣрами явились сокращеніе военнаго бюджета и роспускъ арміи. Императоры и министры состязались въ томъ, чтобы осуществить этотъ антимилитаристическій идеалъ новой сенатской партіи. Кадры арміи были всюду сокращены, жалованіе войскамъ урѣзано, склады оружія и военныхъ припасовъ не пополнялись, работы по исправленію пограничныхъ крѣпостей оставлены.

Характеру всего строя соотвѣтствовало правительство: оно не стояло на уровнѣ восточнаго кризиса. На Востокѣ была настоятельно необходима сильная военная рука, ибо тамъ среди сельджуковъ, появилась новая полная силъ жизнь съ тѣхъ поръ, какъ послѣ смерти великаго султана Тогрулъ-бека въ 1063 году его сынъ, 1063
бывшій передъ тѣмъ намѣстникомъ Хорасана, Алпъ-Арсланъ взялъ въ свои руки бразды правленія. Передовой боецъ правовѣрнаго суннитства при чисто турецкой жестокости геройски отважный и рыцарски-настроенный человѣкъ, онъ былъ кумиромъ своихъ конныхъ отрядовъ и яростнымъ врагомъ имперіи, дурно управляемой разслабленными бюрократами и краснобаями. Его вторженіе въ Арменію знаменуетъ гибель тамошней высокой культуры. Свирѣпое, планомѣрное опустошеніе и разгромъ характеризовали военныя дѣйствія султана сельджуковъ. Теперь говорятъ соотвѣтственно господ-

[1]) Объ этой эпохѣ ср. превосходное изслѣдованіе *C. Neumann*: „Die Weltstellung des byzantinischen Reiches“; франц. переводъ „La situation mondiale de l'empire byzantin avant les croisades“ (Revue de l'Orient latin 1905, t. X, и отдѣльно).

ствующему туркофильству о „великолѣпныхъ остаткахъ богато развитой культуры сельджуковъ“, ибо султанъ Рума Ала-ад-динъ Кай-Кубадъ I (1220 — 1236) дѣйствительно занимался блестящимъ строительствомъ. При этомъ забываютъ, однако, ту мелочь, что все это великолѣпіе сельджукской культуры не оригинально, а заимствовано изъ Персіи и Византіи. Точь въ точь съ такимъ же правомъ мы могли бы разсматривать царей гиксовъ, съ ихъ подражаніемъ и усвоеніемъ египетскихъ художественныхъ формъ въ Танисѣ, какъ истинныхъ носителей культуры въ долинѣ Нила.

Тотчасъ же по вступленіи на престолъ Алпъ-Арсланъ набралъ огромную армію и двинулся противъ Арменіи. Когда онъ подошелъ съ востока, ему покорились въ смертельномъ страхѣ властители Албаніи и Иверіи. Затѣмъ, онъ обратился противъ могучей царской крѣпости Ани. Осада городовъ никогда не была дѣломъ азіатскихъ степняковъ; однако, съ безпримѣрной энергіей турецкія орды держались передъ крѣпостными валами. Центральное правительство, стѣсненное въ деньгахъ и солдатахъ, не послало
6 іюля вспомогательной арміи и, такимъ образомъ, 6-го іюля **1064** года
1064 великолѣпный городъ сталъ добычей варваровъ. Въ то же время ихъ конныя шайки разъѣзжали до самыхъ областей по р. Евфрату, грабя и предавая все огню и мечу. Мелкій владѣтель Карса, въ сознаніи своего безсилія передъ этой страшной народной волной, уступилъ свое государство грекамъ и получилъ въ видѣ вознагражденія городъ Цамендавъ въ Киликійскомъ округѣ Тавръ, который вскорѣ сталъ второй родиной армянскому народу. Этотъ обмѣнъ былъ ему выгоденъ, ибо вскорѣ Карсъ попалъ въ руки турокъ.

Какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ, политика правительства не
1064 отличалась энергіей. Въ 1064 году мадьяры осадили Бѣлградъ, важную крѣпость на Дунаѣ. Въ слѣдующемъ году опасность со стороны половцевъ замѣнила опасность отъ печенѣговъ. Узы (огузы), называемые у русскихъ половцами, у грековъ куманами—новая тюрская орда, богатая лошадьми, живущая въ войлочныхъ юртахъ, питающаяся кобыльимъ молокомъ и кониной, грязная, одѣтая въ овечьи шкуры, обыкновенно вооруженная лукомъ и стрѣлами—по примѣру несчетнаго числа соплеменниковъ послѣдовали „стремленію на западъ“. Печенѣги были ими вытѣснены изъ области Днѣ-
1065 стра въ Валахію. Въ 1065 году они въ числѣ 60.000 перешли черезъ Дунай. Тщетно старались воспрепятствовать этому византійскіе генералы Василій Апокапъ и Никифоръ Вотаніатъ: благодаря пресловутому гражданскому управленію, у нихъ не было достаточно солдатъ. Одна изъ половецкихъ ордъ проникла до Солуни, но заразныя болѣзни и озлобленное сопротивленіе населенія уничтожили ее. Главныя силы, оттѣсненныя на Балканскій полуостровъ, очутились скоро въ большой опасности. Ихъ истребленіе является дѣломъ не жалкаго правительства, совершенно

напоминающаго правительство недоброй памяти Священной Римской имперіи во времена Арманьяковъ, но отличной болгарской милиціи и жаждавшихъ мести печенѣговъ, которые безжалостно избивали половцевъ. Остатки половцевъ молили о пощадѣ и были поселены въ Македоніи.

Въ соотвѣтствіи съ антимилитаристическимъ прекраснодушіемъ и наклонностью къ учености заключилъ старѣющій императоръ свой второй бракъ. Евдокія Макремволитисса столь же красивая, сколь литературно-образованная женщина стала черезъ него матерью шести дѣтей. Къ нимъ присоединились три уже изъ предосторожности коронованныхъ сына Дуки отъ перваго брака. Умирающій императоръ, исключительно занятый мыслью сохранить престолъ за своимъ домомъ, попытался связать императрицу и сенатъ письменными обѣщаніями и клятвой вѣрности—среди византійцевъ безнадежное предпріятіе. Евдокія, хотя и вжившаяся въ атмосферу ученыхъ педантовъ, гдѣ тонъ задавалъ отвратительный философствующій болтунъ и краснобай Пселлъ, доказала, что основательно извращенное риторическое образованіе не можетъ совершенно сбить съ пути разсудокъ умной женщины. Она поняла тотъ вредъ, который новый курсъ принесъ государству. При наличности угрожающей отъ сельджуковъ опасности, только традиціонный милитаризмъ могъ дать спасеніе. Она вняла народному голосу, желавшему ея вторичнаго брака съ настоящимъ воиномъ. Только такимъ способомъ могъ быть положенъ конецъ вредному для всѣхъ вліянію разросшагося бюрократизма. При выборѣ супруга она, однако, ошиблась. Романъ Діогенъ, стратигъ Тріадицы (Срѣдецъ) былъ сынъ того Константина Діогена, который будто бы рѣшился нѣкогда поднять бунтъ славянъ противъ императора Романа III. На тридцатилѣтняго сына Константина, богатыря-великана съ горячей кровью и почти безумно отважнымъ честолюбіемъ, пало со стороны недовѣрчивыхъ бюрократовъ то же обвиненіе и, вѣроятно, съ тѣмъ же основаніемъ, что на отца. Евдокія, уже перешедшая за сорокъ лѣтъ, но все еще статная и обладающая пылкимъ темпераментомъ, едва увидала виднаго, прекраснаго Романа, какъ совсѣмъ жаромъ южанки полюбила его. Однако, ея письменное обѣщаніе не вступать во второй бракъ находилось въ рукахъ патріарха Іоанна Ксифилина. Лукавая женщина знала слабую сторону патріарха. Подъ предлогомъ выйти замужъ за одного изъ его родственниковъ, она добыла обратно компрометирующій документъ и поразила столицу, обвѣнчавшись съ **Романомъ IV Діогеномъ** въ декабрѣ **1067**. Это была побѣда военной Дек.
партіи; ярость перехитренной бюрократіи сказалась частью въ ти- **1067**
хой частью въ открытой оппозиціи ея главарей: брата императора кесаря Іоанна Дуки, который вмѣстѣ съ двумя сыновьями располагалъ могущественной партіей въ сенатѣ, негодующаго патріарха

и особенно язвительнаго ритора Михаила Пселла. Къ этому присоединилось то обстоятельство, что избалованные Дукой преторьянцы варяги держали сторону партіи стараго двора уже по одному тому, что Романъ былъ любимъ національной арміей. Только блистательный внѣшній успѣхъ могъ сообщить престижъ императору-солдату.

Необходимо было съ мощной энергіей выступить противъ сельджуковъ, постояннаго бича малоазіатскихъ и сирійскихъ восточныхъ провинцій. Храбрость и дарованія полководца, проявленныя Романомъ могли возбудить надежду, что для государства въ его лицѣ воскресъ Левъ Исавръ или Константинъ. Къ сожалѣнію, его необузданность и слишкомъ низкая оцѣнка врага вовлекли его въ гибель. Управленіе бюрократовъ привело къ разрухѣ арміи. Неумѣстная бережливость не наполнила государственной казны. Пестрый составъ командуемыхъ разноплеменными офицерами ополченцевъ затруднялъ исполненіе распоряженій главнокомандующаго и разстраивалъ единство военныхъ дѣйствій. Несмотря на это вполнѣ
1068 счастливо окончился походъ 1068 года, который имѣлъ цѣлью наказать мусульманъ изъ Алеппо и отбросить разбойничьи шайки сельджуковъ, нападавшія на припонтійскія области.

1069 Въ 1069 году свирѣпые разбойники вновь вторглись въ Каппадокію, которую постигли всѣ ужасы вандальскаго опустошенія и избіенія населенія. Подвижности легкихъ турецкихъ всадниковъ такъ же не соотвѣтствовала тяжеловѣсная тактика византійцевъ, какъ нѣкогда тактика легіоновъ Красса не соотвѣтствовала военнымъ дѣйствіямъ пароянскихъ всадниковъ, закованныхъ въ желѣзо, и стрѣлковъ. Но императоръ все же, въ концѣ концовъ, загналъ разбойничьи шайки за Евфратъ. Однако, въ то время, какъ онъ предпринялъ смѣлый походъ черезъ прежнюю четвертую Арменію, чтобы завладѣть крѣпостью Хлатъ на озерѣ Ванъ, его полководецъ Филаретъ далъ разбить себя въ Каппадокіи. Сельджуки грабили вплоть до Иконія. Отъ императора, который старался преградить имъ путь, имъ удалось бѣжать, оставивъ добычу.

Дурное положеніе дѣлъ въ Италіи заставило императора въ
1070 1070 году вернуться въ столицу. Въ 1068 году палъ Отранто,
1068 а крѣпкій Бари, главный опорный пунктъ грековъ въ Апуліи, под-
16 апр. вергся осадѣ. Послѣ геройской обороны храбрый гарнизонъ сдался
1071 16 апрѣля **1071** года. Дѣло грековъ въ Италіи было кончено, и
1073 теперь въ 1073 году амальфитанцы попали подъ власть Роберта Гвискара.

Въ Италіи уже нельзя было задержать рокового теченія обстоятельствъ, а на Востокѣ кризисъ принялъ острый характеръ. Мануилъ Комнинъ, племянникъ императора Исаака, начальствовавшій въ отсутствіи Романа, былъ на голову разбитъ турками и самъ взятъ въ плѣнъ. Городъ Хоны, которымъ такъ часто подавалъ

чудесную помощь архангелъ Михаилъ, на этотъ разъ палъ подъ ударами турокъ; святыня архангела подверглась оскверненію и расхищенію. Далѣе, Алпъ-Арсланъ взялъ приступомъ въ восточной Арменіи важную пограничную крѣпость Манцикертъ (Манацкердъ). Тогда императоръ напрягъ неслыханно силы имперіи и съ войскомъ въ 100.000 человѣкъ лично направился противъ турокъ—враговъ Христа. Отдѣльный отрядъ, состоявшій большею частью изъ половцевъ и западныхъ малонадежныхъ солдатъ, подъ начальствомъ француза Урселя Балльеля долженъ былъ овладѣть Хлатомъ. Главная армія съ императоромъ во главѣ вернула Манцикертъ. Но въ нѣсколькихъ кавалерійскихъ дѣлахъ испытанные отряды Алпъ-Арслана выказали побѣдоносное превосходство. Императоръ тщетно отзывалъ обратно отряды, выдвинутые противъ Хлата: они были оттѣснены турками въ Месопотамію. Алпъ-Арсланъ, сознавая, что онъ имѣетъ передъ собой равнаго противника, предложилъ миръ; гордый Романъ безразсудно его отвергъ. Такъ дѣло дошло до страшнаго конца. Дурныя предзнаменованія пугали наспѣхъ собранное войско, которое даже и желѣзная дисциплина императора не могла превратить въ образцовую армію. Интрига и измѣна офицеровъ и солдатъ ослабляла энергію въ самомъ лагерѣ. Несмотря на это, въ первый день обѣ стороны сражались геройски безъ рѣшительнаго исхода. Только когда на второй день принцъ Андроникъ Дука измѣннически отступилъ со своимъ отрядомъ, паника охватила войско. Другіе военноначальники съ ввѣренными имъ частями послѣдовали примѣру Андроника. Тщетно бился Романъ съ истинно геройскимъ мужествомъ. Турецкая конница дико и неудержимо прорывалась дальше и дальше. Подъ императоромъ была ранена лошадь, онъ упалъ и очутился въ плѣну у турокъ.

Рѣшительный день битвы при Манцикертѣ **1071** года былъ 1071
смертнымъ часомъ великой византійской имперіи. Хотя послѣдствія во всемъ ихъ ужасѣ не сразу стали ощутительны, но все же востокъ Малой Азіи, Арменія и Каппадокія, области, бывшія родиной стольких императоровъ и полководцевъ и представлявшія главную силу государства, были навсегда утрачены, и турокъ раскинулъ на развалинахъ древне-римскаго великолѣпія свои кочевыя палатки. Колыбель цивилизаціи подпала варварству ислама и полнѣйшему огрубѣнію. Тяжкая моральная отвѣтственность за катастрофу, отъ которой греческая нація никогда не оправилась и не могла оправиться, падаетъ не на несчастнаго императора, но на бюрократію и дворцовую партію, которыя, въ ослѣпленіи упорствуя въ подрывѣ военной мощи государства, планомѣрно привели имперію къ беззащитности и въ лицѣ одного изъ своихъ главныхъ представителей совершили настоящую измѣну.

Всѣ послѣдующія поколѣнія воздали справедливую хвалу по-

истинѣ безпримѣрному великодушію, проявленному грубымъ туркомъ по отношенію къ униженному и взятому въ плѣнъ врагу. Онъ возвратилъ ему свободу въ обмѣнъ на плѣнныхъ сельджуковъ и за одинъ милліонъ византійскихъ золотыхъ. Только отчаянный фатализмъ могъ побудить несчастнаго императора вернуться въ свою столицу: самому наивному въ политическомъ отношеніи человѣку должно было быть совершенно ясно, что неудача императора будетъ имѣть необходимымъ послѣдствіемъ паденіе его собственное и его единомышленниковъ, военной партіи. Дѣйствительно, бюрократы увѣренно взяли дѣло въ свои руки. По предложенію Пселла, были провозглашены регентами Евдокія и ея старшій пасынокъ Михаилъ Дука. Въ дѣйствительности, во главѣ управленія сталъ смертельный врагъ Романа, старый кесарь Іоаннъ Дука. Поддерживаемый партіей Пселла, онъ предъявилъ Евдокіи ультиматумъ, требуя объявить ея супруга утратившимъ престолъ. Когда Евдокія съ негодованіемъ геройски отвергла постыдное требованіе, ее изгнали, несмотря на ея слезы и просьбы, изъ дворца, постригли въ монахини и заточили въ монастырь. **Михаилъ VII Дука Па-**
1071-1078 **рапинакъ (1071—1078)** былъ провозглашенъ императоромъ. Несчастный Романъ, который пытался держаться противъ него въ Азіи съ немногими оставшимися вѣрными ему войсками, былъ осажденъ Андроникомъ въ Аданѣ и долженъ былъ сдаться. Онъ торжественно отказался отъ престола и обѣщалъ удалиться въ монастырь. Андроникъ обезпечилъ данное Роману обѣщаніе личной безопасности ручательствомъ митрополитовъ Халкидона, Иракліи и Колоніи. Но Романъ довѣрился напрасно. Регентъ кесарь Дука высоко стоялъ надъ предписаніями христіанской морали или даже надъ нормами общаго международнаго права. Несмотря на протестъ честныхъ епископовъ, которыми безсовѣстно играли, Романа ослѣпили жестокимъ и отвратительнымъ способомъ. Страшныя раны, нарочно оставленныя по приказанію кесаря безъ ухода, свели въ могилу несчастнаго монарха, послѣ того какъ онъ тщетно искалъ геройской смерти на полѣ чести. Утверждали, что можно было тогда еще спасти имперію, ибо важная въ стратегическомъ отношеніи Верхняя Арменія еще не была потеряна, Антіохія, Эдесса и приморскія крѣпости были еще византійскими. Но въ этомъ утвержденіи приходится усумниться: малоазіатскія владѣнія византійцевъ были подобны итальянскимъ владѣніямъ преемниковъ Юстиніана, а тамъ „человѣкъ желѣзнаго кулака“, императоръ Констансъ, съ напряженіемъ всѣхъ силъ не могъ сдѣлать противъ лангобардовъ ничего существеннаго; да и приравнять совершенно сельджуковъ съ сирійскими Хамданидами значитъ глубоко ошибиться въ оцѣнкѣ соотношенія военныхъ силъ. Во всякомъ случаѣ распустившееся въ роскошный цвѣтокъ хозяйничанье задававшихъ тонъ управленію гражданскихъ сановниковъ проявлялось въ по-

истинѣ изумительной ловкости принимать во всѣхъ политически затруднительныхъ моментахъ, самыя превратныя рѣшенія. Политика риторики и фразы выступила на первый планъ при сильной поддержкѣ эпистолографіи съ ея въ корнѣ зловредной тенденціей. Правленіемъ руководили кесарь и евнухъ Никифорица, оба не лишенные дарованій и посѣдѣвшіе въ дѣлахъ; но вся бюрократическая рутина не стояла на уровнѣ столь тяжелаго положенія. Въ то время, какъ защита государства была запущена неслыханнымъ образомъ, въ то время, какъ скряжничали на бюджетѣ арміи и флота, допускали разрушеніе крѣпостей и дорогъ, въ это самое время аккуратно выплачивалось жалованіе высшимъ сановникамъ и креатурамъ руководящихъ министровъ, а на забавы двора и столицы всегда имѣлись наличныя суммы. Рѣдко когда бывало въ Византіи правительство болѣе убогое духовно и бѣдное мыслями, чѣмъ это, составленное изъ главарей чиновной аристократіи. Самъ императоръ былъ достойнымъ ученикомъ Пселла: учитель говорилъ о немъ, что онъ предоставляетъ дѣла ихъ собственному теченію. Въ то время, какъ и на Востокѣ и на Западѣ, обстоятельства складывались все опаснѣе и обостреннѣе, Михаилъ занимался риторикой съ Пселломъ и пробовалъ свои силы въ области греческаго стихосложенія. Въ Болгаріи изъ за притѣсненій чиновниковъ еще разъ назрѣло возстаніе. Болгарская національная партія съ Георгіемъ Войтѣхомъ (Войтахомъ) во главѣ искала помощи у родственныхъ сербовъ, князь которыхъ Михаилъ (1050—1084) получилъ отъ папы королевскій 1050-
титулъ. Болгары просили его сына Бодина въ цари. Бодинъ былъ 1084
торжественно провозглашенъ царемъ подъ именемъ Петра и одержалъ блестящую побѣду надъ Делеаномъ Даласиномъ, при чемъ самъ греческій полководецъ былъ взятъ въ плѣнъ. Бодинъ пошелъ на Нишъ, его ближайшій помощникъ, сербскій воевода Петрилъ—на Касторію. Однако, греки выставили большую воинскую силу, въ томъ числѣ норманнскихъ наемниковъ. Бодинъ былъ разбитъ и плѣнникомъ отвезенъ въ Антіохію, откуда онъ, съ помощью венеціанцевъ, бѣжалъ къ своему отцу въ Скодру. Возстаніе было подавлено, и эпилогомъ его были обычныя жестокости.

Новое правительство тотчасъ расторгло договоръ, заключенный Романомъ съ Алпъ-Арсланомъ, но оно не приняло никакихъ мѣръ къ защитѣ имперіи, такъ что Востокъ былъ предоставленъ грабежу сельджуковъ. Смерть Алпъ-Арслана въ 1072 году возвела на престолъ могучаго Меликъ-шаха (1072— 1072-
1092), который передалъ своему даровитому двоюродному брату 1092
Сулейману-Кутулмышу Румъ, возложивъ на него веденіе войны. Этотъ высокоодаренный государственный человѣкъ сумѣлъ нанести грекамъ на Востокѣ смертельный ударъ. Тщетно Романъ и Василій

боролись законодательными мѣрами съ плантаціоннымъ хозяйствомъ; нигдѣ оно такъ не процвѣтало, какъ на Востокѣ: крѣпостные и рабы обрабатывали латифундіи вельможъ. Тутъ Сулейманъ и внесъ соціальную реформу: всѣ эти земледѣльцы были объявлены свободными, подъ условіемъ уплаты поголовной подати, и такимъ образомъ самый жизненный интересъ привязалъ ихъ къ турецкому владычеству; рабы же, во многихъ случаяхъ мусульмане и инославные христіане, въ сущности почти и не питали никакой симпатіи къ Византіи. Правительство должно было, наконецъ, выйти изъ состоянія бездѣятельности. Однако, новый главнокомандующій Исаакъ Комнинъ былъ разбитъ на голову при Кесаріи. Кесарь Дука, который теперь принялъ командованіе, сперва двинулся противъ бунтующихъ подъ начальствомъ Урселя норманновъ, но былъ при Сангаріи разбитъ Урселемъ и взятъ въ плѣнъ. И тутъ произошло нѣчто неслыханное: недавній губитель государства быстро вошелъ въ соглашеніе съ норманнскимъ искателемъ приключеній; онъ выступилъ претендентомъ на престолъ и двинулся противъ столицы и собственнаго племянника. Въ этой опасности центральное правитель-
1074 ство бросилось въ объятія турокъ. Въ 1074 году Сулейманъ, съ согласія Меликъ-шаха, заключилъ съ Византіей договоръ, въ силу коего онъ сталъ правомѣрнымъ владѣтелемъ оккупированныхъ восточныхъ провинцій. За это сельджуки обѣщали поставить сильный вспомогательный отрядъ и сдержали слово. Ихъ наѣздники разсѣяли бунтарскія шайки и взяли въ плѣнъ обоихъ вожаковъ. Дука былъ заточенъ въ монастырь, а Урсель ускользнулъ и собралъ новыя войска въ ѳемѣ Арменіакъ. Противъ него въ 1074 году былъ высланъ Алексѣй Комнинъ, сынъ Іоанна Комнина, племянникъ императора Исаака. Такимъ образомъ Алексѣй выступилъ впервые и счастливо на всемірно-историческую сцену: на его долю выпалъ тріумфъ привести въ цѣпяхъ въ Константинополь безпокойнаго кондотьера. Бѣдствія отъ турецкихъ нападеній и опустошеній въ Малой Азіи, конечно, и далѣе безпрепятственно продолжались.

Бюрократическій режимъ созрѣлъ для гибели; таково было господствующее убѣжденіе. Спасеніе было только въ арміи. Въ 1078 году и въ Европѣ и въ Азіи одновременно произошли два возстанія: Никифоръ Вріенній, стратигъ Диррахія, двинулся къ столицѣ, въ то время, какъ въ Малой Азіи съ согласія сельджуковъ, купленнаго цѣною новыхъ унизительныхъ уступокъ, Никифоръ Вотаніатъ былъ провозглашенъ автократоромъ. Возстаніе дворянства и народа принудило Михаила VII къ отреченію: онъ сталъ архіепископомъ ефесскимъ, **Никифоръ** же **III**
1078- **Вотаніатъ** былъ всѣми признанъ императоромъ (1078—1081). Але-
1081 ксѣй Комнинъ совершенно разбилъ Вріеннія при Ка-

лабріи (Καλαβρύη) во Ѳракіи и такъ же энергично подавилъ нѣсколько быстро поднявшихся бунтовъ, до тѣхъ поръ, пока въ 1080 году 1080
не провозгласилъ себя императоромъ его собственный зять безмѣрно богатый и пользовавшійся вліяніемъ среди военно-землевладѣльческаго дворянства: Никифоръ Мелиссинъ; у этихъ людей совершенно изсякли патріотическія чувства. Новый претендентъ заключилъ съ Сулейманомъ условія относительно дѣлежа пріобрѣтеній, которыя должны были быть сдѣланы на счетъ Вотаніата. Алексѣй Комнинъ уклонился отъ похода противъ Мелиссина, несомнѣнно менѣе изъ родственной нѣжности, которую онъ выставлялъ предлогомъ своего поведенія, чѣмъ изъ за нежеланія рисковать жизнью за бездарнаго императора. Назначенный вмѣсто него протовестіарій Іоаннъ съ трудомъ спасся изъ-подъ Никеи.

Въ виду плачевнаго положенія имперіи, попытка миролюбиваго императора Михаила VII вступить въ союзъ съ могущественнымъ Робертомъ Гвискаромъ Апулійскимъ путемъ заключенія брачныхъ узъ, не была особенно неудачнымъ предложеніемъ. Несовершеннолѣтняя дочь Гвискара, Елена, вмѣстѣ со своей сестрой была отправлена въ Константинополь въ цѣляхъ утонченнаго воспитанія и обручена съ тогдашнимъ наслѣдникомъ престола Константиномъ (впослѣдствіи Студійскимъ монахомъ). Близорукійглупецъ Никифоръ заключилъ обѣихъ норманнскихъ принцессъ въ монастырь и возбудилъ этимъ дикую ярость пылкаго
героя Гвискара. Послѣдній, какъ только у него развязались 1080
руки въ 1080 году, послалъ въ Византію ультиматумъ, въ которомъ требовалъ возстановленія Дуковъ на византійскомъ престолѣ. Тщетно разоблачили самозванца, выставленнаго Робертомъ, предъявивъ подлиннаго Михаила VII Дуку: разрывъ совершился.

Алексѣй Комнинъ, даровитѣйшій изъ военноначальниковъ, до сихъ поръ служилъ дѣлу императора Никифора, ибо втайнѣ надѣялся быть имъ усыновленнымъ на правахъ кесаря. Когда же бездѣтный старикъ сталъ склоняться къ тому, чтобы передать престолъ своему племяннику Синадину, давнія натянутыя отношенія перешли въ открытую вражду. Алексѣй ускользнулъ въ Цурулъ; сторонники Дуковъ и военной партіи собрались вокругъ него, во главѣ съ воинственнымъ Георгіемъ Палеологомъ. Алексѣй двинулся противъ столицы. Положеніе было въ высшей степени критическое, ибо царственный старецъ и его министры хотѣли уже заключить договоръ съ Мелиссиномъ и турками. Но тутъ измѣна одного нѣмецкаго наемника 1 апр.
открыла Алексѣю 1 Апрѣля 1081 года Харсіанскія ворота. 1081
Столица страшно пострадала отъ неистовствъ ворвавшихся наемныхъ отрядовъ. Одни лишь варяги и нѣкоторыя другія воинскія части сохра-

няли вѣрность императору Никифору; но этотъ послѣднiй самъ сгубилъ свое дѣло. 2 Апрѣля **Алексѣй** вѣнчался на царство въ Св. Софiи.

Военной революцiи, былъ обязанъ Комнинъ своей короной и знаменательнымъ заключенiемъ революцiи было то, что, какъ и 900 лѣтъ передъ тѣмъ, во дни Септимiя Севера, со столицей было поступлено, какъ съ завоеваннымъ городомъ. Грубо опредѣленно было при этомъ указано столичной бюрократiи, что ея правленiе, едва не сгубившее имперiю, перестало существовать. Военные заняли вновь, какъ и прежде, господствующее положенiе и, можно смѣло сказать, къ великому благу государства. Комнины не могли уже стать „restitutores orbis": Западъ остался у норманновъ; гораздо болѣе важный Востокъ, гдѣ возникло государство Румъ (Иконiй) за сельджуками. Но послѣднюю вечернюю зарю дала эта геройская династiя многострадальному ромейскому народу, и въ ужасающемъ мракѣ послѣдующаго крушенiя имперiи позднѣйшiя поколѣнiя съ тоской и глубокой благодарностью вспоминали объ этой мощной династiи спасителей имперiи и охранителей ея единства.

VII. Комнины и Ангелы (1081—1204)

Страшно тяжелая задача ждала великаго **Алексѣя I Комнина** (**1081—1118**): онъ царствовалъ, такъ сказать, надъ одними развалинами. Въ Азіи въ дѣйствительномъ обладаніи имперіи еще находились почти только прибрежные города; европейскія провинціи сѣвера были опустошены постоянными войнами, ихъ податная сила истощена. Ко всему этому присоединялась угроза норманнской опасности, вызванная безотвѣтственною глупостью Вотаніата (сравн. стр. 127). Надо было обладать геройскимъ мужествомъ, чтобы не отчаяться въ такомъ положеніи; и это мужество было у великаго Алексѣя. Но прежде всего въ его рукахъ была столица, кольцомъ стѣнъ которой уже не разъ въ минуту тяжелой опасности бывала ограничена власть императора ромеевъ, и несравненное положеніе которой, самое блестящее доказательство изумительной проницательности равноапостольнаго Константина, всегда доставляло возможность опять вновь возстановить имперію изъ ея обломковъ. Алексѣй былъ человѣкомъ, который посвятилъ этой тяжело выполнимой задачѣ долгую жизнь, полную трудовъ и самоотреченія, съ тѣмъ чисто римскимъ чувствомъ долга, которое такъ выгодно отличаетъ лучшихъ среди ромейскихъ самодержцевъ [1]).

1081-1118

Своимъ трономъ Алексѣй былъ обязанъ военной аристократіи и Дукамъ: ихъ надо было прочно связать съ домомъ Комниновъ. Государственная касса, по крайней мѣрѣ въ данное время, не могла платить пенсій; поэтому Алексѣй выказалъ свою благодарность и признательность установленіемъ широко развитой градаціи титуловъ, вполнѣ такъ, какъ дѣлаютъ современные государи съ орденами: стали возводить въ чинъ севаста, протосеваста, паниперсеваста, севастократора и т. д. Еще сохранился документъ патріаршей канцеляріи, который, какъ настоящій письмовникъ, указываетъ непосвященному въ эти высокія тайны, какія обращенія и титулы онъ долженъ употребить, обращаясь съ письмами къ вы-

[1]) *F. Chalandon:* Essai sur le règne d'Alexis I Comnène. (Paris 1900). (*В. Б.*).

сокому духовному или свѣтскому сановнику. То, что мы обычно называемъ византійскими чинами и церемоніями, обязано, если не своимъ возникновеніемъ, то развитіемъ, лишь времени Комниновъ и слѣдующей за нимъ эпохѣ паденія.

Претендентъ на престолъ Мелиссинъ счелъ болѣе цѣлесообразнымъ сойтись со своимъ энергичнымъ зятемъ; онъ былъ вознагражденъ чиномъ кесаря. И вотъ предстояло еще, напрягши всѣ силы имперіи, дать отпоръ тому крупному предпріятію, которое подготовлялъ норманнскій герцогъ и его воинственный сынъ Боэмундъ. Въ войнахъ Алексѣя играетъ большую роль великій доместикъ Запада иверійскій князь Григорій Пакуріанъ, вѣрнѣйшій изъ вѣрныхъ и поэтому буквально осыпанный имѣніями и ленами. Ему принадлежитъ основаніе Стенимахскаго (Петрицонскаго) монастыря, еще и теперь являющагося центромъ эллинизма около Филиппополя [2]).

Май Въ маѣ 1081 г. высадились сперва Боэмундъ, а затѣмъ
1081 Робертъ Гвискаръ, въ Орикѣ (Эпиръ) съ арміей въ 30.000 человѣкъ. Робертъ осадилъ, какъ когда-то Цезарь, съ моря и съ суши Диррахій, господствующую надъ Адріатическимъ моремъ крѣпость, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ начальный пунктъ Егнатіевой дороги (via Egnatia), служившую ключемъ къ внутреннимъ областямъ имперіи. Алексѣй купилъ между тѣмъ помощь Венеціи цѣною самыхъ тяжелыхъ жертвъ. Венеціанцы поддерживали Грецію своимъ могущественнымъ флотомъ противъ норманновъ изъ хорошо понятаго собственнаго интереса, а ни въ коемъ случаѣ не вслѣдствіе старой связи съ имперіей, о которой умные торговцы вспоминали только тогда, когда это имъ было выгодно. Высокою платой были столь исключительно благопріятные для Венеціи торговые договоры, которые ставили восточную имперію въ такую же коммерческую и хозяйственную зависимость отъ Венеціи, въ какой теперь находится Турція отъ Англіи. Нельзя осуждать за это Алексѣя: его положеніе было отчаяннымъ, онъ принужденъ былъ брать помощь, гдѣ находилъ ее, и платить за нее любую цѣну. Венеціанцы, однако, тоже сдѣлали все для нихъ возможное. Подъ предводительствомъ Доменико Сельво венеціанскій флотъ вмѣстѣ съ греческимъ уничтожили норманнскій флотъ. Робертъ Гвискаръ отступилъ, какъ Цезарь, къ Фарсалу, и Алексѣй, гордясь своимъ 70.000 войскомъ съ многочисленными варягами (англосаксами
18 окт. и датчанами), далъ ему 18 октября 1081 г. сраженіе, вопреки со-
1081 вѣтамъ Палеолога. Его судьба была судьбой Помпея. Въ на-
1082 чалѣ 1082 г. Гвискаръ взялъ штурмомъ Диррахій; но вынужденный возвратиться въ Италію, онъ предоставилъ веденіе вой-

[2]) *L. Petit:* Typikon de Grégoire Pacourianos pour le monastère de Pétritzos (Backovo) en Bulgarie. (Визант. Врем., 1904, прил. № 1). (*В. Б.*).

ны Боэмунду. Выплачиваемыя Алексѣемъ германскому императору субсидіи имѣли цѣлью удержать по возможности норманнскаго герцога въ Италіи. Боэмундъ тѣмъ временемъ на-
правился въ Эпиръ; въ 1083 г. онъ разбилъ дважды новую армію 1083
Алексѣя и завоевалъ Касторію, Моглену, Скопье и всѣ македонскіе города до Вардара. Но греческій подкупъ вызвалъ почти что мятежъ среди его офицеровъ, недовольныхъ малой добычей въ бѣдной землѣ. Боэмундъ направился въ Θессалію, но крѣпкая Ларисса сопротивлялась шесть мѣсяцевъ всѣмъ его нападеніямъ. Алексѣй, наученный бывшими неуспѣхами, ограничился мелкой войной, которую гибельнымъ для норманновъ способомъ вели стрѣлки и 7.000 присланныхъ на помощь Сулейманомъ сельджукскихъ всадниковъ. Норманны не сумѣли даже привлечь симпатіи недовольныхъ славянъ. Тѣнь великаго Фотія послужила къ спасенію государства, такъ какъ громадное большинство крѣпкихъ въ православіи бояръ и крестьянъ презирали норманнскихъ при-
шельцевъ, какъ еретиковъ. Лѣтомъ 1084 г. завоеванія Боэмунда 1084
были ограничены Эпирскимъ побережьемъ, и онъ поспѣшилъ въ Салерно, чтобы объявить отцу о своей неудачѣ.

Въ 1084 г. старый герцогъ опять появился со своимъ флотомъ въ Албаніи; но его успѣхи не пошли дальше завоеванія жалкаго Корфу (Корцира). Въ морскихъ сраженіяхъ счастье коле-
балось; и въ 1085 г. при Корфу венеціанцы и греки сначала на- 1085
несли пораженіе норманнскому флоту, но въ концѣ сами были разбиты. Заразительныя болѣзни страшно уменьшили армію Роберта; 17 іюля 1085 г. лихорадка похитила и самого стараго герцога. Раздоръ между его сыновьями Боэмундомъ и Рожеромъ изъ-за нижне-италійскихъ владѣній облегчилъ Комнину обратное завоеваніе острововъ и гаваней. Имперія ромеевъ избавилась на полтораста лѣтъ отъ французскихъ рыцарей-разбойниковъ.

Лишь только Алексѣй освободился отъ норманновъ, опасность вызвала его къ сѣверу. Во Θракіи и Болгаріи ученія павликіанъ и богомиловъ, несмотря на усердное преслѣдованіе, находили все больше послѣдователей какъ среди крестьянъ и пастуховъ, такъ и среди городскихъ жителей и самого дворянства, и даже вселенскій патріархъ долженъ былъ быть смѣщенъ вслѣдствіе предположительной приверженности къ богомильству.[1] Уже въ
1078 г., во время набѣга половцевъ, павликіанинъ Лека при Тріа- 1078
дицѣ (Срѣдецъ-Софія) и богомилъ Добромиръ въ Месимвріи начали религіозную войну противъ „идолослужителей капищъ демон-

[1] Козма I Аттикъ; кажется, онъ былъ мистикомъ, которому только православные раціоналисты приписали еретическія ученія. Если бы аθонскіе омфалопсихиты выступили уже въ XI в., то, безъ сомнѣнія, они стали бы жертвой костровъ.

скихъ". То, что эти „совершенные" собрали вокругъ себя 80.000 крестьянъ, совсѣмъ напоминаетъ результаты мечтательной проповѣди какого-нибудь Ѳомы Мюнстера. Дисциплинированный византійскій корпусъ, конечно, безъ труда разбилъ этихъ борцовъ за вѣру; но когда
1086 въ 1086 г. болгары у Дристра стали дѣйствовать заодно съ половцами, къ нимъ тотчасъ присоединились богомилы подъ предводительствомъ знатнаго павликіанина Травла, заняли горный замокъ Бѣлятово и съ огнемъ прошли по Ѳракіи. Пакуріанъ и Врана были
1086 разбиты въ 1086 г., такъ что Дристръ и вся дунайская Болгарія
1087 отторглись отъ имперіи. Въ 1087 г. появился Челгу-ханъ съ 80.000 печенѣговъ и половцевъ; Николай Маврокатакалонъ смогъ только съ трудомъ задержать ихъ успѣхи, такъ что Алексѣй самъ перешелъ Балканы; но въ страшномъ сраженіи при Дристрѣ онъ былъ такъ рѣшительно разбитъ, что греки не могли болѣе выступить въ открытомъ полѣ. Ѳракія была отдана теперь безъ сопротивленія на разгромъ дикимъ ордамъ, пожары и убійства простирались до окрестностей столицы. Но какъ нѣкогда надъ норманнами и позднѣе надъ крестоносцами, такъ и надъ печенѣгами византійская дипломатія и византійское золото одержали верхъ. 40.000 половцевъ поступили на службу къ Алексѣю, и
29 апр. 29 апрѣля 1091 г. соединенныя силы грековъ и половцевъ такъ
1091 разбили печенѣговъ въ кровавомъ сраженіи при Левуніи, что отвратительный народъ на долгое время былъ совершенно обезсиленъ. Жалкіе остатки его императоръ разселилъ въ Верхней Македоніи около Моглены.

Въ послѣдній разъ грозила имперіи опасность со стороны
1094 сѣверныхъ народовъ въ 1094 г., когда претендентъ на корону лже-Константинъ Діогенъ повелъ половцевъ черезъ Дунай. 48 дней они осаждали Адріанополь, но битва при Таврокомѣ положила конецъ всему движенію.

Тѣмъ худшимъ казалось положеніе дѣлъ на востокѣ. Малая Азія принадлежала почти цѣликомъ туркамъ. Болѣе хитростью, чѣмъ оружіемъ, Алексѣй отобралъ обратно Никомидію и Синопъ.
1092- Вмѣсто Сулеймана правилъ теперь, какъ султанъ Рума, Кы-
1106 лычъ-Арсланъ (1092—1106) въ Иконіи; его тесть Чаха, когда-то
1090 греческій офицеръ, укрѣпился, начиная съ 1090 г. на западномъ
1092 берегу малой Азіи и на Спорадскихъ островахъ; въ 1092 г. Смирна сдѣлалась столицей „императора ромеевъ", какъ онъ себя называлъ. Между тѣмъ, греческое золото дѣйствовало и здѣсь, и соб-
1093 ственный зять Чахи убилъ его въ 1093 г.

Для римской куріи раздѣленіе церквей всегда отзывалось глубокой болью, и ея движущей мыслью въ теченіе всѣхъ столѣтій была надежда на возсоединеніе. Поэтому всякій разъ, когда хитрые греки находились въ стѣсненныхъ политическихъ условіяхъ, они строили планы уніи. Кажется невѣроятнымъ, съ какою тонкостью они все

снова пробовали этотъ маневръ по отношенію къ добродушнымъ западноевропейцамъ и всякій разъ находили вѣрившихъ имъ, хотя они до Флорентійскаго собора никогда почти не думали серьезно объ уніи: это было по большей части лживое притворство изъ соображеній политической цѣлесообразности. Такъ, уже императоръ Михаилъ VII увлекъ въ 1074 г. даже великаго папу Григорія VII. Но на этотъ 1074
разъ призывъ о помощи императора Алексѣя нашелъ особо благопріятную почву. Успѣхи христіанъ въ Испаніи и отвоеваніе отъ невѣрныхъ Сициліи высоко подняли религіозное одушевленіе христіанъ. Извѣстно, съ какимъ трогательнымъ усердіемъ тяготѣла пламенная вѣра народовъ со временъ Ираклія къ тѣмъ земнымъ мѣстамъ, гдѣ ходилъ Спаситель. Какъ тяжелое оскорбленіе, наносимое Спасителю и Учителю, воспринималось во всемъ Западѣ, такъ искренно и серьезно вѣрующемъ, то, что въ Іерусалимѣ со времени изгнанія въ 1076 г. сравнительно терпимыхъ Фатимидовъ власть 1076
находилась въ рукахъ суровыхъ и фанатическихъ Ортукидовъ.

Такимъ образомъ, проповѣдь крестоваго похода со стороны папы Урбана II затронула интимнѣйшія струны тогдашняго человѣчества и имѣла прямо необыкновенный успѣхъ даже для привыкшей къ побѣдамъ куріи. Но въ то время, какъ итальянскіе республиканцы Венеціи, Генуи и Пизы умѣли учитывать мощное религіозное движеніе только по-купечески, крестовый походъ пламеннаго французскаго и фландрскаго рыцарства [1]) былъ дѣломъ сердца и убѣжденія, и по праву поэтому называются славные подвиги ихъ оружія „дѣлами Бога при посредствѣ франковъ" (gesta Dei per Francos). Никто не радовался болѣе ихъ безпримѣрному тріумфальному движенію, чѣмъ жестоко притѣсняемые турками и м..чимые греками старые христіане Востока, сирійцы и армяне. Что армяне могли основать и удержать въ Киликіи въ теченіе трехъ столѣтій полузападное феодальное государство, этимъ они обязаны въ первую голову большому народному движенію на Западѣ. Ихъ писатели, прежде всего Матѳей Эдесскій и Самуилъ Анійскій, полны восторженныхъ похвалъ западнымъ борцамъ за вѣру и освободителямъ Іерусалима, и въ то же время полны самыхъ горькихъ упрековъ противъ изолгавшихся и коварныхъ грековъ Алексѣя и Мануила.

Если не желать быть несправедливымъ, то можно, конечно, понять, что императоръ ромеевъ очень озабоченно смотрѣлъ на приближеніе крестоноснаго войска. Окруженные привыкшими къ войнѣ гордыми рыцарями западные государи не были кондотьерами, которыхъ за византійское золото можно было нанять для того, чтобы дѣйствовать при помощи ихъ войскъ по желанію въ Азіи или въ Европѣ. Среди нихъ былъ тарентскій герцогъ Боэмундъ,

[1]) Тогдашніе норманны были французами.

смертельный врагъ императора. Во всякомъ случаѣ, было трудной задачей добромъ справиться съ этими въ высшей степени самовластными и вспыльчивыми вельможами. Но интриги императора, безсовѣстные пріемы дипломата старой школы, не мало способствовали обостренію ненависти между греками и латинянами и сдѣлали молву о хитрости и двуличности грековъ—франки тоже не страдали избыткомъ честности—достояніемъ общественнаго мнѣнія Европы даже до нашихъ дней.

Здѣсь мы должны помнить только о вліяніи крестовыхъ походовъ на греческую имперію. Переговоры Алексѣя достигли, какъ предварительнаго результата, того, что французскіе князья обѣщали ему принять свои будущія палестино-сирійскія завоеванія въ качествѣ леновъ императора ромеевъ. Прежде всего послѣднему цѣнна была ихъ военная помощь для обратнаго завоеванія Малой
1097 Азіи. Въ 1097 г. Кылычъ-Арсланъ былъ основательно разбитъ крестоносцами при Никеѣ. Хитрымъ маневромъ Алексѣя было то, что онъ побудилъ турокъ необходимаго для него города Никеи сдаться ему. Гнѣвъ осаждающихъ, лишенныхъ плодовъ своего напряженія былъ совершенно справедливъ, и всѣ подарки и любезности не могли никогда возстановить добраго настроенія. Притомъ Алексѣй имѣлъ тѣмъ болѣе основаній для благодарности, что рѣшительная побѣда 1 іюля 1097 г. при Дорилеѣ возвратила византійцамъ западъ Малой Азіи. Для восточно-римской имперіи это было неслыханнымъ счастіемъ, такъ какъ собственными силами она никогда, вѣдь, не была въ состояніи достигнуть въ Азіи чего-либо значительнаго: западная часть Малой Азіи обязана сохраненіемъ своей культуры въ теченіе свыше двухъ столѣтій и спасеніемъ отъ варварства единственно воинственному героизму крестоносцевъ. Лаодикія, Филадельфія, Сарды, Смирна, Ефесъ, все самые блестящіе города греческой исторіи, были вырваны изъ рабства невѣрныхъ. Но отношенія императора къ франкамъ все ухудшались. Въ то время какъ послѣдніе брали Антіохію и Іерусалимъ, императоръ только расширялъ свои владѣнія въ восточной части Малой Азіи; крестоносцы, такъ много сдѣлавшіе для него, съ правомъ жаловались на то, что онъ не сдѣлалъ ничего значительнаго въ ихъ пользу. Императору, конечно, его христіанскіе союзники казались почти столь же опасными, какъ и турки Рума; и если имѣть передъ глазами планы Роберта Гвискара и событія 1204 г., то нельзя его порицать за это.

Запутанныя отношенія Алексѣя къ Боэмунду, который
1098 укрѣпился въ 1098 г. въ Антіохіи, приняли серьезный оборотъ. Вслѣдствіе измѣны армянскаго стратига Филарета греки только въ
1085 1085 г. потеряли въ пользу турокъ столицу Востока, когда-то возвращенную имперіи съ затратою колоссальныхъ усилій оружіемъ Никифора Фоки; понятно, что они огромное значеніе придавали тому,

чтобы опять овладѣть ею. Въ 1099 г. дѣло дошло до морской и сухопутной войны съ Боэмундомъ, которая велась послѣднимъ въ Киликіи, въ то время какъ его союзники пизанцы разграбили острова Левкадію и Кефалонію. Въ 1104 г. Боэмундъ отправился въ Италію и собралъ при помощи папы Пасхалія II чрезвычайно большое войско. Но вмѣсто того, чтобы направить его на востокъ, онъ снова взялся за осуществленіе плановъ своего отца и, перехитривъ греческихъ полководцевъ, высадился въ Валонѣ (въ Эпирѣ). Предпринятая имъ осада Диррахія потерпѣла полную неудачу. Наученный опытомъ первой норманнской войны, Алексѣй не давалъ ни одного болѣе крупнаго сраженія, но умѣлъ мастерски истощать партизанской войною и безъ того терпящаго нужду непріятеля и дѣйствовать подкупомъ въ его рядахъ. Въ 1108 г. Боэмундъ былъ принужденъ заключить въ Дѣволѣ въ высшей степени унизительный миръ, отказаться отъ Лаодикіи и притязаній на Киликію, и принять свое антіохійское княжество въ ленъ отъ Византіи. Въ 1111 г. Боэмундъ безславно умеръ въ Апуліи. Его союзники пизанцы заключили съ Византійской имперіей торговый договоръ, который имѣлъ большую цѣнность и для Византіи не только потому, что этимъ путемъ исчезали прежніе корсарскіе набѣги этихъ итальянскихъ морскихъ республиканцевъ, но и потому, что, благодаря договору, выросталъ сбивающій цѣны конкуррентъ для чрезвычайно тягостной торговой монополіи венеціанцевъ.

1099 1104 1108 1111

Съ 1110 г. до 1117 г. Алексѣй долженъ былъ опять выдержать упорную войну съ сельджуками, которые доходили во время своихъ разбойничьихъ набѣговъ до Пропонтиды. Только послѣ завоеванія Филомилія и блестящей побѣды при Поливотѣ въ 1116 г. султанъ Меликъ-шахъ рѣшился заключить въ 1117 г. миръ въ Акроинѣ. Вся прибрежная полоса Малой Азіи и западъ отъ Пафлагоніи черезъ Фригію до Писидіи и Памфиліи были теперь окончательно спасены для имперіи.

1110-1117 1116 1117

Во внутренней дѣятельности императоръ долженъ былъ больше, чѣмъ это было необходимо въ государственныхъ интересахъ, заботиться о высшемъ дворянствѣ, изъ среды котораго онъ вышелъ, и которое сдѣлало больше всего для его возвышенія и поддержанія. Старый абсолютизмъ подозрительнымъ образомъ эволюціонировалъ въ сторону западноевропейскихъ феодальныхъ государствъ, государственная организація которыхъ послужила образцомъ для киликійскаго царства армянскихъ Рубенидовъ. Но при всей своей неутомимой лагерной жизни Алексѣй нашелъ время позаботиться о реорганизаціи юстиціи и полиціи и прежде всего провести блестящимъ образомъ оздоровленіе жестоко разстроенныхъ финансовъ.

Своеобразно отношеніе императора къ клиру. Алексѣй былъ въ религіозномъ отношеніи въ высшей степени ревностнымъ государемъ: онъ самъ велъ глубочайшіе диспуты съ богомилами и павли-

кіанами, и кого ему не удавалось обратить въ православіе, того онъ предавалъ огню; онъ преобразовалъ соотвѣтственно требованіямъ времени отчасти уже устарѣвшее распредѣленіе епархій Льва Философа. Однако, при всемъ этомъ онъ преслѣдовалъ и политическую цѣль: вліятельный и богатый клиръ при правильномъ руководствѣ—а императоръ не допускалъ отсутствія строгаго и для духовенства въ высшей степени полезнаго надзора—являлся цѣлительнымъ противовѣсомъ военной знати, непокорной и всегда склонной къ бунту.

Съ удовлетвореніемъ могъ оглянуться старецъ на дѣло своей неутомимой жизни. Изъ глубочайшей анархіи и полнѣйшаго распаденія онъ поднялъ опять государство на ступень, на которой оно могло сохранить искони ему принадлежавшее положеніе великой державы, если и не съ прежней мощью, то все-таки съ честью въ теченіе трехъ поколѣній. Однако, ему не суждено было найти спокойствіе и на смертномъ одрѣ. Его собственная жена, благочестивая Ирина, и его любимица дочь Анна, написавшая „Алексіаду", осаждали его просьбами посадить на императорскій престолъ мужа Анны кесаря Никифора Вріеннія, вмѣсто давно назначеннаго наслѣдника престола Іоанна. Но упорный старикъ, хотя и ослаб-
15 авг. ленный ревматизмомъ, остался непоколебимымъ; и когда 15 августа
1118 1118 г. онъ умеръ, Іоаннъ сумѣлъ обезпечить себѣ принадлежащій ему тронъ безъ обычныхъ жестокостей и постриженій въ монашество, а только при помощи спокойной рѣшимости.

1118- **Іоаннъ II Комнинъ (1118—1143)** [1]) представляетъ собою типъ
1143 превосходнѣйшаго государя. Своимъ мужествомъ и кротостью онъ завоевалъ не только сердца своихъ подданныхъ, которые его поэтому называли Іоанномъ Добрымъ—Калоіоанномъ, но и всѣ западныя извѣстія полны хвалы правителю, который старался идти къ достиженію своихъ политическихъ цѣлей не съ помощью обычной у грековъ хитрой лживости, а прямымъ путемъ. Въ этомъ отношеніи онъ совсѣмъ оставилъ привычки своей семьи, какъ это показало выступленіе его родственниковъ. Интриганка императрица-мать, правда, тотчасъ постриглась—лучшее, что она могла сдѣлать. Но сестра Анна, жаждавшая дѣятельности и слегка эмансипированная дама, горько жаловавшаяся на то, что не рождена мужчиной, продолжала конспирировать, хотя ея мужъ, человѣкъ умный и тяжеловатый, не хотѣлъ ничего знать о престолѣ. Его дядя Исаакъ, генералъ, всегда терпѣвшій пораженія, жилъ со своими сыновьями при дворѣ въ Иконіи. Такъ подстрекаемый самымъ грубымъ образомъ со всѣхъ сторонъ какъ разъ наиболѣе близкими людьми, Іоаннъ держалъ свой дворъ, однако, вдали отъ жесто-

1) *F. Chalandon:* Jean II Comnène. (Paris 191?. (*В. Ѣ.*)

костей, въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ своего друга юности и министра Аксуха, прямого и честнаго турка, въ высшей степени умнаго и полезнаго въ дѣлахъ.

Однимъ совершенно пренебрегла династія Комниновъ—морскимъ дѣломъ, между тѣмъ какъ въ прежнее время восточноримскій флотъ господствовалъ на морѣ и со времени возрожденія имперіи при македонской династіи занялъ въ высшей степени почетное мѣсто. Правда, что доставлявшая въ прошлыя столѣтія морскихъ героевъ и матросовъ кивиреотская ѳема была частью сельджукскою, частью спорной запустѣвшей пограничной территоріей. Но острова и берега Эгейскаго моря съ ихъ столь способнымъ къ морскому дѣлу населеніемъ представляли благодарнѣйшій матеріалъ для образованія флота перваго ранга. Что правительство тутъ ничего не сдѣлало, это должно было тяжело отозваться впослѣдствіи.

Іоаннъ далъ греческому національному чувству, оскорбленному заносчивостью венеціанцевъ, выраженіе, нашедшее радостный отзвукъ въ сердцахъ всѣхъ патріотовъ, когда онъ рѣшительно отказался подтвердить гордымъ купцамъ торговыя привиллегіи, вынужденныя у его отца въ дни ужаснаго норманнскаго кризиса. Вполнѣ припоминается морская политика Британіи по отношенію къ Даніи, когда венеціанцы сперва упорно демонстрируютъ со своимъ флотомъ, а потомъ грабятъ берега и острова Іоническаго и Эгейскаго морей. Высылка венеціанскихъ купцовъ изъ предѣловъ имперіи очень обострила положеніе. Къ сожалѣнію, восточный Римъ не обладалъ болѣе флотомъ, внушающимъ уваженіе. 1126
Когда поэтому дожъ Доменико Микіеле занялъ въ 1126 г. со своимъ флотомъ Кефалонію, Іоаннъ обратился къ посредничеству папы; приманка церковной уніи и на этотъ разъ не осталась безъ вліянія на курію, несмотря на всѣ разочарованія, и такимъ образомъ былъ заключенъ сносный миръ; конечно, несчастный императоръ долженъ былъ торжественно подтвердить привилегіи венеціанцевъ на горе имперіи.

Тѣмъ счастливѣе была континентальная политика Іоанна. 1120-
Отъ сельджуковъ онъ отнялъ обратно въ 1120 и 1121 г. терри- 1121
торію между Меандромъ и Атталіей. Были завоеваны Фригійская Лаодикія и Созополь, и еще рядъ писидійскихъ и памфилійскихъ городовъ. Осѣвшіе въ Сиріи и Палестинѣ пулланы [1]), которые промѣняли прежній духъ своихъ отцовъ на чисто восточное коварство, сдѣлали ошибку, сперва предложивъ руку наслѣдницы Антіохіи наслѣдному царевичу Мануилу, а затѣмъ выдавъ ее замужъ за одного франкскаго вельможу. Когда затѣмъ союзники Антіохіи, киликійскіе армяне, начали борьбу съ императоромъ, по- 1137
слѣдній принялся въ 1137 году энергично за дѣло, покорилъ Ки-

[1]) Прозвище, данное потомкамъ первыхъ крестоносцевъ. (*В. Б.*).

ликію и принудилъ графа Раймунда Антіохійскаго принести ему присягу на вѣрность. Возстаніе антіохійцевъ и заключенный турками Рума съ Данишмендомъ Сивашскимъ (Севастійскимъ) союзъ заставили императора обратиться на малоазіатское поле
1139 борьбы. Побѣдоносно прошелъ онъ въ 1139 г. до Никсара (Неокесаріи) и въ слѣдующіе годы совершенно разгромилъ турокъ.

Со временъ Алексѣя съ мадьярами установились самыя дружелюбныя отношенія; мадьяры сдѣлали со времени принятія ими христіанства большіе культурные успѣхи сравнительно съ родственными имъ печенѣгами и половцами; даже жена Іоанна была венгерской принцессой. Но только узурпація со стороны принца Альмуса, который свергнулъ съ престола дружественнаго восточному Риму короля Коломана и ослѣпилъ его сына Белу, чтобы обезпечить корону своему собственному сыну Стефану II,
1124 вызвала въ 1124 г. вмѣшательство византійскаго императора въ интересахъ несчастнаго Белы. Мадьяры, въ началѣ одерживавшіе побѣды, были затѣмъ на голову разбиты императоромъ при Храмѣ на Дунаѣ. Важный стратегическій пунктъ Браничова остался въ
1126 рукахъ византійцевъ, согласно заключенному въ 1126 г. миру.

Уже ранѣе императоръ основательно расправился съ раз-
1122 бойничьимъ народомъ печенѣговъ. Въ 1122 г. они перешли Дунай, но нашли балканскіе проходы хорошо охраняемыми. Весною
1123 **1123** г. онъ такъ ихъ разбилъ, что имя этого бича дунайской области исчезло изъ исторіи.

Послѣдніе подвиги императора были направлены на обратное завоеваніе Сиріи. Предпріятія Никифора и Цимисхія, были
1142 образцами для этого героя. Послѣ того какъ успѣхи 1142 г. ни въ коемъ случаѣ не оказались соотвѣтствующими его ожиданіямъ, онъ сталъ готовить походъ въ большихъ размѣрахъ. Случаю угодно было, чтобы онъ ранилъ себя смертельно во время охоты на кабановъ въ мѣстностяхъ киликійскаго Тавра. Вѣрный Аксухъ тотчасъ поспѣшилъ въ столицу, чтобы обезпечить престолонаслѣдіе наслѣдному
8 апр. принцу Мануилу. И когда 8 апрѣля 1143 г. „добрый" Іоаннъ
1143 закончилъ въ цвѣтѣ силъ свой геройскій жизненный путь, ему безъ
1143- противодѣйствій наслѣдовалъ его сынъ **Мануилъ I** (**1143—1180**). Въ
1180 этомъ благородномъ, духовно высоко одаренномъ и тѣлесно столь же прекрасномъ, какъ исполински сильномъ, отпрыскѣ Комниновъ нашла себѣ выраженіе чисто западная черта, правда, въ совершенно другомъ видѣ, чѣмъ у его отца. Мануилъ былъ идеаломъ рыцаря по франкскимъ взглядамъ. Чисто рыцарской была также та фантазія, которая, въ противоположность холодно разсудочной реальной политикѣ отца и дѣда, строила планы высокаго полета, гналась за недостижимыми цѣлями и не мало способствовала при всемъ внѣшнемъ блескѣ позднѣйшей страшной катастрофѣ. Отъ дѣда онъ наслѣдовалъ теологическую жилку: онъ

велъ непрестанно переговоры съ Римомъ и армянами о соединеніи церквей; но единственнымъ ихъ результатомъ была необъятная полемическая литература на различныхъ языкахъ разъединенныхъ между собою вѣрующихъ.

Для императора Мануила характерно его пристрастіе къ латинянамъ, стоящее въ связи съ западническимъ направленіямъ его духа. Обѣ его супруги были западныя принцессы, и для своихъ дѣтей онъ искалъ также свойства съ дворами Запада. Солдаты его гвардіи набирались все въ болѣе растущемъ количествѣ между смѣлыми воинственными германскими, романскими и славянскими народами. Точно также въ администраціи часто находили мѣста, надежные жители Запада, у которыхъ подкупъ и утайка не были столь обычными, какъ у ромеевъ. Необычнымъ расцвѣтомъ тогдашнихъ государственныхъ финансовъ императоръ ромеевъ былъ обязанъ этимъ честнымъ иностранцамъ, быть можетъ, въ той же степени, какъ повелитель Небесной имперіи—англійскимъ служащимъ шанхайской таможни. Къ высоко привилегированнымъ итальянскимъ купцамъ Венеціи и Пизы присоединились еще по договору 1155 г. генуэзцы, какъ ревностные и вскорѣ удачливые конкурренты. Все это дѣлаетъ для насъ понятнымъ, что у греческаго народа укрѣпилась большая ненависть по отношенію къ латинянамъ.

Пока политика Мануила держалась на испытанныхъ путяхъ его отца, счастье ему всячески благопріятствовало. Онъ положилъ рѣшительный и крайне унизительный конецъ вызовамъ гордаго и горячаго графа Раймунда Антіохійскаго: у мавзолея Калоіоанна тотъ долженъ былъ вновь признать себя покорнымъ вассаломъ императора ромеевъ. Сельджуковъ Рума онъ прогналъ до Иконія. Равнымъ образомъ въ опасномъ кризисѣ во время второго крестоваго похода (1147—1149) онъ выказалъ глубокій политическій смыслъ. 1147-
Было понятно, что императоръ ромеевъ смотритъ съ весьма смѣ- 1149
шанными чувствами на приближеніе той бушующей лавины народовъ, которую привело въ движеніе страшное возбужденіе общественнаго мнѣнія Запада послѣ паденія Эдессы въ 1144 г. Ихъ 1144
переходъ черезъ восточныя епархіи ромейскаго государства, систематически высасываемыя печенѣгами, половцами и другими подобными народами, былъ общественнымъ бѣдствіемъ; и французы, вступившіе лишь осенью 1147 г., совсѣмъ несправедливо жаловались 1148
на скупость и обманъ греческаго правительства и населенія, такъ какъ проходившіе въ серединѣ лѣта того же года нѣмцы въ высшей степени истощили страну. Съ императоромъ Конрадомъ III дѣло сошло сносно: вѣдь оба государя были другъ съ другомъ въ свойствѣ, что впрочемъ не воспрепятствовало имъ предпочесть избѣжать взаимнаго посѣщенія при проходѣ Конрада черезъ столицу, чтобы не навести тѣни на ихъ рангъ и достоинство. Не было, конечно, недостатка въ треніяхъ между

Ираклія. Блестящая побѣда Андроника Контостефана 18 іюля
18 іюля 1167 г. заставила венгровъ въ 1168 г. заключить полный славы 1167
для восточнаго Рима миръ. Покровительствуемый Византіей претендентъ Бела III (1173—1196) вскорѣ дѣйствительно достигъ 1173-
власти, и Венгрія стала во время его правленія въ политическую 1196
и культурную зависимость отъ имперіи ромеевъ.

Въ 1151 г. и свободные сербы должны были поплатиться за 1151
то, что вступили въ сношеніе съ наслѣдственнымъ врагомъ ромеевъ, норманнами. Счастливый походъ императора сдѣлалъ короля Примислава византійскимъ вассаломъ. Съ хитрымъ и гибкимъ великимъ жупаномъ Стефаномъ Нѣманей, основателемъ могущественной великосербской династіи, дѣло не доходило, по крайней мѣрѣ, до серьезныхъ недоразумѣній. Однако, при всемъ внѣшнемъ блескѣ эти успѣхи не имѣли залога прочности, какъ это доказало происшедшее спустя едва лишь одно поколѣніе большое славянское возстаніе.

Главная опасность угрожала имперіи, какъ и во времена дѣда, со стороны норманновъ, и нельзя отрицать, что главная вина падаетъ здѣсь на самого императора Мануила. Король Рожеръ искалъ для своего сына Вильгельма брачнаго союза съ византійскимъ императорскимъ домомъ. Но Мануилъ кассировалъ въ надменной византійской гордости, тогда уже давно несвоевременной, заключенный его посломъ въ Палермо договоръ и велѣлъ казнить несчастнаго дипломата, какъ подкупленнаго, будто-бы, Рожеромъ; этимъ онъ вызвалъ безмѣрный гнѣвъ послѣдняго, нанесшій имперіи неизлѣчимую рану. Рожеръ быстро заключилъ миръ съ африканскими мусульманами, и его адмиралъ Христодулъ собралъ въ 1147 г. у Бриндизи флотъ, относительно котораго не 1147
знали, предназначенъ ли онъ для перевозки крестоносцевъ въ Палестину, или для нападенія на Византійскую имперію. Вскорѣ флотъ поплылъ къ Корфу, гдѣ обычныя жалобы на суровую податную тяготу подготовили возстаніе, и гдѣ норманновъ встрѣтили съ распростертыми объятіями. Напротивъ, попытка нападенія на богатый торговый пунктъ Монемвасію, не удалась. Послѣ опустошенія Эвбеи и Аттики сицилійскій флотъ опять направился къ западу, чтобы послѣ разгрома акарнано - этолійскаго побережья произвести высадку въ Крисѣ и направить дессантъ прямо на Ѳивы. Тогдашніе Ѳивы вслѣдствіе своего шелковаго и пурпурнаго производства были однимъ изъ самыхъ богатыхъ промышленныхъ городовъ имперіи. Норманны произвели здѣсь основательное опустошеніе. Было захвачено не только золото, серебро, церковныя драгоцѣнности, но и обильно накопленные въ магазинахъ запасы товаровъ. Тюки шелка и крашенная кожа были отправлены въ большомъ количествѣ на корабли. Несчастные жители должны были присягать въ томъ, что не утаили ничего изъ своего имущества. Несмотря

на это, много знати было взято съ цѣлью вынудить выкупъ; среди рабочихъ шелковой мануфактуры была произведена выборка, и самые опытные переселены въ Сицилію.

Изъ Віотіи норманны направились къ Коринѳу. Никифоръ Калуфъ сдалъ по первому требованію неприступный Акрокоринѳъ, такъ что самъ сицилійскій адмиралъ воскликнулъ, что онъ борется подъ покровительствомъ неба, которое сдѣлало коменданта пугливымъ подобно молодой дѣвушкѣ. И этотъ промышленный городъ былъ основательно разгромленъ; были взяты даже реликвіи церквей, и среди уведенныхъ плѣнныхъ опять находились въ большомъ количествѣ ремесленники. Цѣлью норманновъ была не длительная оккупація, но только систематическій грабежъ. Цвѣтущей торговлѣ и богатой промышленности Эллады и Пелопоннеса былъ этимъ путемъ нанесенъ смертельный ударъ, отъ котораго онѣ уже болѣе не оправились. Мануфактурные рабочіе изъ Коринѳа и Ѳивъ при возвращеніи въ Сицилію были поселены со своими семействами въ Палермо, и ихъ держали въ высшей степени свободно, такъ что новая отрасль промышленности быстро испытала неожиданный подъемъ. Теперь въ норманнскомъ государствѣ была создана ставшая быстро опасной конкурренція съ ревностно оберегаемой государственнымъ путемъ и сохраняемой въ величайшей тайнѣ монополіей Византійской имперіи—производствомъ роскошныхъ шелковыхъ и парчевыхъ матерій.

Осложненія на Дунаѣ помѣшали императору отомстить Рожеру. Но венеціанцы, въ благодарность за расширеніе права безпошлинной торговли на Критѣ и Кипрѣ, поддержали императора своимъ флотомъ при осадѣ Корфу. Несмотря на упорное сопроти-
1149 вленіе норманновъ, крѣпость пала въ 1149 г.

Мануилъ перенесъ теперь войну въ Италію: это было единственнымъ средствомъ избавиться отъ норманнскихъ корсаровъ, которые простирали свои пиратскіе набѣги до мѣстностей, близ-
1151 кихъ къ Константинополю. Въ 1151 г. онъ занялъ на время Анкону, что очень взволновало даже его старыхъ друзей—вене-
1154 ціанцевъ. Разбитый вновь въ 1154 г. норманнами, Мануилъ вступилъ въ переговоры съ папой и западнымъ императоромъ; но оба послѣдніе не могли и не должны были изъ собственнаго интереса поддерживать его планы утвержденія имперіи въ Италіи: Западъ не хотѣлъ болѣе знать о греческой Италіи. Попытки стать твердой ногой въ Апуліи также рушились плачевно: греческій флотъ терпѣлъ только пораженія, и норманны снова безпрепят-
1154 ственно грабили въ греческихъ водахъ. Но занявшій въ 1154 г. престолъ своего отца Вильгельмъ I не былъ Рожеромъ, и
1158 такъ, наконецъ, дошло въ 1158 г. до довольно сноснаго еще для грековъ мира.

1170 Судьба отца не научила сына. Въ 1170 г. дошло до откры-

таго разрыва съ могущественной Венеціей. Захватъ всѣхъ вене-
ціанскихъ товаровъ и арестъ венеціанцевъ въ предѣлахъ имперіи
въ 1171 г. вызвали бурю негодованія въ городѣ лагунъ. Въ 1171 г. 1171
лично руководимый дожемъ Витале Микіеле II венеціанскій
флотъ разрушилъ Траву и подчинилъ Рагузу верховенству респуб-
лики. Затѣмъ онъ направился въ Эгейское море, и съ Хіоса дожъ
началъ переговоры съ императоромъ. Но губительная зараза при-
нудила венеціанцевъ къ быстрому возвращенію. Ихъ попытка вы-
рвать въ 1173 г. совмѣстно съ нѣмецкимъ предводителемъ, майнц- 1173
кимъ архіепископомъ Христіаномъ у грековъ Анкону разбилась
о помощь, которую ломбардцы оказали сильно стѣсненному городу.
Но когда по иниціативѣ врага грековъ Энрико Дандоло Вене-
ція заключила союзъ съ Вильгельмомъ II Сицилійскимъ, Ма-
нуилъ уступилъ: венеціанцы были опять торжественно введены
въ обладаніе всѣми своими привиллегіями и получили полтора
милліона дукатовъ военнаго вознагражденія.

Болѣе всего Мануилъ повредилъ имперіи своимъ планомъ
политическаго будущаго, въ которомъ неисправимый византіецъ
все еще гнался за юстиніановскими мечтаніями объ универсаль-
номъ господствѣ. Искусство его дипломатовъ должно было создать
настроеніе и завязать сношенія прежде всего въ Италіи съ куріей,
а затѣмъ по очереди со всѣми врагами западнаго римскаго импе-
ратора. Онъ встрѣтилъ между тѣмъ мало взаимности у госуда-
рей. Напротивъ того, съ ломбардскими городами онъ вступилъ съ
1169 г. въ близкія отношенія. Венеція получила греческую субси- 1169
дію, а Анкона въ 1167 г. получила греческій гарнизонъ. Импе-
раторъ старался прежде всего перетянуть на свою сторону умнаго
и предпріимчиваго папу Александра III во время глубокой
вражды послѣдняго съ Барбароссою, обѣщая папѣ унію восточ-
ной и западной церкви подъ условіемъ коронованія его также им-
ператоромъ Запада. Императоръ принялся въ данномъ случаѣ за
дѣло необычайно серьезно; греческій синодъ долженъ былъ найти
формулу объ исхожденіи Св. Духа, соотвѣтствующую ученію За-
пада; но православный клиръ съ патріархомъ во главѣ былъ въ
этомъ отношеніи непоколебимымъ. Папа тоже не согласился на
коронованіе императора: незалѣчимый разрывъ съ германской им-
періей не входилъ въ его интересы, и онъ даже не могъ бы осмѣ-
литься на него. Практически ничего не было достигнуто; импе-
раторъ переживалъ разочарованія за разочарованіями. Хуже всего
было то, что эти утопическія мечтанія принесли съ собою
очень реальныя послѣдствія: они испортили указанныя самой при-
родой политическія отношенія. Фантастическая міровая импер-
ская политика Мануила разлучила его со старымъ союзникомъ его
предковъ, императоромъ Запада: въ то время какъ общая вражда
къ норманнамъ могла бы такъ сказать съ естественной необходи-

мостью вести рядомъ имперіи Востока и Запада, дипломаты Мануила должны были съ величайшей послѣдовательностью продолжать свои безплодныя заигрыванія у враговъ Германіи. Эти излюбленныя романтическія идеи отняли у имперіи ея старыя испытанныя связи и не доставили ей ни одного новаго надежнаго союза. Чѣмъ болѣе росла слабость имперіи, тѣмъ рѣшительнѣе она зависѣла отъ благожелательства болѣе значительныхъ сосѣдей. А вмѣсто того политика императора все болѣе изолировала имперію. Мануилъ сильно сталъ чувствовать перемѣну настроенія
1177 Германіи съ тѣхъ поръ, какъ венеціанскій миръ 1177 г. примирилъ германскаго императора съ Римомъ и ломбардцами. Барбаросса вступилъ въ дружественныя дипломатическія сношенія съ наслѣдственными врагами Византіи Кылычъ-Арсланомъ Румскимъ и великимъ курдомъ Саладиномъ. Отношенія къ Руму были какъ разъ очень натянутыми въ послѣдній періодъ
1156-правленія Мануила. Кылычъ-Арсланъ II (1156—1193)
1193 вначалѣ присягнулъ императору и поставлялъ вспомогательные отряды, но понемногу, двойственностью и открытымъ разрывомъ договора, онъ становился сосѣдомъ, въ высшей степени тягостнымъ
1176 для византійцевъ. Въ 1176 г. Мануилъ вторгнулся въ султанатъ. Но въ южной Фригіи недалеко отъ легендарныхъ Келэнъ у замка Миріокефала главная армія императора потерпѣла кровавое пораженіе; съ трудомъ могъ пробиться императоръ къ авангарду, который остался невредимымъ, равно какъ и аріергардъ удачно вышелъ изъ боя подъ превосходныхъ руководствомъ Андроника Контостефана. Кылычъ-Арсланъ предложилъ, несмотря на побѣду, умѣренныя условія мира, которыя Мануилъ принялъ, но не выполнилъ. Поэтому сельджуки возобновили въ
1177 1177 г. войну. Однако, ихъ сѣверная армія, осаждавшая Клавдіополь въ Виѳиніи, была разбита самимъ Мануиломъ, въ то время какъ южная армія, которая шла черезъ долину Меандра къ Эгейскому морю, потерпѣла полное пораженіе отъ Іоанна Ватаца. И такимъ образомъ вскорѣ былъ заключенъ довольно благопріятный для восточнаго Рима миръ. Это было послѣднимъ военнымъ предпріятіемъ неутомимаго монарха, который подобно своему отцу
24 сен. преждевременно скончался 24 сентября 1180 г. лишь 58 лѣтъ
1180 отъ роду.

Вслѣдствіе несовершеннолѣтія сына Мануила **Алексѣя II** правленіе взяли въ свои руки императрица-мать Марія и протосевастъ Алексѣй, двоюродный братъ императора. Ихъ политика двигалась по тѣмъ же латинофильскимъ путямъ, хотя въ народѣ и въ клирѣ давно бродила глухая злоба дикаго латиноненавистничества, и только сильная рука Мануила могла до сихъ поръ сдержать эти національно-эллинскія стремленія.

Тогда во главѣ экзальтированныхъ націоналистовъ сталъ

Андроникъ Комнинъ, „геніальнѣйшій безпутникъ" („ingeniosissime nequam"). Обладай этотъ во всѣхъ отношеніяхъ геніальный человѣкъ нравственной дисциплиной и внутренней сдержкой, онъ могъ бы стать политическимъ и духовнымъ спасителемъ и возродителемъ ромейскаго народа. Андроникъ, прирожденный властитель, равно великій полководецъ и политикъ, ораторъ Божіею милостію, соединялъ въ себѣ всѣ тѣ добродѣтели, которыя считали самыми благородными и достойными восхищенія задающіе тонъ тогдашней аристократіи круги Востока и Запада, люди турнировъ и спорта. Онъ былъ, подобно своему двоюродному брату Мануилу, человѣкъ рѣдкой красоты и геркулесовской силы, рыцаремъ безъ страха и упрека, съ чувствомъ знатока предающимся охотѣ, опытный во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ, съ привыкшимъ съ юности къ всевозможнымъ невзгодамъ тѣломъ. Такой человѣкъ долженъ былъ стать идоломъ для солдатъ и дворянъ. Для принцевъ турецкихъ, сѣверныхъ и сирійскихъ дворовъ, которые онъ посѣтилъ во время своей столь богатой приключеніями жизни, онъ былъ вызывавшимъ всеобщее удивленіе образцомъ княжеской элегантности и благороднаго обращенія. Но изъ гнилого корня не можетъ вырасти здоровое дерево. Его отецъ Исаакъ былъ тѣмъ національно безразличнымъ братомъ Калоіоанна, который почти измѣнникомъ провелъ большую часть своей жизни при румскомъ дворѣ, и если не сдѣлался магометаниномъ, то сталъ, однако, индифферентнымъ въ церковномъ отношеніи и тѣмъ самымъ естественно также морально безпринципнымъ человѣкомъ. Окаменѣвшая ортодоксія тогдашней эпохи не имѣла тогда болѣе ни на Востокѣ, ни на Западѣ силы воспитывать христіанъ также и морально: серьезные и дѣйствительно благочестивые люди обращались на Востокѣ къ богомиламъ, на Западѣ къ патаренамъ и альбигойцамъ. Въ ряды знати и высшихъ общественныхъ слоевъ ворвалось полное религіозное безразличіе, которое считало всѣ положительныя вѣроученія, будь то Тора, будь то Евангеліе или Коранъ, равноцѣнными или даже прямымъ человѣческимъ обманомъ; это міровоззрѣніе съ естественной необходимостью вело къ разрушенію всѣхъ нравственныхъ чувствъ и самому легкомысленному пользованію наслажденіями со стороны духовно высоко одаренныхъ людей. Доказательствомъ этому служатъ тампліеры среди латинянъ и принцы комниновскаго дома среди грековъ. Съ новымъ столѣтіемъ наступило улучшеніе. Духовное возрожденіе вызвалъ въ католическихъ странахъ воистину великій и воистину святой Францискъ Ассизскій своею произведшей міровое впечатлѣніе проповѣдью христіанской бѣдности, а греческое общество несомнѣнно пережило въ XIII в. оздоровительный нравственный процессъ. Страшное національное несчастіе крушенія имперіи имѣло слѣдствіемъ для благородно эллинской націи очищающій процессъ, какъ на малороссовъ такъ же воздѣйствовало въ началѣ

XVII в. польское засилье. Но мы еще далеки хронологически отъ этого духовного переворота. Ко времени смерти Мануила греческое общество находилось еще въ расцвѣтѣ своей грѣховности, и его совершеннѣйшій образецъ—Андроникъ Комнинъ. Его блестящія дарованія были вполнѣ цѣнимы его двоюроднымъ братомъ Мануиломъ, и съ удивительной снисходительностью послѣдній все вновь оказывалъ ему милость и вновь употреблялъ его на службу имперіи послѣ самаго горькаго опыта. Но пылкое честолюбіе этого пламеннаго духа не считалось ни съ какими обстоятельствами и вело Андроника къ безсовѣстной неразборчивости въ выборѣ средствъ. Будучи намѣстникомъ на сербской границѣ, онъ измѣннически завязалъ сношенія съ мадьярами; предводительствуя въ Киликіи, онъ такъ грубо нарушилъ изъ личной злобы свои обязанности, что долженъ былъ бѣжать въ Сирію; дворамъ Багдада и Дамаска онъ выдалъ греческія государственныя тайны; иконійскому султану онъ далъ воспользоваться собою такъ, какъ Давидъ филистимлянамъ. Изъ своего разбойничьяго замка онъ велъ войну на пограничной греческой территоріи и передавалъ плѣнныхъ христіанъ въ качествѣ рабовъ своему покровителю султану. И все-таки благородный Мануилъ простилъ его: послѣ того какъ Андроникъ, который вѣроятно о клятвахъ думалъ такъ же, какъ нѣкогда Лизандръ, торжественно поклялся ему блюсти всегда интересы его и его сына, ему былъ переданъ съ доходами богатый городъ Эней въ Пафлагоніи. Но Андроника морально убила его неудержная чувственная страсть, которой онъ жертвовалъ всѣмъ остальнымъ, и которая отравила въ немъ всѣ лучшія побужденія. Притомъ онъ обладалъ подкупающей любезностью и какимъ-то демоническимъ обаяніемъ, подъ вліяніе котораго безнадежно подпадалъ всякій, кого онъ завлекалъ въ свои сѣти; въ этомъ отношеніи онъ можетъ сравниться только съ обоими геніальными преступниками XVI в., папою Александромъ VI и его сыномъ Цезаремъ Борджіа. Особенно женщины были преданы ему на жизнь и на смерть: прекрасныя царевны его дома, женщины греческаго дворянства и французскихъ княжескихъ дворовъ Сиріи и Палестины дарили его попеременно своимъ благоволеніемъ. Настоящая вѣрность и горячая любовь нашлись у него только для одной: для іерусалимской королевы-вдовы Θеодоры изъ дома Комниновъ, его близкой родственницы. Оба сохраняли по отношенію другъ къ другу трогательную вѣрность, вмѣстѣ питались хлѣбомъ изгнанія и стойко выдерживали проклятія духовенства (какъ вступившіе въ бракъ родственники); но оба находились, какъ нѣкогда Антоній и Клеопатра, въ возрастѣ, когда подобныя любовныя приключенія вызываютъ только улыбку. Таковъ былъ этотъ удивительный человѣкъ, котораго мы не можемъ измѣрить нашимъ обычнымъ

масштабомъ. Однако, одно остается несомнѣннымъ: моральная безпринципность сдѣлала его проклятіемъ имперіи, человѣка, который могъ быть для нея благословеніемъ.

2 мая **1182** г. вспыхнуло возстаніе противъ франкской регентши Маріи. Національно настроенная часть народа и дворянства, а также и православный клиръ объявили спасителемъ государства 67-лѣтняго Андроника Комнина. Онъ появился передъ Халкидономъ, чтобы избавить молодого императора отъ его плохихъ совѣтниковъ. То, что латиняне предоставили себя въ распоряженіе правительства, имѣло своимъ слѣдствіемъ переходъ къ возмутившимся побѣдоноснаго героя Андроника Контостефана и его флота. Произошелъ рѣшительный взрывъ національной ненависти. Латинскіе кварталы подверглись нападенію толпы. Со свойственною грекамъ страстью къ убійствамъ были продѣланы ужаснѣйшія жестокости по отношенію къ мужчинамъ и женщинамъ, духовнымъ и свѣтскимъ, даже къ дѣтямъ и больнымъ. Шаблонная всемірная исторія слишкомъ легко поддается вліянію конечнаго результата и поэтому совершенно аналогичныя дѣйствія она оцѣниваетъ діаметрально противоположнымъ образомъ: „сицилійская вечерня" считается благороднымъ освободительнымъ актомъ, а для подобныхъ же дѣйствій малоазіатовъ во время Митридата Великаго, сипаевъ въ Индіи и грековъ въ 1182 г. нашлись слова только самаго суроваго осужденія. Какъ ни справедливо послѣднее, надо все-таки считаться со вскормленною поколѣніями ненавистью народа, высасываемаго и притѣсняемаго безсовѣстными купцами и капиталистами. Эта дикая національная ненависть, которой греки дали такое отвратительное выраженіе, не явилась случайно, но была вызвана ни съ чѣмъ не считающимся поведеніемъ латинянъ: послѣдніе испытали то, что заслужили своими дѣлами. Презираемые „туземцы" пошли еще разъ, хотя и напрасно, противъ неумолимой судьбы.

2 мая **1182**

1182

Андроникъ „Освободитель" былъ теперь всемогущимъ регентомъ. Въ октябрѣ 1183 г. онъ былъ коронованъ соимператоромъ; 1183
въ сентябрѣ 1184 г. несчастный Алексѣй былъ задушенъ. Все 1184
правленіе **Андроника I Комнина** представляетъ изъ себя ужасную цѣпь арестовъ, ослѣпленій, казней и конфискацій. Эта столь претящая намъ сторона византинизма, казалось на первый взглядъ, но, конечно, только на первый взглядъ, воплотилась въ старикѣ, который къ тому же разыгрывалъ роль благочестиваго. Фалльмерайеръ далъ впервые правильную оцѣнку его. Тогдашняя ромейская имперія такъ была разъѣдена и такъ подгнила до самыхъ своихъ основъ, что ее можно было исцѣлить только путемъ примѣненія геройскихъ средствъ. Все болѣе и болѣе развивающійся со временъ македонской династіи феодализмъ былъ зломъ, разъѣдающимъ имперію. Крупное дворянское землевладѣніе было безспорно на пути къ уничтоженію свободнаго крестьянства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разрушенію той основы,

на которой покоился государственный бытъ. Андроника можно сравнить съ императоромъ Тиверіемъ: его ярость и кровавые приговоры были направлены почти исключительно на императорскій домъ, на высшую военную и административную знать. Послѣдняя безусловно заслужила того, чтобы произвести чистку въ ея гнилыхъ рядахъ. Если бы ему было суждено дольше дѣйствовать, онъ возстановилъ бы просвѣщенный деспотизмъ императоровъ VIII вѣка и положилъ бы такой же конецъ византійскому феодализму, какъ Цезарь Борджіа господству бароновъ въ церковной области. Андроникъ имѣлъ задатки, чтобы стать при другихъ обстоятельствахъ и съ болѣе серьезнымъ чувствомъ монархическаго долга вторымъ Василіемъ Болгаробойцей. Исторію Андроника писали жестоко уязвленные имъ враги аристократы, но и они, однако, не могутъ отрицать, что его управленіе внутренними дѣлами было прямо таки образцовымъ: податная тягость была облегчена, покупка должностей отмѣнена; роскошныя и дорогія придворныя празднества прекратились; судьями онъ назначалъ честныхъ и неподкупныхъ людей; податнымъ и таможеннымъ чиновникамъ онъ повысилъ жалованье, чтобы сдѣлать ихъ менѣе доступными подкупу. При томъ онъ самъ былъ въ высшей степени общителенъ: самый малый имѣлъ къ нему свободный доступъ. Можетъ показаться, что старый императоръ какъ-будто хотѣлъ своимъ образцовымъ правленіемъ похоронить память о страшныхъ преступленіяхъ своей юности и вступленія на престолъ; онъ былъ на лучшемъ пути, чтобы стать популярнымъ и въ провинціяхъ, когда вспыхнулъ мятежъ, вдохновляемый азіатскимъ дворянствомъ и руководимый очень вліятельнымъ домомъ Ангеловъ. Феодальное дворянство боролось за свое существованіе: новый вводимый Андроникомъ режимъ означалъ его уничтоженіе. Лопадій, Никея, Пруса отпали; но первый былъ обратно завоеванъ зи-
1185 мою 1185 г. Алексѣемъ Враной, остальные города лично выступившимъ весною въ походъ императоромъ. Возмутившихся повстанцевъ постигла суровая по заслугамъ кара; только Исаака Ангела Андроникъ пощадилъ на свою гибель. Исаакъ Комнинъ, по боковой линіи происходившій изъ императорскаго дома,
1184 побудилъ Кипръ отпасть и въ 1184 г. объявилъ себя независимымъ самодержцемъ. Но подобные бунты были обычнымъ явленіемъ въ Византіи, и они не погубили бы Андроника. Опасность пришла съ Запада.

Вскорѣ послѣ кровавой константинопольской бани 1182 г. убѣжавшіе на своихъ судахъ итальянцы начали пиратскую войну, грабя побережье до Солуня и предавая огню церкви и монастыри. Но венеціанскіе и пизанскіе купцы бездѣйствовали. Тѣмъ энергичнѣе
1166- вооружался Вильгельмъ II Сицилійскій (1166—1189). Въ іюнѣ
1189 1185 г. къ Диррахію поплыла армада изъ 200 судовъ подъ пред-

водительствомъ адмирала Маргаритоне и графа Танкреда Лекскаго, впослѣдствіи послѣдняго норманнскаго короля. Греческій генералъ Іоаннъ Врана не осмѣлился сразиться съ сильной и испытанной въ бояхъ норманнской арміей. Диррахій былъ взятъ штурмомъ. Тогда нападающія войска раздѣлились: сухопутная армія пошла безъ остановокъ на Солунь, а 15 августа передъ гаванью этого второго по значенію города имперіи появился и флотъ. Многочисленные не-греки въ средѣ населенія были ненадежны. 24 августа графъ Альдоино взялъ штурмомъ нижній городъ, и латиняне помня о вечернѣ 1182 г. страшно отомстили грекамъ. Эти ручьи крови, пролитые тогдашней національной ненавистью, сдѣлали незалѣчимымъ навсегда разрывъ между половинами культурнаго міра.

Подъ угнетающимъ впечатлѣніемъ этихъ извѣстій, въ Константинополѣ произошла перемѣна настроенія. Дворянство и привилегированные, сдерживаемые въ своемъ хищничествѣ императоромъ, давно мечтали о мести. Но когда онъ ограничилъ издержки на общественныя игры и не сталъ удостаивать ихъ, какъ это было принято, своимъ присутствіемъ, зароптал и народъ, для котораго онъ былъ любимцемъ до тѣхъ поръ, пока демагогически потворствовалъ его разнузданнымъ страстямъ. Андроникъ въ своемъ пренебреженіи къ людямъ не оцѣнилъ грозившей ему опасности. Въ воздухѣ рѣяла буря, и изъ-за мелочи разразился неудержимый ураганъ. Императоръ пощадилъ главу дома Ангеловъ, трусливаго и безхарактернаго Исаака, считая его вполнѣ безопаснымъ. Завѣдующій полиціей Агіохристофоритъ хотѣлъ арестовать Исаака на основаніи собственныхъ полномочій. Но послѣдній со смѣлостью смертельнаго отчаянія бѣжалъ въ убѣжище св. Софіи. Всѣ слои населенія стекались туда; произошли—неслыханное событіе—бурные выборы императора народомъ.

12 сентября 1185 г. Исаакъ Ангелъ былъ провозглашенъ 12 сен.
императоромъ. Андроникъ лишь теперь поспѣшилъ въ столицу 1185
изъ своей мелодійской дачи. При остротѣ своего не обманывающагося взгляда, онъ не строилъ себѣ никакихъ иллюзій: онъ понялъ, что все потеряно, и хотѣлъ бѣжать на кораблѣ въ Россію. Но задержанный неблагопріятными вѣтрами, онъ попалъ въ руки сыщиковъ Исаака. Исаакъ показалъ свое полное отсутствіе честности, когда онъ прежде всего допустилъ при дворѣ оскорбительныя дѣйствія надъ сверженнымъ и скованнымъ противникомъ со стороны смертельно враждебной ему знати. Въ тюрьмѣ Андронику отрубили правую руку и выкололи одинъ глазъ. Вслѣдъ за тѣмъ состоялось шумное шествіе по улицамъ столицы, и безчеловѣчная толпа, среди которой, какъ въ эпоху французской революціи, женщины совершали самое отвратительное, могла насытить на бѣдной жертвѣ свою животную жестокость. Наконецъ, ужасно изувѣченнаго, еще дышащаго старика повѣсили за обѣ

ноги на ипподромѣ. У него не вырвалось ни одного звука страданія. Безостановочно только повторялъ онъ слова: „Господи, помилуй меня; зачѣмъ вы сокрушаете сломанную трость!“ Со смертью Андроника греческую народность постигла та судьба, которую она заслужила.

1185-1195 Итакъ, **Исаакъ II Ангелъ (1185—1195)**, олицетворенная злая совѣсть, усѣлся на подгнившемъ императорскомъ тронѣ. Прежде всего онъ долженъ былъ пойти навстрѣчу норманнской опасности, вызванной греческимъ національнымъ подъемомъ. Но опасность оказалась менѣе значительной, чѣмъ полагали. Безпутная жизнь и обильное потребленіе винограда вызвали среди норманновъ злокачественныя болѣзни, отъ которыхъ ихъ войска сильно порѣдѣли. Къ этому присоединились задоръ и беззаботность, которымъ суждено было привести къ гибели прежнихъ побѣдителей. Исаакъ былъ настолько уменъ, чтобы поставить во главѣ оборонительной арміи лучшаго греческаго генерала Алексѣя Врану. Послѣ удачнаго
7 нояб. 1185 сраженія при Мосинополѣ, послѣдній одержалъ 7 ноября 1185 г. кровавую побѣду при Димитрицѣ, которая отдала въ его руки норманнскихъ предводителей и 4000 человѣкъ; остатки спаслись въ паническомъ бѣгствѣ въ Солунь, а отсюда въ Диррахій или на
1186 свои корабли. Въ 1186 г. владѣнія норманновъ были ограничены Диррахіемъ и іоническими островами. Но Диррахій и даже Корфу
1191 греки снова пріобрѣли въ 1191 г. Только Кефалонія и Закинѳъ остались въ рукахъ адмирала Маргаритоне въ качествѣ сицилійскихъ леновъ. Таковъ былъ скудный результатъ предпріятія, начатаго съ такими большими надеждами.

Рѣшительная реакція, вторгшаяся въ государственное и финансовое управленіе, была естественнымъ слѣдствіемъ, которое не можетъ лечь пятномъ на императора Исаака. Не осталось никакихъ слѣдовъ отъ благодѣтельныхъ реформъ Андроника. Золотые ручьи опять потекли въ карманы дворянства и высшаго чиновничества. Исаакъ любилъ блестящій дворъ и шумныя празднества. И это тоже поглощало невѣроятныя суммы.
1183 Съ мадьярами, занявшими въ 1183 г. во время правленія Андроника греческую Далмацію, Исаакъ заключилъ миръ и вступилъ въ бракъ съ десятилѣтнею дочерью короля Маргаритою. Всѣ провинціи были обложены чрезвычайнымъ налогомъ для празднованія этого великаго событія, несущаго счастье народамъ. Особенно сурово дѣйствовали чиновники фиска около Анхіала и на Балканахъ среди болгаръ и влаховъ. Народъ возсталъ въ дикой ярости. Во главѣ движенія стали Петръ и Іоаннъ Асѣни, два благородныхъ боярина, которые гордились своимъ происхожденіемъ отъ національныхъ царей, какъ это часто бываетъ у героевъ революціи. Когда съ ними и ихъ требованіями оскорбительно обошлись въ Византіи, они собрали народъ въ тырновской церкви

св. Димитрія. Прозорливые монахи объявили, что святой покинулъ опозоренную норманнами Солунь и несетъ теперь спасеніе болгарамъ. Среди глубокаго одушевленія Калопетръ былъ коронованъ царемъ болгаровъ и грековъ, а Василій назначенъ автокефальнымъ тырновскимъ архіепископомъ. Исаакъ тотчасъ отправился въ походъ противъ нихъ и въ 1186 г. разбилъ толпы 1186
бунтовщиковъ. Но Асѣнь вступилъ въ союзъ съ половцами. Севастократоръ Іоаннъ, однако, снова побѣдоносно дѣйствовалъ противъ болгаръ. Конечно, недовѣрчивое правительство отозвало его, а его преемникъ Іоаннъ Кантакузинъ въ гордой беззаботности далъ болгарамъ разбить себя; его армія была разсѣяна. Посланный затѣмъ Алексѣй Врана провозгласилъ себя въ Адріанополѣ императоромъ, но былъ вскорѣ убитъ въ поединкѣ зятемъ императора маркграфомъ Конрадомъ Монферратскимъ.

Въ бояхъ слѣдующихъ лѣтъ болгары укрѣпили свое положеніе. Въ союзѣ съ половцами они простирали свои набѣги до Адріанополя и Македоніи. Горечь долго угнетаемаго народа нашла себѣ выходъ въ ужасныхъ жестокостяхъ; ихъ союзники половцы выказали ту же самую страсть къ убійствамъ. Греки были стерты приверженцами Асѣней съ лица земли въ этихъ мѣстностяхъ и, какъ это и нынѣ имѣетъ мѣсто, ограничены побережьемъ и нѣсколькими отдѣльными пунктами внутри страны. Для грековъ было настоящимъ счастьемъ, что имъ удалось взять въ плѣнъ болгарскую царицу: вслѣдствіе этого, по крайней мѣрѣ временно 1188 году была 1188
прервана перемиріемъ убійственная мелкая война съ болгарами.

Возстановленіе національно греческой великодержавной имперіи сдѣлали навсегда невозможнымъ не крестоносцы, но сельджуки въ Азіи и болгары и влахи въ Европѣ. Теперь существовала между Балканами и Дунаемъ независимая Болгарія. Дѣло Цимисхія и Василія было уничтожено. Процессъ разложенія имперіи начался.

Какимъ бы жалкимъ правителемъ ни былъ Исаакъ, онъ все же незаслуженно поплатился за грѣхи своихъ предшественниковъ, какъ во время норманнской войны, такъ и во время третьяго крестоваго похода. Нѣкогда въ стремленіи стать великимъ человѣкомъ Мануилъ I Комнинъ гнался за призраками и рѣшительно разрушилъ поэтому дружественныя отношенія къ западному императору, столь важныя политически. Можно поэтому понять, что, когда ужасная вѣсть о паденіи Іерусалима (въ іюлѣ 1187 г.) еще разъ вызвала энтузіазмъ въ за- 1187
щиту креста, византійскій императоръ ожидалъ съ боязливымъ опасеніемъ приближенія своего германскаго брата Фридриха Барбароссы. Между тѣмъ германскій императоръ лояльнѣйшимъ образомъ велъ въ 1188 г. въ Нюрнбергѣ переговоры о про- 1188

пускѣ и выслалъ впередъ очень значительное посольство. Но безграничная трусость византійскаго императора привела его къ безразсуднѣйшему образу дѣйствій: когда къ границамъ имперіи приблизились 80.000 главныхъ германскихъ силъ, Исаакъ заключилъ съ смертельнымъ врагомъ креста Саладиномъ формальный союзъ, остріе котораго было направлено противъ крестоносцевъ, и унизился до того, что отвелъ мусульманамъ мечеть въ столицѣ [1]). Къ тому же въ безсильной дерзости императорская канцелярія оскорбила гордаго героя, ребя-
1189 чески употребивъ титулъ „великій князь Германіи". 26 августа 1189 г. Фридрихъ достигъ Филиппополя; отъ живущихъ здѣсь армянскихъ купцовъ онъ получилъ подробныя свѣдѣнія о полномъ упадкѣ имперіи. Греки относились въ высшей степени враждебно къ крестоносному войску и нападали на отдѣльныя его части въ лѣсахъ и въ горахъ. Напротивъ, сербскій князь Стефанъ Нѣманя въ высшей степени гостепріимно привѣтствовалъ Фридриха въ Нишѣ, а болгарскіе князья предложили свой союзъ, чтобы съ 40.000 болгаръ и кумановъ помочь ему при взятіи Царьграда. Но императоръ, вѣрный своему обѣту, не хотѣлъ потерять изъ виду основную задачу своего похода ниспроверженіемъ христіанскаго государства. Его энергичное поведеніе въ такой степени импонировало византійскому слабосильному монарху, что онъ велѣлъ согласно договору безпрепятственно переправить крестоносцевъ въ
1190 мартѣ 1190 г. въ Азію. На азіатской почвѣ греки продолжали относиться къ крестоносцамъ также коварно. И все-же нѣмцы опять сдѣлали для нихъ самое лучшее. Постоянный бичъ ѳракисій-
18 мая скoй ѳемы—сельджуки были разбиты на голову 18 мая 1190 г. у
1190 Иконія, и ихъ столица была взята штурмомъ. Ослабленіе сельджуковъ принесло грекамъ пользу. Однако, Исаакъ не былъ похожъ на Алексѣя I Комнина, который сумѣлъ бы тотчасъ по мѣрѣ силъ использовать благопріятное стеченіе обстоятельствъ.

Напротивъ, по отношенію къ итальянскимъ морскимъ республикамъ императоръ повелъ разумную политику, соотвѣтствовавшую плохому состоянію государства. Такъ какъ норманны вступили
1186 въ союзъ съ Кипромъ и въ 1186 г. разбили греческій флотъ, то императорское правительство, стремясь уничтожить воспоминанія
1187 о 1182 г., заключило въ 1187 г. формальный союзъ съ Венеціей при условіи возстановленія и расширенія старыхъ привилегій;

---

[1]) Изъ этого факта нельзя дѣлать неразумнаго вывода о благотворной вѣротерпимости грековъ и т. д.: по общему сужденію и грековъ и Запада той эпохи, это было измѣной Божьему дѣлу. Этотъ фактъ надо отмѣтить, какъ первый симптомъ той безумной ненависти, которая впослѣдствіи заставляла грековъ говорить, что лучше принять турецкую вѣру, чѣмъ латинскую; и все изъ-за Filioque!

точно также **Исаакъ** подтвердилъ всѣ старыя преимущества пизанцамъ въ 1192 г. и генуезцамъ въ 1193 г. 1192-1193

Что касается отношеній къ болгарамъ, то въ 1190 г. **Исаакъ** потерпѣлъ при Верріи тяжелое пораженіе; Варна, Анхіалъ, Нишъ и Средѣцъ были уступлены непріятелю. Зато ему удалось разбить въ 1193 г. при Моравѣ гордаго сербскаго князя **Нѣманю**. Но 1193 соединенныя силы болгаръ, кумановъ и влаховъ нанесли ему чувствительное пораженіе въ 1194 г. при Аркадіополѣ. 1194

Къ этому присоединилась угроза имперіи со стороны германскаго императора **Генриха** VI, который далъ острое выраженіе своему справедливому возмущенію византійской политикой со времени **Мануила**, и потребовалъ себѣ, какъ наслѣднику норманнскихъ князей, Диррахій и Солунь.

Исаакъ Ангелъ занятый планами организаціи новаго бол- 10 апр. гарскаго похода, былъ 10 апрѣля 1195 г. свергнутъ и ослѣпленъ 1195 своимъ собственнымъ братомъ **Алексѣемъ III Ангеломъ (1195—1203)**. 1195-1203 Перемѣна не была улучшеніемъ.

Правда, вслѣдствіе смерти **Саладина** государство освободилось въ 1193 г. отъ страшнаго врага; но **Генрихъ** VI занялъ 1193 тѣмъ болѣе угрожающую позицію. **Алексѣй** довольно безразсудно самъ бросилъ вызовъ венеціанцамъ, медля въ 1196 г. съ подтвержде- 1196 ніемъ ихъ привилегій: въ этомъ было тѣмъ менѣе политическаго смысла, что только съ ихъ помощью онъ могъ противостоять германо-норманнскому перевѣсу силъ; къ тому же достоинство дожа было возложено съ 1193 г. на **Энрико Дандоло**, первостепеннаго политика, но человѣка, который ни въ коемъ случаѣ не былъ дружественно настроенъ по отношенію къ Византіи, и котораго не слѣдовало раздражать. Византійскій кабинетъ былъ такимъ образомъ снова вполнѣ изолированъ, когда осенью 1196 г. явились послы императора **Генриха** и предъявили испуганному императору самыя унизительныя требованія. Чтобы избѣгнуть большихъ территоріальныхъ уступкокъ, онъ долженъ былъ согласиться на платежъ дани, и только первоначальное требованіе 5.000 фунтовъ золота было уменьшено до 1.500. Только смерть **Генриха** въ 1197 г. освободила ромейскій народъ, къ его великой радости, отъ 1197 „алеманнской подати“.

Правленіе **Алексѣя**, гордо называвшаго себя **Комниномъ**, ни въ коемъ случаѣ не было лучше правленія его брата **Исаака**. Что адмиралъ **Стрифнъ** продалъ съ аукціона старые корабли и негодные матеріалы, совсѣмъ не было само по себѣ такъ дурно, какъ въ томъ насъ хочетъ убѣдить **Никита Хоніатъ**; чисто византійской чертой этого дѣла было лишь то, что вырученныя суммы потекли въ карманы этого высокаго сановника, вмѣсто того, чтобы быть употребленными на новыя заготовки. Императоръ и дворъ были тайными участниками прибылей пиратовъ на Черномъ морѣ. Конечно,

по представленіямъ румскаго султана должны были быть вознаграждены хотя бы его подданные, страдавшіе отъ грабежей.

Съ болгарами императоръ не могъ заключить мира вслѣдствіе безстыдства ихъ условій. У Серръ греческое войско потерпѣло
1196 пораженіе. Между тѣмъ въ тырновскомъ дворцѣ палъ въ 1196 г. страшный для грековъ Іоаннъ Асѣнь I отъ руки своего довѣреннаго Иванки, любовника сестры царицы Елены; убійца бѣжалъ къ византійцамъ. Въ Болгаріи за кратковременнымъ правленіемъ Калопетра (†1197) слѣдуетъ непримири-
1197 мый врагъ грековъ Калоянъ (1197—1207), который вслѣдствіе
1207 своего коварства, жестокости и безжалостной суровости, соединенныхъ съ большимъ политическимъ смысломъ, сталъ для грековъ такимъ же страшнымъ, какимъ былъ когда то для болгаръ Василій II. И въ Македоніи поднялись болгары. Алексѣй не могъ побѣдить боярина Добромира Стрѣза и женилъ его на своей родственницѣ. Иванко, называвшійся въ качествѣ грека Алексѣемъ, правда, разбилъ болгаръ при Филиппополѣ, но измѣнилъ грекамъ, какъ когда-то его соплеменники, и былъ схваченъ
1200 лишь въ 1200 г., послѣ того какъ прошелъ до Эгейскаго моря,
1201 предавая все огню и мечу. Когда, наконецъ, въ 1201 г. возмутился и племянникъ императора Мануилъ Камицъ, греки заключили съ болгарами въ высшей степени выгодный для послѣднихъ миръ, по которому въ ихъ владѣнія переходили всѣ завоеванія отъ Бѣлграда до Чернаго моря и до Вардара. Важнымъ политическимъ ходомъ Калояна была унія съ Римомъ, заключенная послѣ длительныхъ переговоровъ, и конечно, совсѣмъ не серьезно задуманная. Посланный папой Иннокентіемъ III кардиналъ-легатъ Левъ поставилъ Василія примасомъ Болгаріи, привезъ митрополитамъ палліи и епископамъ—все чистокровные
8 нояб. болгаре—митры. 8 ноября 1204 г. Калоянъ былъ торжественно
1204 коронованъ кардиналомъ.

Въ то время какъ въ Европѣ дѣла принимали такимъ образомъ въ высшей степени неблагопріятный для ромеевъ оборотъ, въ Азіи надо было непрестанно бороться съ сельджуками и бунтовавшими принцами. Завлекаемые выгодными предложеніями султана Кай-Хусрау I, греческіе подданные массами поселялись въ его странѣ. Конечно, эти бѣдняки скоро видѣли, что горько обманулись, и въ несравненно болѣе тяжеломъ гнетѣ они получали достойную награду за свою измѣну имперіи.

Надменность итальянскихъ купцовъ становилась невыносимой. Генуэзецъ Гаффоре, на котораго великимъ адмираломъ былъ наложенъ денежный штрафъ, сдѣлался пиратомъ и громилъ беззащитные острова и побережья. Пользовавшійся столь же дурною славой калабріецъ Джіованни Стиріоне былъ принятъ въ званіи вице-адмирала на императорскую службу и смогъ, наконецъ, въ

1198 г. уничтожить Гаффоре при помощи пизанцевъ. Но зять последняго Ветрано, продолжалъ пиратскую войну, а примѣненные вслѣдствіе этого греческимъ правительствомъ репрессіи по отношенію къ генуэзцамъ повели къ долгимъ переговорамъ, и въ концѣ концовъ имперія должна была опять вознаграждать за убытки. Предпочтеніе, оказанное императоромъ пизанцамъ, вызвало гнѣвъ могущественныхъ венеціанцевъ. Роковымъ было то обстоятельство, что императоръ не сумѣлъ сойтись съ могучимъ Дандоло. 1198

Разложеніе имперіи дѣлало все большіе успѣхи. Честолюбивые вельможи въ отдѣльныхъ провинціяхъ старались стать независимыми тираннами; самый извѣстный среди нихъ—Левъ Сгуръ, навплійскій архонтъ, который занялъ въ 1202 г. Аргосъ, а вскорѣ Коринѳъ. 1202
Въ 1203 г. онъ двинулся на Аѳины; но геройское сопротивленіе митрополита Михаила Акомината спасло акрополь. Ѳивы, напротивъ, тотчасъ капитулировали. Но у Ѳермопилъ онъ былъ побѣжденъ опытными въ бояхъ рыцарями новаго солунскаго короля, Бонифація Монферратскаго. Подобную же полу-независимую позицію занялъ въ Трапезунтѣ армянскій домъ Габеровъ, потомки старыхъ таронскихъ князей, въ качествѣ „герцоговъ Халдіи". Кантакузины, Враны, Мелиссины и др. обладали обширными ленами и латифундіями въ Эпирѣ и Этоліи. Короче говоря, имперія все болѣе сама принимала феодальный видъ, котораго печать окончательно должно было наложить на нее франкское завоеваніе. 1203

Рокъ все болѣе нависалъ надъ имперіей. Филиппу Швабскому, мужу Ирины, дочери сведеннаго съ престола Исаака, были пока связаны руки германскимъ претендентомъ на престолъ. Но событія пришли въ движеніе, когда великій папа Иннокентій III сумѣлъ вновь организованной проповѣдью одушевить для завоеванія Св. Земли столь же благочестивое, сколь воинственное и готовое къ жертвамъ французское дворянство. Истинно государственной была мысль великаго папы могучимъ нападеніемъ на Александрію и Египетъ поразить въ самое сердце государство Эюбидовъ, владѣвшее Іерусалимомъ. Въ Венеціи собрались франкскіе и фландрскіе крестоносцы, чтобы вести переговоры о перевозѣ войскъ съ дожемъ господствующей надъ моремъ республики. Но Энрико Дандоло заботился о поддержаніи наилучшихъ отношеній съ Египтомъ, благодаря чему приходящіе въ страну Нила драгоцѣнные товары Восточной Азіи направлялись въ Венецію: тѣ религіозныя цѣли, которыя носились передъ папой и которыя одушевляли благородныхъ франковъ, были вполнѣ чужды и безразличны этому геніальному властителю, носившему въ себѣ, однако, чисто купеческую душу. Къ тому же 24 мая 1201 г. умеръ одушевленный идеей крестоваго похода вождь рыцарей, графъ Тибо Шампанскій, и маршалъ Виллардуинъ (Villehardouin) провелъ выборъ маркграфа Бонифація II Монферратскаго, врага грековъ, преслѣдо- 24 мая 1201

1201 вашаго только политическія цѣли. Уже въ мартѣ 1201 г. сумѣлъ Энрико Дандоло всецѣло подчинить своимъ интересамъ и планамъ и безъ того вполнѣ зависѣвшихъ въ финансовомъ отношеніи отъ республики рыцарей, заключивъ съ крестоносцами договоръ, настоящій образецъ дипломатической ловкости. Великій папа насквозь видѣлъ своего противника и соглашался одобрить договоръ только подъ условіемъ, что походъ не долженъ быть направленнымъ противъ христіанъ; но Венеція рѣшительно отказалась согласиться на это обязательство. Такъ было постыднымъ образомъ использовано въ политическихъ видахъ Венеціи религіозное одушевленіе крестоносцевъ, подобно тому какъ это сдѣлали дипломаты Вѣнскаго конгресса съ жертвами, принесенными со стороны народовъ ради національной идеи въ 1813 и 1815 гг. Случай помогъ венеціанцамъ. Сынъ Исаака Алексѣй бѣжалъ на Западъ съ помощью пизанцевъ. Папа Иннокентій былъ въ достаточной степени корректенъ, чтобы его не принять; но зять царевича Филиппъ Швабскій принялъ его съ распростертыми объятіями. Среди крестоносцевъ многіе были изъ рейнскихъ областей, и маркграфъ Бонифацій находился съ Филиппомъ въ хорошихъ отношеніяхъ; такимъ образомъ желаніе послѣдняго возстановить на престолѣ Исаака и его сына, такъ удачно соотвѣтствовавшее планамъ Дандоло, было благосклонно принято въ лагерѣ крестоносцевъ. Протестъ Иннокентія III не былъ услышанъ, а противъ его легата Дандоло выступилъ съ такой энергіей, что понемногу стало всякому ясно, что положеніе дѣлъ находится всецѣло въ рукахъ дожа; онъ и использовалъ выгоды этого положенія по мѣрѣ
1202 силъ. Въ началѣ октября 1202 г. крестоносный флотъ вышелъ въ море и занялъ уже въ ноябрѣ далматинскую Зару, принадлежавшую благочестивому Эмериху Венгерскому. Венеціанцамъ не помѣшало въ ихъ безпощадномъ преслѣдованіи своихъ торгово-политическихъ интересовъ то, что послѣдній самъ былъ крестоносцемъ.

Весь этотъ походъ, направленный Венеціей противъ Византіи, имѣетъ въ исторіи только одну параллель въ англійской морской экспедиціи, имѣвшей слѣдствіемъ аннексію Египта: оба раза таилась одинаково большая неискренность въ скрываніи истинныхъ политическихъ конечныхъ цѣлей. Интересно также, что политическое руководство обѣими аферами было поручено настойчивымъ старцамъ, имѣвшимъ большой государственный опытъ. Римъ отлучилъ отъ церкви венеціанцевъ и объявилъ крестоносцамъ, что не ихъ дѣломъ является наказывать грековъ и ихъ императора за ихъ грѣхи. Но царевичъ Алексѣй обѣщалъ 200.000 марокъ серебра, 10.000 человѣкъ вспомогательнаго войска для войны съ невѣрными въ теченіе одного года и унію съ римскою церковью, условія въ высшей степени умѣренныя и разумныя. У многихъ крестоносцевъ еще говорила совѣсть. Но искусныя убѣжденія дожа и марк-

графа, и прежде всего надежда на безмѣрную добычу смягчили, за небольшими исключеніями, рыцарей, находившихся по большей части въ неважномъ финансовомъ положеніи. Дѣло Божіе пало жертвой маммонѣ.

Дандоло и Бонифацій руководили предпріятіемъ съ дѣйствительно достойной удивленія осмотрительностью. Авангардъ венеціанскаго флота занялъ въ апрѣлѣ 1203 г. Диррахій. Уже 1203
27 іюня флотъ, везшій 40.000 солдатъ бросилъ якорь напротивъ императорской резиденціи у Скутари, древняго Хрисополя.

Императоръ стянулъ въ столицу противъ врага армію приблизительно въ 60.000 человѣкъ; но довѣриться можно было только варягамъ. Лишь въ послѣдній моментъ стали думать объ исправленіи стѣнъ и приведеніи въ порядокъ слабаго и ветхаго флота. Штурмъ былъ начатъ противъ предмѣстья Перы. 6 іюля пала крѣпкая Галатская башня. Когда былъ организованъ штурмъ противъ самой столицы, храбрый зять императора Θеодоръ Ласкарь, варяги и враги Венеціи пизанцы защищались геройски. 17 іюля императоръ почти по принужденію рѣшился на вылазку; она разбилась о храбрость франковъ. Жалкій императоръ бѣжалъ въ Девельтъ, захвативъ царскія драгоцѣнности и сокровищницу. Тогда завѣдующій государственной казной Константинъ вывелъ изъ тюрьмы слѣпого **Исаака II Ангела** и объявилъ его снова императоромъ вмѣстѣ съ его сыномъ **Алексѣемъ IV** (**18 іюля 1203—28 января** 1203-
1204). Царевичъ, сопровождаемый баронами, совершилъ свой тор- 1204
жественный въѣздъ въ столицу.

Предводители крестоноснаго войска остановились во Влахернскомъ императорскомъ дворцѣ, крестоносцы заняли городъ. Между тѣмъ по просьбѣ императора Исаака ихъ лагерь былъ перенесенъ на Галатскую равнину, а флотъ бросилъ якорь у Перы, послѣ того какъ Дандоло приказалъ снести часть городской стѣны. Алексѣй IV получилъ франкскій отрядъ тѣлохранителей. Предварительно греки уплатили 100.000 марокъ; венеціанцы тотчасъ взяли половину себѣ, а изъ остальныхъ вычли 35.000 марокъ за долги пилигримовъ.

Всеобщее раздраженіе господствовало среди близорукихъ крестоносцевъ. Они не понимали знаменій времени, хотя уже наступило теперь то состояніе, которое должно было продлиться два съ половиной столѣтія: отъ милости итальянскихъ купцовъ вполнѣ зависѣли и имперія и ея государь, будь то франки или греки, несмотря на высокій тонъ, который по временамъ принимали послѣдніе; они пали какъ только Венеція покинула ихъ или, говоря точнѣе, вынуждена была ихъ покинуть вслѣдствіе сочетанія торговополитическихъ обстоятельствъ. Старое отношеніе перевернулось: прежніе слуги стали господами[1]).

---

[1]) *C. Hopf*: Griechische Geschichte, I 151.

Обоимъ императорамъ принадлежала только столица, провинціи повиновались еще отступившему въ Адріанополь Алексѣю III. Вскорѣ вспыхнуло народное греческое возстаніе, и жертвою его сдѣлались торговые склады пизанцевъ и амальфитанцевъ, а также турецкая мечеть. Къ этому присоединился страшный пожаръ въ городѣ. Пока Алексѣй IV съ помощью франковъ покорялъ Ѳракію, вельможи столицы думали о сопротивленіи и возстановляли городскія стѣны. Исааку II и Алексѣю IV понемногу стало надоѣдать безстыдство франковъ; масла въ огонь подлили грубыя слова Дандоло молодому императору: „скверный мальчишка, мы вытащили тебя изъ грязи, и мы опять тебя бросимъ туда обратно". Во главѣ управленія имперіей сталъ смѣлый и отважный Алексѣй Дука Мурзуфлъ, родственникъ императорскаго дома. Греки произвели изъ столицы нѣсколько, хотя и неудачныхъ, нападеній. Но въ лагерѣ франковъ свирѣпствовалъ голодъ. 25 января дѣло дошло до революціи. Знать, клиръ и народъ собрались на выборы императора, входившіе мало-по-малу въ привычку. Послѣ того какъ безъ согласія патріарха 28 января былъ помазанъ императоромъ Николай Канавъ, 5 февраля 1204 Мур-
5 фев. 1204 зуфлъ былъ торжественно коронованъ патріархомъ, какъ законный римскій императоръ **Алексѣй V**. Алексѣй IV былъ задушенъ, его несчастный отецъ умеръ отъ ужаса. Гнилые компромиссы исчезли: греки и латиняне стояли другъ противъ друга, какъ смертельные враги. Новый императоръ тотчасъ отказался отъ дальнѣйшихъ платежей и потребовалъ ухода крестоносцевъ. Война стала неизбѣжна. Нападеніе, произведенное на возвращавшихся изъ богатаго города Филеи на Черномъ морѣ съ неимовѣрной добычей франковъ, было такъ неудачно, что въ руки Пьерра де-Брашейля попалъ палладіумъ имперіи, носимый патріархомъ образъ Панагіи Одигитріи, произведеніе евангелиста Луки. Мартъ прошелъ во внушительныхъ приготовленіяхъ франковъ; строились сильныя осадныя машины и штурмовыя лѣстницы. Но Алексѣй V руководилъ защитой съ осмотрительностью и безстрашіемъ. Первый штурмъ франковъ не удался. Главный штурмъ былъ произведенъ 12 апрѣля. Варяги защищались съ львиной храбростью. Но двѣ башни пали; Пьерръ Амьенскій выбилъ однѣ изъ городскихъ воротъ. Напрасно старался герой-императоръ овладѣть всеобщей паникой. Какъ всегда въ эпохи глубокаго паденія, народы слагаютъ всю вину несчастія на своихъ политическихъ руководителей, или приписываютъ ее измѣнѣ военныхъ вождей; такъ происходитъ и съ Алексѣемъ V: въ народѣ возникла уже мысль о его низложеніи; съ разбитымъ сердцемъ и самъ онъ убѣждается, что дѣло отечества проиграно. Онъ бѣжитъ черезъ Золотыя ворота, „чтобы не стать пищей дышащихъ местью латинскихъ челюстей". Остатокъ патріотовъ хочетъ избрать въ св. Софіи императоромъ Ѳеодора Дуку или Ѳеодора Лас-

каря. Но всякій призывъ къ вторичному сопротивленію разбивается о малодушное отчаяніе народа и индифферентизмъ наемниковъ. Ласкарь бѣжитъ въ Малую Азію. Напрасно молили Бонифація милости жалкіе остатки населенія: гордая Византія должна была испить до дна чашу горечи. Неудержима была ярость разнузданнаго войска, ворвавшагося въ ея улицы: „лозунгомъ венеціанцевъ было грабить и дѣлать деньгу, французовъ—издѣваться и безчестить, нѣмцевъ—пировать и громить“. Хуже всего хозяйничали западные колонисты, которые до того времени обирали подданныхъ императора, а теперь ужаснѣе всего свирѣпствовали, какъ убійцы.

Уже въ мартѣ 1204 г. былъ заключенъ договоръ о раздѣлѣ, Мартъ 1204
по которому на долю новаго императора падала четверть имперіи, а нація, у которой ускользнула корона, получила для своего клира патріархатъ и неизмѣримыя земельныя владѣнія св. Софіи. Остальныя три четверти должны были быть раздѣлены между венеціанцами и рыцарями. Душой всего новаго порядка былъ высоко превозносимый Дандоло. Подъ вліяніемъ голаго, но въ высшей степени близорукаго венеціанскаго меркантилизма онъ заботился только о денежныхъ интересахъ республики, и изъ безразсуднѣйшей боязни сильной латинской имперіи онъ создалъ пустякъ, недостойный увидѣть свѣтъ солнца: латинская имперія была съ самаго начала смертельно слабой, жизненно усталой машиной, и все ея существованіе было длительной болѣзнью, непрестаннымъ умираніемъ.

Дандоло воспрепятствовалъ выбрать императоромъ дѣльнаго и энергичнаго Бонифація. Гибкаго же и талантливаго Балдуина Фландрскаго онъ съ самаго начала сдѣлалъ призрачнымъ императоромъ, склонивши его посредствомъ своего призыва къ его добротѣ передать Бонифацію всѣ земли по ту сторону Босфора и „l'île de Griesse“. Такъ все отъ начала созрѣло къ паденію. Только венеціанцы умѣли повсюду проводить свои собственные частные интересы со всей рѣшительностью купеческой олигархіи. Вопреки протестамъ французскаго клира Ѳома Морозини сдѣлался патріархомъ, и тринадцать венеціанскихъ клириковъ были назначены канониками при св. Софіи. Внѣшне унія была достигнута: гордый вселенскій патріархатъ согнулся передъ старымъ Римомъ. На самомъ же дѣлѣ господствовали приблизительно такіе же порядки, какъ въ Ирландіи во времена господства англиканской церкви. Многочисленный латинскій клиръ съ малой паствой или совсѣмъ безъ нея питался доходами богатыхъ бенефицій; но обѣднѣвшая православная іерархія имѣла за собою народъ, утѣшала его подъ чужеземнымъ игомъ и не давала заснуть мысли о будущемъ возрожденіи.

Здѣсь не мѣсто набросать даже поверхностно картину преобразованій отдѣльныхъ провинцій старой абсолютной имперіи въ форму западнаго леннаго государства, какъ это образцово сдѣлалъ

Hopf. Для культурной исторіи XIII и XIV в.в. или для экономической исторіи Леванта это важная глава. Здѣсь мы разсматриваемъ исключительно политическую исторію византійскаго народа; а къ ней принадлежитъ исторія латинской имперіи, солунскихъ королей, герцоговъ Аѳинъ и Ахайи въ столь же малой степени, какъ исторія румскихъ сельджуковъ или египетскихъ мамелюковъ, которые, вѣдь, тоже предали варварству части прежней Византійской имперіи.

———

VIII. Никейская имперія (1204—1261).

Съ образованіемъ франкскихъ ленныхъ государствъ были не-
обходимымъ образомъ связаны многовластіе и раздробленіе всѣхъ
боевыхъ силъ; а это препятствовало, къ великому счастію грековъ,
всякому совмѣстному дѣйствію и концентраціи латинскихъ тиран-
новъ. Послѣдній патріотъ, Алексѣй V Мурзуфлъ былъ ослѣ-
пленъ по повелѣнію Алексѣя III, съ которымъ онъ хотѣлъ
соединиться для совмѣстной борьбы, а крестоносцы, захвативъ
героическаго противника, выказали свою грубость въ томъ, что
свергли его съ колонны Ѳеодосія, какъ клятвопреступнаго убійцу
императора Алексѣя IV. Безстыднаго Алексѣя III и достой-
ную его жену Евфросину сослали, по милости короля Бони-
фація, для пріятной дачной жизни въ Алмиръ. Зато энергичнѣе
и счастливѣе оказались другіе греческіе вельможи. Михаилъ
Ангелъ Комнинъ, побочный двоюродный братъ Ангеловъ,
овладѣлъ въ 1204 г. никопольской ѳемой и мощной рукою сталъ 1204
совершенно независимо отъ латинянъ управлять Эпирскимъ деспо-
татомъ, простиравшимся отъ Навпакта до Диррахія. Еще болѣе
возвеличиться въ исторіи суждено было имени Ѳеодора Ласкаря.
Онъ кинулся въ Виѳинію и пытался спасти для ромеевъ Азію, но
въ Филадельфіи выступилъ претендентъ Ѳеодоръ Манкафа, на
Родосѣ сталъ независимымъ правителемъ Левъ Гавала, а въ
долинѣ Меандра — Мануилъ Маврозомъ. Никея затворила
свои ворота передъ Ласкаремъ изъ ненависти къ его тестю,
Алексѣю III. Осенью 1204 г. крестоносцы закончили всѣ свои 1204
приготовленія къ завоеванію Малой Азіи, получивъ подкрѣпленіе
со стороны 10.000 возвращавшихся изъ Палестины паломниковъ.
Напрасно вступилъ Ласкарь въ союзъ съ сельджуками Рума и
филадельфійскимъ императоромъ. Пьерръ де-Брашейль одер-
жалъ 6 декабря 1204 г. надъ нимъ побѣду при Пиманенѣ и за- Дек.
нялъ Лопадій, Аполлонію и Никомидію. Устояла только крѣпкая 1204
Пруса. Тѣмъ временемъ со стороны Абидоса дѣйствовалъ графъ
Генрихъ, который и одолѣлъ 12 марта 1205 года Манкафу. 1205

Казалось, все погибло, когда неожиданное извѣстіе о плѣненіи императора Балдуина болгарами, позволило облегченно вздохнуть стѣсненному деспоту Θеодору.

Калоянъ, „истребитель ромеевъ", всячески пытался сойтись съ латинянами. Съ презрѣніемъ и насмѣшками отвергнутый ими, онъ задумалъ мщеніе, которое и не замедлило выразиться въ ужаснѣйшихъ формахъ. Изъ фанатической ненависти къ латинянамъ греки Романіи заключили союзъ со смертельнымъ врагомъ своей народности. Калоянъ обѣщалъ помощь со всѣмъ своимъ войскомъ и 10.000 кумановъ. Во всей только-что покоренной Романіи греки подняли возстаніе. Императоръ и Дандоло тотчасъ же выступили въ походъ, но съ недостаточными силами, и осадили Адріанополь. Тогда появился Калоянъ со своимъ численно далеко превосходнымъ войскомъ и нанесъ франкамъ пораженіе на голову; спасшіеся отъ ужасной рѣзни бѣжали въ Пропонтиду. Этимъ страшнымъ днемъ окончилось франкское господство въ Романіи. Императоръ Балдуинъ умеръ въ болгарскомъ плѣну. Калоянъ, огорченный тѣмъ, что греки скоро стали вновь переходить къ латинянамъ, избивалъ въ послѣдующіе годы несчастный народъ. Историкъ Никита оплакиваетъ развалины нѣкогда столь цвѣтущихъ городовъ и ужасное истребленіе цвѣтущихъ полей и садовъ, превратившихся въ убѣжища не людей, а хищныхъ звѣрей. Вся Македонія подпала ярости болгарскаго князя. Филиппополь, Ираклія, Паній, Редестъ, Харіуполь, Траянополь, Макра, Клавдіополь, Мосинополь, Периθеорій и многіе другіе города были имъ завоеваны и вырѣзаны, а остатки несчастныхъ жителей уведены въ дунайскую Болгарію. Калоянъ заявлялъ, что онъ хочетъ отомстить императору Василію за его злодѣянія надъ болгарами. Если Василія называли Болгароктономъ, то Калоянъ звалъ себя
1207 Ромэоктономъ [1]). Въ 1207 г. онъ умеръ подъ стѣнами Солуня. Благочестивая греческая легенда приписала его смерть удару копья національнаго патрона св. Димитрія. Но болгарскій народъ всегда чтилъ память „великаго, благочестивѣйшаго" царя.

Пока такимъ образомъ у новаго императора, Генриха, ра-
1204- боты было полныя руки, **Θеодоръ I Ласкарь** былъ торжественно
1222 избранъ императоромъ въ Никеѣ, которая стала сборнымъ пунк-
1206 томъ греческой аристократіи и высшаго духовенства. Въ 1206 году онъ былъ коронованъ новымъ патріархомъ Михаиломъ. Противъ Давида Комнина онъ соединился съ сельджуками; послѣдніе
1205 разбили въ 1205 г. Алексѣя, Давидова брата, подъ стѣнами Амиса, въ то время какъ самъ Θеодоръ одержалъ у Сангарія побѣду надъ генераломъ Давида Синадиномъ. Тогда Давидъ

---

[1]) Георгій Акрополитъ р. 26 ed. Bonn. „Иванъ-Собака", „Σκυλοϊωάννης" звали его греки l. c. p. 26 и 237 (p. 23, 24 ed *Heisenberg*).

вступилъ въ союзъ съ франками. Тѣмъ не менѣе Андроникъ Гидонъ разсѣялъ въ 1206 году подъ Никомидіей ихъ вспомогатель- 1206
ный корпусъ. Когда однако въ концѣ 1206 года энергичный императоръ Генрихъ снарядилъ въ Азію сильную экспедицію и взялъ Кизикъ, Никомидію, Хараксъ и Кивотъ, то Ласкарю пришлось обратиться за помощью къ болгарскому царю Калояну и тѣмъ самымъ принудить латинянъ къ раздробленію боевыхъ силъ. Межъ тѣмъ бѣжалъ къ сельджукамъ негодный тесть Ласкаря Алексѣй III, и сельджуки потребовали отъ Ѳеодора признать старика законнымъ императоромъ. Быстро добился Ѳеодоръ соглашенія съ
латинянами, заключивъ въ 1207 году двухлѣтнее перемиріе съ 1207
императоромъ Генрихомъ. Въ 1209 г. онъ побѣдилъ грознаго 1209
Пьерра де-Брашейль; послѣдній былъ затѣмъ низко убитъ
раздраженными греками. Въ 1211 году Ѳеодоръ, подкрѣпленный 1211
франкскими наемниками, на голову разбилъ осаждавшаго Антіохію Кай-Хусрау и взялъ въ плѣнъ и его и стараго Алексѣя III. Послѣднему предоставили—наказаніе слишкомъ мягкое для этого грѣховодника—оплакивать за монастырской стѣной свои безчисленныя злодѣйства. Турокъ заставили уступить въ пользу грековъ значительную часть азіатскаго побережья. Не по сердцу было это франкамъ. Поэтому Генрихъ выступилъ въ походъ противъ
Ѳеодора и, разбивъ его при Лупаркѣ, проникъ даже въ 1212 1212
году въ глубь Малой Азіи. Зато на сѣверѣ никейскій государь оттѣснилъ далеко къ востоку франкскаго вассала, Давида Комнина, и оставилъ ему только княжество Синопъ. Императоры Византіи и Никеи заключили вскорѣ миръ. Сильную поддержку нашелъ императоръ Ѳеодоръ въ своемъ оберъ-каммергерѣ Іоаннѣ Дукѣ Ватацѣ, женившемся въ 1212 году на дочери императора Иринѣ. Величайшимъ также счастьемъ для грековъ была смерть высокоталантливаго и неутомимаго латинскаго императора Ген-
риха, послѣдовавшая 11 іюня 1216 г. въ Солунѣ. По отношенію 1216
къ слабому регентству въ Константинополѣ руки у Ѳеодора отнынѣ
были развязаны. Когда въ 1222 г. послѣдовала и его смерть, то 1222
подъ его скипетромъ оказалась объединенной вся западная часть Малой Азіи, за исключеніемъ незначительнаго франкскаго клочка въ Виѳиніи. Владѣнія сельджуковъ начинались лишь у верховьевъ Сангарія и Меандра.

Вмѣсто малолѣтняго сына Ѳеодора, Константина, императорскій тронъ занялъ съ общаго согласія **Іоаннъ III Дука**
Ватацъ (1222 — 1254), столь же отличный полководецъ, какъ и **1222-**
правитель. При немъ Малая Азія основательно отдохнула отъ **1254**
хищническаго хозяйничанья Ангеловъ. Національное униженіе и позоръ иноземнаго латинскаго ига развязали въ эллинской народности цѣлую массу связанныхъ силъ. Обнаружилось, что за мощные таланты таила она еще въ себѣ.

Не менѣе счастливо, чѣмъ Ласкари въ Азіи, руководили въ Европѣ Ангелы мощной реакціей воспрянувшаго греческаго элемента противъ франкскаго владычества.

Въ Эпирѣ наслѣдовалъ Михаилу его тиранническій и грубый, но весьма талантливый братъ Ѳеодоръ Дука Ангелъ. За счетъ болгаръ и латинянъ расширилъ онъ во всѣ стороны свое греческое владычество. Судя по весьма важной перепискѣ Димитрія Хоматіана, патріоты Запада смотрѣли на него, какъ на своего избавителя и освободителя отъ франкскаго и славянскаго
1221 ига. Въ 1221 году Ѳеодоръ напалъ на королевство Солунь, гдѣ
1222 правилъ слабый Димитрій, и въ 1222 г. была взята столица этого королевства, Солунь, къ нескончаемому восторгу грековъ. Такъ какъ митрополитъ этого города не рѣшался нарушить прерогативы вселенскаго патріархата, то автокефальный архіепископъ Ахриды Димитрій Хоматіанъ торжественно короновалъ Ѳеодора императоромъ Запада. Границы государства были отодвинуты за счетъ болгаръ вплоть до Адріанополя, Филиппополя и Христополя; національный болгарскій епископатъ повсюду былъ вытѣсненъ греческимъ. На одномъ провинціальномъ соборѣ, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ Димитрія, кроткій и разумный епископъ Моглены едва-едва провелъ, чтобы признали по крайней мѣрѣ дѣйствительными посвященія, совершенныя православными славянскими епископами: близоруко фанатичная греческая партія со своимъ главаремъ, митрополитомъ Касторіи,— правда, что безуспѣшно — не хотѣла допускать даже такихъ послабленій. Такая умѣренность показываетъ, что тогдашняя архіепископская курія Ахриды обладала въ этомъ трудномъ вопросѣ значительно большей церковно-политической мудростью, чѣмъ Фанаръ нашихъ дней.

Патріархъ никейскій Германъ II не безъ основанія, кажется, бросалъ, не взирая на бурные протесты, упрекъ Димитрію Хоматіану въ томъ, что онъ стремится къ учрежденію западнаго патріаршества: вѣдь, солунскіе греки въ церковной и государственной политикѣ расходились съ никейцами и по цѣли и по тактикѣ. Ни одинъ изъ этихъ столь могучихъ и властныхъ характеровъ, какъ Ѳеодоръ и Іоаннъ III, не могъ подчиниться другому.
1224 Оба впрочемъ дѣйствовали въ 1224 г. одинаково побѣдоносно противъ смертельно усталой Латинской имперіи. Ѳеодоръ разбилъ у Серръ императора Роберта съ его баронами, а Ватацъ у Пиманена — французовъ подъ командой Макарія де-С.-Менеў (Ménéhoult). Ватацъ занялъ даже малоазіатскія твердыни франковъ, завоевалъ Косъ, Икарію, Самосъ, Хіосъ и Лесбосъ, заставилъ платить ему дань Родосъ и разграбилъ приморскія владѣнія венеціанцевъ. Одинъ отрядъ, руководимый протостраторомъ Исомъ и Іоанномъ Камицемъ переправился черезъ Геллеспонтъ и

занялъ, по призыву жителей, Адріанополь. Тутъ однако столкнулись уже сферы интересовъ обоихъ честолюбивыхъ ромейскихъ императоровъ. Θеодоръ выгналъ никейскія войска изъ Адріанополя, и Ватацъ, занятый въ Азіи, заключилъ тогда съ латинянами миръ, а Θеодоръ въ свою очередь вступилъ въ союзъ съ болгарами.

Въ это время большую опасность представлялъ для грековъ новый болгарскій царь Іоаннъ Асѣнь II (1218—1241); „великій 1218-и благочестивый царь, сынъ древняго царя Асѣня, своей сильной 1241 любовью къ Богу украсилъ болгарское царство больше всѣхъ своихъ предшественниковъ“ [1]). Эту похвалу болгарскаго монаха подкрѣпляетъ сообщеніе греческаго великаго логоѳета: [2]) „Всѣ считали его мужемъ достойнымъ удивленія и ублажали его. Ибо не вынималъ онъ изъ ноженъ меча противъ своихъ соотечественниковъ и не запятналъ себя кровавыми дѣяніями надъ ромеями, подобно своимъ предшественникамъ среди болгарскихъ князей. Потому былъ онъ любимъ не только болгарами, но и ромеями и другими народами“. Дѣйствительно, этотъ благочестивый князь проявилъ съ истинно-государственной мудростью полнѣйшую терпимость даже по отношенію къ богомиламъ. Физически и морально обанкротившееся латинское правительство Византіи хотѣло послѣ смерти императора Роберта въ 1228 г. передать Асѣню опеку надъ несовершенно- 1228 лѣтнимъ Балдуиномъ II, шагъ во всѣхъ отношеніяхъ правильный: недаромъ онъ вызвалъ величайшее безпокойство при дворахъ солунскомъ и никейскомъ. Асѣнь охотно соглашался на это и обѣщалъ латинянамъ вырвать у Ватаца Θракію. Къ счастью для грековъ, это назначеніе православнаго регентомъ разстроилось, благодаря оппозиціи латинскаго духовенства. Храбрый, но въ государственномъ отношеніи неспособный Жанъ де-Бріеннъ не представлялъ опасности для Никеи. Солунскій императоръ Θеодоръ Дука, съ которымъ Асѣнь заключилъ союзъ, порвалъ изъ пустого высокомѣрія дружбу съ великимъ царемъ и вторгнулся съ сильнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ грековъ и франкскихъ наемниковъ, во Θракію. Въ апрѣлѣ 1230 г. клятвопреступный грекъ— 1230 Асѣнь носилъ на копьѣ, какъ знамя, грамоту нарушеннаго договора—былъ на голову разбитъ при Клокотницѣ и взятъ въ плѣнъ. Царь обошелся милостиво и съ простыми воинами и съ Θеодоромъ; но когда послѣдній попытался произвести смуту въ Болгаріи, то былъ ослѣпленъ. Большая часть имперіи Ангеловъ перешла во власть болгаръ, и царь Асѣнь своей добротой и человѣколюбіемъ быстро завоевалъ сердца своихъ новыхъ подданныхъ.

---

[1]) *Jiriček*: Geschichte der Bulgaren S. 248 и сл.

[2]) Георгій Акрополитъ p. 46 sqq. ed. Bonn (p. 43 ed. *Heisenberg*); сравн. русск. перев. стр. 50.

Солунь и остатки эпирскаго деспотата изъ милости были оставлены брату Θеодора, тоже высокоодаренному „императору" Мануилу, женатому на внѣбрачной дочери Асѣня, Маріи. Надпись собора въ Тырново прославляетъ дѣла этого великаго царя [1]).

Между тѣмъ Ватацъ неутомимо дѣйствовалъ противъ венеціанцевъ и франковъ. Пытался онъ также покорить Льва Гавалу Родосскаго и оказать помощь со своимъ флотомъ озлобленнымъ на венеціанское хозяйничанье критянамъ. Но Гавала подчинился республикѣ, и высадившаяся на Критъ греческая армія была въ
1235 1235 году разбита венеціанцами. Для борьбы противъ Константи-
1234 нополя Ватацъ заключилъ въ 1234 г. союзъ съ царемъ Асѣ-
1235 немъ и взялъ и разрушилъ въ 1235 году венеціанскій Каллиполь.

Союзъ двухъ царскихъ фамилій былъ закрѣпленъ взаимными брачными помолвками. Тогда же патріархъ Германъ II, съ согласія остальныхъ патріарховъ, торжественно возвелъ архіепископа тырновскаго Іоакима въ санъ автокефальнаго болгарскаго патріарха. Затѣмъ оба государя обратились противъ латинянъ; между Пропонтидой и Эбромъ никейцы сдѣлали быстрые успѣхи. Затрудни-
1236 тельное положеніе вызвало въ 1236 году еще разъ подъемъ среди латинянъ. Мелочные купцы Генуи, Пизы и особенно венеціанцы поняли, что дѣло идетъ не только о существованіи латинской имперіи, но и о существованіи ихъ торговли; послалъ помощь и герцогъ ахейскій. Благодаря этому, де-Бріеннъ побѣдилъ болгаръ на сушѣ, а венеціанцы грековъ на морѣ. Константинополь былъ спасенъ, особенно когда вслѣдъ за тѣмъ распался греко-болгарскій союзъ. При такомъ положеніи дѣлъ горемычный Балдуинъ II могъ еще 25 лѣтъ вести свое нищенское существованіе. Торгуя реликвіями своихъ соборовъ и монастырскихъ церквей, разъѣзжалъ онъ по Западу и тутъ нашелъ въ лицѣ Людовика Св. особенно ревностнаго покупателя своихъ священныхъ сокровищъ искусства. Этотъ монархъ выплатилъ и долгъ за заложенный въ Венеціи терновый вѣнецъ. Все это не препятствовало успѣхамъ Ва-

[1]) „Въ лѣто 6738 индикта Ш азъ Іоаннъ Асѣнь, въ Христа Бога вѣрны царь и самодрьжець блъгаромь, сынь стараго Асѣнѣ царѣ, създахъ отъ зачала и писанпемь украсихъ до конца прѣчьстнуу сію црьковь во имя святыхъ 40 мученикъ, ихже помощию въ 12-е лѣто царства моего, въ неже лѣто писашеся храмъ съ, излѣзахъ на брань въ Романію и разбихъ войску грьцку и самого царѣ кюр Θеодора Комнина яхъ съ вьсѣми болѣры его, а земя вся пріяхъ отъ Одрина и до Драчѣ грьцку еще же арбанаску и срьбскуу, тькмо сущымъ градовомъ окрьстъ Царѣграда и самого того града дрьжаху фрузи, нъ и тѣ подъ руку царства моего повиновахуся, понеже иного царѣ не имѣху развѣ мене и мьное ради дни своя непровожающе бѣху, Богу тако повелѣвьшу, ибо безъ Него ни дѣло ни слово съврьшаеться. Тому слава въ вѣкы аминь" *Х. С. Даскаловъ*: Открытія въ древней столицѣ болгарской, Тырновѣ (Чт. Моск. Общ. Ист. 1859, II, 18). *Раковскій*: Іоаннъ Асѣнь, 9. (*В.Б.*).

тацa: онъ отнялъ у франковъ ихъ послѣднія владѣнія на азіатской почвѣ. Въ 1240 г. бѣдный Балдуинъ продалъ свои по- 1240
слѣднія родовыя имѣнія для найма крестоноснаго войска и дѣйствительно отнялъ вновь у грековъ важный Цурулъ. Въ 1241 году одержали надъ греками и венеціанцы блестящую морскую побѣду. Но въ томъ же году Ватацъ вступилъ въ союзъ съ Фридрихомъ II, женившись на его дочери Аннѣ. Въ отместку латиняне примкнули къ Кай-Хусрау II Румскому, обѣщавшему имъ принять христіанство. Между тѣмъ паническій ужасъ передъ монгольскими ордами, которыя затопили мусульманскій Востокъ, Арменію и Иверію, разгромили Россію и сразу опрокинули Венгрію, заставилъ малоазійскихъ князей забыть всѣ политическіе раздоры и религіозные споры. Великій Комнинъ Трапезунтскій поспѣшилъ примкнуть къ Румскому султану; въ 1244 г. заключилъ съ нимъ въ Триполи союзъ 1244
и Ватацъ и тѣмъ самымъ сразу лишилъ латинянъ сельджукской поддержки. Но сельджуки были разбиты при Арзнга (Ерсиньянѣ) монголами, и послѣдніе проникли до Анкиры; тяжелой данью выкупилъ себѣ Румъ пощаду. Плоды паденія Иконійскаго султаната пожали греки Трапезунта и Никеи. Поддерживая добрыя отношенія съ монголами, Ватацъ устремился въ Европу на Ангеловъ. Тамъ въ это время все перепуталось. Михаилъ II, внѣбрачный сынъ Михаила I, объявилъ себя независимымъ правителемъ въ Корфу и на западѣ, а ослѣпленный Θеодоръ Дука, выпущенный изъ болгарскаго плѣна, пытался съ помощью своего сына Іоанна вырвать имперію у Мануила. Мануилъ примкнулъ къ Никейской имперіи, но скоро умеръ, и тутъ-то выступилъ Ватацъ. Стараго Θеодора заманили въ 1242 году въ Никею; за- 1242
тѣмъ Ватацъ переправился въ Европу и съ сильнымъ войскомъ осадилъ Солунь; однако, взять крѣпкій городъ безъ флота онъ не могъ. Тогда пошли на компромиссъ. Іоаннъ Ангелъ отказался отъ императорскаго титула и призналъ себя съ званіемъ „деспота" вассаломъ никейскаго императора. Но уже въ 1244 году онъ умеръ, и дурное правленіе его брата и преемника Димитрія дало Ватацу желанный предлогъ къ вмѣшательству: въ 1246 году онъ 1246
перешелъ Геллеспонтъ. Внезапная смерть юнаго царя болгаръ Каллимана, сына и преемника Іоанна Асѣня, представила Ватацу удобный случай, чтобы отнять у болгаръ Серры, Меле免никъ, Стенимахъ и всю сѣверную Македонію. Когда затѣмъ Ватацъ вторично появился подъ стѣнами Солуня, Димитрій сдался, не медля. Тріумфаторомъ вернулся въ декабрѣ 1246 года Іоаннъ III 1246
въ Никею, а въ 1247 г. онъ отнялъ у латинянъ Визію и Цурулъ. 1247
Въ главныхъ чертахъ реставрація имперіи ромеевъ совершилась.

Въ то же время этотъ воинъ герой безъ устали работалъ и надъ внутреннимъ подъемомъ своего государства: онъ поощрялъ земледѣліе, которымъ съ любовью и знаніемъ занимался

и самъ; онъ регулировалъ финансы, защищалъ и поддерживалъ торговлю и греческую шелковую промышленность. Плохія отношенія были у императора только съ ненавистными итальянскими купцами, но безъ нихъ греки не могли уже больше обойтись. По наущенію стараго Θеодора Дуки Ангела, послѣдній независимый греческій деспотъ, Михаилъ Эпирскій, объявилъ себя въ
1253 1253 г. противникомъ Ватаца. Не взирая на храброе сопротивленіе въ Θессаліи и Южной Македоніи, императоръ неудержимо
1254 двигался впередъ. Въ 1254 г. пала важная Касторія, вскорѣ затѣмъ и господствующій надъ горными проходами въ Албанію Деаволъ (Дѣволъ). Албанцы взбунтовались. Тогда Михаилъ въ
1254 1254 году долженъ былъ признать верховенство могучаго императора Никеи, а старый интриганъ Θеодоръ отправился въ монастырь.

На обратномъ пути съ эпиротской войны настигла могучаго
1254- императора смерть у Нимфея близъ Эфеса, 30 октября 1254 г.
1258 Ему наслѣдовалъ его способный сынъ **Θеодоръ II Ласкарь**, который въ управленіи государствомъ держался безусловно славныхъ традицій своего отца, а именно создалъ, не угнетая тяжелыми налогами, цвѣтущіе финансы, и выказывалъ себя въ то же время другомъ ученаго образованія. Не смотря на болѣзненность, онъ былъ отличнымъ воиномъ. Болгарскій царь Михаилъ Асѣнь, мечтавшій о реваншѣ за завоеванія Ватаца, вновь овладѣлъ замками родоп-
1255 скихъ горъ и Верхней Македоніи. Въ 1255 г. Θеодоръ выступилъ въ походъ противъ него. Пораженіе своего генерала Алексѣя при Серрахъ Θеодоръ вполнѣ загладилъ блестящей побѣдой въ Рупелійскомъ проходѣ. Вновь вернулъ онъ себѣ потерянныя области и принудилъ Асѣня послѣ вторичной побѣды въ
1256 1256 году къ миру, причемъ посредникомъ явился сербскій ко-
1257 роль Стефанъ Урошъ I. Смерть Михаила въ 1257 году и скоро затѣмъ послѣдовавшее замѣщеніе его сербомъ Константиномъ, женившимся на дочери императора, Иринѣ, создали здѣсь добрыя отношенія.

Тѣмъ непокорнѣе оказался Михаилъ Эпирскій, у котораго, правда, императоръ, съ чисто византійской хитростью отнялъ, въ качествѣ вѣна за женитьбу Михаилова сына Никифора на его дочери Маріи, важные города Сервію и Диррахій. Михаилъ заключилъ союзъ съ албанцами и сербами; никейскій намѣстникъ въ Европѣ, великій логоθетъ Георгій Акрополитъ, человѣкъ болѣе склонный къ перу, чѣмъ къ мечу, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Даже отличнѣйшій генералъ Θеодора, Михаилъ Палеологъ, ничего не могъ подѣлать въ крайне
1258 затруднительной горной войнѣ. Вдругъ въ 1258 году въ Магнесіи у Гермона умираетъ Θеодоръ II Ласкарь. Неразумно назначилъ онъ императоромъ своего несовершеннолѣтняго сына **Іоанна IV**

Ласкаря подъ опекой протовестіарія Музалона и патріарха Арсенія. Столь бурное время не терпѣло правленія дитяти. Одной истинно-византійской выходкой регентъ крайне озлобилъ иноземныхъ наемниковъ: онъ отказалъ имъ въ денежномъ подаркѣ, обѣщанномъ еще при Θеодорѣ. Музалонъ и его семья пали кровавой жертвой военнаго бунта. Тогда аристократія, духовенство и армія поставили во главѣ правленія имперіей Михаила Палеолога съ титуломъ деспота. Родъ Палеологовъ уже со дней Алексѣя I оказывалъ важныя услуги имперіи. Ватацъ отлично понялъ большія военныя способности Михаила и женилъ его на своей племянницѣ Θеодорѣ Дукенѣ. Θеодоръ II Ласкарь, не безъ основанія, всегда былъ преисполненъ подозрѣнія къ честолюбивому и лишенному угрызеній совѣсти генералу. Тѣмъ не менѣе онъ ввѣрялъ ему важные административные посты, а великая ловкость Михаила умѣла въ весьма критическіе моменты избѣгнуть угрожающихъ опасностей. Тѣмъ самымъ чувство лойяльности по отношенію къ династіи у Михаила было сильно расшатано, и надлежало бы знать императору, что клятвы не имѣютъ связующей силы для византійца. Такъ и тутъ оказалась напрасной попытка патріарха Арсенія связать регента клятвой, чтобы онъ сохранилъ корону для дома Ласкаря. Тогдашнее бурное время требовало на тронѣ преисполненныхъ силъ воиновъ. Гарантія права на престолъ за дѣтьми являлась вредомъ для имперіи. Уже 1 января 1259 года **Михаилъ VIII Палеологъ** былъ торже- 1259
ственно коронованъ въ соимператоры. Въ 1261 году несчастнаго Іо- 1261
анна IV ослѣпили и заточили. Скоро обнаружилась необходимость сильной руки для имперіи ромеевъ. Неспокойный Михаилъ Эпирскій, заключивъ союзъ съ Манфредомъ Сицилійскимъ и Вильгельмомъ Виллъардуиномъ Ахейскимъ, угрожалъ Солуни. Тогда Михаилъ Палеологъ, формально вынужденный тѣмъ самымъ воевать, произвелъ быстрое нападеніе. Лѣтомъ 1259 года 1259
его полководцы завоевали Водену и отбросили эпиротовъ обратно за Касторію и Пиндъ. Македонія стала никейской, даже Дѣволъ и Бератъ были взяты. Между тѣмъ подошли вспомогательные отряды изъ Апуліи и Ахайи. Въ октябрѣ 1259 года при Пелагоніи Окт. 1259
закованные въ броню рыцари были разбиты легкой конницей сельджуковъ, славянъ и кумановъ и виθинскими стрѣлками греческаго императора. Деспотъ Великой Влахіи Іоаннъ, внѣбрачный сынъ деспота Михаила, измѣнилъ собственному дѣлу. Особенно тяжелыя потери понесли морейскіе франки. Князь Вильгельмъ попалъ въ плѣнъ къ грекамъ. Пелагонская битва имѣла большія послѣдствія для имперіи. По миру 1262 года Михаилъ былъ ограниченъ своими 1262
родовыми землями. Вильгельма заставили уступить изъ пелопонесскихъ владѣній Монемвасію, Мисиθру и Маину и обѣщать ромеямъ продолжительный миръ.

Тѣмъ временемъ страстное желаніе ромейскаго народа, чтобы
1260 была взята столица, близилось къ своему исполненію. Въ 1260 году Михаилъ перешелъ Гелеспонтъ и вырвалъ у латинянъ ихъ послѣднія владѣнія. На годъ онъ далъ имъ перемиріе, которымъ съ величайшей ловкостью воспользовался самъ для дипломатическихъ ходовъ. Онъ вступилъ въ дружбу съ болгарами и всецѣло привлекъ на свою сторону соперничавшихъ съ венеціанцами генуэзцевъ. Венеціанцы сильно запустили латинскіе интересы изъ-за своей безсердечной торговой политики. Теперь, когда уже было поздно, они стали вооружаться съ лихорадочной поспѣшностью и
1261 призывали на помощь Западъ. Нимфейскій договоръ (января 1261 г.) показываетъ весь умъ Михаила. Постоянныя неудачи Ватаца показали, что морское владычество грековъ прекратилось. Поэтому императоръ оказался вынужденнымъ уступить генуэзцамъ всѣ права и привилегіи, на которыхъ до тѣхъ поръ зиждилось въ Эгейскомъ, Мраморномъ и Черномъ моряхъ владычество венеціанцевъ; однимъ пизанцамъ были позже открыты рынки имперіи и Черное море: венеціанцевъ необходимо было вытѣснить изъ прибыльной левантинской торговли.

Съ отрядомъ всего лишь въ 800 человѣкъ стоялъ на Босфорѣ Алексѣй Стратигопулъ; вдругъ онъ узнаетъ, что венеціанскій podestà Градениго отплылъ со своимъ флотомъ къ Дафнусію. Немедленно греческій генералъ добился соглашенія съ жите-
1261 лями столицы, и 25 іюля 1261 года его воины перелѣзли городскую стѣну. Императоръ Балдуинъ II почти безъ боя бѣжалъ на венеціанской галерѣ въ Евбею. Когда франки и венеціанцы вздумали дать отпоръ въ своихъ кварталахъ, Стратигопулъ поджегъ послѣдніе. Флотъ возвратился, когда уже было поздно. Латиняне, во главѣ со своимъ духовенствомъ и „еретическимъ“ патріархомъ, переселились со всѣмъ своимъ скарбомъ на Евбею и венеціанскіе острова. Такъ, безъ особаго труда, овладѣли, наконецъ, греки и столицей. Старая ромейская имперія была окончательно
1261 возстановлена, и 15 августа **1261** года Михаилъ вошелъ при безмѣрномъ восторгѣ народа въ Константинополь, чтобы вторично принять торжественное коронованіе въ храмѣ Божественной Премудрости. Латинскій позоръ сталъ достояніемъ прошлаго.

Дадимъ здѣсь въ видѣ добавленія краткій очеркъ исторіи Трапезунтской имперіи. Во время той ужасной катастрофы, которая обрушилась на императора Андроника I Комнина и на весь его домъ, нѣкоторымъ преданнымъ династіи лицамъ удалось спасти въ Иверію находившихся въ самомъ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ Алексѣя и Давида, сыновей благороднаго
1184- принца Мануила. Тамъ съ 1184—1212 г. правила тетка обо-
1212 ихъ принцевъ съ материнской стороны, знаменитая царица Тамара, которая основала съ помощью навербованныхъ степныхъ племенъ

эфемерную иверскую великую державу. Будучи не въ ладахъ съ Алексѣемъ III, она снабдила своихъ племянниковъ средствами для основанія особаго государства на римскомъ Востокѣ. Алексѣй былъ провозглашенъ своими воинами императоромъ ромеевъ и вступилъ въ 1204 г. въ Трапезунтъ, гдѣ онъ устроилъ себѣ рези- 1204
денцію и назвался „Великимъ Комниномъ". Между тѣмъ его братъ побѣдоносно проникъ до Пафлагоніи. Повсюду пріобрѣтали братья симпатіи римлянъ. Только князь Амиса Савва, городъ котораго Алексѣй осадилъ, оказывалъ сопротивленіе. Паденіе Византійской имперіи въ 1204 году и основаніе никейской имперіи ничуть не привело къ сближенію между Θеодоромъ Ласкаремъ и Комнинами: наоборотъ, Давидъ пытался использовать временную слабость малоазіатскаго греческаго государства для того, чтобы расширить свое могущество. Но союзъ Θеодора съ сельджуками, побитыми, правда, Алексѣемъ у Амиса, и послѣдовавшая затѣмъ побѣда Θеодора надъ Давидомъ при Сангаріи остановили дальнѣйшіе успѣхи Комниновъ.

Напрасно Давидъ, чтобы защитить Ираклію, сдѣлался вассаломъ латинянъ: ихъ вспомогательный корпусъ былъ истребленъ Θеодоромъ. Въ 1212 году энергичный Ласкарь отторгнулъ у Давида весь Западъ, ограничивъ его княжествомъ Синопскимъ, простиравшимся отъ мыса Карамба до Галиса. Еще опаснѣе стали для Давида нападенія сельджуковъ, явно стремившихся къ морю и взявшихъ штурмомъ въ 1214 году его столицу Синопъ, причемъ 1214
Давидъ, храбро сражаясь, обрѣлъ себѣ смерть. Территорія, изъ которой нѣкогда вышли Комнины, попала на продолжительное время во власть турокъ.

Тѣмъ счастливѣе оборонялся въ Трапезунтѣ отъ турецкихъ натисковъ съ помощью иверовъ братъ Давида Алексѣй. Правда, и ему пришлось платить дань Руму, чтобы не нанести вреда торговлѣ внутри материка для столь важнаго мѣста экспорта, какимъ былъ Трапезунтъ. Новая имперія обнимала приблизительно область древняго Понта Полемонійскаго и простиралась къ востоку до Фасиса. Царствованіе Алексѣя I, дѣльнаго правителя и истиннаго князя по внѣшности, является блестящимъ моментомъ въ скромномъ великолѣпіи Трапезунта. Уже съ его смертью начался нѣкоторый упадокъ: феодализмъ съ его раздорами не далъ развиться упорядоченному государственному строю, а борьба обѣихъ аристократическихъ партій, схоларіевъ и месохалдіевъ, т. е. пришедшей вмѣстѣ съ Комнинами придворной аристократіи съ одной стороны и искони осѣдлой на Востокѣ помѣстной знати съ другой, расшатала имперію. Сначала Алексѣю наслѣдовалъ его зять Андроникъ I Гидонъ, правившій до 1235 года; онъ 1235
храбро бился съ сельджуками. Послѣ краткаго правленія старшаго сына Алексѣя, Іоанна I Аксуха († 1238), бразды правленія 1238

взялъ храбрый Мануилъ I, который въ виду монгольской опасности примкнулъ къ Руму. Третій изъ его сыновей, Іоаннъ II
1282 заключилъ въ 1282 году миръ съ Палеологами и называлъ себя, отстраняя титулъ „императора ромеевъ", императоромъ Востока, Иверіи и заморскихъ земель. Съ внѣшней стороны это была сравнительно спокойная эпоха. Алексѣй II, одинъ изъ отличнѣйшихъ
1297-Комниновъ (1297—1330), отстаивалъ даже оружіемъ свое до-
1330 стоинство отъ генуэзцевъ, которые вели себя на Востокѣ столь же притязательно, какъ и на Босфорѣ. Послѣ его смерти наступили
1333-тяжелыя неурядицы. Вмѣсто несовершеннолѣтняго Мануила II,
1340 правилъ сначала его дядя Василій I (1333—1340), затѣмъ съ 1340 до 1341 года его вдова, византійская принцесса Ирина. Часть аристократіи высказалась противъ этой иностранки, другая часть поддерживала ее. Дѣло дошло до дикихъ уличныхъ свалокъ, во время которыхъ подвергся разрушенію монастырь св. Евгенія, патрона города Трапезунта. Діарбекирскіе турки сдѣлали набѣгъ подъ самыя городскія стѣны и выжгли предмѣстья и конторы иноземныхъ купцовъ. Неудовольствіемъ народа противъ Ирины воспользовалась царевна Анна, дочь Алексѣя II, для того, чтобы захватить престолъ въ іюлѣ 1341 г., но въ сентябрѣ 1342 г. и она была убита. Двукратное правленіе женщинъ, ожесточенныя схватки аристократическихъ партій и ссора съ генуэзцами, которые
1348 въ отместку за испытанныя насилія опустошили въ 1348 г. Керасунтъ: все это ослабило государство. Къ тому же въ княжеской
1349 фамиліи царили прямо-таки позорные нравы. Въ 1349 году революція схоларіевъ посадила на тронъ двѣнадцатилѣтняго Алексѣя III, который, подросши, въ общемъ правилъ хорошо: торго-
1367 вымъ договоромъ съ венеціанцами въ 1367 году онъ уничтожилъ монополію генуэзцевъ и украсилъ городъ церквами и монастырями.
1390 Въ 1390 году онъ оставилъ своему сыну Мануилу III цвѣтущее государство. Мануилъ, присягнувшій въ вѣрности Тимуру, пра-
1417 вилъ послѣ смерти послѣдняго до 1417 года почти независимо.

Начиная съ этого времени, исторія Великихъ Комниновъ является цѣпью подлостей и мерзостей самаго дурного свойства, въ родѣ противоестественнаго порока и отцеубійства; это нравственное одичаніе является ужаснымъ показателемъ полнѣйшаго духовнаго и тѣлеснаго упадка древняго княжескаго рода Комниновъ, который изъ поколѣнія въ поколѣніе наслѣдственно вырождался.

Отцеубійца Іоаннъ IV былъ вынужденъ послѣ паденія Константинополя платить данъ Портѣ. Свой союзъ съ туркоманами Бѣлаго Овна онъ скрѣпилъ бракомъ своей дочери Екатерины (деспина Катонъ) съ великимъ ханомъ Уссунъ-Хасаномъ.
1458 Послѣ его смерти въ 1458 году, бразды правленія взялъ въ руки

его братъ Давидъ, устранивъ отъ трона законнаго наслѣдника. Трусливый и безхарактерный, онъ тѣмъ не менѣе не оставлялъ политическихъ интригъ и искалъ союзовъ; но единственный союзникъ, котораго можно было принимать во вниманіе, туркоманскій ханъ, заключилъ миръ съ турками. Турецкій флотъ блокировалъ Трапезунтъ. Когда подошло сухопутное войско, Давидъ капитулировалъ въ **1461** г. и былъ сосланъ въ Мавроноросъ около Серръ. **1461**
Подозрѣніе въ тайныхъ переговорахъ его съ племянницей, женою великаго хана, озлобило султана. Когда Давидъ съ достоинствомъ отказался принять исламъ, онъ былъ казненъ вмѣстѣ со своимъ племянникомъ и 7 сыновьями. Еще передъ тѣмъ Трапезунтъ превратился въ турецкій городъ. Аристократію и наиболѣе обезпеченныхъ жителей побѣдитель вывелъ въ Стамбулъ; дома и земельныя владѣнія ихъ были розданы на ленныхъ условіяхъ турецкимъ воинамъ. Такъ кончилось черезъ 8 лѣтъ послѣ паденія Константинополя владычество Великихъ Комниновъ, послѣ того какъ они почти въ теченіе трехъ столѣтій поддерживали христіанскую и греческую культуру въ далекомъ восточномъ углу древней имперіи.

IX. Реставрація Палеологовъ и гибель имперіи. (1261—1453).

Далеко не самые худшіе друзья грековъ видѣли истинное начало національнаго несчастія въ обратномъ завоеваніи Константинополя: вмѣстѣ съ нимъ возрождалось несчастное привидѣніе, которое еще сегодня дѣлаетъ новогрековъ неспособными къ практической политикѣ, заставляя ихъ гнаться за туманнымъ образомъ „великой идеи". Безпощадное уничтоженіе греческаго элемента на сѣверѣ и востокѣ болгарами и сельджуками до такой степени численно ослабило націю, что для Византіи стало дѣломъ невозможнымъ утвердить за собой прежнее положеніе великой державы. Но все-таки эллинство въ союзѣ съ дѣятельными обѣими славянскими державами, скрѣпленными съ нимъ самымъ тѣснымъ образомъ въ тѣ сильныя вѣрой времена узами православія, могло бы занять очень почтенное положеніе второстепенной державы, при условіи мудрой экономіи своихъ далеко не неистощимыхъ средствъ и силъ. Вмѣсто этого, уже Михаилъ сталъ гнаться за романтическими фантомами, и чѣмъ плачевнѣе становилось безсиліе его преемниковъ, тѣмъ болѣе развивалась эта безумная манія величія, которая сдѣлала гибнущую Византію предметомъ состраданія и насмѣшки со стороны еще недавно такого варварскаго романогерманскаго Запада, постепенно перерастающаго культурно Новый Римъ.

Михаилъ былъ превосходный дипломатъ и генералъ, но у него не было организаторскаго таланта Ватаца. Со времени Ангеловъ государство наполовину обанкротилось. Примитивное финансовое хозяйство тѣхъ дней не знало займовъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Обыкновенно помогали себѣ порчей монеты. Въ то время, какъ до паденія дома Комниновъ старый полновѣсный византійскій солидъ владѣлъ міровымъ рынкомъ и этимъ немало укрѣплялъ у всѣхъ націй Востока и Запада импонирующее положеніе императора ромеевъ, самъ Ватацъ уменьшилъ содержаніе золота въ монетѣ на одну треть. Эту столь вредную для государственнаго кредита систему Палеологи продолжали съ та-

кимъ рвеніемъ, что уже во второмъ поколѣніи они дошли до имѣющей половинную цѣнность золотой монеты.

Но трудности, которыя массою свалились на голову новаго императора, были также очень велики. Вильгельмъ Ахейскій былъ освобожденъ папой отъ присяги, и тогда началась въ Пелопоннесѣ гибельная для страны пограничная борьба между французами и ромеями. Безпокойнаго эпирскаго князя Михаилъ, напротивъ, принудилъ въ 1265 г. къ уступкѣ Янины. Между 1265
тѣмъ, бѣжавшій Балдуинъ II нашелъ въ 1264 г. союзника въ 1264
лицѣ энергичнаго Манфреда Сицилійскаго, и генуэзскій подеста въ Константинополѣ хотѣлъ передать столицу опять въ руки латинянъ путемъ самой низкой измѣны; это привело къ первому сближенію Михаила съ еще господствующими на морѣ, но теперь очень неполитично вялыми венеціанцами; въ наказаніе генуэзцы были высланы въ Ираклію. У Михаила были враги повсюду. Царица Марія, сестра несчастнаго Іоанна IV, подстрекала противъ него своего мужа Константина. Болгары завоевали Македонію. Но Михаилъ отнялъ у нихъ Филиппополь и Стенимахъ, а затѣмъ и очень важные приморскіе города Анхіалъ и Месимврію. Тогда въ дикомъ бѣшенствѣ царь съ помощью южнорусскихъ татаръ въ 1265 г. такъ опустошилъ 1265
Ѳракію, что долгое время нельзя было замѣтить на поляхъ хлѣбопашца.

Но главная опасность Михаилу угрожала со стороны анжуйцевъ. Графъ Карлъ Прованскій покончилъ въ 1266 г. съ 1266
государствомъ Манфреда, и новое французское королевство обѣихъ Сицилій съ помощью слѣпо преданнаго французскимъ князьямъ папы Климента IV и живущаго подачками императора Балдуина II распространило свое ленное верховенство на Ахайю и возобновило всѣ притязанія норманновъ на части греческой имперіи.

Чтобы предотвратить эту опасность, Михаилъ вступилъ въ сношенія съ куріей. При ея посредничествѣ въ 1267 г. ге- 1267
нуэзцы были возстановлены въ своихъ правахъ; ихъ черноморская торговля тотчасъ испытала неожиданный, въ высшей степени грозный для венеціанцевъ подъемъ. Въ 1275 г. императоръ пожа- 1275
ловалъ фамиліи Цаккаріа городъ Фокею; разработка находящихся тамъ квасцовыхъ залежей доставила этому дому неимовѣрныя богатства.

Теперь, когда было уже поздно, явились и венеціанцы; но въ 1268 г. они получили гораздо менѣе выгодный договоръ на 1268
пять лѣтъ, чѣмъ предложенный имъ въ 1265 г. Императоръ установилъ также, что оба соперника не могутъ рѣшать своихъ спеціальныхъ раздоровъ въ имперскихъ водахъ. Еще разъ имперія показала купцамъ свое значеніе.

Самымъ опаснымъ соперникомъ остался Карлъ Анжуйскій:
1267 въ 1267 г. онъ взялъ Корфу. Со времени смерти Михаила II
1271 Ангела (1271 г.) онъ пріобрѣлъ Иллирійское побережье; ал-
1272 банцы-католики присоединились къ нему, въ 1272 г. сдался Дир-
рахій. Счастьемъ было только то, что римско-католическій пылъ къ обращенію продолжалъ отталкивать православный народъ. Но энергичный провансалецъ умѣлъ пріобрѣсти и симпатіи славянъ, пока царь Константинъ не женился въ 1272 г., послѣ смерти Ирины, на Маріи Палеологъ, которая возвратила обратно,
1273 какъ приданое, Месимврію и Анхіалъ. Въ 1273 г. появилась но-
вая бѣда. Сербы съ 1272 г. распространяли свои завоеванія въ долинѣ верхняго Вардара. Іоаннъ IV Ласкарь бѣжалъ въ Фоджію, гдѣ Карлъ обращался съ нимъ, какъ съ императоромъ, и венеціанцы начали по истеченіи срока договора жестокую пиратскую войну. Тогда, никогда не затрудняющійся отыскиваніемъ новыхъ путей, дипломатъ перенесъ вопросъ на церковную почву.
1274 Папа Григорій X дожилъ до тріумфа: въ **1274** г. на Ліонскомъ
соборѣ посолъ Михаила Георгій Акрополитъ исповѣдалъ римскій символъ вѣры съ „filioque“ и призналъ главенство папы. Чтобы сдерживать Тырновскаго патріарха и автокефальнаго
1272 митрополита Печскаго, онъ подтвердилъ въ 1272 г. сохранившимся
еще въ Синайскомъ монастырѣ хрисовуломъ [1]) всѣ привилегіи Василія II, данныя автокефальной Ахридской церкви. Черезъ это всѣ епархіи обоихъ патріархатовъ были подчинены имѣющему свою резиденцію въ Ахридѣ греческому іерарху и весь клиръ сѣвера, и съ послѣднимъ народы надолго были заняты на пользу имперіи ссорами о границахъ діоцезовъ и національностей. Католизирующая церковная политика императора становится понятной, если принять во вниманіе его стѣсненное политическое положеніе; тѣмъ не менѣе она была тяжелой ошибкой: въ дѣлахъ вѣры православный клиръ повиновался болѣе Богу, чѣмъ людямъ и былъ абсолютно недоступенъ ученію о „полезной экономіи для спасенія многихъ душъ“. Уже ранѣе упрямый патріархъ Арсеній отлучилъ отъ церкви императора, грабителя трона, изъ благородной, но непрактичной приверженности къ дому Ласкаря. Теперь, какъ во времена иконоборчества, внѣшніе посты ромейскаго народа, Трапезунтъ, Неопатры, Амвракія, а также и болгарская царица были покровителями православныхъ бѣглецовъ. Но Михаилъ остался непоколебимымъ и замѣстилъ противодѣйствующаго патріарха Іосифа искренно расположеннымъ къ латинянамъ Іоанномъ Веккомъ. Нравственнымъ поведеніемъ, полнѣйшимъ мужествомъ исповѣданія взглядовъ, проницательностью и ученостью этотъ вы-

---

[1]) Изданъ въ описаніи греч. рукописей Син. м—ря св. Екатерины, т. I (СПБ. 1911) стр. 542—554 (*В. Б.*).

дающійся человѣкъ далеко возвышался надъ обычно—въ духовномъ отношеніи—поразительно убогой толпой церковныхъ проповѣдниковъ и политическихъ писателей и его и послѣдующаго времени. Но противъ своего собственнаго клира, сражавшагося за дѣло Бога и націи, онъ не могъ ничего сдѣлать. Церковный споръ возбуждалъ повсюду православный народъ противъ правленія его освободителя и возстановителя.

На Балканскомъ полуостровѣ Михаила ставили въ тяжелое положеніе Ангелы и сильно поддерживаемые Неаполемъ франки. Когда Карлъ Анжуйскій готовился самъ выступить, казалось, что возобновляется страшная норманнская опасность. Карлъ уже назначилъ въ 1278 г. генералъ-капитаномъ и викаріемъ эпирскихъ 1278
владѣній опытнаго Гюго Руссо-де-Сюлли, который и организовалъ со всей своей энергіей войну; въ концѣ 1280 года 1280
онъ надѣялся взять важный Бератъ. Но Михаилъ выступилъ ему навстрѣчу, мобилизовавъ свои лучшія силы; въ февралѣ 1281 г. 1281
его великій доместикъ Михаилъ Тарханіотъ одержалъ блестящую побѣду при Бератѣ; самъ Сюлли былъ взять въ плѣнъ. 3 іюля
Но противъ образованной папой Мартиномъ IV (3 іюля 1281 г.) 1281
лиги Рима, Неаполя и Венеціи Михаилъ могъ выступить только при помощи своего не разъ испытаннаго дипломатическаго искусства. Вѣрный Бенедетто Цаккарія и Джіованни де-Прочида обѣщали королю Петру Арагонскому греческую субсидію для войны съ Неаполемъ, а „сицилійская вечерня" (10 марта 10 мар.
1282 г.), передавъ острова въ руки испанцевъ, обезсилила Карла 1282
Неаполитанскаго. Реальные политики венеціанцы порвали союзъ съ безсильнымъ и заключили въ 1285 г. съ ромеями деся- 1285
тилѣтній миръ. Уже ранѣе во время новаго похода противъ неопатрскихъ Ангеловъ смерть настигла 11 декабря 1282 г. 1282
неутомимаго монарха.

Послѣдняя четверть XIII ст. получаетъ особый отпечатокъ вслѣдствіе возвышенія османскаго и сербскаго могущества. Въ 1288 г. 1288
Османъ, воздвигнувшій свою новую державу на развалинахъ Румскаго царства, отнялъ послѣ блестящей побѣды у грековъ Мелангину (Караджахиссаръ). На западѣ сербскимъ королямъ Стефану Урошу († 1272 г.) и Милютину († 1321 г.) удалось достигнуть первенства на Балканскомъ полуостровѣ. Всемірно-историческимъ несчастіемъ является то, что несчастный день битвы на Коссовомъ полѣ вырвалъ господство на Балканскомъ полуостровѣ у этого прекраснаго народа, самаго благороднаго изъ всѣхъ славянскихъ племенъ, и оставилъ свободный просторъ для турецкаго варварства, противъ котораго были одинаково безсильны и греки и венеціанцы. Сынъ Михаила **Андроникъ II (1282—1328)** очень бла- **1282-**
горазумно поспѣшилъ заключить миръ съ православнымъ клиромъ. **1328**
Миръ былъ возстановленъ съ неизбѣжными въ Византіи въ подоб-

ныхъ случаяхъ проявленіями ненависти. Что Веккъ уступилъ патріаршій престолъ своему предшественнику Іосифу, это само собой разумѣлось. Но несмотря на это, продолжающійся десятилѣтія церковный споръ открываетъ полный духовный и нравственный распадъ тогдашняго православнаго клира.

Отвратительныя монашескія ссоры по большей части незначительныхъ и нравственно мало уважаемыхъ іерарховъ вращались почти естественно вокругъ вопроса о замѣщеніи вселенскаго престола. Духовный ореолъ, которымъ все еще былъ окруженъ у православныхъ народовъ престолъ св. Іоанна Златоуста, благодаря большею частью весьма неспособнымъ его замѣстителямъ, исчезалъ почти въ той же степени, какъ и ореолъ ромейскаго императора. Единственнымъ дѣйствительно серьезно заботящимся о благѣ церкви лицомъ былъ самъ императоръ, который своимъ новымъ распредѣленіемъ епархій далъ имперіи новое церковное устройство, дѣйствительно соотвѣтствовавшее ея сокращеннымъ размѣрамъ. Послѣднее же въ сущности дѣйствуетъ и донынѣ, по скольку его измѣнили внѣшнія событія.

Финансы приходили вмѣстѣ со все растущимъ разложеніемъ имперіи во все большее и большее разстройство. Михаилъ дѣлалъ усилія, чтобы возстановить флотъ при помощи прекраснаго матеріала, который представляли собою жители греческихъ побережій и острововъ. Его сынъ далъ погибнуть флоту, и имперія стала въ послѣднемъ десятилѣтіи XIII вѣка безпомощной игрушкой въ ожесточенныхъ войнахъ обѣихъ могущественныхъ морскихъ
1303 итальянскихъ республикъ. Въ 1303 г. венеціанцы принудили Андроника къ въ высшей степени выгодному для нихъ миру. Это толкнуло императора въ объятія болѣе лояльныхъ генуезцевъ.

Въ то время какъ императорское правительство безрезультатно продолжало вести въ Европѣ безконечные споры съ Ангелами, османы усилились въ Малой Азіи и стали серьезной опас-
1301 ностью для имперіи; въ 1301 г. они побѣдили наслѣднаго принца Михаила при Вафеѣ.

Дружественныя отношенія Михаила къ Петру Аррагонскому открыли для барселонскихъ купцовъ гавани Леванта. Бѣдные, но воинственные гидальго испанскаго Запада, занятые до сихъ
1302 поръ въ войнѣ противъ анжуйцевъ, искали послѣ мира 1302 г. новаго поля дѣятельности. Геройски смѣлый Рожеръ де-Флоръ предложилъ въ 1302 г. Андронику свою помощь—36 кораблей и 6.000 испанцевъ. Трудно было, конечно, имѣть дѣло съ этими дикими молодцами. Во всякомъ случаѣ византійское правительство со своими мелкими пріемами пресловутой греческой хитрости ни въ коемъ случаѣ не было приспособлено къ этому, и должно было безпомощно смотрѣть, какъ дикіе наемники убили въ
1303 дракѣ 3.000 итальянцевъ. Въ 1303 г. они были счастливо пере-

правлены въ Азію и блестяще оправдали славу о своей храбрости. Въ 1304 г. турки осаждали Филадельфію, самый богатый и силь- 1304
ный городъ греческой Малой Азіи, когда появился со своими каталанцами **Рожеръ де-Флоръ** и освободилъ городъ. Страшно свирѣпствовалъ испанскій мечъ среди турокъ. Но совершенно не повинующіеся дисциплинѣ гидальго стали вскорѣ бичомъ, пожалуй, худшимъ для имперіи, чѣмъ для ея враговъ. Коварное убійство **Рожера** наслѣднымъ принцемъ **Михаиломъ** въ 1305 г. 1305
повело къ двухлѣтней полной ужасовъ войнѣ ромеевъ съ бродячей солдатской республикой. Непокорная солдатчина была, наконецъ, отброшена къ югу, гдѣ послѣ многихъ перипетій положила ужасный конецъ въ 1311 г. битвой при Скрипу цвѣтущему 1311
герцогству Аѳино-Ѳиванскому. Несчастные тамошніе греки перемѣнили сравнительно мягкое чужеземное господство французовъ на суровое испанское рабство.

Съ похвальной энергіей, при помощи болгарскихъ и сербскихъ вспомогательныхъ отрядовъ, греки боролись съ наступленіемъ турокъ; но ихъ важнѣйшіе пункты, какъ Никея и Пруса, находились подъ угрозой постояннаго нападенія со стороны османскихъ летучихъ отрядовъ и были вынуждены бездѣйствовать.

Въ 1320 г. умеръ наслѣдный принцъ **Михаилъ**. Его без- 1320
путный, но весьма любимый народомъ и небезталанный сынъ **Андроникъ** создалъ себѣ могущественную партію среди вельможъ. Это привело къ непріятнымъ треніямъ и къ гражданской войнѣ между въ высшей степени непопулярнымъ, вслѣдствіе своей скупости, дѣдомъ и внукомъ, пока послѣдній, становясь все сильнѣе, не добился 1 февраля **1325** г. коронованія въ качествѣ **1325**
соимператора.

Внутренняя борьба совершенно ослабила силы имперіи. Въ 1326 г. пала, наконецъ, Пруса подъ напоромъ султана **Урхана** и 1326
стала теперь столицею османовъ. Въ 1328 г. капитулировала Ни- 1228
комидія. Между тѣмъ оба императора продолжали враждовать; старый обратился за помощью къ сербамъ, молодой—къ болгарамъ. Но болгарскій царь **Михаилъ** внезапно сталъ въ 1328 г. на сто- 1328
рону стараго. Тогда внукъ сталъ дѣйствовать энергично. Протостраторъ **Синадинъ** напалъ неожиданно на столицу; старикъ долженъ былъ отказаться отъ престола и уйти въ 1330 г. въ мо- 1330
настырь, гдѣ 13 февраля 1332 г. онъ и умеръ. 1332

Съ дошедшими до Дидимотиха болгарами **Андроникъ III** заключилъ послѣ нѣсколькихъ сраженій миръ, такъ что они могли направить свои силы противъ сербовъ.

При Вельбуждѣ сербскій король **Стефанъ Урошъ**, поддерживаемый 300 закованныхъ въ латы нѣмецкихъ наемниковъ, одержалъ 28 іюля 1330 г. кровавую и рѣшительную побѣду надъ 1330
болгарами. Царь **Михаилъ** палъ въ бою. Могущество болгар-

скаго государства, которому, впрочемъ, сербскій король далъ продолжить свое существованіе, было уничтожено. Годъ спустя, старый сербскій король палъ вслѣдствіе дворянскаго заговора, и пре-
1331-1355 столъ занялъ его юный сынъ Стефанъ Душанъ (1331—1355), могучій основатель сербскаго великодержавія. Слѣдуетъ пожалѣть, что ему не удалось, согласно его плану, совершенно покончить съ греками и франками и основать такимъ образомъ на Балканскомъ полуостровѣ жизненное христіанское единое государство, которое могло бы, какъ крѣпкій бастіонъ, противостоять турецкимъ разрушителямъ культуры. Всетаки его могущество достигло неожиданныхъ размѣровъ. Онъ вступилъ въ свойство съ новымъ болгар-
1331-1335 скимъ царемъ Іоанномъ-Александромъ Асѣнемъ (1331—1365). Въ Македоніи и въ Иллиріи онъ сильно подвигался впе-
1331 редъ. Охрида, Прилѣпъ, Касторія перешли въ 1331 г. въ его власть.

1334 Съ 1334 г. Андроникъ III сильно распространялъ власть ромеевъ въ Ѳессаліи и въ Эпирѣ на счетъ потомка Ангеловъ,
1335 графа Джіованни, и послѣ его смерти въ 1335 г. занялъ всю страну. Но вмѣшательство сербовъ привело къ перемѣнѣ положенія.
1340 Въ 1340 г. они завоевали всю страну до Янины и добились отъ ромеевъ ея формальной уступки. Въ Азіи имперіи принадлежала почти только одна Филадельфія. Греческіе приморскіе города платили османамъ дань. Но попытка Урхана стать твердой ногой въ
1337 1337 г. на европейской почвѣ была блестяще отражена греками. Точно также Андроникъ сумѣлъ еще разъ показать свое значеніе генуэзцамъ. Организованные сельджуками южнаго побережья Малой Азіи морской разбой и ловля людей, угнетавшіе распадающійся на безсильныя маленькія княжества Архипелагъ, снова заставили византійцевъ поднять запущенное морское дѣло. Апокавкъ
1329 отнялъ въ 1329 г. у генуэзцевъ Хіосъ, бывшій главной базой противъ морскихъ турокъ. Наслѣдники Цаккаріи Фокейскаго, Каттанео должны были принести присягу. Зато Доменико Фокейскій въ союзѣ съ наксосцами и родосцами отнялъ у им-
1333 періи въ 1333 г. Лесбосъ. Но Андроникъ, который по безцеремонности былъ во всякомъ случаѣ равенъ итальянцамъ, заключилъ союзъ съ сельджукскими эмирами Сарукана и Айдина противъ османовъ, только что подчинившихъ себѣ Карасскій эмиратъ.
1336, 1340 Въ 1336 г. императоръ завоевалъ Лесбосъ, а въ 1340 г. вслѣдствіе востанія греческаго населенія генуэзцы потеряли Фокею.

1341 Смерть Андроника III (15 іюня **1341** г.) посадила на пре-
1341-1391 столъ его несовершеннолѣтняго сына **Іоанна V (1341—1391 г.)**. Регентство было ввѣрено слабымъ рукамъ вдовствующей императрицы Анны Савойской. Но могущественный великій доместикъ Іоаннъ Кантакузинъ присвоилъ себѣ опеку; зато Апокавкъ
1341 сталъ на сторону регентши. Въ то время какъ въ 1341 г. Кан-

такузинъ дѣятельно готовился при Дидимотихѣ къ походу съ цѣлью обратно пріобрѣсти находящуюся въ полной анархіи Морею, въ Константинополѣ вспыхнула контръ-революція, которая во главѣ правленія поставила Апокавка. Тогда **Кантакузинъ** не медлилъ далѣе и велѣлъ 26 октября **1341** г. короновать себя импе- 1341
раторомъ подъ именемъ **Іоанна VI**. Съ своей стороны, молодой Іоаннъ V былъ торжественно коронованъ по настоянію двора законнымъ патріархомъ [1]) и Апокавкъ сталъ „великимъ герцогомъ" (μέγας δούξ). Архонты большею частью тянули къ Кантакузину, въ то время какъ народъ и мѣстныя власти стояли на сторонѣ законнаго правительства. Поэтому Апокавкъ смогъ вырвать у своего противника большую часть Ѳракіи; но Адріанополь закрылъ Апокавку ворота. Для продолженія борьбы правительство Іоанна V въ лицѣ регентши Анны Савойской заложило у венеціанцевъ государственныя драгоцѣнности и добилось значительныхъ успѣховъ. Іоаннъ Ангелъ, эпирскій намѣстникъ, и Омарбегъ, аидинскій эмиръ, поддерживали Кантакузина. Кромѣ того, Кантакузинъ призвалъ сербовъ, а его осажденная въ Дидимотихѣ жена—болгаръ. Послѣдніе прогнали, правда, грековъ, но потребовали передачи имъ крѣпости. Лишь аидинскіе турки освободили императрицу. Разрывъ Іоанна VI съ Стефаномъ Душаномъ, казалось, скоро поведетъ къ его гибели; но побѣдоноснымъ походомъ Іоаннъ Ангелъ опять пріобрѣлъ южную Македонію. Правда, Омарбегъ принужденъ былъ вернуться въ
Азію такъ какъ заключенный при посредствѣ папы въ 1343 г. 1343
союзъ венеціанцевъ съ Кипромъ и франками острововъ Архипелага
напалъ на Аидинскій эмиратъ и завоевалъ въ 1343 г. Смирну. 1343
Солунь Апокавкъ спасъ своимъ флотомъ. Но напрасно звала регентша на помощь болгаръ и сербовъ: царь Александръ быстро взялъ предложенные ему въ награду городъ Филиппополь и рядъ замковъ въ Родопскихъ горахъ, а въ общемъ онъ
ничего не сдѣлалъ. Въ 1344 г. Кантакузинъ привлекъ 1344
къ себѣ болгарскаго предводителя бандъ Момчило, который сперва поддерживалъ его съ 5.000 сербскихъ и болгарскихъ наемниковъ, но скоро отпалъ и напалъ на Кантакузина въ его лагерѣ при месенскихъ развалинахъ. Императоръ спасся съ большимъ трудомъ. Момчило крѣпко засѣлъ теперь въ Ксанѳіи и грабилъ Халкидику. Тутъ помогъ Кантакузину его вѣрный Омарбегъ.
Онъ на голову разбилъ франковъ въ 1345 г. при Смирнѣ; на 1345
Момчило же онъ имѣлъ особенную причину гнѣваться и потому, что тотъ сжегъ его корабли у Абдеры. Тѣсно окруженный у Периѳеорія императоромъ и его турецкимъ другомъ, Момчило палъ

[1]) Іоаннъ VI былъ помазанъ и коронованъ епископомъ дидимотихскимъ.

съ большею частью своихъ наемниковъ, его городъ Ксаноія ка-
1345 питулировалъ. Къ этому присоединилось 11 іюня 1345 г. убійство грубаго, но храбраго Апокавка, такъ что совершенно изолированная регентша умоляла османовъ о помощи. Но опытный дипломатъ Кантакузинъ перетянулъ и ихъ на свою сторону. Его друзья открыли
1347 ему 3 февраля 1347 г. ворота столицы. Регентша должна была согласиться на все. Іоаннъ VI былъ на-ново торжественно коронованъ; въ теченіе десяти лѣтъ онъ долженъ былъ единолично править, а затѣмъ принять Палеолога соправителемъ. Эта династическая война, веденная со всѣми жестокостями и сильно опустошившая сѣверныя провинціи, на долгое время ослабила мощь имперіи. Настоящимъ императоромъ былъ Стефанъ Душанъ,
1345 который завоевалъ Серры и Амфиполь (1345) и ограничилъ Солунью и Халкидикой македонскія владѣнія ромеевъ. Автокефальная ипекская (печская) митрополія была съ согласія тырновскаго патріарха и автокефальнаго архіепископа охридскаго преобразована въ сербскій патріархатъ, и Іоанникій былъ облеченъ этимъ достоинствомъ. Новый патріархъ вмѣстѣ съ патріархомъ тырнов-
1346 скимъ Симеономъ короновалъ въ 1346 г. Душана въ каоедральномъ соборѣ въ Скопьѣ царемъ сербовъ и грековъ [1]). „Отъ Арты до Бѣлграда, отъ скалистыхъ далматинскихъ береговъ до Места простиралась его власть".

Опустившіеся около этого полнаго жизни великаго государства до ранга третьестепенной державы греки продолжали свои несчастныя ссоры. Іоаннъ VI передалъ своему мечтающему о престолонаслѣдіи сыну старую Родосскую епархію въ извѣстной степени, какъ второму сыну. Равнымъ образомъ къ дальнѣйшему сильному недовольству Палеологовъ онъ послалъ своего способнаго сына Мануила въ Мисиору, гдѣ тотъ прекрасно управлялъ, въ качествѣ деспота. Безсиліе имперіи стало яснымъ изъ заносчивости генуэзцевъ, которые разыгрывали въ торговыхъ и таможенныхъ дѣлахъ роль почти повелителей ромеевъ. Поэтому императоръ и стоялъ на сторонѣ венеціанцевъ въ ожесточенной морской войнѣ между Венеціей и Генуей, которая почти цѣликомъ разыгрывалась въ греческихъ во-
1352 дахъ; но въ 1352 г. генуэзцы принудили его къ заключенію новаго договора. Вскорѣ опять возгорѣлась гражданская война между обоими императорами. Іоаннъ V опирался на венеціанцевъ и сер-
1353 бовъ, Іоаннъ VI на османовъ. Въ 1353 г. послѣдніе побѣдили сербовъ при Дидимотихѣ, и Кантакузинъ сдѣлалъ своего сына Матоея соимператоромъ. Его безумное, забывшее о долгѣ честолюбіе, побудившее его призвать османовъ, вырыло настоящую
1354 могилу имперіи: въ 1354 г. турки заняли Галлиполи, и путь въ

[1]) Онъ называетъ себя въ документахъ царемъ и самодержцемъ сербовъ и грековъ, болгаръ и албанцевъ.

Европу былъ имъ открытъ. Всеобщая ненависть, которая направилась противъ стараго негоднаго императора, дала Палеологу возможность очень легко завладѣть столицей и принудить захваченнаго врасплохъ противника къ отреченію. Онъ ушелъ въ монастырь, подъ именемъ Іоасафа, написалъ свою исторію и предавался богословскимъ работамъ до самой своей смерти въ
1383 г. Его сынъ Мануилъ, сильно защищавшійся, былъ при- 1383
знанъ деспотомъ Мисиѳры. Матѳей долженъ былъ въ 1357 г. 1357
подобно отцу отречься. Такъ, наконецъ, были возстановлены единодержавіе Іоанна V и законная династія.

Въ то время какъ эта безъидейная, обязанная своимъ происхожденіемъ только честолюбію отдѣльной личности, гражданская война истощала послѣднія силы старѣющей ромейской имперіи, въ мірѣ духа вспыхнула одновременно церковная борьба, которая принадлежитъ къ самымъ удивительнымъ и въ культурноисторическомъ отношеніи самымъ интереснымъ явленіямъ всѣхъ временъ; традиціонная сказка, которая излагается въ университетахъ и духовныхъ семинаріяхъ подъ именемъ церковной исторіи, обычно относится къ этому движенію лишь съ легкой насмѣшкой. Она показываетъ этимъ, конечно, лишь полное отсутствіе пониманія важнѣйшихъ проблемъ исторіи человѣческаго духа.

Со временъ Македонскихъ императоровъ полуостровъ Халкидика, покрытый во времена Перикла и Демосѳена цвѣтущими греческими городами, сталъ священною мѣстностью. Самый сѣверный изъ трехъ небольшихъ полуострововъ, составляющихъ Халкидику, Аѳонская гора, сталъ поистинѣ Ἅγιον Ὄρος, „святою горою“ благодаря находившимся на ней келіямъ и скитамъ святыхъ аскетовъ. Основателемъ знаменитой лавры былъ св. Аѳанасій, современникъ Никифора Фоки, глубоко уважаемый послѣднимъ; Никифоръ взялъ его въ качествѣ священника, во время критскаго
похода. Въ 962 г. Аѳанасій началъ постройку монастыря, ко- 962
торый не безъ сопротивленія вводилъ на Св. Горѣ студійскіе порядки.

Типикъ Іоанна Цимисхія установилъ управленіе состоявшей изъ отшельниковъ и киновитовъ святогорской общины, въ составъ котораго входили соборъ игуменовъ и назначаемый императоромъ протъ. Ни одно существо женскаго пола не нарушаетъ покоя этого „вѣчнаго племени, въ которомъ никто не рождается“ gens aeterna, in qua nemo nascitur). Императорское благоволеніе и подарки вѣрующихъ даже изъ далекаго Запада (амальфитанскій монастырь) чрезвычайно подняли число монастырей ко времени
Константина Мономаха, который издалъ въ 1045 г. второй 1045
типикъ. Всѣ позднѣйшіе императоры и Комнины и Палеологи, соперничали между собою, послѣдніе даже сверхъ своихъ слабыхъ силъ, въ изданіи хрисовуловъ и въ богатыхъ пожертво-

ваніяхъ этому очагу греческаго благочестія. Исихасты и аскеты всѣхъ православныхъ народовъ здѣсь находили свою родину. Къ многочисленнымъ эллинскимъ киновіямъ присоединялись сербскія, болгарскія, русскія и грузинскія лавры. Св. Савва, великій основатель сербской національной іерархіи, основалъ здѣсь такъ много значущій для культурной исторіи славянъ Хиландарскій монастырь.

Здѣсь выработалась въ созерцательной тиши монастырскихъ келій теософія, которая при внѣ—вѣроисповѣдномъ характерѣ всякой мистики живо напоминаетъ персидскій суфизмъ и созерцательную восторженность индійской іоги. Находясь, подобно гимнософистамъ, въ экстатическомъ гипнозѣ, направивъ неподвижно взглядъ на пупъ (омфалопсихиты), посвященные видѣли несотворенный божественный свѣтъ, который осіялъ Христа при преображеніи на Ѳаворѣ. Рационализирующее православіе различныхъ вѣроисповѣданій въ инстинктивной непріязни ко всякой мистикѣ обычно пятнаетъ ея приверженцевъ, какъ еретиковъ; такъ поступила древняя церковь съ аудіанами и евхитами, римская съ фратичеллами и молинистами, и наконецъ, лютеранство „чистаго ученія“ со столь превосходящими его истиннымъ благочестіемъ мечтаніями какого-нибудь Швенкфельда, Вейгеля, І. Арндта или І. Беме. Въ Греціи православіе стало на сторону таинственнаго ученія мистики, такъ какъ оба доносителя на него, издѣвавшіеся надъ мечтатальными монахами въ своихъ произведеніяхъ, Варлаамъ и Акиндинъ, были „латиномудрствующими“ (λατινόφρονες); вѣдь, Варлаамъ происходилъ изъ греческой, но „схизматической“ Калабріи. Этого было достаточно, чтобы сдѣлать для клира и народа дѣло святогорцевъ національнымъ греческимъ дѣломъ. Во время дико свирѣпствовавшей гражданской войны засѣдали съ
1341–1351 1341 г. до 1351 г. соборъ за соборомъ, патріархи возводились и смѣщались; но „омфалопсихиты“, превосходно представленные позднѣйшими архіепископами солунскими Григоріемъ Паламой и Никифоромъ Кавасилой, двумя дѣйствительно выдающимися представителями греческой образованности и мистики, одержали блестящую побѣду. Святая Гора оказалась Сіономъ истинной вѣры. Во время того ужаснаго кризиса умиранія цѣлаго народа, когда османы безжалостно топтали ромейскій народъ, Аѳонъ сталъ убѣжищемъ, котораго тишины искали разбитыя души, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много сильныхъ сердецъ, разочаровавшихся во всей земной жизни, предпочитали въ томъ же уединеніи отъ міра провести въ союзѣ съ Богомъ свою душевную борьбу. Монашество обезпечило несчастной націи единственное подлинное и продолжительное утѣшеніе въ эти тяжелыя времена.

Для остальныхъ грековъ, не избравшихъ для своего земного пути „ангелоподобной жизни“, политическія обстоятельства слага-

лись внушающимъ все болѣе опасенія образомъ. Смерть Стефана Душана въ 1355 г. была всемірно-историческимъ несча- 1355
стіемъ для восточнаго христіанства. Неудержимыя центробѣжныя силы феодализма и племенного партикуляризма разрушили величественное зданіе сербскаго царства; сербскіе и албанскіе главари отдѣлились; Боснія стала независимой. Такъ въ безумномъ ослѣпленіи сами христіане терзали и ослабляли другъ друга, когда уже надвигалась гибель.

Ударъ османовъ прежде всего палъ на жалкую ромейскую имперію. Въ 1360 г. султанъ Мурадъ I переправился черезъ 1360
Геллеспонтъ. Годъ спустя, онъ уже взялъ важныя крѣпости Цурулъ и Дидимотихъ; и несмотря на отважное сопротивленіе, онъ овладѣлъ Адріанополемъ, вторымъ городомъ имперіи, который онъ сдѣлалъ въ 1365 г. своей резиденціей. 1365

Въ 1363 онъ завоевалъ Филиппополь, затѣмъ Серры, и въ 1363
1365 г. заключилъ союзъ съ республикой Рагузой, которая дер- 1365
жала въ своихъ рукахъ континентальную торговлю на Балканскомъ полуостровѣ, и подтвердилъ ея привилегіи.

Маленькія христіанскія державы никакъ не могли придти къ соглашенію и дѣйствовать единодушно въ виду этихъ успѣховъ османовъ. Императоръ Іоаннъ ссорился со своимъ сыномъ Андроникомъ, и въ 1365 г. при веденіи переговоровъ въ Тыр- 1365
новѣ о союзѣ противъ турокъ онъ былъ захваченъ другомъ Андроника царемъ Шишманомъ. Тогда ему пришелъ въ 1366 г. на 1366
помощь его двоюродный братъ графъ Амадей Савойскій, который вырвалъ у османовъ Каллиполь и послѣ удачнаго набѣга вдоль болгарскаго побережья Понта принудилъ Шишмана освободить императора. Въ 1369 г. императоръ рѣшилъ отправиться въ Авиньонъ, 1369
чтобы привлечь курію къ организаціи вспомогательнаго похода на помощь стѣсненной имперіи. Но напрасно онъ съ чисто-греческой готовностью подписалъ символъ уніи: папа Урбанъ V не могъ или не хотѣлъ дать военной помощи. Какъ глубоко пало значеніе когда-то всемогущаго ромейскаго императора, показываетъ поведеніе венеціанцевъ: венеціанскіе банкиры, ссудивши его деньгами для путешествія въ мѣсто пребыванія папы, задержали его въ Венеціи, а посаженный регентомъ въ Константинополѣ его сынъ Андроникъ отказывался платить за него. Только его младшій сынъ Мануилъ, который управлялъ въ Солуни, съ большими жертвами сдѣлалъ возможнымъ для отца возвращеніе въ 1370 г. 1370
на родину. Плачевное зрѣлище этихъ бѣдныхъ государей вызвало презрѣніе Запада: его выдающіеся владѣтельные дома уже давно отказывались заключать брачныя узы съ неравными въ ихъ глазахъ Палеологами. Іоаннъ V изъ мести лишилъ въ 1371 г. 1371
права на престолъ своего сына Андроника и назначилъ наслѣдникомъ Мануила.

Ради блага своего малаго государства сговорчивый императоръ сталъ кліентомъ турецкаго султана; но когда онъ появился во главѣ своихъ войскъ въ Азіи, возмутились Андроникъ и его другъ Санджи, сынъ Мурада. Султанъ Мурадъ подавилъ движеніе съ обычною быстротой; турецкій принцъ былъ обезглавленъ, Андроникъ ослѣпленъ. Склонность императора къ венеціанцамъ, доставила возставшему помощь генуэзцевъ; онъ былъ освобожденъ изъ
1376 тюрьмы, добился вступленія въ столицу въ августѣ 1376 г., низложилъ отца 18 октября и короновался, какъ **Андроникъ IV**. Эти восточно-римскія событія представляютъ только побочное интермеццо въ могучей, втянувшей всѣ морскія государства Средиземнаго моря, войнѣ обѣихъ республикъ—Венеціи и Генуи, ко-
1381 торой положилъ конецъ туринскій миръ лишь въ 1381 г.

Старый Іоаннъ V, бѣжавшій изъ тюрьмы, былъ поддержанъ
1379 турецкимъ султаномъ и въ 1379 г. занялъ столицу. Два года спустя онъ помирился со своимъ старшимъ сыномъ, но послѣ его
1385 смерти просто устранилъ въ 1385 г. своего внука Іоанна, сына Андроника, отъ престола. Право на престолъ осталось за Мануиломъ.

Какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ османы вскорѣ стали неограниченными повелителями, сокрушивъ на Коссовомъ полѣ въ горячемъ бою могущество когда-то столь славнаго сербскаго госу-
1389 дарства (**1389**). За этотъ всемірно-историческій успѣхъ султанъ Мурадъ поплатился жизнью; но его сынъ Баязидъ I былъ какъ разъ человѣкомъ, который могъ неуклонно использовать благопріятное положеніе дѣлъ. Къ Палеологамъ онъ относился съ пренебреженіемъ. Единственный еще греческій городъ Малой Азіи, сохранившій свою независимость, Филадельфія, долженъ былъ ему сдаться на благопріятныхъ условіяхъ. Наслѣднику престола Мануилу приказано было сопровождать Баязида во время похода. Этимъ моментомъ воспользовался сынъ Андроника, **Іоаннъ VII**, котораго ранѣе удовлетворили Солунью и Селимо-
1390 ріей, чтобы свергнуть дѣда и занять въ апрѣлѣ 1390 г. престолъ. Уже въ сентябрѣ того же года Мануилъ возстановилъ на престолѣ своего отца.

Баязидъ принудилъ стараго императора снова прервать предпринятыя имъ работы надъ возстановленіемъ столичныхъ
1391 укрѣпленій. Съ горя отъ этого позора умеръ 16 февраля 1391 г. Іоаннъ V, послѣ столь же долгаго, сколь безславнаго правленія.

Его даровитый сынъ **Мануилъ II Палеологъ** (**1391—1423**), находившійся при дворѣ Баязида въ Бруссѣ, поспѣшилъ тотчасъ въ столицу, чтобы принять въ свои руки правленіе. За этотъ актъ самодержавной полноты власти султанъ наказалъ его опустошеніемъ небольшой области вокругъ столицы и временнымъ отнятіемъ Солуни. Но скоро дикій властитель направилъ свои взоры

на южныхъ славянъ. Завоеваніемъ блестящей царской столицы Тырнова онъ превратилъ въ 1393 г. Болгарію въ турецкій паша- 1393 лыкъ (вилайетъ).

Въ то же время, согласно давно испытанному стратегическому опыту османовъ, Константинополь держали въ формальномъ состояніи блокады, какъ когда-то Никею и Пруссу. Было видно, что дѣло обстоитъ серьезно: Баязидъ хотѣлъ покончить съ тѣнью ромейской имперіи. Стѣсненный Мануилъ звалъ на помощь Западъ, и послѣдній, обезпокоенный постоянными успѣхами турокъ, поднялся еще разъ на общую борьбу съ невѣрными. Король Сигизмундъ Венгерскій, поддерживаемый пестрой арміей крестоносцевъ, которой ядро составляли французскіе рыцари, направился черезъ желѣзныя ворота къ югу. Въ Валахіи къ нему примкнулъ ея государь Мирча, который въ 1394 г. блестяще побѣдилъ 1394 Баязида и отбросилъ его за Дунай. 12 сентября 1396 г. хри- 1396 стіанскія войска достигли Никополя. Быстрыми переходами пошелъ имъ навстрѣчу Баязидъ, снявъ блокаду Константинополя. Благодаря своему таланту полководца, Баязидъ одержалъ кровавую и блестящую побѣду надъ христіанами, среди которыхъ надменность французскихъ рыцарей и отсутствіе дисциплины препятствовали осуществленію сколько-нибудь разумнаго плана битвы. Послѣдствія суждено было испытать христіанамъ. Евреносбегъ пошелъ въ Пелопоннесъ, гдѣ въ греческой части, деспотатѣ Мисѳрѣ, вмѣсто свергнутаго въ 1384 г. дома Кантакузиновъ 1384 правилъ Ѳеодоръ Палеологъ, братъ императора; разбитый при Леонтаріѣ, онъ долженъ былъ согласиться на платежъ туркамъ дани. Но смѣлый государь вступилъ въ союзъ съ Венеціей, и родосцами, которымъ онъ передалъ Коринѳъ и другія крѣпости.

Дѣйствуя противъ Мануила, турки снова возобновили блокаду столицы и выставили опять царевича Іоанна VII претендентомъ на престолъ. Крикъ Мануила о помощи не прозвучалъ неуслышаннымъ на Западѣ. Франція послала превосходнаго маршала Бусико (Boucicaut), который со своимъ малымъ, но отборнымъ отрядомъ очистилъ окрестности Константинополя отъ турокъ и примирилъ дядю съ племянникомъ. Послѣдній былъ поставленъ регентомъ, въ то время какъ Мануилъ объѣзжалъ Западъ, вездѣ блестяще принимаемый и даже обезпеченный Франціей годовымъ содержаніемъ. Точно также столь гордый когда-то вселенскій патріархатъ жилъ русской милостыней.

Дѣйствительное спасеніе шло для имперіи изъ Азіи. Грандіозной битвой при Ангорѣ 20 іюля 1402 г. Тимуръ мгновенно 1402 разрушилъ османское государство. Гордый султанъ умеръ его плѣнникомъ. Такъ была дана византійцамъ еще пятидесятилѣтняя отсрочка.

Съ правящимъ въ Европѣ сыномъ Баязида Сулейма-

номъ Мануилъ совмѣстно съ Венеціей, Генуей, и родосцами заключилъ благопріятный договоръ. Императоръ получилъ обратно Солунь и прекратилъ прежній платежъ дани Портѣ. Споръ сыновей Баязида закончила въ 1413 году побѣда Мухаммеда на равнинѣ Чаморлу, близъ Софіи. Мухаммедъ, находившійся въ тѣсномъ союзѣ и наилучшемъ согласіи съ Мануиломъ, отдалъ ему рядъ македонскихъ и ѳессалійскихъ мѣстностей, которыя у него вырвалъ только что побѣжденный и казненный братъ. Еще разъ, казалось, наступаютъ для ромеевъ болѣе счастливыя времена.

Безпокойный императоръ Іоаннъ VII удалился въ монастырь и вскорѣ послѣ этого умеръ. На его мѣсто Мануилъ поставилъ своего сына Андроника намѣстникомъ въ Солунѣ. Въ
1415 мартѣ 1415 г. онъ отправился въ Мисиѳру, гдѣ послѣ смерти де-
1407 спота Ѳеодора I († 1407) все находилось въ полномъ безпорядкѣ. Сильной рукой онъ привелъ въ порядокъ мѣстныя отношенія, укрѣпилъ наново Коринѳскій перешеекъ, возстановивъ Эксамилій, и принудилъ князя ахейскаго Чентуріоне къ признанію его вер-
1417 ховенства. Наслѣдникъ престола Іоаннъ появился въ 1417 г. въ Мисиѳрѣ, чтобы смирить возмутившагося Чентуріоне. Но, выпустивъ своихъ албанцевъ на венеціанскія владѣнія, онъ испортилъ отношенія съ республикой, которая принялась за дѣло Ченту-
1419 ріоне и вырвала въ 1419 г. у ромеевъ важную Монемвасію.

Мухаммедъ, неутомимо подчинявшій себѣ эмировъ Малой Азіи, былъ всегда лояльнымъ союзникомъ ромеевъ. Поэтому было очень недальновиднымъ поступкомъ то, что въ большомъ румелійскомъ возстаніи такъ называемаго Лже-Мустафы Мануилъ велъ двуличную политику и за ежегодный платежъ посадилъ въ тюрьму на Лемносѣ бѣжавшихъ въ Солунь повстанцевъ Мустафу и Джунеида. Если уже это въ значительной степени произвело дурное впечатлѣніе на султана, то послѣ смерти послѣдняго Мануилъ далъ увлечь себя своему сыну Іоанну и выставилъ Мустафу противъ юнаго престолонаслѣдника Мурада II. Но послѣ первыхъ успѣховъ Мустафа былъ совершенно разбитъ Мурадомъ.
1422 Послѣдній вступилъ въ Адріанополь и велѣлъ въ 1422 г. повѣсить своего противника, схваченнаго во время бѣгства. Отомстить ромейскому императору стало теперь руководящей мыслью турецкаго султана. Около 80.000 солдатъ собралъ онъ въ началѣ іюня
1422 1422 г. передъ стѣнами столицы. Но штурмъ, который турки начали съ надеждой на оракула подъ предводительствомъ шейха Бухари, рѣшительно не удался вслѣдствіе мужественнаго сопротивленія византійцевъ; турки потеряли даже свои осадныя орудія. Греки вступили въ соглашеніе съ тринадцатилѣтнимъ братомъ султана Мустафой, который поднялся противъ своего брата
1422 и этимъ принудилъ его снять осаду Константинополя. Но въ 1422 г. Мустафа былъ выданъ и удавленъ. Тураханъ былъ посланъ

теперь съ сильнымъ войскомъ противъ Солуня; но венеціанская помощь отвела ударъ. Въ 1423 г. Тураханъ пошелъ на Пелопоннесъ, разрушилъ Коринѳскія укрѣпленія и опустошилъ владѣнія и грековъ и венеціанцевъ. 1423

Разбитый апоплексическимъ ударомъ Мануилъ удалился отъ дѣлъ правленія и облекся въ „ангельскую одежду". Его сынъ **Іоаннъ VIII (1423—1448)** довелъ дѣло до мира, который обязывалъ его къ платежу 30.000 дукатовъ за пелопоннескія мѣстности и лишалъ его большинства владѣній въ Македоніи и у Чернаго моря. Имперія была ограничена босфорскимъ полуостровомъ до Селимвріи и Деркона, кромѣ того ей принадлежали Анхіалъ, Месимврія, Аѳонъ, Солунь и Зейтунъ. Сплошными владѣніями она обладала только въ Пелопоннесѣ. Эти плачевные остатки Іоаннъ долженъ былъ еще дѣлить съ своими братьями: Ѳедоръ и Ѳома получили Мисиѳру, а Константинъ—Анхіалъ и Месимврію. **1423-1448**

Солунь была куплена венеціанцами въ 1423 г. у смертельно больного принца Андроника Это повело къ войнѣ съ Мурадомъ. Въ 1426 г., правда, за венеціанцами было признано по перемирію обладаніе городомъ, при условіи платежа ежегодной дани. Но какъ только Мурадъ закончилъ свои приготовленія, онъ тотчасъ началъ штурмъ города, который 29 марта 1430 г. былъ съ безчеловѣчными жестокостями взятъ и окончательно введенъ въ составъ османской державы. 1423 1426 1430

Болѣе успѣха имѣли Палеологи въ Пелопоннесѣ. Предпріимчивые братья Ѳома и Константинъ уничтожили въ удачной войнѣ 1428—1430 гг. послѣдніе остатки франкскихъ владѣній, княжества патрское и ахейское и соединили въ своихъ рукахъ весь Пелопоннесъ, кромѣ венеціанскихъ владѣній. 1428-1430

Чѣмъ болѣе турки подчиняли Балканскій полуостровъ своей власти, когда они включили въ составъ своей территоріи Сербію и Боснію и со стороны Венгріи сдерживались только героемъ Яномъ Гуніади, тѣмъ ненадежнѣе становилось положеніе призрачнаго императора на Босфорѣ. Послѣдній, къ великому гнѣву Мурада, еще разъ обратилъ свои умоляющіе о помощи взгляды на Западъ. Въ теченіе полутысячелѣтія цѣпь частью совершенно непристойныхъ обмановъ со стороны грековъ не могла отвлечь курію отъ постояннаго возобновленія ея стараній. Съ рвеніемъ проводилъ папа Евгеній IV новые планы уніи. Онъ послалъ обанкротившемуся императору путевыя издержки и деньги для содержанія свиты. На этотъ разъ, когда положеніе стало безвыходнымъ, вопросъ объ уніи стоялъ серьезно и для императора и для большинства іерарховъ, для вселенскаго патріарха Іосифа и для ставшихъ позже кардиналами Виссаріона и Исидора. И торжественно прочтенный **6 іюля 1439 г.** въ флорентинскомъ каѳедральномъ соборѣ актъ уніи имѣетъ въ томъ отношеніи выдающееся ре- 6 іюля **1439**

альное значеніе, что онъ сталъ догматической основой для фактическихъ уній съ русинами, румынами и т. д. Но въ Константинополѣ событія пошли иначе: монахи и народъ не утвердили соглашенія, заключеннаго императорскимъ правительствомъ и верхами клира. Догматическія ссоры отравили даже смертный часъ имперіи.

Отъ Запада Іоаннъ VIII въ ближайшее время почти не получалъ никакой помощи. Зато Мурадъ поддерживалъ его ни на что неспособнаго сына Димитрія, который съ кочевниками опустошалъ въ качествѣ покровителя православныхъ константинопольскую область, пока его братъ Константинъ не разсѣялъ его шайку и не схватилъ его.

Евгеній IV велѣлъ вездѣ проповѣдывать крестовый походъ.
1443 Въ 1443 г. выступило противъ турокъ войско, состоявшее главнымъ образомъ изъ венгровъ, поляковъ и румыновъ подъ предводительствомъ короля Владислава и Гуніяди, и 24 декабря
1443 1443 г. они одержали при Куновіи блестящую побѣду. Мурадъ
1444 началъ переговоры, и въ іюнѣ 1444 г. былъ заключенъ въ Сегединѣ миръ на десять лѣтъ, довольно благопріятный для Венгріи и Сербіи. Но въ то время когда Мурадъ былъ занятъ въ Азіи, горячій кардиналъ легатъ Джуліо Чезарини увлекъ своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ венгерскій рейхстагъ къ прямому нарушенію даннаго слова. Въ началѣ августа крестоносная армія выступила и дошла, плохо дисциплинированная, до Болгаріи. Только что была взята Варна, какъ вѣсть о переходѣ Мурада въ Ев-
10 ноябр. ропу испугала крестовое ополченіе. Позорная измѣна генуэзцевъ
1444 христіанскому дѣлу облегчила Мураду задачу. 10 ноября 1444 г. произошла битва при Варнѣ, которую христіане почти-что выиграли бы, если бы король Владиславъ и его польскіе рыцари, въ безумномъ увлеченіи боемъ и завидуя успѣхамъ Гуніяди, не напали вопреки условію на однихъ еще крѣпко державшихся янычаръ. Владиславъ палъ; его смерть сломила силу христіанъ. Но Гуніяди провелъ въ полномъ порядкѣ отступленіе арміи черезъ Дунай, потери христіанъ были менѣе турецкихъ. Неудача этого послѣдняго страшнаго напряженія вызвала на Западѣ глубокое уныніе. Фактически несправедливо упрекать Западъ, что онъ не принялъ участія въ судьбѣ восточныхъ римлянъ. Напротивъ того, своими походами къ Никополю и Варнѣ онъ сдѣлалъ все, что могъ, для восточныхъ христіанъ. Теперь они безвозвратно пошли навстрѣчу своей судьбѣ.

Іоаннъ VIII пытался подарками умиротворить злобу Мурада. Венеціанцы, флотъ которыхъ помогалъ крестоносцамъ, за-
1446 ключили въ 1446 г. съ турками миръ. Константинъ Мисиөр-
1444 скій въ 1444 г. равнымъ образомъ присоединился къ антитурецкому союзу. Онъ подчинилъ своей власти герцогство Аөины; и послѣ Варны онъ продолжалъ борьбу и побѣдоносно двигался по Сред-

ней Греціи. Онъ надѣялся на помощь великаго Скандербега; но этотъ послѣдній цѣликомъ былъ поглощенъ войной съ Венеціей. Мурадъ лично направился въ Пелопоннесъ съ 60.000 арміей. Несмотря на энергичное и умѣлое сопротивленіе Константина, всѣ крѣпости Средней Греціи перешли въ руки турокъ. Оба деспота защищали самымъ отважнымъ образомъ Эксамилій. Но и эта линія была прорвана 4 декабря 1446 г., и Коринѳъ взятъ. Константинъ и Ѳома бѣжали въ Мисиѳру, въ то время какъ турки, во время двухъ страшныхъ набѣговъ, увели изъ Пелопоннеса 60.000 человѣкъ. Въ 1447 г. Палеологамъ былъ обезпеченъ миръ для ихъ владѣній при условіи платежа поголовной подати. Осложненія съ Гуніяди и Скандербегомъ привели къ этому удовлетворительному для грековъ концу. 4 дек. 1446 1447

Императоръ Іоаннъ VIII умеръ 3 октября 1448 г. Неспособный Димитрій стремился къ занятію престола; но тогдашніе министры и вѣрный Франдзи воспрепятствовали его попыткѣ занять столицу. Султанъ Мурадъ рѣшилъ споръ въ пользу **Константина XI Палеолога**. 6 января **1449** г. Константинъ получилъ въ мисиѳрскомъ замкѣ императорскую діадему и тотчасъ поплылъ въ столицу; императора привѣтствовали съ большимъ ликованіемъ въ его новомъ государствѣ, которое опять, какъ въ древней Греціи, ограничивалось однимъ лишь городомъ (polis). Оба остальныхъ брата, Ѳома и Димитрій, подѣлили Пелопоннесъ. Димитрій призвалъ на помощь турокъ противъ Ѳомы, который пытался расширить владѣнія на счетъ своего брата; турки опять возстановили здѣсь спокойствіе. 1448 **1449**

Между тѣмъ 5 февраля 1451 г., Мухаммедъ II наслѣдовалъ своему отцу. Какъ и съ другими мелкими государями, такъ и съ ромеями, онъ возобновилъ миръ и дружбу. Въ то время какъ Мухаммедъ былъ занятъ въ Азіи подчиненіемъ непокорнаго караманскаго эмира, Константину пришла несчастная мысль потребовать удвоенія платимой турками пенсіи для заключеннаго въ Константинополѣ принца Урхана. Это безумное требованіе, которое греческіе послы принесли въ акшерскій лагерь, испугало великаго визиря Халиль-пашу, друга грековъ. Но Мухаммедъ II съ радостью ухватился за благопріятный предлогъ для того, чтобы положить рѣшительно конецъ ромейскому государству. 1451

Съ величайшей осмотрительностью Мухаммедъ руководилъ осадой. Греки тотчасъ поняли, что началась для нихъ послѣдняя борьба на жизнь или смерть. Всякое сообщеніе съ сѣверомъ разрывала крѣпость, построенная на самомъ узкомъ мѣстѣ пролива. Султанъ рѣзко отклонилъ представленіе Константина относительно этой крѣпости. Осенью 1452 г. Мухаммедъ послалъ Турахана въ Пелопоннесъ, который пережилъ ужасный разбойничій грабежъ; вслѣдствіе этого стало невозможнымъ всякое вмѣшательство въ пользу стѣс-

неннаго брата. Послѣдній по мѣрѣ силъ собралъ запасы провіанта для столицы и исправилъ стѣны зимою 1453 г. Отъ западныхъ христіанъ Константинъ не получилъ никакой помощи: Западъ постепенно усталъ примѣнять свои силы для спасенія ромеевъ. Папа, который послалъ для заключенія новой уніи „русскаго" кардинала Исидора, только отнялъ у несчастнаго императора симпатіи монаховъ и массъ. Но и вельможи почти сплошь относились враждебно къ уніи. Дѣйствительную поддержку императору оказали только военные отряды колоній иностранцевъ, жившихъ въ Константинополѣ; между тѣмъ значительная часть жителей Перы находились въ мирныхъ отношеніяхъ съ Мухаммедомъ. Напротивъ того, великій морской герой и пиратъ Джіованни Джустиніани явился съ двумя кораблями и 700 солдатами и предложилъ свои услуги императору. Константинъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи немногимъ болѣе 9.000 человѣкъ. Съ ними онъ ждалъ нападенія османскихъ войскъ, превышавшихъ его войска во много разъ и снабженныхъ страшными гигантскими пушками, спеціально для осады отлитыми инженеромъ Орбаномъ. Золотой Рогъ былъ закрытъ цѣпью.

5 апр. 1453 Мухаммедъ II явился передъ городомъ 5 апрѣля 1453 г. Онъ лично руководилъ нападеніемъ со стороны суши, какъ и Константинъ лично руководилъ защитою. Нападеніе началось 11 апрѣля 1453 г., но сперва безъ желательнаго успѣха. Гигантская мортира Орбана разорвалась, и четыре христіанскихъ корабля вели при помощи греческаго огня успѣшное сраженіе съ турецкимъ флотомъ. Бреши были задѣланы, первый штурмъ 18 апрѣля отбитъ. Мухаммедъ началъ нападеніе также со стороны моря и именно съ внутренней стороны Золотого Рога. По заимствованному отъ венеціанцевъ способу, въ которомъ послѣдніе слѣдовали древнему кориноскому „волоку", корабли были перетащены черезъ полосу суши по деревянному помосту, и турки стали жестоко тѣснить грековъ съ моря.

Повторявшіеся съ 7 мая штурмы османовъ греки побѣдоносно отражали, нанося врагамъ тяжелый уронъ. Точно также подкопъ, направленный противъ Влахернъ, не удался, вслѣдствіе успѣшныхъ мѣръ, принятыхъ нѣмецкимъ инженеромъ Іоганномъ Грантомъ. Но непрестанный орудійный огонь турокъ пробилъ, наконецъ, въ стѣнахъ такія бреши, что на 29 мая могъ быть назначенъ рѣшительный штурмъ города. Послѣднее предложеніе сдать городъ Константинъ геройски отвергъ.

Въ 2 часа ночи въ четвергъ 29 мая 1453 г. началась ужасная борьба. Два штурма были побѣдоносно отбиты. Тогда султанъ выдвинулъ янычаръ. Они опять понесли большія потери. Но стрѣла тяжело ранила осмотрительно руководившаго обороной Джустиніани. Въ первый моментъ ошеломленный, онъ поспѣшилъ въ

гавань, чтобы сдѣлать себѣ перевязку на какомъ-нибудь кораблѣ. Наступившее замѣшательство замѣтилъ и использовалъ Саганъ-паша. Послѣ бѣшенаго боя отрядъ янычаръ крѣпко сталъ на стѣнѣ, въ то время какъ другой отрядъ нашелъ отпертыми маленькія ксилопортскія ворота и по стѣнѣ двинулся къ адріанопольскимъ воротамъ; усиленные прибывающими товарищами, они напали на императора съ тыла. Турецкія пушки сдѣлали теперь гигантскую брешь. Константинъ нашелъ геройскую смерть въ отважномъ бою. Побѣдители устроили ужасную рѣзню среди слабаго гарнизона, а затѣмъ обратились къ грабежу. 60.000 жителей стали плѣнниками. Много несчастныхъ, довѣряя старому предсказанію, бѣжало въ соборъ св. Софіи: здѣсь долженъ былъ произойти внезапный поворотъ въ судьбѣ христіанъ. Ворота были выбиты топорами, съ несчастными обошлись со всѣми ужасами военнаго права, соборъ былъ загаженъ и оскверненъ.

Въ 8 часовъ утра **30 мая 1453**. Мухаммедъ II вступилъ въ занятый городъ и передалъ св. Софію въ обладаніе ислама.

По всему Западу прошелъ стонъ при вѣсти о тяжелой потерѣ, которую понесло христіанство съ паденіемъ древняго римскаго города. Скудная помощь, посланная папой и венеціанцами, явилась слишкомъ поздно. Пелопоннескіе деспотаты раздѣлили семь лѣтъ спустя судьбу столицы. Римская имперія грековъ была вычеркнута изъ лѣтописей исторіи.

Май 1453 г. окончательно уложилъ въ гробъ Византійскую имперію. Давно наступилъ конецъ міродержавной роли грековъ; теперь исчезъ и ея ложный призракъ. Но Византія нашла могущественнаго наслѣдника. Русскій царь сочетался бракомъ съ царевной изъ дома Палеологовъ; вѣнецъ Константина Мономаха былъ возложенъ въ Кремлѣ на самодержца всея Руси. Русское государство представляетъ собою дѣйствительное продолженіе Византійской имперіи. И если св. Софія будетъ когда-либо возвращена истинной вѣрѣ, если когда-либо Малая Азія будетъ вырвана изъ рукъ отвратительно хозяйничающихъ тамъ турокъ, то это можетъ быть сдѣлано только русскимъ царемъ. Противодѣйствіе Англіи идетъ въ разрѣзъ съ природой и исторіей, и поэтому навѣрно, хотя быть можетъ довольно поздно, будетъ сломлено. Константинопольскимъ императоромъ можетъ стать только защитникъ православной вѣры, русскій царь, поскольку онъ серьезно проникнется великими обязанностями, связанными съ этой задачей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Н. Я. Костеша.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ ВИЗАНТІИ

Подъ редакціей и съ предисловіемъ

В. Н. Бенешевича,

профессора С.-Петербургскаго Университета.

Выпускъ II.

Изданіе Студенческаго Издательскаго Комитета при Истор.-Филол. факультетѣ СПБ. Университета.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1912.

II

VI. Уп

Типографія В. Безобразовъ и Ко. В. О., Большой просп., 61

Государственный строй

ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

Историко-юридическій этюдъ

Дж. Б. Бьюри (J. B. Bury)

профессора новой исторіи въ Кэмбриджскомъ Университетѣ.

Тѣ формы правленія, которыя обычно причисляются къ абсолютнымъ монархіямъ, не привлекли того вниманія и не были такъ тщательно изучены, какъ тѣ формы государственнаго строя, которыя извѣстны подъ именемъ республики и конституціонной монархіи. Существуетъ обширная литература объ абсолютной монархіи, разсматриваемой съ теоретической точки зрѣнія въ связи съ вопросомъ о божественномъ происхожденіи власти; но образцы государствъ подобнаго рода, которые даетъ исторія, не являлись предметомъ подробнаго сравнительнаго изученія. Монтескье, напримѣръ, разсматриваетъ ихъ, безразлично, какъ деспотіи. Вѣроятно, причина этого коренится въ кажущейся простотѣ того устройства, при которомъ верховная власть цѣликомъ принадлежитъ одному человѣку: когда мы говоримъ, что воля монарха—верховная воля, то можетъ казаться, что этимъ сказано все. Византійская имперія—примѣръ абсолютной монархіи, и я надѣюсь показать, что поскольку рѣчь идетъ о ней, слѣдуетъ сказать еще многое другое.

Абсолютная и конституціонная монархія.

Терминъ „абсолютная монархія" употребляется для отличія ея отъ ограниченной или конституціонной монархіи. Подъ абсолютной же монархіей я понимаю такую, въ которой вся законодательная, судебная и исполнительная власть въ государствѣ принадлежитъ монарху, и не существуетъ другой независимой и конкуррирующей власти [1]). Ограниченная монархія это такая, въ которой, наряду съ такъ называемымъ монархомъ, существуютъ другіе политическіе органы, которые обладаютъ собственной независимой и дѣйствительной властью и участвуютъ въ верховной власти. Термины абсолютная и конституціонная монархія неудовлетворительны съ логической точки зрѣнія, ибо они соединяютъ въ одну группу, какъ

---

[1]) Это опредѣленіе отличается нѣсколько отъ того, которое даетъ *Сиджвикъ* въ своемъ Development of European polity, стр. 10: „называя его (абсолютнаго монарха) «абсолютнымъ», хотятъ сказать, что не существуетъ никакой установленной конституціонной власти, никакой человѣческой власти, которой его подданные обычно повиновались бы такъ же, какъ и ему, и которая могла бы законно оказывать ему сопротивленіе и требовать у него отчета".

подраздѣленія класса „монархія“, обѣ эти формы государственнаго устройства, внушая ту мысль, будто онѣ имѣютъ больше точекъ реальнаго соприкосновенія другъ съ другомъ, чѣмъ съ какой-либо другой формой правленія. Это, очевидно, не вѣрно: конституціонная монархія стоитъ гораздо ближе къ республикѣ, вродѣ Франціи, чѣмъ къ абсолютной монархіи, вродѣ Россіи. Англійское государство, напримѣръ, въ которомъ законодательная власть осуществляется черезъ согласіе независимыхъ органовъ—короны, лордовъ и общинъ, можетъ быть опредѣлена гораздо правильнѣе какъ тріархія, чѣмъ монархія; и кажется очень неудачнымъ то, что слово „монархія“ безъ всякой нужды стали употреблять, какъ синонимъ королевской власти. „Ограниченная монархія“, уже давно сказалъ Аустинъ [1]), „не есть монархія“. Монархія въ строгомъ смыслѣ слова—одна лишь абсолютная монархія.

Автократія. Мы имѣемъ, однако, для выбора еще терминъ „автократія“, который не содержитъ въ себѣ никакихъ двусмысленностей, который и можетъ, смѣю думать, быть съ выгодой для дѣла принятъ, какъ техническій терминъ для обозначенія этой формы правленія въ разсужденіяхъ о государственномъ строѣ. Терминъ „автократія“ имѣетъ еще особое преимущество передъ терминомъ „абсолютная монархія“: автократіи не всѣ одинаковы въ проявленіи власти, дѣйствительно осуществляемой автократоромъ. Хотя и не ограниченный какимъ-либо органомъ, обладающимъ независимой властью, автократоръ можетъ быть на дѣлѣ ограниченъ инымъ путемъ. Теперь мы можемъ, точно выражаясь, говорить о болѣе или менѣе ограниченныхъ автократіяхъ, между тѣмъ, какъ безусловно не точно говорить о болѣе или менѣе абсолютныхъ монархіяхъ, потому что самое слово „абсолютный“ не допускаетъ различія по степенямъ.

Римская имперія въ теченіе первыхъ трехъ столѣтій. Съ самаго начала и въ теченіе первыхъ трехъ столѣтій своего существованія Римская имперія была теоретически республикой. Сенатъ существовалъ наряду съ императоромъ, какъ органъ, облеченный властью, независимой отъ императорской; но тѣ функціи, которыя онъ осуществлялъ въ силу этой власти, отпадали одна за другой. Онъ становился все болѣе и болѣе зависимымъ отъ императора, и въ концѣ третьяго столѣтія фикція второй власти въ государствѣ исчезла сразу, хотя сенатъ и не былъ упраздненъ [2]). Съ этого времени при существованіи системы, установленной Діоклитіаномъ и Константиномъ вплоть до паденія имперіи въ XV вѣкѣ, форма правленія была всецѣло и откровенно автократична.

---

[1]) Lectures on Jurisprudence I, 241 (изд. 1885).

[2]) Римскій сенатъ тѣмъ не менѣе, кажется, сохранилъ нѣкоторый номинальный суверенитетъ; ибо во время режима Теодориха, онъ имѣлъ власть, подобно императору constituere leges (право, котораго Теодорихъ не имѣлъ) ср. Кассіодоръ Variae 6, 4, § 1, 2 (стр. 177 ed. *Mommsen*).

Порядокъ занятія престола.

Существенное различіе, однако, можетъ быть найдено между автократіями въ порядкѣ занятія престола. Верховная власть можетъ быть наслѣдственной или выборной. Если автократія выборная, то верховная власть исходитъ отъ избирателей, которые, когда престолъ становится вакантнымъ, осуществляютъ независимую и верховную власть при избраніи новаго монарха. Если она наслѣдственна, если право автократора зависитъ всецѣло и неотъемлемо отъ его рожденія, тогда мы можемъ сказать, что его верховная власть ни отъ кого не исходитъ: наслѣдованіе престола автоматично, и нѣтъ такого мгновенія, когда какое-либо другое лицо или лица, кромѣ монарха, могутъ существить актъ верховной власти, подобный тому, какой заключается въ избраніи государя. Это различіе можетъ повести, какъ мы увидимъ, къ важнымъ послѣдствіямъ.

Выборное начало въ Римской имперіи.

Въ Римской имперіи императорская власть продолжала оставаться выборной, подобно тому, какъ это было съ самаго начала, и самый способъ избранія оставался одинъ и тотъ же. Когда престолъ становился вакантнымъ, новый императоръ избирался сенатомъ и арміей. Иниціативу могли брать на себя, какъ сенатъ, такъ и армія, и оба порядка признавались равно дѣйствительными. Конечно, только часть арміи дѣйствительно избирала императора; напримѣръ, если выборы происходили въ Константинополѣ, то избирали гвардейскіе полки. Но эта часть арміи разсматривалась въ такомъ случаѣ, какъ представительница всѣхъ войскъ, разбросанныхъ по имперіи. Назначеніе императора, не принимало, по формѣ, характера того дѣйствія, которое обыкновенно мы понимаемъ, какъ выборы. Если солдаты брали на себя иниціативу, они просто провозглашали того человѣка, котораго они хотѣли. Если выборы производились сенатомъ,-порядокъ выборовъ могъ отличаться большей обдуманностью. Но кажется, что не было формальнаго подсчета голосовъ, и существеннымъ актомъ было провозглашеніе [1]): было достаточно, чтобы одинъ изъ этихъ органовъ провозгласилъ императора, чтобы тѣмъ самымъ установилось его право на власть; другому органу оставалось только согласиться, и инаугурація была формально завершена, когда населеніе Константинополя также привѣтствовало новаго императора на ипподромѣ—формальность, всегда соблюдаемая и напоминавшая о томъ, что жители новой столицы Константинополя наслѣдовали права древняго populus Romanus [2]).

---

[1]) Ἀναγόρευσις (proclamatio). Это техническій терминъ, обозначавшій всю процедуру инаугураціи.

[2]) Въ древнѣйшей Римской имперіи римскій народъ взялъ на себя иниціативу въ провозглашеніи Пертинакса, принудивши къ этому и преторіанцевъ; но, несомнѣнно, провозглашеніе послѣдними передало Пертинаксу власть (imperium). Въ Византійской имперіи мы находимъ, что часть константинопольскаго народа беретъ на себя иниціативу въ провозглашеніи племянниковъ Анастасія, во время бунта Ника противъ Юстиніана.

Значеніе сената Новаго Рима.

Та роль, которую сенатъ игралъ при назначеніи императора, либо его избраніемъ, либо утвержденіемъ выборовъ арміи, имѣетъ важное значеніе съ точки зрѣнія государственнаго строя. Сенатъ или синклитъ Новаго Рима былъ органомъ, очень отличнымъ отъ стараго римскаго сената. Это былъ небольшой совѣтъ, состоявшій изъ лицъ, принадлежавшихъ къ нему въ силу административныхъ должностей, на которыя они назначались императоромъ. Въ дѣйствительности, старый сенатъ слился съ консисторіей, или императорскимъ совѣтомъ, и поэтому новый сенатъ имѣлъ двойственный характеръ. Пока имѣлся на лицо царствующій императоръ, сенатъ дѣйствовалъ, какъ консисторія или совѣщательный органъ при государѣ. Въ промежуткѣ же между двумя царствованіями онъ осуществлялъ независимую власть, ставшую временно выморочной, и отправлялъ функціи, которыя онъ унаслѣдовалъ отъ стараго сената.

Низложеніе императора.

Но не только въ то время, когда престолъ былъ вакантнымъ, сенатъ отправлялъ эти функціи. Право избранія могло быть осуществляемо сенатомъ и арміей во всякое время. Было принципомъ государственнаго права въ древнѣйшій періодъ имперіи, что народъ, который сдѣлалъ императора, можетъ также его низложить, и этотъ принципъ продолжалъ оставаться въ силѣ и при существованіи автократіи. Не существовало формальнаго порядка низложенія государя, но члены общества, если его управленіе болѣе ихъ не удовлетворяло провозгласивъ новаго императора, имѣли возможность свергнуть прежняго съ престола, и если кто-либо, провозглашенный такимъ образомъ, находилъ достаточную поддержку въ арміи, сенатѣ и народѣ, то старый императоръ бывалъ вынужденъ покинуть престолъ, удалившись въ монастырь съ утратой зрѣнія или безъ нея, или даже лишившись жизни, сообразно обстоятельствамъ или темпераменту своего замѣстителя. Между тѣмъ, въ новомъ императорѣ видѣли законнаго монарха съ того дня, въ который онъ былъ провозглашенъ; провозглашеніе разсматривалось, какъ законное выраженіе общей воли. Если у него не было достаточнаго числа приверженцевъ, чтобы сдѣлать провозглашеніе дѣйствительнымъ, и если его устраняли, то съ нимъ поступали, какъ съ бунтовщикомъ; но во время борьбы и до катастрофы тотъ фактъ, что часть арміи провозгласила его, предположительно давалъ ему конституціонный status, который могъ быть укрѣпленъ или аннулированъ исходомъ борьбы. Низложеніе императора всегда было въ сущности революціей. Мы привыкли разсматривать революцію, какъ нѣчто по существу своему неконституціонное, какъ обращеніе отъ права къ силѣ; но въ Римской имперіи оно не было актомъ антиконституціоннымъ: формой правленія была тамъ, по выраженію Моммсена, „автократія, смягченная законнымъ правомъ революціи“.

Инсигніи императо[ра]

Такимъ образомъ, верховная власть римскаго автократора была делегирована ему обществомъ, представленнымъ сенатомъ, арміей и, можемъ мы прибавить, константинопольскимъ населеніемъ [1]). Символомъ передаваемой такимъ образомъ власти была діадема, окончательно введенная въ употребленіе Константиномъ. Императоръ носилъ и другія инсигніи, какъ-то: пурпурную мантію и красные сапоги; но діадема была по преимуществу символомъ и выраженіемъ автократіи. Одно лишь одѣяніе указывало на достоинство императора или главнокомандующаго арміи, и никакія формальности не были связаны съ его возложеніемъ. Иначе обстояло дѣло съ короной, которая въ персидскомъ царствѣ, откуда она была заимствована, возлагалась на голову царя первосвященникомъ религіи маговъ. Въ теоріи, императорская корона должна была быть возложена представителемъ тѣхъ, которые передавали верховную власть, ею символически обозначаемую. И въ четвертомъ вѣкѣ мы видимъ префекта Саллюстія Секунда коронующимъ Валентиніана I, въ избраніи котораго онъ принялъ наиболѣе значительное участіе.

Коронація

Но императоры чувствовали, кажется, нѣкоторое смущеніе, получая такимъ образомъ діадему изъ рукъ подданнаго; и дарованіе какому-либо магнату высокаго права передавать символъ верховной власти могло служить причиной вражды и зависти. Однако, какая-либо формальность признавалась необходимой. Въ V вѣкѣ затрудненіе были обойдено остроумнымъ и тактичнымъ способомъ: обязанность короновать императора была возложена на патріарха Константинопольскаго. Отправляя эту обязанность, патріархъ не возбуждалъ зависти въ свѣтскихъ магнатахъ, ибо онъ не могъ быть ихъ соперникомъ, а его церковное положеніе освобождало императора отъ непріятности получать діадему отъ подданнаго. Очень вѣроятно, хотя и не стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній, предположеніе, что этотъ выходъ былъ найденъ при коронаціи Маркіана въ 450 году, но кажется несомнѣннымъ, что его преемникъ Левъ I былъ коронованъ патріархомъ въ 457 г. Съ тѣхъ поръ это вошло въ обычай. Въ XIII в. мы видимъ, что Θедоръ II откладывалъ свою коронацію до тѣхъ поръ, пока патріаршій престолъ, случайно оказавшійся вакантнымъ, не былъ занятъ. Хотя это было правильной и желательной формой коронаціи, однако эту форму никогда не разсматривали, какъ небходимую для законнаго вступленія автократора во власть. Послѣдній изъ восточноримскихъ императоровъ—Константинъ XI Палеологъ—не былъ коронованъ патріархомъ: его короновало свѣтское лицо [2]). Многозначи-

---

[1]) Ср., напр., у Льва Діакона, II, 12, гдѣ Поліевктъ говоритъ, что сыновья Романа II были провозглашены императорами „нами (сенатомъ) и всѣмъ народомъ".

[2]) Никифоръ Вріенній, который былъ провозглашенъ императо-

теленъ тотъ фактъ, что коронованіе патріархомъ, хотя оно и было вошедшимъ въ жизнь обычаемъ, не было необходимо съ конституціонной точки зрѣнія, ибо она не обозначаетъ того, что патріархъ, совершая церемонію, представляетъ церковь. Возможно, что мысль передать патріарху обязанность коронаціи была внушена коронаціями персидскихъ царей, которыя совершались главою маговъ, но значеніе тѣхъ и другихъ коронацій было неодинаково: глава маговъ дѣйствовалъ, какъ представитель персидской религіи, патріархъ же, какъ представитель государства [1]). Дѣйствительно, если бы онъ представлялъ церковь, то ясно, что безъ его участія никогда нельзя было бы обойтись. Другими словами, никакая новая конституціонная теорія или конституціонное требованіе не были введены установленіемъ привилегіи патріарха короновать императоровъ: она не имѣла того значенія, будто согласіе церкви было формально необходимо для вступленія государя на престолъ.

Назначеніе императоромъ преемника.

Я постараюсь уяснить эту сторону дѣла въ связи съ другой существенной чертой государственнаго устройства, къ которой мы сейчасъ подойдемъ. Если вы просмотрите списокъ императоровъ, вы найдете, что только меньшинство ихъ были дѣйствительно выбраны тѣми путями, какіе я описалъ. Въ большинствѣ случаевъ, когда императоръ умиралъ, престолъ не становился вакантнымъ, ибо большею частью при императорѣ былъ младшій коллега, который былъ уже облеченъ императорскимъ достоинствомъ, такъ что ни въ какихъ новыхъ выборахъ не было нужды. Порядокъ [2]), въ силу котораго царствующій императоръ могъ назначить своего преемника, видоизмѣнялъ избирательный принципъ. Императоръ имѣлъ обыкновеніе назначать наслѣдникомъ престола своего сына, если у него былъ таковой; такимъ образомъ, сынъ часто наслѣдовалъ отцу и исторія Римской имперіи знаетъ цѣлый рядъ наслѣдственныхъ династій. Конституція имперіи такимъ образомъ соединяла избирательный и наслѣдственный принципъ; найденъ былъ способъ использовать преимущество наслѣдственной передачи власти и

ромъ въ царствованіе Михаила VII (XI в.) и былъ устраненъ, самъ возложилъ на себя діадему. См. Анна Комнина „Алексіада“ I, 4.

[1]) Это выяснилъ *W. Sickel* въ своей важной статьѣ Das byzantinische Krönungsrecht bis zum X Jahrhundert, въ Byzantinische Zeitschrift (1898), VII, стр. 511 и сл.; ему я считаю своимъ долгомъ засвидѣтельствовать мою признательность. О деталяхъ коронаціонныхъ церемоній см. статью *Брайтмана* (*Brightman*) Journal of Theological Studies (1901). II, стр. 359 и сл.

[2]) Онъ былъ введенъ Августомъ въ формѣ соправительства; обстоятельное обсужденіе вопроса см. у *Моммсена* Staatsrecht II, стр. 1145 и сл. (изд. 3-е).

Въ порядкахъ эллинистическихъ государствъ (Македонія, Сирія и Египетъ) находимъ матеріалъ для поучительныхъ сравненій относительно комбинаціи избирательнаго и династическаго принциповъ, а также системы соправительствъ.

устранить ея неудобства, сохранивъ избирательный принципъ. Главное преимущество наслѣдственной монархіи состоитъ въ томъ, что она избавляетъ отъ опасности дворцовыхъ смутъ и гражданской войны, которыя легко могутъ возникнуть, если престолъ замѣщается по выборамъ и являются два соперничающихъ кандидата. Ея главный недостатокъ въ томъ, что верховная власть можетъ иногда неизбѣжно перейти къ слабому и неспособному правителю. Результатомъ соединенія двухъ принциповъ—династическаго и избирательнаго—было то, что бывало гораздо меньше неспособныхъ государей, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы династическое наслѣдованіе было исключительно; и бывало меньше столкновеній за власть, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы каждая смѣна правителя сопровождалась непремѣнно выборами. Было бы интересно прослѣдить—если бы у насъ былъ для этого матеріалъ—какъ жители имперіи все болѣе и болѣе привязывались къ идеѣ легитимности, т. е. къ той идеѣ, что дѣти императора имѣютъ конституціонное право на верховную власть. Мы все-таки можемъ видѣть, что это чувство сильно выросло во время долгаго правленія Македонской династіи; этотъ фактъ можетъ быть иллюстрированъ политической ролью, которую удалось сыграть императрицѣ Зоѣ, совершенно невѣжественной и развращенной старухѣ, только потому, что она была дочерью Константина VIII. Но оставался въ силѣ тотъ фактъ, что хотя отецъ и неизмѣнно возводилъ своего старшаго сына, а иногда вмѣстѣ съ нимъ и младшихъ, въ санъ августа, все-таки сынъ становился императоромъ въ силу воли своего отца, но не въ силу рожденія. Императоръ никоимъ образомъ не былъ обязанъ сдѣлать наслѣдникомъ своего сына [1]). Теперь я предлагаю обратить ваше вниманіе на то, что въ тѣхъ случаяхъ, когда царствующій государь назначалъ кого-либо вторымъ императоромъ, своего сына или кого-либо другого, выборовъ не происходило. Сенатъ, армія и народъ выражали свою радость и удовлетвореніе во время церемоній, сопровождавшихъ назначеніе, но самое назначеніе было всецѣло дѣломъ императора. Конституціонное значеніе этого факта очевидно: въ автократическія полномочія, данныя императору, включалось право передавать императорское достоинство другимъ. Это входило въ составъ его суверенитета имѣть власть назначить себѣ коллегу, который по власти былъ вторымъ государемъ. Различіе между назначеніемъ императора, когда престолъ является вакантнымъ, и назначеніемъ императора-коллеги, когда престолъ занятъ, ясно и знаменательно выра-

[1]) Этотъ принципъ былъ выдвинутъ Андроникомъ II, который стремился устранить своего внука—Андроника III—отъ престола. Гражданскія войны, которыя вслѣдствіе этого произошли, съ конституціонной точки зрѣнія являются столкновеніемъ между этимъ принципомъ и идеей легитимности, къ которой византійцы очень привязались.

жается разницею между коронаціонными актами въ обоихъ случаяхъ: въ первомъ случаѣ актъ совершается представителемъ избирателей, почти всегда патріархомъ, во второмъ случаѣ онъ регулярно совершается царствующимъ императоромъ. Это онъ, владѣя нераздѣльно верховной властью, передаетъ императорское достоинство и поэтому своими собственными руками вручаетъ символическіе знаки этого достоинства. Правда, онъ иногда передаетъ обязанность совершить коронацію патріарху, но въ такомъ случаѣ патріархъ дѣйствуетъ просто, какъ его делегатъ [1]). Это различіе подтверждаетъ ту мысль, что патріархъ, осуществляя коронаціонныя обязанности, дѣйствуетъ, какъ представитель избирателей, а не церкви. Дѣйствительно, если бы коронація понималась, какъ религіозный актъ, она бы во всѣхъ случаяхъ совершалась главнымъ служителемъ церкви.

Соимператорство и автократія.

Но теперь вы можете спросить, строго ли приложимъ къ имперіи терминъ „автократія", либо терминъ „монархія"? Монархія и автократія означаютъ верховное правленіе одного человѣка, но, какъ мы только-что видѣли, императоръ обычно имѣлъ коллегу. И въ ранней и въ позднѣйшей имперіи постоянно бывало два императора, иногда больше. Въ десятомъ вѣкѣ, наприм., въ царствованіе Романа I ихъ было даже пять. Каждый изъ нихъ былъ августъ, каждый—василевсъ [2]). Этотъ порядокъ возникъ изъ первоначально-коллегіальнаго характера проконсульской и трибунской власти (imperium proconsulare, tribunitia potestas), на

---

[1]) Обычная форма выраженія такова: ἔστρεψε διὰ τοῦ πατριάρχου (сравн. Θеофана, 417_{25}; 426_{27}; 480_{11}; 494_{26}). Болѣе точно сказано у Кедрина, II, 296: Романъ I былъ коронованъ патріархомъ ἐπιτροπῇ τοῦ βασιλέως Κωνσταντίνου (который былъ несовершеннолѣтнимъ). Въ нормальной церемоніи коронованія коллеги императора, описанной у Константина Порфиророднаго, de caerimoniis I, 38, патріархъ передаетъ корону въ руки императора, который возлагаетъ ее на голову новаго императора стр. 194)

[2]) Коллега императора часто обозначается, какъ ὁ δεύτερος βασιλεύς или какъ ὁ συμβασιλεύς (и мы можемъ предположить, что названіе Оттона II coimperator'омъ его отца заимствовано отсюда); если онъ ребенокъ, то онъ отличается обозначеніемъ „малый императоръ" (ὁ μικρὸς βασιλεύς), и этимъ безъ сомнѣнія объясняется, почему Θеодосій II называется ὁ μικρός: это названіе, прилагавшееся къ нему, когда онъ былъ малолѣтнимъ, пережило его юность, ибо оно служило для того, чтобы отличать его отъ его дѣда и тезки, Θеодосія Великаго. Въ одномъ случаѣ мы находимъ терминъ rex своеобразно приложеннымъ ко второму императору. Это имѣло мѣсто на бронзовой монетѣ 866—67 годовъ, когда Василій I былъ коллегой Михаила III. На лицевой сторонѣ значится Mihael impera(tor), на оборотѣ—Basilius rex (*Wroth* Catalogue of the Imperial Byzantine Coins of the British Museum II, 432). Я не знаю, какъ объяснить эту исключительную особенность, которая стоитъ въ противорѣчіи со всѣми принципами римской власти. Западный титулъ Romanorum rex, который въ XI в. началъ усваиваться западными императорами, прежде чѣмъ они короновались въ Римѣ, и затѣмъ прилагался къ ихъ преемникамъ, не можетъ быть привлеченъ для сравненія съ упомянутымъ фактомъ.

которыхъ Августъ основывалъ свои полномочія. Но хотя римская императорская власть (imperium или βασιλεία) была коллегіальна, суверенитетъ былъ недѣлимъ. Когда имѣлось на лицо два императора, только одинъ осуществлялъ верховную власть и управлялъ государствомъ; его коллега былъ ему подчиненъ и только пользовался императорскими почестями, пребывая въ ожиданіи наслѣдства; хотя его имя появлялось въ законодательныхъ актахъ, а его изображеніе—на монетахъ, и хотя онъ пользовался всѣми императорскими почестями, онъ былъ только фиктивнымъ участникомъ власти. За однимъ исключеніемъ, которое я сейчасъ отмѣчу, единственные случаи осуществленія коллегами императора конкуррирующей верховной власти имѣли мѣсто въ эпоху отъ Діоклитіана до Юлія Непота, когда имперія была территоріально раздѣлена: напримѣръ, Діоклитіанъ и Максиміанъ, сыновья Константина, Аркадій и Гонорій были отдѣльными монархами въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ. Но за исключеніемъ случаевъ территоріальнаго раздѣленія, верховная власть осуществлялась однимъ человѣкомъ, и поэтому монархія—правильное опредѣленіе государственнаго строя Византійской имперіи. Въ царствованіе Константина IV солдаты просили императора короновать и его двухъ братьевъ. „Мы вѣримъ въ Троицу", кричали они, „и хотимъ имѣть трехъ императоровъ". Но это заявленіе не должно быть истолковываемо, какъ требованіе того, чтобы каждый членъ вожделѣнной императорской троицы осуществлялъ верховную власть. Подобная коллективная верховная власть, кромѣ одного случая, никогда не была испытана на дѣлѣ, и ясное различіе устанавливалось между правящимъ василевсомъ и тѣмъ, который не правилъ. Исключеніе составилъ совершенно особенный случай двухъ императрицъ—Θеодоры и Зои, которыя совмѣстно правили короткое время въ одиннадцатомъ вѣкѣ. Я вскорѣ упомяну объ этомъ случаѣ еще разъ, когда я буду говорить о положеніи императрицъ.

Титулы василевсъ и автократоръ.

Здѣсь я долженъ остановиться ненадолго на титулѣ василевсъ и другомъ греческомъ титулѣ автократоръ, которые употреблялись для обозначенія императора. Въ древней имперіи слово василевсъ употреблялось на Востокѣ и особенно въ Египтѣ, гдѣ Августъ разсматривался, какъ преемникъ Птоломеевъ, но не было оффиціально употребляемо для обозначенія императора. Это греческое слово не соотвѣтствовало латинскому—императоръ. Греческое слово, принятое для перевода слова императоръ, было автократоръ, и этотъ терминъ всегда употреблялся на греческихъ императорскихъ надписяхъ. Съ IV вѣка слово василевсъ вошло во всеобщее употребленіе въ частяхъ имперіи, говорящихъ по гречески. Это былъ обычный терминъ, употребляемый греческими писателями; но онъ еще не былъ принятъ, какъ оффиціальный титулъ,

и оффиціально онъ былъ введенъ только въ VII столѣтіи, въ царствованіе Ираклія. Уже показано, [1]) что древнѣйшій оффиціальный актъ, въ которомъ императоръ титулуетъ себя василевсомъ, это законъ Ираклія 629 года; въ болѣе раннихъ грамотахъ своего царствованія онъ употребляетъ еще старый традиціонный титулъ—автократоръ. Правда, пока не удалось выяснить причину этой перемѣны въ стилѣ, но многозначащая дата—629 годъ—замѣняетъ всякое иное объясненіе. Въ этомъ году Ираклій закончилъ завоеваніе Персіи. Между тѣмъ, персидскій царь былъ единственнымъ иностраннымъ монархомъ, которому римскій императоръ соглашался дать титулъ василевса; былъ еще, правда, абиссинскій царь, но онъ едвали принимался въ расчетъ. Пока внѣ Римской имперіи существовалъ крупный независимый василевсъ, императоры воздерживались принимать титулъ, которымъ обладалъ другой монархъ. Но какъ только этотъ монархъ былъ низведенъ на положеніе зависимаго вассала и не было болѣе конкурренціи, императоръ отмѣтилъ это событіе, усвоивъ оффиціально тотъ титулъ, который въ теченіе столѣтій прилагался къ нему неоффиціально.

Имперія была очень консервативна въ формулахъ и обычаяхъ; медленно происходили измѣненія въ оффиціальныхъ документахъ, еще медленнѣе въ монетномъ чеканѣ. Только болѣе столѣтія спустя, монетный дворъ начинаетъ принимать слово василевсъ. Благодаря этой перемѣнѣ, василевсъ сталъ оффиціальнымъ эквивалентомъ императора; онъ занялъ мѣсто автократора, и стало возможно для слова „автократоръ“ вернуться къ собственному этимологическому значенію и выражать всю полноту этого значенія. Такъ, въ позднѣйшія времена мы находимъ сильно выраженную тенденцію прилагать этотъ терминъ спеціально къ тому василевсу, который былъ дѣйствительнымъ правителемъ. Хотя онъ и его коллега могли быть совмѣстно провозглашены автократорами, однако, слово автократоръ въ особенности употребляется для обозначенія полноты деспотической власти, которая была осуществляема однимъ лишь старшимъ императоромъ [2]). Такъ мы можемъ сказать, что въ древнія времена василевсъ былъ болѣе широкимъ титуломъ, выражавшимъ полноту монархической власти, которую система Августа

---

[1]) *L. Brehier* въ Byzantinische Zeitschrift 1906, XV, стр. 151 и сл.

[2]) Этотъ терминъ вошелъ въ оффиціальное употребленіе въ XI вѣкѣ, какъ усиленіе титула василевсъ (βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ), и въ латинскихъ дипломахъ его переводятъ терминомъ moderator, василевса же — imperator. Коллега императора могъ употреблять титулъ автократоръ только въ силу спеціальнаго разрѣшенія старшаго императора (Кодинъ, de officiis гл. 17, стр. 86—87). Но различіе опредѣлилось съ IX вѣка, ибо въ Kletorologion Филоѳея (ок. 900 г.) (у Constant. Porphyrogen. de caerimoniis стр. 712) мы находимъ терминъ ὁ αὐτοκράτωρ βασιλεύς, опредѣленно контрастирующимъ съ ὁ δεύτερος βασιλεύς.

имѣла въ виду скрыть, и автократоръ былъ просто эквивалентомъ республиканскаго титула — императоръ. Однако въ позднѣйшія времена значеніе обоихъ титуловъ стало обратнымъ, и автократоръ сталъ болѣе широкимъ титуломъ, выражающимъ полноту власти, которой уже не подчеркивалъ привычный „василевсъ".

Право женщинъ на престолъ.

Прежде чѣмъ мы оставимъ разсужденія объ этой части нашего предмета, необходимо сказать два слова о правѣ женщинъ осуществлять автократическую власть. Съ самаго основанія имперіи титулъ „августы" былъ даваемъ женамъ императоровъ, и въ древнія времена мы находимъ матерей несовершеннолѣтнихъ императоровъ, подобно, напр., Агриппинѣ и Юліи Домнѣ, осуществляющими политическую власть; но эта власть была всегда осуществляема отъ имени ихъ сыновей. Въ началѣ V вѣка августа Пульхерія стоитъ во главѣ регентства, дѣйствовавшаго отъ имени ея брата Θеодосія II, пока онъ былъ несовершеннолѣтнимъ. Послѣ его бездѣтной смерти было признано, что хотя она не можетъ управлять одна, она тѣмъ не менѣе имѣетъ право голоса при выборѣ новаго императора, и изъ затруднительнаго положенія нашли выходъ, путемъ номинальнаго ея брака съ Маркіаномъ. Подобнымъ же образомъ 40 лѣтъ спустя, когда Зинонъ умираетъ, не оставивъ сына, его жена—августа Аріадна, съ общаго согласія пользуется рѣшающимъ голосомъ при избраніи преемника ея мужа; ея выборъ падаетъ на Анастасія, и его избираютъ. Но не она передаетъ Анастасію императорскую власть: сенатъ и армія избираютъ его, согласно ея желаніямъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи политическое значеніе императрицъ возрастаетъ, благодаря исключительному положенію, занятому Θеодорой — супругой Юстиніана—и Софіей—супругой Юстина II. Но хотя императрица и можетъ дѣйствовать за несовершеннолѣтняго въ качествѣ регентши [1]), можетъ вмѣшиваться въ избраніе императора, можетъ пользоваться почестями, подчеркивающими, что она скорѣе коллега своего мужа-императора, чѣмъ его супруга, все-таки она никогда не осуществляетъ независимой верховной власти, никогда не бываетъ автократоромъ, въ позднѣйшемъ значеніи этого слова. Переходя къ концу VIII столѣтія, мы подходимъ къ императрицѣ Иринѣ, аѳинянкѣ, которая знаменита, какъ первая возстановительница иконопочитанія. Когда ея мужъ умеръ, ея сынъ Константинъ VI былъ слишкомъ молодъ, чтобы править, и она правила такимъ же образомъ, какъ Пульхерія за Θеодосія. Когда Константинъ достаточно подросъ, чтобы самому упра-

[1]) Если императоръ чувствовалъ приближеніе смерти, а его коллега былъ несовершеннолѣтнимъ, то онъ могъ сдѣлать распоряженіе по своему усмотрѣнію относительно регентства. Это, напр., сдѣлали Θеофилъ и Александръ.

влять, Ирина неохотно отступила на задній планъ, и хотя ея сынъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и былъ ея преемникомъ, держа власть въ собственныхъ рукахъ, однако, она все время интриговала противъ него, и борьба кончилась ея торжествомъ. Ирина была причиной того, что сынъ ея былъ ослѣпленъ, и въ теченіе пяти лѣтъ она правила со всею полнотою верховной власти, какъ автократоръ. Это было значительнымъ конституціоннымъ новшествомъ, и оффиціальный стиль ея грамотъ любопытнымъ образомъ показываетъ, что это новшество дѣйствительно ощущалось, какъ таковое. Къ ней всегда обращались съ рѣчью, какъ къ императрицѣ, но въ оффиціальныхъ документахъ ее называли не „Ирина—императрица", а „Ирина—императоръ" (василевсъ) [1]). Чувствовалось, что только императоръ можетъ законодательствовать, и поэтому была въ законодательствѣ принята фикція, что она—мужчина.

Было сказано въ Западной Европѣ съ цѣлью оправдать притязанія Карла Великаго на императорство, что верховная власть въ имперіи не можетъ находиться въ рукахъ женщины, и что нахожденіе Ирины у власти—въ дѣйствительности междуцарствіе; но византійцы никогда не принимали этой конститиціонной доктрины. Тѣмъ не менѣе, они серьезно возражали противъ правленія женщинъ, кромѣ, какъ въ качествѣ регентовъ, и прецедентъ, установленный Ириной, былъ повторенъ только въ случаѣ Зои и Ѳеодоры—двухъ племянницъ Василія II Болгаробойцы. Мы видимъ, что каждая изъ нихъ въ отдѣльности осуществляетъ въ теченіе короткаго времени верховную власть; мы видимъ также, что онѣ правятъ совмѣстно. Это тотъ примѣръ, о которомъ я выше упоминалъ: опытъ правленія при помощи двухъ автократоровъ. Ихъ совмѣстное правленіе могло быть продолжено, если бы онѣ находились въ согласіи; но Зоя очень завидовала Ѳеодорѣ и, съ цѣлью устранить ее, взяла себѣ супруга, который тотчасъ усвоилъ самодержавную власть, и Зоя вернулась къ подчиненному положенію супруги.

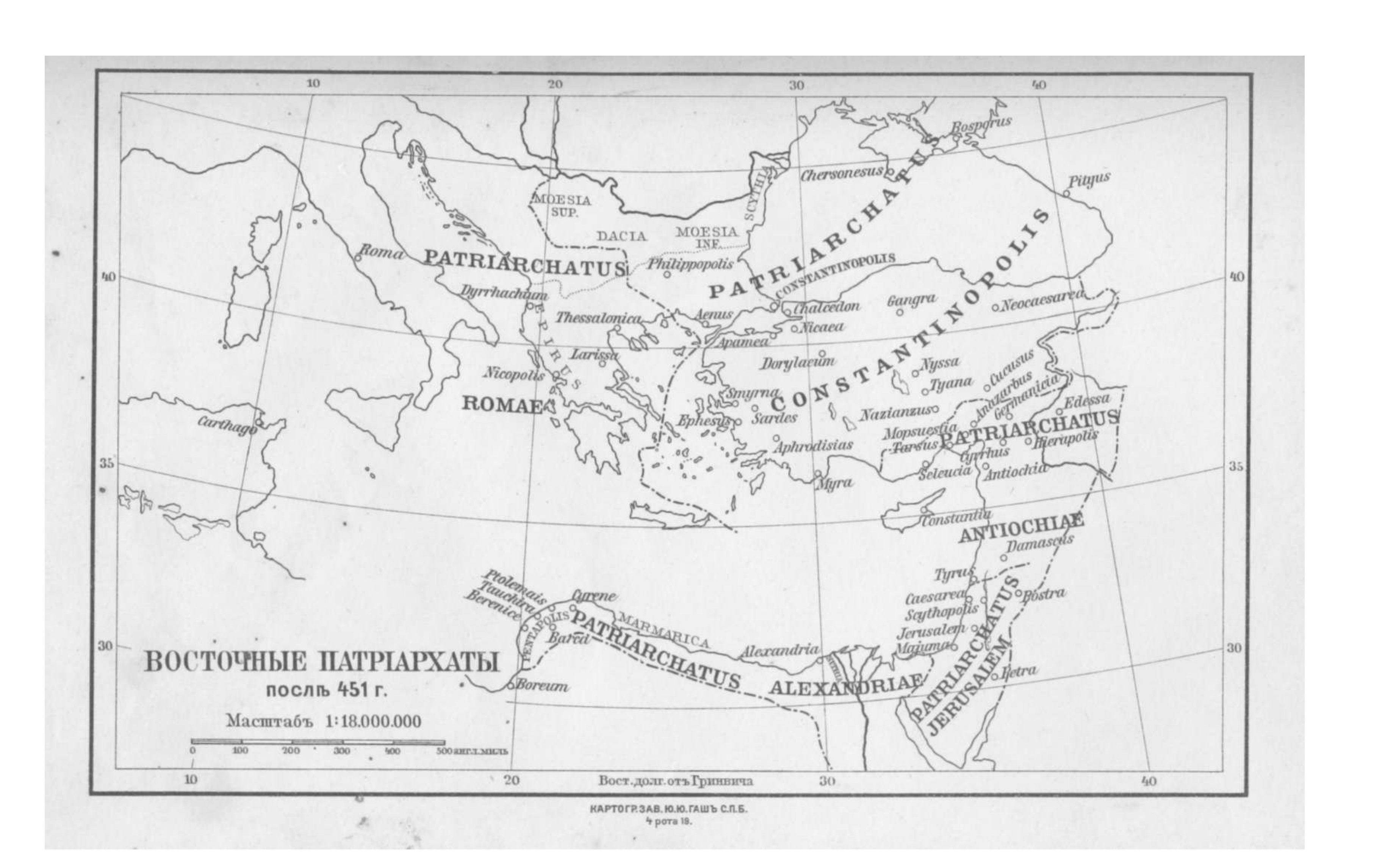
Природа и объемъ императорской власти.

Мы можемъ теперь перейти къ разсмотрѣнію природы и объема императорскаго верховенства. Актъ провозглашенія вручалъ верховную власть императору. Въ прежнее время императорскія полномочія были точно опредѣлены закономъ, именно lex de imperio. Мы имѣемъ текстъ закона, касавшагося Веспасіана. Но обычай возобновленія этого закона при вступленіи на престолъ новаго императора прекратился, и при

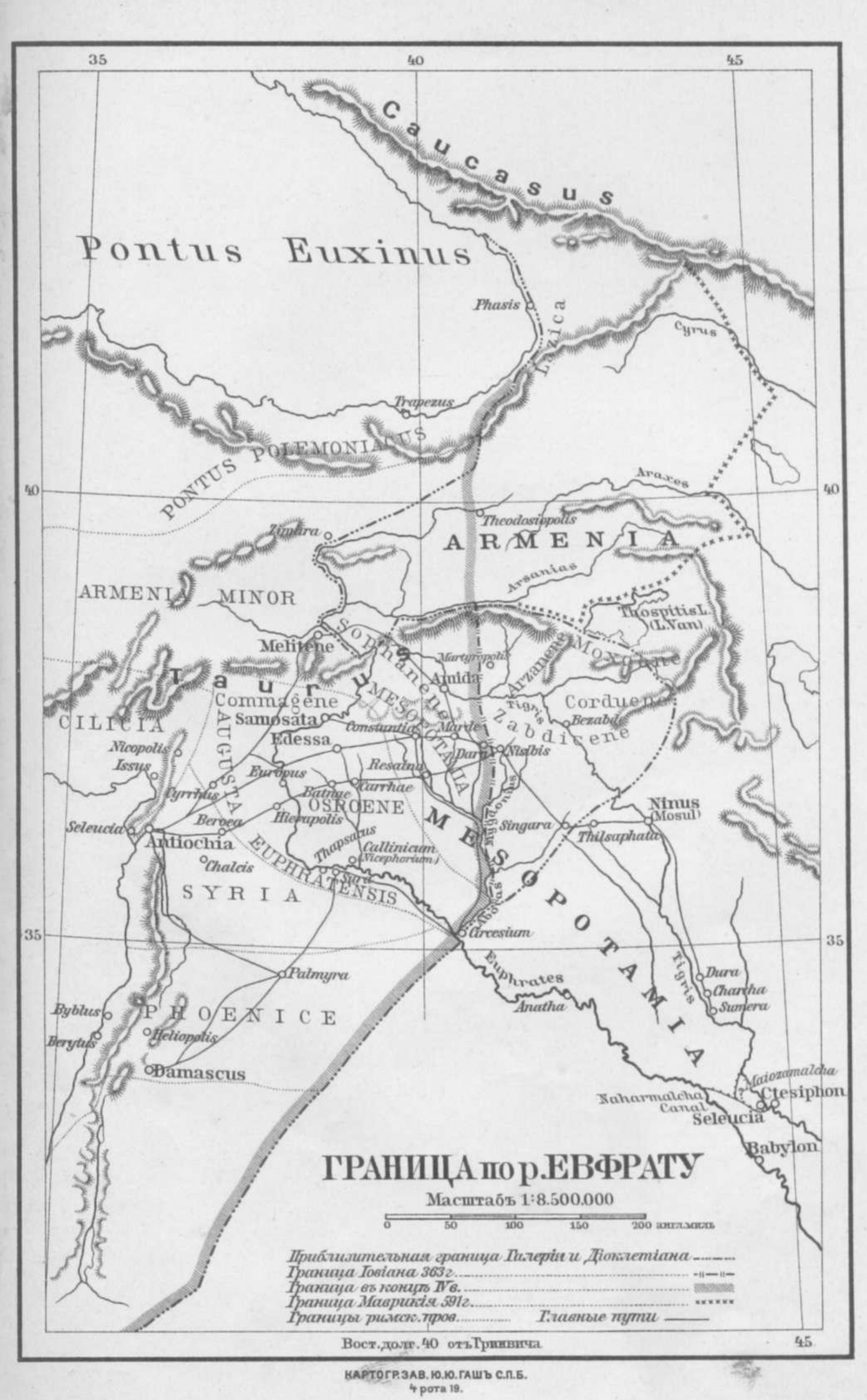
---

[1]) *Zachariae v. Lingenthal:* Jus Graeco-romanum III, 55 Εἰρήνη πιστὸς βασιλεύς). Объ этомъ обстоятельствѣ сообщаетъ Хроника Ѳеофана (стр. 464 изд. *de Boor*). Константинъ VI побуждаетъ солдатъ ѳемы Арменіакъ присягнуть на томъ, чтобы не принимать его мать Ирину εἰς βασιλέα. Позднѣйшій смыслъ термина αὐτοκράτωρ является въ томъ же отрывкѣ Ѳеофана (I. 15).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КАРТОГР. ЗАВ. Ю. Ю. ГАШЪ С.П.Б.
4 рота 18.

КАРТОГР. ЗАВ. Ю. Ю. ГАШЪ С.П.Б.
4 рота 19.

наличности автократіи, когда вся законодательная, судебная и исполнительная власть находится въ рукахъ автократора, не было основанія опредѣлять, чѣмъ же собственно была эта власть. Въ VI столѣтіи, однако, въ законодательствѣ Юстиніана было признано, что въ силу lex de imperio народъ перенесъ свою верховную власть на императора. Въ VIII столѣтіи и позднѣе мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что ни одинъ изъ императоровъ никогда не слыхалъ о lex de imperio [1]) И хотя не было никакихъ конституціонныхъ постановленій подобнаго рода, опредѣляющихъ или ограничивающихъ функціи монарха, я постараюсь показать, что его власть, закономъ не ограниченная, подвергалась ограниченіямъ, которыя должны быть опредѣлены, какъ конституціонныя.

За свои законодательные и административные акты монархъ не былъ отвѣтственъ ни передъ кѣмъ, кромѣ неба; въ государствѣ не было органа, имѣвшаго право его контролировать, такъ что его правленіе отвѣчаетъ нашему опредѣленію автократіи. Но когда монархъ назначается какимъ-либо политическимъ корпусомъ или корпусами государства, избиратели могутъ поставить ему условія во время избранія, и такимъ образомъ въ этомъ проявляется возможность ограниченія его власти. Другими словами, избирательная автократія, подобная Римской имперіи, соединима съ наложеніемъ ограниченій. Мы имѣемъ въ виду случай императора Анастасія I: сенатъ потребовалъ отъ него клятву въ томъ, что онъ будетъ править имперіей добросовѣстно и не причинять обидъ кому-либо изъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ столкновеніе. Этимъ выдвигается тотъ принципъ, который постоянно и главнымъ образомъ примѣнялся съ цѣлью не дать возможности императору вводить церковныя новшества.

Вѣроисповѣданіе императора.

Исповѣдывать христіанство и притомъ православіе всѣми признавалось необходимоымъ условіемъ для того, чтобы имѣть право на занятіе престола. Послѣдній императоръ язычникъ былъ Юліанъ; послѣ него для язычника было бы дѣйствительно невозможно править въ Константинополѣ. Послѣ Константинопольскаго собора 381 г., осудившаго аріанскую ересь, стало невозможно для аріанина носить діадему. Это было опредѣленно признано въ связи съ обстоятельствами, наступившими послѣ смерти Θеодосія II. Наиболѣе выдающимся человѣкомъ въ это время былъ Аспаръ, но онъ

[1]) Въ этой связи, однако, необходимо отмѣтить замѣчательную мысль объ установленіи демократіи, приписанную императору Ставракію (811 г.) современнымъ хронистомъ Θеофаномъ (изд. *de Boor* стр. 492). Императоръ, будучи на смертномъ одрѣ, выразилъ желаніе имѣть преемницей свою супругу—аѳинянку Θеофанò родственницу Ирины), въ качествѣ суверенной императрицы. Онъ угрожалъ введеніемъ демократіи и ставилъ альтернативу: Θеофанò или демократія. Мы хотѣли бы знать, въ чемъ заключалась его идея демократіи.

былъ аріанинъ, и только поэтому его возвышеніе считалось невозможнымъ. До этого періода можно было сказать, что подобнаго рода вѣроисповѣдныя условія носили скорѣе политическій, чѣмъ конституціонный характеръ; съ того момента, когда коронаціонная церемонія стала сопровождаться религіозными формами, мы можемъ сказать, что христіанство стало разсматриваться, какъ конституціонное условіе для того, чтобы имѣть право быть избраннымъ на престолъ. Подъ религіозными формами я разумѣю не ту роль, которую игралъ патріархъ въ коронаціонномъ актѣ и которая, какъ мы видѣли, не имѣла церковнаго значенія, но другія части церемоніи, какъ напр., молитвы, введенныя въ V столѣтіи. Именно при вступленіи Анастасія I впервые было потребовано отъ императора исповѣданіе религіознаго направленія. Анастасія съ достаточнымъ основаніемъ подозрѣвали въ неправославіи; дѣйствительно, онъ былъ монофизитъ. Отъ него не потребовали личнаго исповѣданія вѣры, но по просьбѣ патріарха онъ подписалъ писанную клятву въ томъ, что онъ сохранитъ существующее церковное положеніе неприкосновеннымъ и не будетъ вводить новшествъ въ церковь. Мы не знаемъ, требовалось ли формально подобное писанное заявленіе при всѣхъ послѣдующихъ избраніяхъ; вѣроятно, нѣтъ; но мы знаемъ, что оно было взято въ цѣломъ рядѣ случаевъ, гдѣ была причина подозрѣвать новаго императора въ еретическихъ тенденціяхъ. Въ концѣ концовъ, мы не можемъ сказать, въ какое время это обыкновеніе закристаллизировалось въ правильную коронаціонную присягу, въ которой монархъ исповѣдуетъ и подтверждаетъ каноны семи вселенскихъ соборовъ и соборовъ помѣстныхъ, а также привилегіи церкви, обѣщаетъ быть кроткимъ правителемъ и воздерживаться, насколько возможно, отъ примѣненія смертной казни и членовредительныхъ наказаній [1]).

Ограниченія законодательной власти автократора.

Тотъ фактъ, что подобныя капитуляціонныя условія могли быть налагаемы и дѣйствительно налагались во время избранія императора, хотя обязательство императора подчиняться имъ и носило скорѣе моральный, чѣмъ легальный характеръ, указываетъ на то, что автократія могла быть ограничена и дѣйствительно подвергалась ограниченіямъ. Но независимо отъ опредѣленныхъ конституціонныхъ условій, власть монарха была ограничена неписанными принципами управленія, которые связывали его такъ же, какъ неписанная часть англійской конституціи связываетъ англійскаго короля и правительство. Автократоръ былъ верховнымъ законодателемъ; лично онъ былъ выше законовъ, solutus legibus [2]); не существовало такого трибунала, къ отвѣтственности передъ которымъ

[1]) Кодинъ, de officiis, гл. 17.
[2]) Digestae, I. 3, 31; Basilica, II. 6, 1.

онъ могъ быть привлеченъ; но онъ былъ связанъ принципами и формами права, которые составляли великую славу римской цивилизаціи [1]). Онъ могъ измѣнять законы, онъ могъ создавать новые законы; но ни для одного императора не составляло вопроса обязательство сообразовать свои дѣйствія съ закономъ, и ни одинъ императоръ не осмѣливался утверждать, что онъ можетъ устранить законъ. Теоретически стоя выше закона, онъ въ то же время былъ связанъ имъ, legibus alligatus, какъ опредѣленно признаетъ Өеодосій II [2]). Василій I въ своемъ законодательномъ руководствѣ опредѣленно утверждаетъ обязанность императора держаться не только Св. Писанія и каноновъ семи соборовъ, но также и римскихъ законовъ. А законами опредѣлялись учрежденія. Хотя измѣняющіяся обстоятельства вели къ приспособленіямъ и колебаніямъ, однако, византійскій консерватизмъ, который почти вошелъ въ пословицу и часто преувеличивается, свидѣтельствуетъ о силѣ неписанныхъ ограниченій, которыя всегда суживали императорское самодержавіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сенатъ, хотя и не принималъ участія въ верховной власти, могъ осуществлять контрольныя функціи, параллельныя дѣйствіямъ государя. Ибо существовали различные политическіе вопросы, которые императоръ, въ силу обычая, обязанъ былъ представлять на разсмотрѣніе сената. Мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы перечислить, въ чемъ заключались эти вопросы, но среди самыхъ важныхъ, были вопросы о войнѣ и мирѣ и заключеніе договоровъ. Сенатъ послушно повиновался видамъ суроваго государя, и вѣроятно его собранія носили большею частью чисто формальный характеръ; но многозначителенъ тотъ фактъ, что при слабомъ императорѣ (Михаилѣ I) мы находимъ, что сенатъ становится въ оппозицію желаніямъ автократора, и автократоръ склоняется къ его мнѣніямъ [3]).

Контроль функці сенат

[1]) Basilica, II 6, 9: καὶ κατὰ βασιλέως οἱ γενικοὶ κρατείτωσαν νόμοι καὶ πᾶσα παράνομος ἐκβαλλέσθω ἀντιγραφή. Значеніе lex generalis (коротко говоря, эдикта, опубликованнаго, какъ имѣющаго силу во всей имперіи) объяснено ib. 8, на основаніи Cod. Just. I, 14, 3. Императоръ не могъ издать спеціальнаго постановленія для какой-либо части государства, области или города, которое бы противорѣчило опредѣленіямъ какой-либо lex generalis.

[2]) Cod. Just. I. 14. 4: digna vox maiestate regnantis legibus alligatum se principem profiteri: adeo de auctoritate iuris nostra pendet auctoritas.

[3]) Эти функціи сената, кажется, близко схожи съ функціями синедріона въ эллинистическихъ государствахъ. Ср. разсказъ о собраніи синедріона Антіоха у Поливія V, 41, 42. Слѣдуетъ отмѣтить, что во время малолѣтства императора, послѣ смерти Романа II, именно сенатъ назначаетъ Никифора II главнокомандующимъ азіатскими войсками (Левъ Діаконъ, II 12). Значеніе сената уясняется, благодаря мѣрѣ, принятой Константиномъ X, который „демократизировалъ“ сенатъ; см. Пселлъ, Исторія, стр. 238 (изд. *Sathas* 1899) *C. Neumann*, Die Weltstellung des byzantinischen Reiches vor den Kreuzzügen (стр. 79). Очерки по исторіи Византіи под. ред. проф. *Беннешевича* (I, стр. 119).

Церковь и императорская власть.

Естественно вытекаетъ изъ сказаннаго мною и то, что церковь представляла собою ограниченіе императорской власти. Вплоть до IX столѣтія каноны семи вселенскихъ соборовъ были неизмѣннымъ закономъ, котораго ни одинъ императоръ не могъ касаться [1]). Но въ то же самое время отношеніе государства къ церкви, о которомъ я хочу теперь говорить, подчеркиваетъ широту его власти. Византійская церковь—наиболѣе замѣчательный въ исторіи примѣръ государственной церкви. Ея главой былъ императоръ. Его разсматривали, какъ Божьяго намѣстника въ сферѣ, включавшей какъ церковный, такъ и свѣтскій порядокъ вещей. Константинопольскій патріархъ былъ его министромъ по части религіи, и хотя обычныя формы епископскаго избранія и были соблюдаемы, патріархъ въ дѣйствительности назначался императоромъ. Именно императоръ созывалъ вселенскіе соборы и императоръ же предсѣдательствовалъ на нихъ или лично, или же, если онъ не выносилъ скуки богословскихъ преній, черезъ своего представителя, какого-либо свѣтскаго министра [2]). Каноническія постановленія, прошедшія на соборахъ, не становились обязательными, пока они не были утверждены императоромъ; и императоры издавали эдикты и законы относительно чисто церковныхъ дѣлъ, совершенно независимо отъ соборовъ. Патріархъ Мина утверждалъ въ царствованіе Юстиніана, что ничто не можетъ дѣлаться въ церкви вопреки волѣ императора, и Юстиніанъ, который былъ воплощеніемъ сацердотальной монархіи, былъ провозглашенъ первосвященникомъ-василевсомъ ἀρχιερεὺς βασιλεύς. Правда, что протестующіе голоса выдающихся церковниковъ поднимались время отъ времени, громко заявляя, что церковныя дѣла лежатъ внѣ сферы компетенціи свѣтской власти, и взывали къ полной свободѣ церкви, но эта идея, послѣднимъ защитникомъ которой былъ Θеодоръ Студитъ, никогда не пустила корней; она потерпѣла окончательное крушеніе въ IX вѣкѣ, и императоръ продолжалъ занимать положеніе христіанскаго халифа. Такимъ образомъ, теорія отношеній церкви и государства въ Восточной имперіи замѣчательно контрастируетъ съ той теоріей, которая была осуществлена въ Западной Европѣ при Иннокентіи III. Въ обоихъ случаяхъ церковь и государство нераздѣльны, но на Западѣ церковь является государствомъ, въ то время какъ на

[1]) Этотъ принципъ былъ только-что установленъ Юстиніаномъ по отношенію къ четыремъ первымъ соборамъ, каноны которыхъ онъ ставитъ на одинъ уровень со Св. Писаніемъ; Novella 151 α′, ed. *Zachariae* II стр. 267.

[2]) Лучшій обзоръ отношеній церкви и государства въ Византіи см. въ статьѣ покойнаго профессора *Гельцера* въ Historische Zeitschrift neue Folge L. стр. 193 и сл. (1901). На седьмомъ вселенскомъ соборѣ 787 года предсѣдательство было поручено патріарху Тарасію вѣроятно потому, что онъ ранѣе былъ свѣтскимъ человѣкомъ и министромъ, а не монахомъ, какъ большинство его предшественниковъ.

Востокѣ церковь является организаціей, руководимой императоромъ. На Западѣ мы имѣемъ теократію: церковь, представленная папой, стремится обладать верховной властью и въ свѣтскихъ и въ духовныхъ дѣлахъ. На Востокѣ дѣло обстоитъ обратно: вмѣсто теократіи, мы имѣемъ то, что было названо цезарепапизмомъ. Одинъ писатель-папистъ, который ставитъ себѣ задачей показать вселенское верховенство папы, замѣчаетъ, что въ смыслѣ судебно-законодательной власти, свѣтскій человѣкъ можетъ быть папою; всѣ права, какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ, могутъ быть переданы ему путемъ избранія [1]). Эта гипотеза Августина Тріумфа была осуществлена въ Восточной имперіи.

Случайныя столкновенія между императоромъ и патріархомъ просходили обыкновенно на почвѣ покушеній императора ввести въ область вѣры изъ политическихъ видовъ какія-нибудь новыя доктрины, которыя патріархъ считалъ несоотвѣтствующими канонамъ соборовъ или Св. Писанію. Въ такихъ случаяхъ патріархъ защищалъ конституцію церкви противъ нововведеній; онъ не оспаривалъ положенія императора, какъ главы церкви. И въ такихъ случаяхъ обыкновеннымъ послѣдствіемъ было то, что патріархъ либо сдавался, либо подвергался низложенію. Императоръ шелъ своей дорогой, и православная доктрина не возстановлялась до тѣхъ поръ, пока другой императоръ не отмѣнялъ постановленія своего предшественника. Нѣкоторые патріархи могли подчеркивать, что императоръ, не будучи свѣдущъ въ богословіи, не можетъ вмѣшиваться въ вопросы доктрины; но обычныя отношенія большею частью принимались, какъ основныя и конституціонныя.

Патріархъ обладалъ дѣйствительно однимъ бичемъ, которымъ онъ могъ дѣйствовать противъ государя: бичемъ отлученія. Онъ могъ самъ отказать и велѣть своему духовенству отказать императору въ церковномъ общеніи. Это былъ бичъ, къ которому рѣдко прибѣгали. Другой способъ проявить власть, которымъ обладалъ патріархъ, коренился въ томъ участіи, которое патріархъ принималъ въ коронаціи. Патріархъ могъ заключить съ новымъ императоромъ условіе прежде, чѣмъ его короновать. Такимъ образомъ, патріархъ Поліевктъ заставилъ Іоанна Цимисхія согласиться на отмѣну закона, требовавшаго императорскаго одобренія кандидатовъ на церковныя должности прежде ихъ избранія.

Теорія и практика императорской власти.

Конституціонная теорія, которую я набросалъ, заключалась въ тѣхъ дѣйствительныхъ обычаяхъ, на основаніи которыхъ я ее изобразилъ; но она никогда не была формулирована. Конститу-

---

[1]) Augustinus Triumphus Summa de potestate Ecclesiastica, I. 1, стр. 2, изд. 1584 (Roma): si quis eligatur in Papam nullum ordinem habens, erit verus Papa et habebit omnem potestatem jurisdictionis in spiritualibus et temporalibus et tamen nullam habebit potestatem ordinis.

ціонные вопросы не возникали, и ни одинъ законовѣдъ и историкъ не выяснялъ основы или границъ верховной власти. На дѣлѣ основа государственнаго устройства не выдѣлялась въ человѣческомъ сознаніи изо всей массы законовъ и учрежденій. Они не анализировали теоретической предпосылки, заключавшейся въ ихъ практикѣ, и единственная идея, которой они держались и которую можно опредѣлить, какъ констутиціонную теорію, не соотвѣтствуетъ теоріи, которую я изобразилъ, хотя и можетъ быть согласована съ нею. И еслибы вы спросили византійскаго императора, какова основа его автократіи и въ силу какого права онъ осуществляетъ свою власть, онъ не сказалъ бы вамъ, что она передана ему сенатомъ, арміей или народомъ: онъ сказалъ бы, что его верховная власть непосредственно исходитъ отъ Бога. Я могъ бы привести рядъ очень ясныхъ данныхъ для подтвержденія этого взгляда, но будетъ достаточно сослаться на слова императора Василія I въ его наставленіи сыну Льву: „ты получилъ имперію отъ Бога“; „ты получилъ корону отъ Бога моею рукой“ [1]). Такая доктрина монаршаго божественнаго права естественно клонилась къ тому, чтобы выразить новое значеніе, придававшееся той роли, которую игралъ патріархъ въ возведеніи императора на престолъ. Но она находила точное символическое выраженіе въ новомъ обычаѣ мѵропомазанія, которое, быть можетъ, стало практиковаться (впрочемъ мнѣнія на этотъ счетъ разногласятъ) [2]) не ранѣе IX столѣтія. Коронуя, патріархъ выражалъ волю государства, совершая мѵропомазаніе,—волю Божества. Эта теорія, логически развитая, заключаетъ въ себѣ взглядъ, который Данте выражаетъ въ своей De monarchia, а именно, что избиратели, когда они выбираютъ, подаютъ свой голосъ не за своего, но за Божьяго избранника. Эта теорія была въ совершенномъ согласіи съ господствующими религіозными чувствами; она возвышала авторитетъ императора, представляя его власть, какъ Божій даръ, и, быть можетъ, иногда повышала его чувство отвѣтственности. Но хотя и разсчитанная на то, чтобы поставить монарха выше критики, эта теорія божественнаго права не приводила къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ приводитъ современная конституціонная традиція, опредѣляющая значеніе императоровъ и ограниченіе ихъ власти. Ея главный интересъ покоится въ ея отношеніи къ политическимъ теоріямъ, которыя были развиты въ Западной Европѣ въ средніе вѣка. Джемсъ Брайсъ указалъ [3]) на бьющій въ глаза контрастъ между Восточной

---

[1]) Paraenesis ad Leonem, въ *Migne*, Patr. Graeca, CVII, стр. XXV, XXXII.

[2]) См. Фотій въ *Migne*, Patr. Graeca, CII, 765 и 573. Ср. *Sickel*, op. cit. 547—8, и съ другой стороны *Brightman*, op. cit. 383—5.

[3]) The Holy Roman Empire (посл. изд. 1909 г.) стр. 343 и сл. (русск. переводъ „Священная Римская Имперія“ Москва, 1891).

и Западной имперіями, заключающійся въ томъ обстоятельствѣ, что въ то время, какъ на Западѣ была богатая почва для концепцій и теорій, въ которыхъ широко разыгрывалось творческое воображеніе, на Востокѣ люди совсѣмъ не заботились о томъ, чтобы теоретизировать насчетъ имперіи. Вдохновеніе на Западѣ проистекало, во-первыхъ, изъ того факта, что Священная Римская Имперія была всегда идеаломъ, никогда неосуществленнымъ вполнѣ, „мечтой" (употребляя слова Брайса), „наполовину богословіемъ, наполовину поэзіей". Восточная Римская имперія, съ другой стороны, была всегда дѣйствительнымъ фактомъ, адэкватнымъ понятію о немъ: она дѣйствительно существовала, не могло быть сомнѣнія относительно ея бытія въ данномъ мѣстѣ и въ данное время; много было въ ней такого, что вызывало гордость, ничего такого, что плѣняло бы воображеніе. Во-вторыхъ, не было нужды въ Восточной имперіи развивать теоріи, ибо ничто не являлось предметомъ спора. На Западѣ возникъ важный конституціонный вопросъ, вопросъ широкаго практическаго значенія, касающійся взаимоотношеній двухъ соперничающихъ властей — папы и императора. Именно съ цѣлью разрѣшить политическую проблему, выдвинутую ихъ противорѣчащими притязаніями, Данте написалъ свою De monarchia, Оккамъ — свой Dialogus, Марсилій Падуанскій — своего Defensor pacis. На Востокѣ этого вопроса не возникало, поскольку императоръ признавался главою церкви, и поэтому не было повода къ тому, чтобы развивать политическія теоріи. Однако, если бы подобная проблема или нужда возникла, я увѣренъ, что средневѣковые греки, хотя бы они и были неспособны произвести кого-нибудь вродѣ Данте, показали бы себя не менѣе изобрѣтательными въ политическихъ разсужденіяхъ, чѣмъ западные мыслители. Но поучительно наблюдать тотъ фактъ, что стремленіе восточныхъ императоровъ вывести свою верховную власть непосредственно отъ Бога, есть не что иное, какъ та самая теорія божественнаго права, которую выводили западные писатели-имперіалисты. Данте проводилъ эту теорію наиболѣе энергично; Оккамъ и Марсилій тоже ее утверждали, но они смягчали ее взглядомъ, въ силу коего имперія первоначально произошла отъ народа, и такимъ образомъ комбинировали притязанія на божеское происхожденіе власти позднѣйшихъ константинопольскихъ автократоровъ съ утверждаемымъ въ законодательствѣ Юстиніана демократическимъ происхожденіемъ верховной власти.

Существо Византійской императорской власти.

Я пытался показать, что автократія позднѣйшей Римской имперіи была ограниченной автократіей. Каждая автократія, каждая форма правленія имѣетъ, конечно, естественныя ограниченія. Дѣятельность монарха ограничена общественнымъ мнѣніемъ. Всегда

существуютъ грани, за которыя онъ боится перейти, презирая общественное мнѣніе. Власть его также ограничена въ томъ отношеніи, что онъ долженъ пользоваться, какъ орудіемъ, людьми, личные виды и качества которыхъ могутъ измѣнять или компрометтировать исполненіе воли императора или ей противорѣчить. Далѣе, если онъ управляетъ высоко-организованнымъ обществомъ, онъ можетъ быть удержанъ отъ принятія какихъ-либо мѣръ тѣмъ, что знаетъ, что подобныя перемѣны могутъ повести къ такимъ послѣдствіямъ, которыхъ онъ не желаетъ [1]). Эти естественныя ограниченія распространяются на всѣ автократіи, на всѣ формы правленія, тѣмъ или инымъ образомъ, или въ той или иной мѣрѣ. Но независимо отъ нихъ восточно-римская автократія была точнымъ образомъ ограничена, и эти ограниченія должны быть опредѣлены, какъ конституціонныя [2]). При томъ государственномъ строѣ, который неправильно называется ограниченной монархіей, король можетъ имѣть законныя права, осуществлять которыя было бы неконституціоннымъ поступкомъ. Дѣятельность англійской короны, напр., не только ограничена постановленіями статутовъ, именно, билля о правахъ и закономъ о престолонаслѣдіи, но и неписанными конституціонными обычаями, которые безусловно обязательны. Тѣмъ же путемъ дѣятельность восточно-римскаго автократора была ограничена традиціями и обычаями, которые признавались безусловно обязательными и имъ самимъ и обществомъ. Въ обоихъ случаяхъ санкція различна. Англійскій король не можетъ выйти изъ предѣловъ конституціи въ проявленіи своей власти, благодаря власти парламента привести управленіе въ состояніе застоя, а это послѣдній можетъ сдѣлать, отказавъ въ ассигнованіяхъ или въ одобреніи закона. Болѣе могучій восточно-римскій монархъ былъ вынужденъ сообразоваться съ учрежденіями, обычаями и традиціями своего общества, подъ угрозой, правда, менѣе дѣйствительной, быть низложеннымъ въ случаѣ ихъ нарушенія. Петръ Великій уничтожилъ патріаршество въ Москвѣ; было-бы невозможно восточно-римскому императору упразднить патріаршество въ Константинополѣ или вообще внести какую-либо серьезную перемѣну въ организацію церкви. Неприкосновенность церкви была обезпечена отъ его посягательствъ не только ея моральной силой, но и капитуляціонными условіями, на которыхъ онъ долженъ былъ, въ силу избирательнаго характера монархіи, присягать при своемъ вступленіи на престолъ, и которыя, въ концѣ концовъ, находили свое

---

[1]) Это обстоятельство отмѣчено *Сиджвикомъ*: Development of European Polity, стр. 10.

[2]) Анализъ понятія неконституціонный въ отличіе отъ незаконный см. у *Austin'a* op. cit. стр. 265 и сл.

выраженіе въ коронаціонной клятвѣ. Такимъ образомъ, здѣсь присоединялась еще и религіозная санкція.

Ограниченія имѣли тенденцію поддерживать консервативный характеръ, за который нерѣдко упрекаютъ Византію, и были на дѣлѣ однимъ изъ послѣдствій этого консерватизма. Они были дѣйствительны, потому что самъ автократоръ былъ обыкновенно глубоко проникнутъ этимъ консервативнымъ духомъ, будучи сыномъ своего времени и своей цивилизаціи; между тѣмъ, какъ сложная и выработавшаяся машина, подготовлявшая путь для его дѣятельности, была могущественнымъ препятствіемъ для его свободы. Слѣдуетъ, я думаю, допустить, что автократія Восточной имперіи слѣдовала за данными условіями и, вѣроятно, дѣйствовала лучше, чѣмъ какая-либо другая система, которая допускала дѣленіе власти. Правительство не отличалось произволомъ и зло, отъ котораго страдали подданные имперіи, происходило (помимо несчастій войны) отъ экономическаго невѣжества и дурной постановки финансовъ, какія вообще преобладали повсюду въ древности и въ средніе вѣка, и тяжело ложилось бы на населеніе и при всякой другой формѣ правленія. Свобода и отсутствіе формальностей въ порядкѣ назначенія государя дѣлали возможнымъ наступленіе различныхъ условій различнымъ путемъ; если мы разсмотримъ весь рядъ императоровъ, отъ Константина Великаго въ IV вѣкѣ, до Мануила Комнина въ XII вѣкѣ, мы должны признать, что конституція обезпечила, за немногими мрачными, но, правда, короткими промежутками, послѣдовательную смѣну даровитыхъ и работящихъ правителей, такихъ, подобныхъ которымъ, я думаю, нельзя найти въ лѣтописяхъ любого другого государства за столь долгій періодъ времени.

ОЧЕРКИ
КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРІИ ВИЗАНТІИ

Г. Гельцера,

профессора Іенскаго университета.

Н. Я. Костеша.

ГЛАВА I.

Василевсъ и его значеніе.

65

Внѣ всякаго сомнѣнія, восточно-римскіе императоры въ своей совокупности принадлежали къ числу наиболѣе одаренныхъ и выдающихся людей всемірной исторіи. По древне-римскому обычаю на первомъ планѣ стоятъ блестящіе воины, которые занимаютъ освобождающійся престолъ. По смерти Маркіана (457) только аріанская вѣра помѣшала алану Аспару вступить на престолъ. Но, избранный имъ правитель Левъ Ѳракіецъ (457—474) былъ генераломъ, такъ же какъ и его зять Зинонъ. Юстинъ I, начальникъ дворцовой гвардіи, основалъ владычество дома Юстиніана, и по пресѣченіи его династіи снова были возведены на престолъ черезъ усыновленіе и назначеніе со стороны своихъ предшественниковъ дѣльные военачальники, Тиверій II (578—582) и Маврикій (582—602). Точно также Ираклій въ 610 г. достигъ власти, какъ побѣдоносный вождь революціоннаго флота. И въ VIII в., когда анархія и дворцовыя революціи сдѣлались хроническими, государство спасъ Левъ Исавръ—лучшій военачальникъ своего времени. Когда грозила опасность со стороны болгаръ въ 813 г. и слабый императоръ Михаилъ I, велѣвшій игумену студійскаго монастыря составить планъ военныхъ дѣйствій, проявилъ полнѣйшую неспособность, то, по бурному требованію народа и войска, былъ провозглашенъ императоромъ генералъ армянскаго происхожденія—Левъ V, а когда послѣдній былъ убитъ, то даже его противникъ, смѣщенный имъ патріархъ Никифоръ, заявилъ, что имперія во Львѣ, этомъ врагѣ вѣры, потеряла мощнаго правителя государства.

Къ коронѣ могъ стремиться каждый, какъ къ наградѣ доблестнѣйшаго, и главные военачальники, слѣдовательно, ближайшіе кандидаты на корону, были часто людьми темнаго происхожденія. Одинъ бѣдный дарданскій парень забрелъ въ столицу имперіи, чтобы попытать

счастья въ качествѣ солдата. Это былъ Юстинъ I. Василій I былъ простымъ конюхомъ, а Романъ Лакапинъ былъ простой солдатъ изъ ѳемы Арменіакъ, который привлекъ къ себѣ вниманіе Льва VI Философа своей страшной борьбой со львомъ.

Совершенно естественно, что честолюбцы, какъ и во времена цезарей III и IV вв., еще при жизни монарха разузнавали о личности его замѣстителя. Оракулы относительно царей играютъ въ эту христіанскую эпоху такую же значительную роль, какъ раньше въ языческую; только на мѣсто философовъ или дріадъ выступали въ качествѣ пророковъ монахи. Многое изъ того, что намъ передается о подобныхъ оракулахъ, вымышлено впослѣдствіи. Но многочисленные государственные процессы и преслѣдованія за такого рода попытки проникнуть въ будущее показываютъ, до какой степени оракулы дѣйствительно владѣли умами. Одинъ монахъ предсказалъ престолъ Филиппику Вардану (711—713). Другой встрѣчаетъ трехъ военачальниковъ и также предсказываетъ имъ власть: Левъ V Армянинъ (813—820) становится дѣйствительно императоромъ, Михаилъ II убиваетъ его и наслѣдуетъ ему (820—829), наконецъ, Ѳома провозглашаетъ себя императоромъ противъ Михаила. Безъ сомнѣнія, такіе оракулы дѣйствовали рѣшающимъ образомъ на фантазію и на поступки этихъ столь же сильныхъ, сколь грубыхъ и суевѣрныхъ людей.

Но этотъ неправильный порядокъ военномонархическаго престолонаслѣдія уступаетъ мѣсто съ VIII в. новому порядку: просыпается легитимизмъ. Уже когда Констанцій, сынъ Константина Великаго, выступаетъ противъ галльскаго узурпатора, солдатъ охватываетъ настоящая ярость; они хотятъ уничтожить „поддѣльнаго императора“. Въ позднѣйшее время мы находимъ все болѣе опредѣленно развивающуюся наслѣдственную императорскую власть: въ домѣ Ираклія корона переходитъ отъ отца къ сыну на протяженіи пяти поколѣній (610—711), а въ домѣ Льва Исавра—на протяженіи четырехъ (716—797). Когда, послѣ внезапной смерти императора Константина въ 641 г., его мачеха незаконно добыла власть для своего сына, возстали войско и сенатъ и возвели на престолъ несовершеннолѣтняго, но имѣвшаго законныя права Константа II.

Дальнѣйшее укрѣпленіе наслѣдственности при передачѣ императорскаго престола наступаетъ благодаря обычаю, въ силу котораго почти регулярно со времени Ираклія одновременно со вступленіемъ императора на престолъ, сынъ его, хотя бы и несовершеннолѣтній, получаетъ изъ рукъ отца императорскую повязку. Напротивъ, совершенно новая эпоха начинается съ македонской династіи (867—1056). Уже основатель ея Василій (867—886) короновалъ троихъ своихъ сыновей, а четвертаго возвелъ въ санъ

патріарха. Такимъ образомъ, императорская власть стала общимъ достояніемъ фамиліи, но съ этимъ не было связано раздѣла государственной власти, какъ въ эпоху Діоклетіана, напротивъ, одинъ „великій императоръ" обладалъ всей верховной властью, другіе обладали только императорскимъ саномъ и почестями.

Насколько прочнѣе, чѣмъ ихъ предшественники, сидѣли на престолѣ эти позднѣйшіе императоры! Дѣйствительно теперь, выработались лояльность и вѣрная привязанность къ императорскому дому— чувства, совершенно незнакомыя предшествующей эпохѣ. Когда сыновья Романа Лакапина хотѣли свергнуть съ престола законнаго императора, своего зятя Константина, подобно тому, какъ они уже отправили своего отца „философствовать съ монахами", тогда дворцовыя войска и городское населеніе возстали и доставили законному правителю единодержавіе.

Такъ же непосредственно обнаружился лояльный образъ мыслей народа, когда императрица Зоя, послѣдняя принцесса македонскаго дома, была въ 1042 г. заключена въ монастырь высокомѣрнымъ выскочкой Михаиломъ V, котораго она усыновила и сдѣлала своимъ соправителемъ; дворянство и народъ соперничали въ усиліяхъ освободить Зою, и обѣ послѣднія законныя наслѣдницы, Зоя и ея сестра Θеодора, были торжественно привѣтствованы народомъ, какъ императрицы.

Конечно, при вновь утвердившемся порядкѣ наслѣдованія съ естественной необходимостью проявляется большая разница по сравненію съ прошлымъ. На смѣну блестящихъ талантовъ военнаго режима выступаютъ теперь наслѣдственныя посредственности. Во всей македонской династіи дѣйствительно выдающимися государями были только ея основатель и его соименный потомокъ, побѣдитель болгаръ, въ то время какъ другіе „порфирородные" въ духовномъ отношеніи стоятъ, большей частью, довольно низко.

И тутъ выступаетъ характерный для X вѣка институтъ соправителей. Императоръ Константинъ VII Багрянородный (913—959) при своемъ вступленіи на престолъ былъ несовершеннолѣтнимъ. Исполненный сознанія достоинства и значенія Римской имперіи, учрежденія и порядки которой онъ описалъ и зналъ, какъ никто другой, онъ все же всегда оставался чуждымъ дѣйствительной жизни, погруженный въ свои научныя занятія. Въ это время развивается весьма замѣчательный и полезный для государства порядокъ вещей. На ряду съ бездѣятельнымъ законнымъ государемъ, дѣйствительно правитъ обыкновенно какой-нибудь въ высшей степени способный генералъ, но не какъ визирь или преторіанскій префектъ, а какъ равный императору по званію коронованный соправитель. Безъ насилій дѣло не обходится. Соперничество между военными фамиліями, стремя-

щимися къ этому государственному посту, какъ, напримѣръ, между фамиліей Фоки и Лакапинами, приводитъ къ страшнымъ катастрофамъ. И побѣдоносный Романъ Лакапинъ, чтобы достигнуть положенія соправителя, дѣйствовалъ путемъ, близкимъ къ государственной измѣнѣ. Но, какъ правитель, онъ сдѣлалъ также много великаго: могучимъ подъемомъ въ X вѣкѣ государство обязано, главнымъ образомъ, энергичной дѣятельности этой беззастѣнчивой, но геніальной личности. Съ болгарами, которые до сихъ поръ были такъ опасны, онъ заключилъ выгодный миръ, а на Востокѣ граница государства была отодвинута до Евфрата. Области, которыя въ теченіе вѣковъ были оторваны отъ государства и гдѣ непрерывно владычествовалъ полумѣсяцъ, подчинились снова византійской власти. Колонизація опустѣвшихъ пограничныхъ областей, которую энергично продолжали его преемники, началась при немъ, такъ какъ правительство не только во внѣ оберегало интересы государства, но и внутри оно дѣйствовало энергично въ пользу экономически слабыхъ. Такая могучая личность должна была совершенно отодвинуть на задній планъ законнаго государя. Романъ Лакапинъ и смотрѣлъ на государство, какъ на владѣніе своего дома. Троихъ своихъ сыновей и внука онъ сдѣлалъ соправителями; одну дочь выдалъ за императора Константина, другую — за болгарскаго царя. „Чужой хлѣбъ кралъ и насыщалъ своихъ; собственника заставлялъ голодать“.

Гораздо лояльнѣе обошлись соправители, Никифоръ Фока (963—969) и Іоаннъ Цимисхій (969—976) съ несовершеннолѣтними наслѣдниками государства Василіемъ и Константиномъ, внуками Багрянороднаго. При нихъ и главнымъ образомъ черезъ нихъ имперія достигла величайшаго блеска и мощи. Въ Азіи была снова пріобрѣтена Антіохія, равный по своему значенію съ Солунемъ городъ имперіи, а въ Сиріи и Месопотаміи граница имперіи была продвинута далеко впередъ. Послѣ побѣды надъ русскими Цимисхій присоединилъ къ имперіи Дунайскую Болгарію. Но никогда эти блестящіе полководцы не думали о томъ, чтобы лишить власти законныхъ наслѣдниковъ престола, за которыхъ они управлялиимперіей.

Какъ при послѣднихъ цезаряхъ, такъ и въ Византіи императорскую повязку нельзя считать заманчивой привилегіей. Только люди, исполненные безусловнаго и самаго серьезнаго чувства долга, могли взять на себя это тяжелое бремя. Государство находилось въ полномъ разложеніи, когда Ираклій вступилъ на престолъ (610). Авары угрожали столицѣ съ европейской, персы — съ азіатской стороны. Азіатская часть имперіи и Египетъ были утрачены; Ираклій былъ близокъ къ отчаянію, но, благодаря энергичному увѣщанію высокопатріотичнаго патріарха Сергія, онъ снова

ободрился, и его безпримѣрно смѣлые походы сломили силу персидскаго государства.

Точно также Левъ III Исавръ (716) принялъ власть послѣ почти тридцатилѣтняго періода военныхъ возстаній и дворцовыхъ революцій. Цѣлый годъ долженъ онъ былъ защищать столицу государства отъ арабовъ и съ суши и съ моря. Но послѣ побѣды онъ понесъ громадные труды надъ внутреннимъ возрожденіемъ государства. Его законодательство имѣло цѣлью улучшить положеніе сельскаго населенія. Не останавливаясь передъ суровыми мѣрами, привелъ онъ въ порядокъ финансы. Къ этому присоединяются его административныя реформы, оставившія глубокій слѣдъ. Но Левъ не снискалъ благодарности потомства, хотя онъ и спасъ имперію.

Чѣмъ дольше существовала имперія, тѣмъ тяжелѣе дѣлалась задача управленія и тѣмъ отчаяннѣе становилось положеніе самодержца. Когда въ XI в., вмѣсто существовавшаго до сихъ поръ чисто-военнаго режима, бразды правленія взяли бюрократы и ученые и положили начало полной реакціи противъ существовавшаго милитаризма, и когда, несмотря на опасность со стороны турокъ, они дѣлали сбереженія на бюджетѣ арміи и пренебрегали мѣрами защиты, тогда возстали военачальники, главнымъ образомъ изъ малоазіатской знати и возвели на престолъ своего человѣка, Исаака Комнина (1057—1059). Съ горячимъ усердіемъ взялся онъ за дѣло реформы, но глухая оппозиція чиновниковъ сломила его энергію уже черезъ два года. „Богъ создалъ міръ въ шесть дней, этотъ императоръ хочетъ въ одинъ день все опрокинуть“, говорили про него. Онъ отказался отъ всякихъ реформъ и покорно удалился въ монастырь.

Точно также кончилъ императоръ Іоаннъ Кантакузинъ въ монашествѣ Іоасафъ (1354); онъ дѣйствительно имѣлъ больш[е] основаній для раскаянія и отчаянія, такъ какъ, будучи правит[е]лемъ, онъ сдѣлалъ все, чтобы погубить государство.

Такъ велика была въ тѣ вѣка притягательная сила, котор[ую] монашество вліяло даже на высокостоящіе общественные класс[ы], что такой истый воинъ, какимъ былъ Никифоръ Фока, дѣл[алъ] своими товарищами и совѣтниками монаховъ, подчинилъ себя [мо]нашеской дисциплинѣ и только днемъ носилъ императорскую одеж[ду,] ночью же носилъ волосяной подрясникъ и вериги. Однимъ изъ [его] ближайшихъ совѣтниковъ былъ святой Аѳанасій, основатель [и] нынѣ процвѣтающей Великой Лавры на Святой горѣ Аѳонѣ. [При]мѣръ нашелъ себѣ подражаніе у сосѣднихъ варваровъ, нах[одив]шихся подъ вліяніемъ новаго Рима. Борисъ, (Михаилъ) ст[ар]ный болгарскій царь, удалился въ монастырь, чтобы еще двадцать лѣтъ прожить въ созерцаніи и покаяніи.

Однако, несравненно чаще императоры и принцы пос[...]

лись въ монахи противъ своей воли. Если, при сверженіи императорскаго дома, члены его не погибали жестокой смертью, ихъ постригали въ монахи; иногда они шли далеко на этомъ новомъ для нихъ духовномъ поприщѣ: одинъ императоръ сдѣлался митрополитомъ ефесскимъ, многіе принцы—вселенскими патріархами, какъ напр., святые Германъ и Игнатій. Черная одежда была болѣе надежной защитой, чѣмъ пурпуръ.

Наружно византійскій императоръ занимаетъ выдающееся положеніе, какъ преемникъ древне-римскихъ императоровъ. „Византійцы суть сыны римлянъ, поработившихъ народы". Дѣятельность Юстиніана, пріобрѣвшаго снова для государства Африку, Италію и югъ Испаніи, показываетъ, насколько серьезно стремились ромейскіе властители осуществить мечту о древне-римскомъ величіи. Еще въ IX и X вв. царствующій на Босфорѣ императоръ былъ первымъ государемъ христіанскаго міра.

Грандіозное великолѣпіе его выходовъ было расчитано на то, чтобы поразить наивныхъ пословъ варварскихъ народовъ во время торжественныхъ пріемовъ, и дѣйствительно производило на нихъ внушительное впечатлѣніе. Многочисленныя посольства, которыя приходили въ столицу, льстили гордости византійцевъ. Подарки, которые послы подносили василевсу, были въ глазахъ византійцевъ знаками подчиненія, настоящей данью. Извѣстно, какъ надменно обошлись съ посломъ Оттона Великаго, сватавшимъ принцессу и какъ мало склонны были на Востокѣ признавать равныя права за императорами Запада, преемниками Карла Великаго. Даже такой жалкій государь, какъ Исаакъ Ангелъ, позволялъ себѣ называть германскаго императора Фридриха королемъ Аламаніи. Это чудовищное превозношеніе себя происходитъ отъ того, что императорское правительство было того мнѣнія, что за предѣлами Богомъ хранимой имперіи нѣтъ ни счастія, ни благополучія, ни свободы.

И такъ сильно дѣйствовало на умы народовъ признаніе величія культуры имперіи ромеевъ и большое преимущество, которое давало имперіи централизація управленія по сравненію съ другими неупорядоченными народными массами, что даже и сами народы раздѣляли указанную вѣру имперскаго правительства. Римскій императоръ является міровымъ владыкой; его имперія—всеміріная имперія или даже Священная Римская Имперія. Въ ихъ глазахъ даже императоръ является намѣстникомъ Бога. И болѣе того, его даже ставили на ряду съ Богомъ. Когда Романъ Діогенъ былъ жестокимъ образомъ ослѣпленъ своими собственными подданными и вслѣдствіи этого умеръ, то одинъ армянскій историкъ по этому поводу замѣтилъ, что римляне по примѣру Іудеевъ вторично распяли Христа. Даже султанъ будто бы восклик-

нулъ со слезами: „По истинѣ, римляне—невѣрующіе“. Это характерно для почитанія и высокой оцѣнки особы императора среди варваровъ.

Византійское правительство умѣло, однако, также воздѣйствовать на народы посредствомъ прекрасно организованной дипломатіи. Византійское министерство иностранныхъ дѣлъ было поставлено превосходно и имѣло въ своемъ распоряженіи многочисленныхъ переводчиковъ. Сосѣднимъ государямъ объявлялось о восшествіи на престолъ новаго императора, и въ грамотахъ, въ которыхъ было строго взвѣшено каждое слово, иностранные правители получали титулъ „брата“ или „сына“. За ихъ послами, лишь только они прибывали въ имперію, уже строго слѣдили военные чиновники, чтобы они не появлялись съ слишкомъ сильной свитой и не могли произвести неожиданнаго нападенія. Ихъ сопровождали повсюду съ почти боязливымъ стараніемъ, чтобы не допустить ихъ самостоятельно собирать свѣдѣнія. Политика имперіи была направлена къ тому, чтобы по крайней мѣрѣ фиктивно присоединить къ Риму иностранныхъ государей и ихъ земли. Иностранные государи считаются намѣстниками, которые управляютъ своими землями отъ имени Рима. Армянскій принцъ назвался стратигомъ и магистромъ Тарона. Венеціанскій дожъ былъ въ 1018 г. назначенъ стратигомъ Далмаціи отъ имени императора; равнымъ образомъ варварскимъ государямъ раздавались императорскіе придворные титулы; короли остготовъ и франковъ именовались патрикіями; русскій великій князь былъ императорскимъ стольникомъ, а государь Иверіи былъ куропалатомъ и т. д.

Ни на одинъ княжескій домъ римская культура не производила такого сильнаго очарованія, какъ на болгарскій. Страшный царь Симеонъ получилъ образованіе въ Константинополѣ; изучилъ „риторику Демосѳена и силлогизмы Аристотеля“, и съ особымъ пристрастіемъ читалъ и дѣлалъ извлеченія изъ Іоанна Златоуста. Но „эта трудолюбивая пчела, собиравшая ароматъ со всѣхъ цвѣтовъ, чтобы распространять его потомъ на своихъ бояръ“, хозяйничала съ ужасной свирѣпостью въ греческихъ провинціяхъ и совершала страшныя жестокости надъ друзьями и врагами. Во дворецъ въ Преславѣ вмѣстѣ съ христіанской вѣрой проникъ и весь придворный византійскій церемоніалъ. Царь на большихъ придворныхъ празднествахъ, также какъ и императоръ, ѣлъ за особымъ столомъ. Онъ принялъ титулъ автократора. Онъ носилъ пурпурное, украшенное золотомъ и драгоцѣнными камнями императорское одѣяніе и великолѣпную императорскую корону. Этотъ новый придворный порядокъ служилъ къ укрѣпленію монархической власти. Средства поддерживать ее были чисто византійскія. Если еще Борисъ въ этихъ цѣляхъ попросту истребилъ двад-

цать два болгарскихъ языческихъ рода, то теперь, по примѣру византійцевъ, поступали нѣсколько мягче: мятежниковъ и заговорщиковъ ослѣпляли и заключали въ монастырь. Преслава сдѣлалась во всѣхъ отношеніяхъ точной копіей, хотя и плохой, столицы имперіи.

Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ къ укрѣпленію императорской власти служилъ ея религіозный характеръ, облекавшій христолюбиваго василевса. Послѣдній былъ священной особой въ глазахъ народа уже потому, что со времени Маркіана (430—457) онъ торжественно помазывался и вѣнчался на царство вселенскимъ патріархомъ. Поэтому его привѣтствовали при процессіяхъ, въ циркѣ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ, какъ равноапостольнаго, какъ Константина, какъ второго Давида, какъ апостола Павла, котораго оружіе—Христосъ; точно также прославляютъ его отцы вселенскихъ соборовъ въ своихъ воззваніяхъ, защитника правовѣрія, какъ императора и въ то же время первосвященника, какъ второго Константина, второго Ѳеодосія, второго Юстиніана и т. д. Подобно Константину въ Никеѣ, и послѣдующіе императоры выступаютъ въ торжественныхъ случаяхъ съ каѳедры, какъ настоящіе проповѣдники. Мы имѣемъ бесѣды Льва Мудраго и его сына Константина Багрянороднаго.

Православіе сдѣлалось для имперіи въ высшей степени важнымъ политическимъ факторомъ; оно было связующимъ средствомъ для того единства, которое охватывало тѣснѣйшимъ и крѣпчайшимъ образомъ всѣхъ подданныхъ имперіи, несмотря на различіе въ языкѣ и національности. Такое же значеніе, какъ національная идея для современныхъ народовъ, имѣло для восточныхъ римлянъ православіе. Когда жители Рима и Италіи узнали съ сокрушеніемъ, что благовѣрнѣйшій и христолюбивый императоръ Юстиніанъ II—какъ человѣкъ, полусумасшедшій извергъ—былъ свергнутъ съ престола храбрымъ Филиппикомъ Вардановъ въ 711 г., повелѣвавшимъ проповѣдывать вновь ученіе о единой волѣ, ученіе, достойное проклятія и осужденное святыми отцами VI собора, то они удалили отовсюду изображенія Филиппика и единодушно отказали ему въ повиновеніи. Но, какъ только на престолъ вступилъ православный Анастасій II въ 713 г., все снова вернулось къ обычной покорности.

Прежде всего императоръ занималъ внѣ имперіи мощное положеніе, какъ защитникъ и распространитель христіанской вѣры.

Императоръ смотритъ на иностранныхъ христіанскихъ государей, какъ на своихъ братьевъ или духовныхъ сыновей; онъ является воспріемникомъ отъ купели вновь обращенныхъ и одаряетъ ихъ при крещеніи блестящими подарками, что значительно

укрѣпляетъ ихъ религіозное рвеніе; такъ, Юстиніанъ I былъ воспріемникомъ вновь обращеннаго въ христіанскую вѣру чанскаго князя, а Михаилъ III былъ воспріемникомъ болгарскаго царя Михаила (Бориса). Маркіанъ сдѣлалъ своимъ пріемнымъ сыномъ Хозроя-Парвеза, персидскаго царя, для котораго онъ отвоевалъ его государство; хотя Хозрой не сдѣлался христіаниномъ, но тѣмъ не менѣе онъ крѣпко вѣрилъ въ національнаго сирійскаго святого Сергія.

Юстиніанъ I вступилъ въ тѣсныя дружескія отношенія съ вновь обращенными гуннами и ихъ энергичной королевой Боа, съ готами-тетракситами въ Крыму и съ побѣдоноснымъ негусомъ негести (царемъ царей) Эѳіопіи, послѣ того, какъ тотъ завоевалъ Счастливую Аравію и освободилъ аравійскихъ христіанъ отъ деспотизма іудейскаго царя Авраама.

Ираклій (610 — 641) былъ государемъ съ исключительно развитымъ религіознымъ сознаніемъ. Когда онъ плылъ изъ Африки, чтобы свергнуть деспотизмъ Фоки, онъ помѣстилъ на носу своихъ дромонъ образъ Богоматери. Его война съ персами въ сущности была религіозной войной, походомъ воиновъ Бога противъ невѣрныхъ, которые разорили святой городъ и „отвели въ неволю животворящее древо“. Весь христіанскій міръ, итальянцы, армяне, франки и готы привѣтствовали не побѣду императора, а возвращеніе креста въ Іерусалимъ, въ 629 г., привѣтствовали съ безмѣрнымъ восторгомъ международнымъ кровавымъ преслѣдованіемъ евреевъ. Воздвиженіе Креста становится однимъ изъ величайшихъ и блестящихъ праздниковъ всего христіанскаго міра, и Ираклій прославляется церковью, какъ христіанскій герой. Строго христіанскій духъ верховнаго главы византійцевъ выступаетъ особенно ярко въ борьбѣ съ исламомъ, которая воздвигла воодушевленныхъ защитниковъ вѣры и создала теократію подъ главенствомъ цезаря-папы. Полтора вѣка христолюбивые императоры вели эту рѣшительную борьбу за господство христіанской вѣры. Время жаркой борьбы было и временемъ ужаснаго духовнаго оскудѣнія, почти варварской эпохой, когда и литературное творчество почти прекратилось.

Когда въ 680 г. римскій папа Агаѳонъ отправилъ пословъ въ восточный Римъ, то онъ извинялся, что они, хотя и благочестивые люди, но совершенно необразованные. Извиненіе было излишне, такъ какъ въ Византіи дѣло обстояло едва ли лучше. Но въ это время какъ разъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ тамъ велась борьба за существованіе, а въ то время, когда рѣшалась судьба, должны были отступить на задній планъ всѣ вопросы, и прежде всего вопросъ просвѣщенія.

Понятно, что послѣ того, какъ въ IX вѣкѣ сила халифата за-

мѣтно упала, и опасность для государства со стороны арабовъ отступила на задній планъ, все же у императора и народа осталось неизгладимое впечатлѣніе, что единство имперіи и единство вѣры являются священнѣйшимъ достояніемъ имперіи, требующимъ самой сильной защиты. На восточной границѣ Малой Азіи хозяйничали храбрые, преданные манихейской дуалистической вѣрѣ, павликіане. Иконоборческіе императоры всячески покровительствовали этимъ столь же храбрымъ, сколь надежнымъ пограничнымъ жителямъ. Но послѣ возстановленія православія (843 г.) высокоодаренная политически, но фанатичная Ѳеодора начала противъ нихъ злополучную религіозную войну. Сотни тысячъ пали жертвой, и даже такой политически мудрый и неразборчивый въ вопросахъ вѣры государь, какъ Василій I считалъ, что изъ политическихъ основаній онъ не смѣетъ уклониться отъ задачи, обнажить мечъ вѣры противъ этихъ „отрицателей Бога". Іоаннъ Цимисхій переселилъ ихъ въ Европу. Но и тамъ греческій императоръ и болгарскій царь наперерывъ преслѣдовали ихъ, а также ихъ славянскихъ преемниковъ—богомиловъ. Алексѣй Комнинъ велъ съ ними диспуты, полные религіознаго рвенія, и кто не давалъ себя убѣдить догматическими доказательствами императора, тотъ долженъ былъ идти на костеръ. Въ этихъ дѣйствіяхъ, такъ сильно оскорбляющихъ наше чувство, современники видѣли необходимое исполненіе одной изъ самыхъ важныхъ обязанностей императора,—быть защитникомъ и распространителемъ христіанской вѣры.

ГЛАВА II.

Церемоніалъ.

Одной изъ важнѣйшихъ и серьезнѣйшихъ частей какъ древнеримской, такъ и византійской государственности былъ церемоніалъ. Извѣстно, какъ строго придерживались римскіе жрецы и магистраты правильнаго произнесенія извѣстныхъ формулъ и исполненія дѣдовскихъ церемоній. Позднѣйшіе римляне, какъ Зосима, серьезно думали, что Римская имперія гибнетъ, потому что со времени Константина Великаго, благодаря введенію христіанства, прекратилась непрерывность въ исполненіи священнодѣйствій языческаго культа. Поэтому исполненіе церемоній лежитъ въ крови у древнихъ, какъ и у новыхъ римлянъ. То глубокое презрѣніе, которое обнаруживалъ великій Тиверій къ пышности и блеску, было совершенно непонятно тогдашнимъ римлянамъ и вполнѣ основательно: такъ ужъ устроены народы, что для нихъ показная внѣшность составляетъ нѣчто неразрывное съ самымъ существомъ правителя. На Босфорѣ это знали, и значеніе церемоніала, было признано и другими народами Европы. Хотя они охотно смѣялись и издѣвались надъ церемоніаломъ, тѣмъ не менѣе всѣ они безъ исключенія шли съ большимъ благоговѣніемъ на выучку къ ромеямъ. Изъ римско-византійскаго канцелярскаго языка уцѣлѣли, въ обращеніи къ германскимъ и австрійскимъ императорамъ, такія выраженія какъ: „величайшій, свѣтлѣйшій, непобѣдимѣйшій", а русскій императоръ, царь всея Руси, притязаетъ въ титулатурѣ на наслѣдство новаго Рима. Но съ тѣхъ поръ, какъ со временъ Фридриха Вильгельма I въ нѣмецкомъ церемоніалѣ сильно распространилась военная и казарменная атмосфера, только одинъ дворъ сохранилъ у себя церемоніалъ „священныхъ римскихъ императоровъ" во всемъ его древнемъ великолѣпіи: каждому посѣтителю вѣчнаго города очень импонируетъ установленный тамъ, строго опредѣленный порядокъ, касающійся каждой мелочи священнаго обряда и

чество. При моемъ появленіи заревѣли львы и птицы запѣли каждая свою мелодію. Я же не испыталъ ни страха, ни удивленія, такъ какъ еще раньше былъ освѣдомленъ нѣкоторыми знатоками обо всѣхъ этихъ вещахъ. Послѣ того какъ, согласно обычаю, я въ третій разъ преклонился передъ императоромъ, привѣтствуя его, я поднялъ голову и увидѣлъ императора въ совершенно другой одеждѣ, почти у потолка залы, въ то время какъ только-что видѣлъ его на тронѣ на небольшой высотѣ отъ земли. Я не могъ понять, какъ это произошло: должно быть, онъ былъ поднятъ наверхъ посредствомъ машины. Онъ не произнесъ ни слова, а если бы и хотѣлъ произнести, то такой перерывъ церемоніала считался бы въ высшей степени неприличнымъ. О жизни и здоровьи Беренгара меня спросилъ логоѳетъ. Отвѣтивъ ему по обычаю, я покинулъ залу аудіенціи и отправился назадъ въ мою гостиницу“.

Нѣкоторые изъ этихъ обычаевъ сохранились и до нашихъ дней. Патріархъ пользуется и теперь подъ турецкимъ владычествомъ многими правами и привилегіями древнихъ императоровъ. Ему также оказываются императорскія почести. На всѣхъ гробницахъ патріарховъ въ монастырѣ Балукли въ качествѣ герба изображенъ двуглавый орелъ. Тотъ же двуглавый орелъ находится и на печати правящаго патріарха. Когда экзархъ (намѣстникъ) патріарха посѣтилъ болгарскій монастырь Зографъ на Аѳонѣ, служащая братія монастыря распростерлась передъ нимъ ницъ совершенно такъ же, какъ Ліутпрандъ передъ императоромъ. Въ Римѣ на торжественныхъ мессахъ, совершающій службу священникъ-кардиналъ безпрерывно простираетъ руки, чтобы дать возможность прислуживающимъ у алтаря клирикамъ облачить себя въ новыя далматики, казулы и т. д.

Если уже человѣкъ высокообразованный для своего времени, несмотря на весь свой протестъ, находится всецѣло подъ обаяніемъ величія императора—космократоръ былъ дѣйствительно первымъ среди владыкъ всего извѣстнаго тогда міра,—то до какой же степени должны были быть подавлены благоговѣніемъ послы бѣдныхъ варварскихъ сосѣднихъ народовъ, когда они вдругъ вступали, послѣ суровыхъ лощинъ и безконечныхъ степей своего первобытнаго отечества, въ Богомъ хранимый, сіявшій золотомъ и мраморомъ Царьградъ, столицу на Босфорѣ!

Здѣсь все имѣетъ свое опредѣленное мѣсто; со временъ предковъ сохранились порядки, которые указывали каждому, согласно его положенію, строго опредѣленное мѣсто. Это не было древне-римской традиціей. Авреліанъ, могучій солдатскій императоръ, находилъ шелковыя одежды для себя слишкомъ дорогими; онъ имѣлъ мѣстопребываніе не на Палатинѣ, такъ какъ эта резиденція древнихъ императоровъ казалась ему слишкомъ

великолѣпной. Персидскіе послы, испросившіе себѣ аудіенцію у императора Кара, съ удивленіемъ увидѣли лысаго старика въ простой солдатской одеждѣ, сидящаго на грязной шкурѣ; это былъ римскій императоръ и покоритель народовъ. Діоклетіанъ сознательно порвалъ съ этой простотой, и, возложивъ себѣ на голову бѣлую, усыпанную жемчугами діадему, онъ этимъ какъ бы далъ знакъ восточному обожанію и поклоненію. Установленные имъ порядки оставались руководящими, пока существовала Римская имперія.

Настоящимъ центральнымъ пунктомъ всего церемоніала является, какъ и на Востокѣ, порядокъ трапезы. При армянскомъ дворѣ существовалъ, очевидно, по персидскому образцу, порядокъ подушекъ, согласно которому каждому сатрапу и каждому феодальному князю указывалось его мѣсто за столомъ государя. Этотъ порядокъ приписывается то святому Нерсесу, то святому Сахаку. Католикосъ въ Арменіи былъ такъ же, какъ первосвященникъ въ Іудеѣ и патріархъ въ Византіи, правопреемникомъ низложеннаго государя, а потому также верховнымъ владыкой при назначеніи мѣстъ за столомъ.

Съ какой полной достоинства серьезностью устанавливался порядокъ мѣстъ за императорскимъ столомъ, показываетъ намъ „точный порядокъ мѣстъ при высочайшихъ приглашеніяхъ къ столу“, который былъ составленъ въ 902 г. для христолюбиваго и премудраго императора Льва императорскимъ протоспаѳаріемъ и обергофмаршаломъ Филоѳеемъ. Филоѳей, истый придворный, сознавалъ хорошо все высокое значеніе и отвѣтственность своей должности. „Многія и въ высшей степени видныя почетныя должности существовали уже во времена предковъ. Тщательное описаніе ихъ хлопотливо и трудно, такъ какъ названія многихъ почетныхъ должностей съ теченіемъ времени вышли изъ употребленія. Придуманные же вновь съ той поры почетные титулы внесли не малую путаницу въ правильное опредѣленіе значенія этихъ должностей, ... мы же хотимъ изъ часто темныхъ предписаній старыхъ порядковъ и изъ нынѣ существующаго придворнаго церемоніала собрать важнѣйшее, насколько это позволяютъ наши слабыя силы. Прежде всего помните, мои друзья, что знаніе всѣхъ искуствъ и навыковъ ведетъ къ полезной цѣли; точно также и наука дворецкаго не преслѣдуетъ какой-нибудь другой хорошей цѣли, какъ только посредствомъ строгаго порядка и педантично точнаго распредѣленія мѣстъ точно отдѣлить другъ отъ друга различныя степени придворныхъ чиновъ и высшихъ должностныхъ лицъ. Ибо блистательное жизненное положеніе или блестящее должностное достоинство никогда не предстанутъ передъ глазами зрителей въ такомъ характерномъ видѣ, какъ тогда,

когда по вызову герольда обладатели ихъ удостоятся почетнаго мѣста за высокимъ столомъ на обѣдѣ высочайшихъ особъ, что составляетъ предметъ зависти для многихъ. Если же при устройствѣ высочайшаго обѣда произойдетъ по нашей винѣ ошибка въ этикетѣ или замѣшательство, то это будетъ причиной досады не только для ихъ превосходительствъ и высшихъ сановниковъ, но также и мы, какъ гофмаршалъ и оберцеремонійместеръ осрамимъ себя и подпадемъ проклятію насмѣшки. Поэтому, милые друзья, при исполненіи этой видной и отвѣтственной должности мы должны приложить все стараніе и самую строгую добросовѣстность для точнѣйшаго изученія порядка чиновъ, запечатлѣть ихъ въ нашемъ умѣ и установить и разъяснить съ педантичнѣйшей добросовѣстностью раздѣленія и подраздѣленія по чинамъ. Отъ старыхъ предписаній мы отбрасываемъ кое-что съ теченіемъ времени совершенно вышедшее изъ употребленія и устарѣвшее. Наоборотъ, мы соберемъ по порядку, какъ бы на одномъ письменномъ столѣ, все то, что при нашихъ свѣтлѣйшихъ повелителяхъ, императорахъ Львѣ и Александрѣ еще дѣйствуетъ и находитъ себѣ примѣненіе, . . . , для того, чтобы не только опытные въ придворномъ этикетѣ легко поняли этотъ порядокъ, но и чтобы совершенно несвѣдущіе при помощи этого короткаго руководства получили легкое и понятное поученіе о такомъ важномъ предметѣ, какъ порядокъ стола . . . . . Во-первыхъ слѣдуетъ обратить вниманіе на точную титулатуру высшихъ должностей; во-вторыхъ слѣдуетъ замѣтить тончайшія различія въ чинахъ, болѣе высокіе и мелкіе, высокіе титулы и эпитеты при обращеніи, какъ это записано ниже. Ибо почетные титула, пожалованные за выдающіяся заслуги, я вамъ привелъ всѣ въ лѣствичномъ порядкѣ; потомъ я привелъ тѣ, которые пожалованы по собственному высочайшему соизволенію его императорскаго величества; наконецъ, я привелъ почетные титулы болѣе низкихъ чиновъ“ и т. д.

Больше всего затрудненій въ этой тернистой должности распорядителя мѣстъ создавало церемонійместеру—едва ли это можно было предполагать—высокочтимое духовенство; однако, императоръ Левъ VI (886—912) и патріархъ Николай Мистикъ совершенно опредѣленно свидѣтельствуютъ намъ объ этомъ, разумѣется, совершенно нелестнымъ для высшаго клира образомъ. При императорахъ иконоборцахъ была принята коренная церковно-политическая мѣра. Такъ называемый Солунскій викаріатъ (Македонія — Эллада — Пелопоннесъ) въ церковномъ отношеніи былъ до сихъ поръ подчиненъ Старому Риму. Въ пылу спора о „достойныхъ обожанія иконахъ“ ромейскіе императоры оторвали отъ Стараго Рима всю эту обширную область и подчинили ее патріарху столицы; это осталось такъ и до сихъ поръ, несмотря на всѣ

протесты и трогательныя жалобы папъ. Въ разрядъ же гофмаршала были записаны только митрополиты, изстари подчиненные Константинополю, малоазіатскіе и ѳракійскіе іерархи. Но „западныя земли", въ центрѣ которыхъ находились такія значительныя апостольскія каѳедры, какъ Аѳины, Патры, Коринѳъ, пожелали охранять свои права. Правда, въ легкомысленной и порочной Византіи дѣло не дошло до такихъ отвратительныхъ сценъ, какъ это было въ 1063 г. въ Госларѣ у благочестивыхъ нѣмцевъ въ мѣстническомъ спорѣ между епископомъ Гильдесгейма и игуменомъ Фульды, „когда военный кличъ наполнялъ святилище Господа, у алтаря свирѣпствовалъ мечъ и кровь покрывала полъ церкви". Но то, что происходило въ Византіи, также не было очень назидательно.

Старый списокъ Константинопольскихъ епископовъ показываетъ въ началѣ, что іереи, чтобы не получать указаній относительно мѣстъ отъ какого-нибудь мірянина-церемоніймейстера, установили въ своей средѣ новый порядокъ чиновъ, который долженъ былъ имѣть силу какъ въ обыкновенныхъ случаяхъ, такъ и при приглашеніи къ императорскому столу. „Должно вписывать имена городовъ, удостоенныхъ высшаго священства и получившихъ себѣ святыхъ пастырей черезъ рукоположеніе отъ патріарха, тамъ, гдѣ они какъ бы представляютъ сами по себѣ маленькій міръ и наставляютъ всякаго, жаждущаго познанія на каждый отдѣльный случай. Ибо проводить этотъ порядокъ въ своемъ собственномъ святилищѣ является священной обязанностью служенія, приносящаго безкровную жертву. Такимъ же точно образомъ могутъ и всѣ другіе точно различать свои права и мѣста, соотвѣтствующія ихъ чину. Наряду съ іерархами восточной половины имперіи мы вписали также и ихъ коллегъ, живущихъ на западѣ. До сихъ поръ эти послѣдніе не были приняты въ оффиціальный списокъ; поэтому, когда назначались оффиціально общія засѣданія, западные епископы отталкивались въ сторону ихъ коллегами одинаковыхъ чиновъ и въ свою очередь отдавали ударъ—увы этой святотатственной дерзости!—и съ неменьшей силой. Но нашъ христолюбивый благочестивѣйшій императоръ предсѣдательствовалъ вмѣстѣ съ нами въ храмѣ святой Ирины во время совершенія заупокойной службы по умершимъ патріархамъ. Вмѣстѣ съ нами присутствовали также боголюбивые митрополиты. Съ ними мы обсудили право чести каждаго престола и назначили всѣмъ соотвѣтствующія имъ мѣста, какъ показываетъ эта табель о рангахъ (τάξις), которая была написана съ большой тщательностью по нашему увѣщанію. Ибо намъ кажется соблазнительнымъ, что служители алтаря поднимаютъ споръ о санѣ и о почести, которая есть безчестіе, лучше скажемъ это прямо, которая есть позоръ и стыдъ, и втаптываютъ въ грязь честь высшаго свя-

щенства. Мы должны думать только о безсмертной славѣ, неувядающей, которая всегда зеленѣетъ и цвѣтетъ, украшаетъ своихъ почитателей чистѣйшей честью и прославляетъ".

Это все красивыя слова: о, если бы патріархъ Николай не только проповѣдывалъ ихъ другимъ, но и самъ бы поступалъ согласно съ ними! Передъ вторымъ же своимъ нареченіемъ въ 911 г. онъ велѣлъ своимъ синкелламъ и церковно-служителямъ выщипать у патріарха Евѳимія бороду по волоску и вообще поступить съ нимъ жестоко; правда, въ его глазахъ Евѳимій былъ обманщикомъ, въ глазахъ же народа онъ былъ святымъ.

ГЛАВА III.

Международныя отношенія и ромейская дипломатія.

Было бы большой ошибкой на основаніи всѣхъ предыдущихъ разсужденій сдѣлать какъ бы самъ собою напрашивающійся выводъ, будто вся дѣятельность ромейскаго придворнаго чиновничества и высшаго духовенства заключалась въ безплодныхъ церемоніяхъ и ребяческихъ спорахъ изъ за мѣстъ. Столь торжественная внѣшность не была чѣмъ то пустымъ, но по временамъ имѣла совершенно реальное содержаніе; на это намъ указываетъ описаніе императорскаго силенція, который былъ зародышемъ парламента и особенно въ первое время своего существованія далеко не отличался кротостью. Именно, римскій архивъ сохранилъ намъ отъ временъ папы Сергія (687—701) важный документъ, изъ котораго мы узнаемъ, что при рѣшеніи существенныхъ государственныхъ вопросовъ созывалось іерархическое строго распредѣленное представительство имперіи. Такое собраніе нотаблей носило названіе силенція, такъ какъ въ важнѣйшемъ вопросѣ они молча выслушивали высочайшія сообщенія и только въ извѣстные торжественные моменты выражали свое одобреніе при посредствѣ спеціально для этого приставленныхъ и оплачиваемыхъ „крикуновъ" повтореніемъ пять, десять и двадцать разъ подходящаго возгласа, напримѣръ: „христолюбивому императору многія лѣта", „его мудрыя мѣропріятія спасаютъ государство", „новому Юстиніану многія лѣта" и т. д., точно такъ же, какъ это бывало на собраніяхъ сената (прочтеніе вслухъ кодекса Θеодосія въ старомъ Римѣ), или на имперскихъ соборахъ, или какъ это бываетъ еще теперь на заупокойныхъ обѣдняхъ объ умершихъ и при провозглашеніи многолѣтія живымъ патріархамъ.

Первое и самое почетное мѣсто на этихъ свѣтлѣйшихъ собраніяхъ принадлежало, само собой разумѣется, духовному сословію, какъ это было въ средніе вѣка на Западѣ; въ протоколѣ оно было

помѣчено на первомъ мѣстѣ: „наши отцы, святѣйшіе и блаженнѣйшіе патріархи, апокрисіарій и (легатъ) Его Святѣйшества и святѣйшій Сенатъ“:—это мѣсто было использовано, насколько я понимаю, съ греческой и римской стороны въ спорѣ, дошедшемъ до пресыщенія, о преимуществахъ стараго и новаго Рима. Мы понимаемъ темные намеки въ Liber Pontificalis о горячей оппозиціи папъ Сергія и Константина противъ безукоризненно православнаго, но до безумія упрямаго и склоннаго къ насиліямъ императора Юстиніана II. Титулъ „блаженнѣйшій“ примѣняется еще теперь къ патріархамъ Александріи, Антіохіи и Іерусалима, тогда какъ одинъ только вселенскій патріархъ новаго Рима титулуется святѣйшимъ. Намѣстникъ Петра, хотя онъ и обозначается какъ Vestra beatitudo, оффиціально въ канцеляріи Новаго Рима низводится до „патріарха второго разряда“, и противъ этого папы боролись по праву и, какъ мы знаемъ изъ исторіи, съ полнѣйшимъ успѣхомъ.—Патріархи, кромѣ римскаго и константинопольскаго, были при Омайядахъ только титулярными патріархами, часто простые монахи, иногда обманщики, проводившіе довольно пріятно время въ столицѣ въ качествѣ намѣстниковъ патріарха святого града, или Антіохіи, или Александріи. Сенатъ, который названъ на ряду съ духовными сановниками, былъ такъ называемый меньшій сенатъ, имѣвшій своими членами главныхъ сановниковъ гражданскаго управленія.

Собраніе, на ряду съ этими высшими нотаблями, заключало въ себѣ и вторую категорію: „Богомъ любимые митрополиты и епископы, пребывающіе въ этомъ императорскомъ городѣ“. Это и были сочлены постояннаго собора, существованіе котораго можно прослѣдить съ VI в.; „военные обитатели священнаго императорскаго дворца“, т. е. корпусъ офицеровъ обоихъ отборныхъ гвардейскихъ полковъ, схоларіевъ и экскубиторовъ и, наконецъ, димократы и димархи, цеховые старосты подраздѣленій столичной буржуазіи, (организованныхъ въ родѣ нѣмецкихъ гильдій) которыя хорошо намъ извѣстны подъ названіемъ цирковыхъ партій, „синихъ и зеленыхъ“, имѣвшихъ полувоенную организацію на манеръ нѣмецкихъ стрѣлковыхъ обществъ.

Первоначально это собраніе нотаблей состояло изъ представителей столицы. Однако, въ 669 г. явилась къ императору Константину Погонату депутація отъ полевой арміи съ умѣреннымъ требованіемъ, чтобы онъ тотчасъ же провозгласилъ соправителями обоихъ своихъ братьевъ, Ираклія и Тиверія. Офицеры восточныхъ пограничныхъ полковъ явились въ Хризополь и заявили: „мы вѣруемъ въ Троицу: дайте намъ короновать троихъ въ императоры“. Такимъ своеобразнымъ богословскимъ путемъ дѣлались въ Византіи военныя революціи, которыя въ дѣйствительности носили въ вышей степени свѣтскій характеръ. Испуганный на

женіе сельскаго населенія. Съ IX в. становится замѣтной повсюду могущественная туземная знать; она пытается поставить отъ себя въ зависимость всѣхъ, оставшихся свободными, подданныхъ имперіи, и правительство, защищавшее свободныхъ крестьянъ, должно было повсемѣстно вступить въ борьбу съ упрямымъ сопротивленіемъ этого земледѣльческаго сословія.

Особенно энергично въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ императоръ Романъ Лакапинъ (919—944). Его новелла 922 г., позже возобновленная и расширенная, запрещала богатымъ пріобрѣтать имѣнія бѣдныхъ и солдатъ, будь то путемъ усыновленія, даренія, въ случаѣ смерти или по завѣщанію, или какимъ нибудь другимъ путемъ. Кто нарушалъ этотъ законъ, долженъ былъ не только вернуть обратно имѣніе, но также уплатить фиску сумму, равную его стоимости. Законъ остался мертвой буквой, такъ какъ его опредѣленія были частью слишкомъ общи, частью слишкомъ прямолинейны, такъ что примѣненіе ихъ оказалось невозможнымъ. Это обнаружилось уже въ 928 г. при появленіи сильнаго голода. Богатые воспользовались голодомъ, чтобы скупить маленькія помѣстья. Новый законъ императора объявилъ эти покупки недѣйствительными; но во всякомъ случаѣ покупатели должны были согласно этому закону получать полное вознагражденіе и только въ будущемъ угрожали, какъ наказаніемъ, секвестромъ безъ возмѣщенія убытковъ.

Однако Константинъ Порфирородный, соправитель Романа, какъ самодержавный монархъ, снова жалуется на то, что императорскіе законы открыто не исполняются и издаетъ снова обстоятельныя постановленія въ защиту владѣльцевъ мелкихъ помѣстій.

Но всѣ эти усилія правительства были напрасны. Тенденція эпохи въ сторону расширенія крупнаго землевладѣнія была слишкомъ сильна.

Какъ крестьянскія помѣстья, такъ и солдатскія силы во многихъ случаяхъ уже получали назначеніе иное, чѣмъ первоначально. Владѣльцы ихъ продавались безсовѣстными офицерами, въ качествѣ батраковъ, крупнымъ землевладѣльцамъ. Противъ этого правительство выступило тѣмъ болѣе энергично, что подобныя дѣйствія особенно сильно угрожали его жизненнымъ интересамъ—существованію опытной въ войнѣ арміи. Поэтому суровые денежные штрафы налагались на всякаго, кто завладѣвалъ солдатскимъ помѣстьемъ или пытался превратить своихъ солдатъ въ поземельныхъ рабовъ.

Сильный императоръ воинъ Никифоръ II Фока (963—969) придалъ новую силу постановленіямъ старыхъ законовъ, запрещавшихъ крупнымъ землевладѣльцамъ пріобрѣтать помѣстья крестьянъ. „Знатные могутъ покупать только земли знатныхъ, солдаты

многочисленныя поселенія мирныхъ крестьянъ, которые именно и были для государства главными плательщиками податей. Также и въ этой области законодательство великаго императора Льва III (717—741) положило прочныя основы. Прежде всего заслуживаютъ вниманія его земельные законы. Они показываютъ намъ, что въ періодъ отъ IV до VII вв. совершился большой переворотъ въ соціальныхъ отношеніяхъ сельскаго населенія. Мы не встрѣчаемъ больше въ деревнѣ крѣпостного населенія, прикрѣпленнаго къ землѣ, какъ во времена стараго колоната. Теперь это свободные крестьяне, и при томъ два класса крестьянъ. Нѣкоторыхъ владѣльцы поселяютъ на своихъ земляхъ, чтобы они ихъ обрабатывали; но послѣдніе могутъ покинуть имѣніе во всякое время, конечно только возмѣстивъ убытокъ, который произойдетъ вслѣдствіе ихъ внезапнаго ухода. Эти арендаторы платятъ землевладѣльцу десятую часть дохода, рѣдко половину; они называются „мортитами". Съ другой стороны, были поселены также и свободныя крестьянскія общины. Онѣ получали землю въ общинную собственность и дѣлили ее между общинниками. Каждый обрабатывалъ предоставленный ему участокъ самъ или съ помощью рабовъ; онъ могъ даже отдать весь участокъ или часть его въ аренду.

Должно быть, не безъ основанія предполагали, что большой переворотъ въ хозяйственныхъ отношеніяхъ стоитъ въ связи съ начавшимся въ VII в. передвиженіемъ народонаселенія. На Балканскій полуостровъ вторглись массы славянъ; на сѣверѣ Малой Азіи хозяйничали армяне, а на юго-востокѣ сирійскіе военные колонисты (мардаиты). Конечно нельзя было и думать навязать этимъ воинственнымъ отрядамъ крѣпостныя отношенія. Всѣ они были свободны. Когда они получали мѣста для поселенія уже въ обезлюдѣвшихъ отчасти округахъ, то это обстоятельство, по всей вѣроятности, благопріятно вліяло на повсемѣстное улучшеніе положенія колоновъ, уже давно осѣвшихъ тамъ. Пользуясь неурядицей, многіе бѣжали и въ другія провинціи. Возвращаясь теперь назадъ или оставаясь на старомъ мѣстѣ, они не могли больше пребывать въ прежнемъ состояніи рабства, когда рядомъ жили новые, свободные поселенцы. Благодаря вторженію славянъ, хозяйственныя и соціальныя отношенія крестьянскаго населенія вообще значительно улучшились.

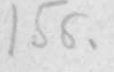
Одно во всякомъ случаѣ ясно: законодательство исаврійскаго императора рисуетъ намъ развитую сельскую общину. Здѣсь кажется въ высшей степени правдоподобнымъ предположеніе, что этому развитію содѣйствовало вліяніе славянъ.

Правители Македонскаго царскаго дома, также какъ и императоры Исаврійской династіи, очень энергично стремились къ тому, чтобы посредствомъ законодательныхъ мѣръ улучшить поло-

персы, главнымъ же образомъ—славяне и армяне. Германскіе сѣверные народы стремились въ большомъ числѣ въ столицу, а русскіе, флотъ которыхъ заставлялъ столицу дрожать, поступали въ императорскую гвардію.

Эти чужестранцы достигали въ арміи высокихъ должностей и, напримѣръ, среди генераловъ и мы встрѣчаемъ много армянъ. Они даже овладѣваютъ императорскимъ престоломъ, какъ Левъ V Армянинъ (813—820). Точно также армянскаго происхожденія былъ славный македонскій императорскій домъ, почти двухсотлѣтнее правленіе котораго было самой блестящей эпохой византійской имперіи. Первый императоръ Македонской династіи велъ свое происхожденіе отъ Аршакидовъ, стараго царскаго дома Арменіи.

Конечно, войско пополнялось не только наемными чужестранцами. Уже въ болѣе раннее время мы въ немъ встрѣчаемъ много туземцевъ. Императоръ Левъ I Великій (457—474) былъ возведенъ на престолъ могущественнымъ аланомъ Аспаромъ, и этотъ послѣдній былъ дѣйствительнымъ правителемъ. Но Левъ противопоставилъ германцамъ туземныя наемныя войска исавровъ, и генералъ этихъ войскъ, Зинонъ, сдѣлался зятемъ императора. Въ правленіе Зинона его грубые, разбойническіе, но храбрые соотечественники занимали важнѣйшіе посты въ арміи и образовали императорскую лейбъ-гвардію.

Императорское законодательство проявляло большую заботливость къ интересамъ солдатъ. Подданные дѣлились на два рѣзко различавшихся класса: солдаты (стратіоты) и граждане. Первые исключительно были обязаны нести военную службу. Для содержанія ихъ назначались особые участки земли, настоящіе лены. Обязательство нести военную службу переходило по наслѣдству отъ отца къ сыну. Такія солдатскія помѣстья могли быть пожалованы также гражданамъ не военнаго происхожденія, если они брали на себя обязательство нести военную службу. Многіе изъ этихъ военныхъ колонистовъ были, конечно, иностраннаго происхожденія: армяне, гунны, арабы, славяне массами осѣли въ Византійской имперіи; для магометанъ необходимымъ условіемъ являлось при этомъ крещеніе. Получивъ землю, поселенцы получали также опредѣленныя суммы на первое обзаведеніе: на пріобрѣтеніе рабочаго скота, земледѣльческихъ орудій и хлѣбнаго зерна. Кто поступалъ въ конницу, тотъ получалъ помѣстье съ значительно болѣе высокимъ доходомъ, чѣмъ, напримѣръ, матросъ императорскаго флота. При этомъ, кажется, очень способнымъ въ военномъ дѣлѣ иностранцамъ отдавалось предпочтеніе передъ туземцами.

Наряду съ этими военными колоніями существовали также

вала надъ всѣмъ цивилизованнымъ и варварскимъ міромъ. Въ ін, какъ сообщаетъ Козьма Индикоплевстъ, византійскія ьги въ международной міровой торговлѣ и у всѣхъ купцовъ хои по ихъ дѣйствительной стоимости. Между сосѣдними государми были установлены точно опредѣленныя соглашенія относиьно чеканки монетъ. Напримѣръ, Сассаниды были обязаны анить только серебро, золотой же монетой долженъ былъ слуь римскій солидъ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что причина го не заключалась въ недостаткѣ золота. Наоборотъ: персы довляли золото за византійскія драгоцѣнности и предметы украшеній. ичиной, почему они не чеканили золота, являлся международй договоръ. Подобныя же обязательства принялъ Хлодвигъ для анкскаго королевства. Пожалованіе титула патрикія франкскому олю вовсе не было такимъ пустымъ событіемъ, какъ обыкноно считаютъ. Это было наградой за государственный договоръ, ораго желалъ ромейскій императоръ, потому что этотъ договоръ алъ обезпеченное существованіе и преимущество передъ сирійми купцами многочисленнымъ, проживавшимъ въ королевствѣ анковъ, ромеямъ. Поэтому Прокопій назвалъ открытымъ наруніемъ договора поступокъ внука Хлодвига, Теодеберта Австразійскаго, который не обратилъ никакого вниманія на признавшееся до сихъ поръ всѣми, выговоренное императоромъ, право, сталъ чеканить собственную золотую монету. Все это указываетъ хозяйственное значеніе солида, какъ монеты мірового обращенія.

Такимъ образомъ, система военнаго управленія находитъ себѣ маго лучшаго защитника въ своихъ собственныхъ дѣлахъ. Рельтаты этой системы были хороши, но она требовала безусловго подчиненія. Кто осмѣливался вступать по отношенію къ ней оппозицію, бывалъ раздавленъ. Противоположные элементы еди населенія достаточно часто чувствовали на себѣ всю тяесть военнаго режима, какъ напримѣръ, монахи во время иконорчества. Михаилъ Лаханодраконъ, стратигъ Ѳракисійской емы, секуляризировалъ все монастырское имущество и принудилъ онаховъ и монахинь къ браку. Въ его провинціи скоро совсѣмъ е стало монаховъ. Поэтому онъ былъ названъ „человѣкомъ благоволенія“ и заслужилъ похвалу императорскаго совѣта, а примѣръ его нашелъ многочисленныхъ подражателей среди его коллегъ.

Не менѣе страннымъ, чѣмъ эти генералы, управлявшіе провинціями, было и войско, поставленное подъ ихъ начало. Во всѣ времена ядро его составляли навербованные наемники. При Юстиніанѣ I въ рядахъ войска мы встрѣчаемъ антовъ и славянъ, готовъ, геруловъ, вандаловъ и лангобардовъ, армянъ, персовъ и гунновъ. Такъ это и было на протяженіи столѣтій. Въ слѣдующихъ столѣтіяхъ въ войскѣ появляются преимущественно арабы,

тельской странѣ. Путешествующіе взадъ и впередъ купцы также употреблялись для этой развѣдочной службы. Въ позднѣйшія столѣтія, когда царство халифовъ начало распадаться все болѣе и болѣе, эмиры пограничныхъ областей часто были тайными или явными друзьями византійцевъ; ихъ замки, господствовавшіе надъ большими дорогами, были открыты для византійцевъ. Эти послѣдніе также охраняли свою границу крѣпкими замками, клисурами, которые защищались сильнымъ гарнизономъ подъ начальствомъ пограничнаго начальника—клисурарха.

Левъ Исавръ, правленіе котораго составляетъ какъ бы историческую грань, сдѣлалъ шагъ, составившій эпоху. Старая Діоклитіановская система управленія, съ ея строгимъ раздѣленіемъ военныхъ и гражданскихъ властей, пережила самое себя. Военные чиновники повсюду достигли высокаго положенія. Въ Италіи и Африкѣ они устранили отъ дѣлъ гражданскую власть. И на Востокѣ создалась подходящая почва для подобнаго развитія. Левъ упростилъ сложный бюрократическій аппаратъ и устранилъ вѣчное соперничество между военными и гражданскими властями. Онъ просто передалъ гражданское управленіе въ руки военныхъ чиновниковъ. Существовавшіе до сихъ поръ военные округа, ѳемы, были превращены также въ гражданскія провинціи, а командующіе дивизіями генералы (стратиги) должны были въ то же время исполнять должность губернаторовъ провинцій, въ то время какъ болѣе низкимъ чинамъ военной іерархической лѣстницы, турмархамъ и т. д., соотвѣтствовали и низшія должности гражданскаго управленія.

Какъ ни странно можетъ намъ казаться это возложеніе провинціальнаго управленія на генераловъ, но все же оно вполнѣ соотвѣтствовало потребностямъ времени, и подъ военнымъ управленіемъ провинціи находились въ хорошемъ состояніи. Разумѣется, военныя власти такъ же не могли обходиться безъ спеціальныхъ совѣтниковъ, какъ раньше юристы. Мы встрѣчаемъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ наряду съ патрикіемъ, турмархомъ и т. д. обыкновенно также коммеркіарія, освѣдомленнаго въ дѣлахъ совѣтника генераловъ. Эти военные чиновники хорошо исполняли также всю работу финансоваго характера. Въ восьмисотлѣтній періодъ отъ Діоклитіана до Алексѣя Комнина ромейское правительство ни разу не было поставлено въ необходимость объявить банкротство и прекратить платежи. Ни древность, ни новое время не даютъ намъ другого примѣра подобнаго явленія. Эта чрезвычайная твердость византійской финансовой политики обезпечивала также византійскому золотому его міровой курсъ. Благодаря своему полному вѣсу, онъ считался у всѣхъ сосѣднихъ народовъ хорошимъ платежнымъ знакомъ. Благодаря своему золотому, Византія господ-

прославила воспоминаніе объ этихъ морскихъ побѣдахъ; но члены правительства судили иначе. У нихъ сохранилось прежде всего воспоминаніе о смутахъ и провозглашеніяхъ императоровъ. „Кивиреоты (южный малоазіатскій флотскій округъ) производятъ свое имя отъ Кивиры (незначительнаго, пользующагося дурной славой городка) къ стыду своему, а не къ чести, потому что они много разъ обходились дерзко и мятежно съ императорскими повелѣніями“. Поэтому въ слѣдующемъ столѣтіи высшіе военные чины начинаютъ презрительно смотрѣть на флотъ. Характерно, что во главѣ его, вмѣсто великаго адмирала, были поставлены теперь два офицера, менѣе выдающіеся по своему положенію. Тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ теперь совершенно преобразованная сухопутная армія. Войско, ядро котораго до сихъ поръ составляла пѣхота, превращается теперь преимущественно въ конницу. Перевѣсъ въ битвѣ даютъ теперь конные полки, кавалерійскія ѳемы. Старый римскій легіонарный порядокъ не устоялъ передъ бурнымъ напоромъ отрядовъ бедуиновъ. Намъ передается совершенно опредѣленно, что при императорѣ Иракліи возникаетъ организація войска по ѳемамъ. Во время борьбы съ исламомъ, которая была борьбой не на жизнь, а на смерть, была введена новая организація войска и образованы впослѣдствіи столь блестяще выступившіе конные полки. Прекраснымъ боевымъ матеріаломъ было, наряду съ туземцами Малой Азіи, армянское и иверійское дворянство, вступавшее массами въ корпусъ ромейскихъ офицеровъ и заполнявшее кадры ромейской арміи своими соотечественниками. Эти конные полки служили прежде всего для защиты границъ; Арменіакская и Анатолійская ѳемы ведутъ борьбу съ арабами, въ то время какъ на западѣ Ѳракисійская ѳема выступаетъ противъ болгаръ.

Съ VIII в. возрастаетъ значеніе этихъ войскъ. Съ того момента, какъ Левъ III разбилъ и прогналъ арабскій флотъ, морскіе набѣги прекращаются на долгое время. Халифы Багдада не были такъ сильны на морѣ, какъ Омайяды Дамаска. Зато тѣмъ энергичнѣе велась сухопутная война. Правда, арабы не думали о завоеваніи хорошо защищенной ромейской имперіи. Они довольствовались систематически повторявшимися набѣгами. Первое нападеніе происходило весной, когда лошади возвращались съ пастбищъ бодрыми и хорошо откормленными. Оно продолжалось 30 дней; раннимъ лѣтомъ наступала вторая экспедиція, продолжавшаяся 60 дней Иногда нападеніе предпринималось и зимой, но оно продолжалось не долго, такъ какъ лошади находили только скудный кормъ.

Византійцы дѣлали все возможное, чтобы отражать эти нападенія. Хорошо организованная развѣдочная служба освѣдомляла императорскихъ генераловъ обо всѣхъ передвиженіяхъ въ непрія-

Ничто такъ не подавляло, какъ чудовищные успѣхи арабовъ въ VII в. Какъ разъ еще недавно Ираклій выступилъ на священную войну противъ персовъ; въ цѣломъ рядѣ изнурительнѣйшихъ походовъ онъ возстановилъ честь римскаго оружія и уничтожилъ персидскія военныя силы при Ниневіи. Но уже въ слѣдующемъ десятилѣтіи наступилъ ужасный поворотъ судьбы. Воодушевленныя толпы мусульманскихъ всадниковъ въ стремительномъ побѣдоносномъ натискѣ завоевали Палестину, Сирію и Месопотамію; въ битвѣ при Ярмукѣ въ 636 г. рѣшилась судьба восточныхъ провинцій, а въ 643 г. Омаръ вступилъ и въ Александрію.

До тѣхъ поръ восточные римляне считались неоспоримыми господами на морѣ. Со времени уничтоженія королевства вандаловъ ихъ флоты господствовали на Средиземномъ морѣ. Теперь у нихъ явился страшный и въ высшей степени опасный соперникъ и какъ разъ въ земляхъ, которыя до сихъ поръ были провинціями Римской имперіи. Береговыя области Сиріи и Финикіи доставляли превосходный матеріалъ для арабскихъ флотовъ и знакомый съ моремъ экипажъ. Совершенно новое зрѣлище представляютъ изъ себя большія морскія битвы VII в. Побѣдоносные арабы рѣшаются дѣлать нападенія на самую столицу и даже нѣкоторое время держатъ ее въ осадномъ положеніи (673—677). Окончательное освобожденіе изъ этого тяжелаго положенія наступило только при Львѣ III Исаврѣ въ 718 г. Напрасно мусульмане выдержали передъ столицей необычайно суровую зиму: блестящій ихъ флотъ былъ уничтоженъ греческимъ огнемъ и зимними бурями. Отъ этого пораженія государство халифовъ не оправилось больше никогда.

Понятно, что въ эту эпоху флотъ сдѣлался военной силой, рѣшавшей исходъ битвъ. Стоявшій во главѣ его великій адмиралъ, стратигъ Карависійскій, былъ однимъ изъ чиновниковъ имперіи, имѣвшихъ наибольшее значеніе и вліяніе. Естественно, что и матросы, въ сознаніи того, какъ они были необходимы, исполнены были чувства собственнаго достоинства. Они возводятъ и свергаютъ императоровъ. Въ 698 г., возвратясь послѣ неудачной войны изъ Африки, флотъ, подстрекаемый собственными офицерами, послѣ устраненія адмирала провозгласилъ новаго императора, именно, вице-адмирала (друнгарія Кивиреотовъ) Апсимара, и этотъ послѣдній измѣннически завладѣлъ столицей.

Точно также флотъ, посланный Юстиніаномъ II въ Крымъ для покоренія мятежнаго Херсонеса, вошелъ въ соглашеніе съ жителями города и возвелъ на престолъ въ 711 г. императора по собственному выбору—Филиппика Вардана. Ужасная катастрофа, постигшая домъ Ираклія, была дѣломъ вышедшаго изъ повиновенія флота.

Церковь въ одномъ изъ самыхъ своихъ извѣстныхъ гимновъ

прославила воспоминаніе объ этихъ морскихъ побѣдахъ; но члены правительства судили иначе. У нихъ сохранилось прежде всего воспоминаніе о смутахъ и провозглашеніяхъ императоровъ. „Кивиреоты (южный малоазіатскій флотскій округъ) производятъ свое имя отъ Кивиры (незначительнаго, пользующагося дурной славой городка) къ стыду своему, а не къ чести, потому что они много разъ обходились дерзко и мятежно съ императорскими повелѣніями". Поэтому въ слѣдующемъ столѣтіи высшіе военные чины начинаютъ презрительно смотрѣть на флотъ. Характерно, что во главѣ его, вмѣсто великаго адмирала, были поставлены теперь два офицера, менѣе выдающіеся по своему положенію. Тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ теперь совершенно преобразованная сухопутная армія. Войско, ядро котораго до сихъ поръ составляла пѣхота, превращается теперь преимущественно въ конницу. Перевѣсъ въ битвѣ даютъ теперь конные полки, кавалерійскія ѳемы. Старый римскій легіонарный порядокъ не устоялъ передъ бурнымъ напоромъ отрядовъ бедуиновъ. Намъ передается совершенно опредѣленно, что при императорѣ Ираклiи возникаетъ организація войска по ѳемамъ. Во время борьбы съ исламомъ, которая была борьбой не на жизнь, а на смерть, была введена новая организація войска и образованы впослѣдствіи столь блестяще выступившіе конные полки. Прекраснымъ боевымъ матеріаломъ было, наряду съ туземцами Малой Азіи, армянское и иверійское дворянство, вступавшее массами въ корпусъ ромейскихъ офицеровъ и заполнявшее кадры ромейской арміи своими соотечественниками. Эти конные полки служили прежде всего для защиты границъ; Армениакская и Анатолійская ѳемы ведутъ борьбу съ арабами, въ то время какъ на западѣ Ѳракисійская ѳема выступаетъ противъ болгаръ.

Съ VIII в. возрастаетъ значеніе этихъ войскъ. Съ того момента, какъ Левъ III разбилъ и прогналъ арабскій флотъ, морскіе набѣги прекращаются на долгое время. Халифы Багдада не были такъ сильны на морѣ, какъ Омайяды Дамаска. Зато тѣмъ энергичнѣе велась сухопутная война. Правда, арабы не думали о завоеваніи хорошо защищенной ромейской имперіи. Они довольствовались систематически повторявшимися набѣгами. Первое нападеніе происходило весной, когда лошади возвращались съ пастбищъ бодрыми и хорошо откормленными. Оно продолжалось 30 дней; раннимъ лѣтомъ наступала вторая экспедиція, продолжавшаяся 60 дней. Иногда нападеніе предпринималось и зимой, но оно продолжалось не долго, такъ какъ лошади находили только скудный кормъ.

Византійцы дѣлали все возможное, чтобы отражать эти нападенія. Хорошо организованная развѣдочная служба освѣдомляла императорскихъ генераловъ обо всѣхъ передвиженіяхъ въ непрія-

ГЛАВА IV.

Военные и гражданскіе чиновники. Аграрный вопросъ. Архонты и крестьяне.

Позднеримская реформа Діоклитіано-Константиновской эпохи провела систематическое раздѣленіе военной и гражданской власти. Но уже въ эпоху Юстиніана этотъ порядокъ былъ отчасти нарушенъ. Такой чисто-гражданскій чиновникъ, какъ praefectus augustalis, намѣстникъ Египта, получилъ военную власть съ титуломъ dux. Преемники Юстиніана подъ давленіемъ тяжелыхъ условій вынуждены были осуществить гораздо болѣе глубокія перемѣны. Главной опасности подвергались важныя западныя провинціи— Италія и Африка. Въ Италіи лангобарды заняли болѣе двухъ третей всѣхъ земель, а въ Африкѣ дикіе мавры (кабилы) не разъ ограничивали византійскія владѣнія Карѳагеномъ и приморскими городами. Здѣсь можно было помочь бѣдѣ только сосредоточеніемъ въ однѣхъ рукахъ всей военной власти. Это и было сдѣлано учрежденіемъ обоихъ экзархатовъ. Экзархъ, облеченный высшей военной властью, былъ поставленъ во главѣ провинціи; префектъ, главный гражданскій чиновникъ, былъ ему подчиненъ; его власть сдѣлалась незначительной, и вскорѣ онъ совсѣмъ исчезъ. Въ концѣ концовъ экзархъ соединилъ въ своихъ рукахъ всю власть—и гражданскую и военную. Подобная же перемѣна системы управленія произошла и на Востокѣ. Въ VII в. Востокъ переживалъ такой же опасный кризисъ, какъ и Западъ. Цѣлое столѣтіе ромейская имперія боролась за свое существованіе. Непрестанныя вторженія болгаръ и славянъ на Балканскій полуостровъ и разрушительные завоевательные морскіе и сухопутные походы арабовъ противъ Малой Азіи, острововъ и столицы имперіи требовали примѣненія всѣхъ возможныхъ средствъ защиты и совершенно необычнаго напряженія силъ.

ударъ совершенно эллинской республикѣ Селевкіи, лежавшей на правомъ берегу Тигра. Такимъ образомъ римляне сами вырвали съ корнемъ греческую культуру въ Иракѣ. Но все же нѣкоторое время римляне обладали парѳянскими землями, и вотъ китайскіе анналы повѣствуютъ, что въ 166 г. ко двору мпператора Х у а н-Т и прибыло римское посольство отъ императора А н ъ-Т у н а (М а р-к а А в р е л і я А н т о н и н а Ф и л о с о ф а), пройдя морскимъ путемъ черезъ западный проливъ и черезъ Тонкинъ. Однако надежда на возможность непосредственнаго сообщенія римлянъ съ страной шелка, морскимъ ли путемъ или сухопутнымъ, оказалась неосуществимой; парѳяне мало-по-малу оправились, а когда С а с с а н и д ы въ 226 г. основали ново-персидское государство, граница была закрыта для всякой попытки непосредственныхъ торговыхъ сношеній. Чреватый послѣдствіями переворотъ наступилъ только во время Ю с т и-н і а н а, когда въ восточно-римской имперіи была введена культура шелка. Хотя византійцы уже имѣли собственную шелковую промышленность, они, однако, не переставали дѣлать попытки завязать непосредственныя торговыя сношенія съ Китаемъ [1]). Ихъ попытки въ эпоху послѣ Ю с т и н і а н а были также неудачны какъ и попытки мореплавателей XVII и XVIII вв. открыть, наконецъ, сѣверо-западный путь. Но расширеніе кругозора въ географическомъ отношеніи было богатой наградой въ томъ и другомъ случаѣ. Также и здѣсь, говоря словами Монфокона, „побочное дѣло оказалось лучше главнаго".

Такимъ образомъ мы видимъ, что важнѣйшія международныя неурядицы распутывались византійскими чиновниками не только коварствомъ и безпринципной хитростью, но также благодаря самоотверженному самопожертвованію и чисто римскому чувству долга. Они не боялись всякаго рода жертвъ и полныхъ опасностей путешествій и даже часто рисковали своей жизнью единственно для того, чтобы предохранить свою родину отъ опасныхъ столкновеній, враждебныхъ сосѣдей или вторженій грубыхъ варварскихъ ордъ.

чертой въ жизни этихъ сѣверныхъ сосѣдей Византіи. Замѣчательна также широкая религіозная терпимость, которую обнаруживали какъ хазары, такъ и черные болгары. Всѣ четыре религіи существовали рядомъ въ наилучшемъ согласіи. Ни мухамеданскій царь черныхъ болгаръ, ни іудейскій каганъ хазаръ не стремились навязать другимъ свои религіозныя убѣжденія. Важнѣйшія должности замѣщались въ Хазаріи, какъ приверженцами господствующей религіи, такъ и сторонниками другихъ вѣроисповѣданій. Большая часть царскихъ тѣлохранителей состояла изъ мусульманъ. У нихъ были свои мечети и свои муэдзины. Первый министръ долженъ былъ быть магометаниномъ. Каждый жилъ по праву, которое предписывалось его религіей; споры, возникавшіе между приверженцами разныхъ религій, рѣшались въ смѣшанномъ судѣ. Нельзя представить себѣ бо́льшую разницу, какъ если сравнить религіозно настроенный хазарскій народъ съ отвратительными его сосѣдями—печенѣгами. У печенѣговъ вообще не существуетъ никакой исторіи религіи: ни іудеи, ни мусульмане не пытались у нихъ проповѣдывать. Святой Кириллъ, отправляясь на проповѣдь, сдѣлалъ большой обходъ, чтобы не попасть къ этой разбойничьей ордѣ. Христіанство не дѣлало среди нихъ никакихъ успѣховъ, несмотря на то, что они были ближайшими сосѣдями греческой имперіи и христіанскаго болгарскаго царства. Когда въ XI в. одинъ изъ ихъ главарей Кегенъ долженъ былъ бѣжать отъ своихъ враговъ на византійскую почву, то ни онъ, ни его товарищи не были еще крещены.

Гораздо болѣе важными, чѣмъ къ хазарамъ и печенѣгамъ, должны были быть отношенія ромеевъ къ туркамъ, народу, которому судьбой было предназначено быть преемникомъ власти грековъ на Востокѣ. Эти отношенія къ туркамъ были чрезвычайно давними, такъ какъ важныя дипломатическія отношенія къ турецкому хакану были вызваны коммерческими интересами.

Издавна императоры желали вступить въ непосредственныя сношенія съ китайцами, чтобы вывозить оттуда безъ тягостныхъ промежуточныхъ пошлинъ изготовлявшіяся тамъ шелковыя ткани, необходимыя для римской чиновнической іерархіи. Однако парѳяне, продававшіе римлянамъ китайскія ткани и, прежде всего, шелкъ, старались держать втайнѣ торговые пути, по которымъ привозился шелкъ на западъ, а также помѣшать непосредственнымъ сношеніямъ между обоими государствами, изъ боязни потерять прибыльную посредническую торговлю. Благопріятный оборотъ наступилъ въ 166 г.: тогда Авидій Кассій, выдающійся полководецъ Марка Аврелія, разгромилъ парѳянское царство и взялъ приступомъ его столицу Ктесифонъ (Мадаинъ), а также съ своей древнеримской жестокостью и суровостью нанесъ смертельный

братомъ Меѳодіемъ въ IX в. проповѣдывалъ хазарамъ христіанство. Ихъ дѣятельность имѣла такой успѣхъ, что государь и 200 его подданныхъ крестились и оставили свои языческія суевѣрія и недостойное многоженство. Кажется, также хозарскій хаканъ увѣрялъ императора Михаила въ своей вѣрной дружбѣ и готовности служить ему и отпустилъ Константина, подаривъ ему, какъ гостю, 200 греческихъ плѣнныхъ. Затѣмъ по просьбѣ Константина хаканъ прекратилъ осаду одного христіанскаго города. Съ 690 г. исламъ также дѣлалъ у нихъ быстрые успѣхи, а съ 868 г. сдѣлался одной изъ господствующихъ религій въ Хазаріи. Многіе хаканы и большая часть знати исповѣдывали религію Мухаммеда; но древнѣйшей религіей, которую они приняли отъ одного культурнаго народа и которая создала среди нихъ всего болѣе прозелитовъ, было іудейство. Исаакъ Сангари началъ проповѣдывать въ Хазаріи іудейство въ 767 году. Массами стремились сюда евреи, благодаря преслѣдованію, которому они подвергались въ Византійской имперіи въ VIII и X вв. Долгое время хаканъ былъ евреемъ. Однажды законный наслѣдникъ престола за то, что онъ былъ мусульманинъ, лишенъ былъ права на престолъ и, какъ разсказываетъ объ этомъ Ибнъ Хаукалъ, продолжалъ также безпечно, какъ и раньше, торговать хлѣбомъ на главной площади города. Еврейство пустило чрезвычайно глубокіе корни въ этой странѣ и много содѣйствовало цивилизаціи этого уральскаго народа. Порядкамъ ветхозавѣтнаго еврейскаго царства старались подражать такъ точно, что хаканъ, по примѣру Соломона, имѣлъ 25 женъ и 60 наложницъ. Большинство военной знати и правящихъ фамилій перешло изъ ислама въ іудейство. За столомъ хакана святой Кириллъ велъ диспуты съ еврейскими раввинами о Новомъ и Ветхомъ Завѣтѣ. Конечно, легенда говоритъ, что христіанскій святой побѣждалъ евреевъ. Ходъ хазарской исторіи доказываетъ обратное. Въ 948 г. тогдашній еврейскій хаканъ Іосифъ получилъ письмо отъ раввина Хаздаи, предвѣщавшее еврейскому государю славныя судьбы угрскаго Израиля. Сила прозелитизма была не въ меньшей степени присуща еврейству русскихъ степей, чѣмъ палестинскихъ во времена Христа. Евреи-хазары не только писали утѣшительныя посланія своимъ несчастнымъ братьямъ въ Испаніи, но они даже проповѣдывали законъ Моисея чернымъ болгарамъ на Камѣ, гдѣ и пріобрѣли многочисленныхъ послѣдователей, а также уграмъ и дунайскимъ болгарамъ. Когда святой Владиміръ захотѣлъ избрать для своего народа самую лучшую и самую подходящую религію, то, по лѣтописному преданію, хазарскій посолъ предложилъ іудейскую, а посолъ черныхъ болгаръ — исламъ.

Этотъ живой религіозный интересъ былъ самой выдающейся

резиденцію Аттилы, такъ и ромейское правительство отдавало инженерное искусство своихъ чиновниковъ въ распоряженіе дружественныхъ тюркскихъ племенъ.

Къ западу хазарское царство нѣкогда простиралось до самыхъ Карпатъ. Славяне Кіева, поляне, сѣверяне, радимичи платили имъ дань горностаевыми шкурками, и отъ этой тяжелой подати освободили ихъ только храбрые скандинавы, варяги Рюрика и Олега. Черное море называлось вплоть до X в. „Хазарскимъ моремъ". Крымъ, повидимому, былъ греческой республикой, въ Херсонѣ распоряжались архонты и старшины (πρωτεύοντες); въ дѣйствительности же эта республикански устроенная сѣверная провинція ромейской имперіи находилась подъ властью хазарскаго хакана. На развалинахъ Фанагоріи онъ основалъ варварскій городъ Таматарху (Тмутаракань), гдѣ сидѣлъ его намѣстникъ, въ то время какъ въ лежащемъ напротивъ греческомъ городѣ Босфорѣ имъ былъ посаженъ архонтъ.

Мы видимъ, что здѣсь происходило то же, что и на Западѣ. Какъ на Рейнѣ, на почвѣ полуразрушенныхъ римскихъ городовъ Rauricum, Argentoratum, Vangiones и т. д. появились первые скудные ростки нѣмецкой культуры—Базель, Страсбургъ, Вормсъ и т. д., такъ и все самое лучшее, что создали уральскія тюркскія племена для цивилизаціи, выросло на опустошенной почвѣ пришедшихъ въ упадокъ греческихъ городовъ-республикъ.

При впаденіи Волги въ Каспійское море стояла Итиль, резиденція хакана. Ибнъ-Фоцланъ описываетъ ее какъ большой городъ съ банями, рынками, синагогами и 30-ью магометанскими мечетями. Дворецъ хакана возвышался среди жалкихъ, сдѣланныхъ изъ войлока или глины, лачугъ его подданныхъ. Итиль была большимъ торговымъ рынкомъ между Азовскимъ и Каспійскимъ морями. Въ землѣ печенѣговъ также встрѣчались „castra", развалины прежнихъ греческихъ или ромейскихъ городовъ. Даже находили, какъ о томъ сообщаетъ Константинъ Багрянородный, слѣды прежнихъ церквей и кресты, сдѣланные изъ ноздреватаго камня. Но все было затоптано копытами лошадей степныхъ наѣздниковъ. Совершенно иначе было въ Хазаріи. Здѣсь, на мѣстѣ греко-римскихъ городовъ возникли скромные культурные центры. Хазары сдѣлались почти цивилизованнымъ народомъ, благодаря частымъ сношеніямъ съ халифами Багдада и императорами восточнаго Рима. Они принадлежали къ „людямъ писанія". Священное Писаніе, Евангеліе и Коранъ пользовались у нихъ одинаково высокимъ уваженіемъ. Интересъ къ хазарамъ вызывается у насъ этимъ сильнымъ религіознымъ рвеніемъ, которое намъ кажется тѣмъ болѣе отраднымъ, чѣмъ менѣе мы его встрѣчаемъ у сосѣднихъ печенѣговъ. Святой Кириллъ (Константинъ) со своимъ

зали ромеи такихъ тѣсныхъ сношеній, какъ съ хазарами, которые, ограниченные на западѣ печенѣгами, занимали область отъ Дона до Волги. Они всегда были готовы придти на помощь ромеямъ, привлекаемые греческимъ золотомъ. Послѣ того, какъ Ираклій вышелъ побѣдителемъ изъ своей отчаянной борьбы съ персами, онъ вызвалъ среди хазаръ большое движеніе и открылъ этимъ тюркскимъ ордамъ Каспійскій проходъ къ ужасу гирканіевъ, мидійцевъ и армянъ. Ворвавшіеся хазары произвели въ интересахъ ромеевъ и за византійскій счетъ такое основательное и планомѣрное опустошеніе и разграбленіе сѣверныхъ персидскихъ провинцій, что дряхлое государство Сассанидовъ никогда уже больше не могло совершенно оправиться отъ этого удара, вскорѣ послѣ возстановленія мира съ ромеями сдѣлалось легкой добычей арабовъ.

Хазары въ противоположность чисто кочевымъ народамъ, напримѣръ, ихъ отвратительно грубымъ и грязнымъ сосѣдямъ—печенѣгамъ, восприняли нѣкоторые элементы ромейской культуры. У нихъ были города и они даже строили новые. По настоятельнымъ просьбамъ своихъ друзей, хазарскихъ хакановъ, императоръ Ѳеофилъ, который до сихъ поръ былъ только жалкимъ врагомъ духовенства и велъ большей частью неудачную борьбу съ арабами, рѣшился на политически важное и полезное мѣропріятіе. „Въ томъ же самомъ (833) году хаканы хазаровъ и печенѣговъ прислали къ императору Ѳеофилу пословъ съ просьбой укрѣпить городище, называемое Саркелъ, т. е. Бѣлая Вѣжа. Онъ лежитъ по теченію Танаиса (Дона), который въ этомъ мѣстѣ образуетъ границу между хазарами и печенѣгами (въ самомъ дальнемъ углу Азовскаго моря, приблизительно на мѣстѣ нынѣшняго Таганрога). Тамъ стоитъ на стражѣ 300 хазарскихъ воиновъ, смѣняющихся черезъ опредѣленный промежутокъ времени. На просьбу и представленіе хазарскаго правительства императоръ Ѳеофилъ отправилъ спаѳарокандидата (генералъ-маіора) Петрону́, по прозвищу Каматира, съ эскадрой дромоновъ императорскаго флота и съ префектомъ флота Пафлагоніи. Какъ только Петрона́ высадился въ Херсонѣ, онъ поставилъ на якорь большія морскія суда и на рѣчныхъ баркахъ перевезъ весь экипажъ и на Донъ, именно къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ быть построенъ городъ. Такъ какъ въ этой мѣстности совершенно не было камня, то дѣлали изъ рѣчного песка цементъ, а глинистую землю превращали, въ спеціально устроенныхъ печахъ, въ кирпичи. Такимъ образомъ Петрона́ выполнилъ порученное ему дѣло, хотя и съ большимъ трудомъ, но все же съ блескомъ, благодаря тому, что въ его распоряженіи находилось множество рабочей силы“ [1]). Итакъ мы видимъ, что, какъ нѣкогда римскіе техники приводили въ порядокъ

[1]) Сравн. *В. Г. Васильевскаго*: О построеніи крѣпости Саркела (Журн. Мин. Нар. Пр., 1889, ч. CCLXVI, 273—289). (*В. Б.*).

императоровъ римлянъ". Особенно нѣжны были обращенія въ посланіяхъ къ болгарскому царю, который въ дни Константина Багрянороднаго связалъ себя тѣсными родственными узами съ императорскимъ домомъ: супруга болгарскаго царя Петра была дочерью Романа и первой царицей римской крови: „Во имя Отца . . . . . . императоры Константинъ и Романъ, во Христѣ Богѣ нашемъ благочестивые самодержцы и императоры римлянъ, нашему дражайшему духовному сыну, Петру, царю Болгаріи". — Если такой иностранный государь не удовлетворялся письмомъ, а являлся въ столицу лично, то церемоніямъ буквально не было конца. Византійцы не щадили ни времени, ни трудовъ, чтобы поддержать хорошее расположеніе духа вліятельныхъ представителей иностранныхъ властителей.

Наиболѣе важной была своя собственная посольская служба. Только испытанные люди, безгранично преданные интересамъ императора и государства могли быть съ пользой привлечены къ этому дѣлу. Въ большинствѣ случаевъ посолъ ставилъ свою жизнь на карту въ поѣздкахъ по дикимъ, враждебнымъ и опаснымъ мѣстностямъ. Къ тому же для высокомѣрнаго ромея вовсе не считалось мелочью сносить всѣ грубости какого-нибудь Аттилы, какого-нибудь аварскаго кагана или болгарскаго царя. Эти варвары, люди безъ вѣры и безъ вѣрности, часто съ презрѣніемъ не обращали вниманія на элементарнѣйшіе принципы международнаго права. Но какъ разъ въ такихъ случаяхъ ловкіе византійскіе дипломаты достигали по истинѣ удивительныхъ результатовъ. Въ случаѣ необходимости они не боялись героическихъ средствъ самаго ужаснаго свойства.

Отправлялись послы съ богатыми дарами, и они часто должны были призывать противъ опаснѣйшихъ противниковъ, въ ихъ земли, отвратительнѣйшія орды варваровъ. Левъ Мудрый, тѣснимый до крайности болгарами, побудилъ ко вторженію ихъ сѣверныхъ сосѣдей, венгровъ, и этимъ совершенно парализовалъ силы противника. Точно также регентство при императорѣ Константинѣ Багрянородномъ въ 917 г. въ борьбѣ съ болгарами призвало черезъ своего посла патрикія Іоанна Вогу на помощь печенѣговъ; но раздоръ между византійскими полководцами помѣшалъ всякой попыткѣ вмѣшательства дикихъ ордъ. Когда Никифоръ Фока призвалъ русскихъ противъ болгаръ, то тѣ охотно послѣдовали его зову; но скоро Святославъ, засѣвшій въ Переяславцѣ, сдѣлался для грековъ страшнѣе, чѣмъ болгарскій царь. Такимъ образомъ эта политика призыванія варваровъ часто была болѣе дорога, чѣмъ успѣшна.

Ни съ одной изъ угрскихъ ордъ, обитавшихъ рядомъ съ турками на югѣ Россіи къ сѣверу отъ Чернаго моря, не завя-

народную дипломатическую службу смотрѣли съ величайшей серьезностью. Въѣздъ какого-нибудь иностраннаго посла былъ для всего населенія событіемъ. Иностранецъ во все время своего пребыванія подвергался надзору, такъ какъ постоянно боялись, что онъ можетъ вступить въ тайныя сношенія съ частью населенія или даже открыть государственныя тайны. При этомъ ему фактически оказывались величайшія почести. Издержки за все вр... его пребыванія покрывались изъ государственной казны. Знатные придворные чиновники показывали ему всѣ достопримѣчательности столицы и, прежде всего, святыни Софійскаго собора. Когда же наступалъ важный день аудіенціи, то снова являлся поводъ для того, чтобы развернуть торжественную пышность.

Строго распредѣлены были по степенямъ привѣтствія пословъ императору и отвѣты, которые давалъ логоѳетъ за императора, пребывавшаго въ нѣмой торжественности. Напр., послы Эмиръ-аль-Омра, могущественнаго великаго визиря царства халифовъ, обращались къ императору такъ: „Миръ и милость, радость и слава благородному императору римлянъ! Да даруетъ тебѣ Господь счастливую жизнь, здоровье и многія лѣта, приносящія миръ, благородный императоръ! Пусть въ твои дни взойдетъ солнце справедливости и полнота мира, ты, миролюбивый и человѣколюбивый императоръ!“. Папскіе послы обращаются къ императору: „Пусть посѣтятъ васъ столпы святыхъ апостоловъ, Петръ, носитель ключа небеснаго, и Павелъ, учитель народовъ. Нашъ духовный отецъ, святѣйшій и вселенскій патріархъ со своими святыми епископами, священниками и діаконами и со всѣмъ священствомъ святой римской церкви посылаетъ тебѣ, о императоръ, черезъ насъ недостойныхъ свои молитвы“. Отвѣтъ логоѳета гласитъ такъ: „Какъ здоровье святѣйшаго епископа Рима, духовнаго отца нашего святого императора? Какъ здоровье всѣхъ епископовъ, священниковъ, діаконовъ и всего остальнаго клира святой церкви римлянъ?“.

Такъ же строго различались по степенямъ обращенія и формы писемъ, обращенныхъ къ духовнымъ и свѣтскимъ государямъ. Римскому папѣ отправлялась золотая булла, стоимостью въ одинъ солидъ съ надписью: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, нашего единаго, истиннаго Бога. Левъ и Александръ вѣрные въ Богѣ императоры римлянъ, Сергію, святѣйшему папѣ Рима и нашему духовному отцу“. Точно такъ же писалось и остальнымъ патріархамъ, только при этомъ отбрасывался почетный титулъ „духовный отецъ“.—Напротивъ того, Эмиру-аль-Омра посылалась булла стоимостью въ четыре солида, съ обращеніемъ: „Свѣтлѣйшему, высокорожденному, высокознатному X., первому тайному совѣтнику и правителю агарянъ, отъ Льва и Александра, вѣрныхъ самодержцевъ, августовъ и великихъ

смерть императоръ велѣлъ одному патрикію успокоить угрожавшихъ офицеровъ, говоря, что онъ исполнитъ ихъ требованіе послѣ совѣщанія съ сенатомъ. Затѣмъ онъ велѣлъ съ чисто греческимъ вѣроломствомъ жестоко мучить и увѣчить офицеровъ, пришедшихъ въ столицу безъ злыхъ намѣреній и положившихся на его императорское слово. Но это былъ только безсильный взрывъ ярости его пылкой натуры. Въ дѣйствительности войско провело свои требованія, такъ какъ при Юстиніанѣ II, сынѣ Константина, мы встрѣчаемъ потомковъ тѣхъ офицеровъ, которыхъ Константинъ повѣсилъ за ихъ дерзкое требованіе, засѣдающими въ качествѣ оффиціально призванныхъ сочленовъ собранія нотаблей. Это была такая же неожиданная перемѣна, какъ при сверженіи Юліевъ, когда сломлено было преобладаніе городской римской знати и преторіанцевъ, когда наряду съ ними на равныхъ правахъ вступили въ сенатъ италики, а провинціальныя войска стали поступать на болѣе спокойную, лучше оплачиваемую столичную службу въ гвардіи. Такъ и теперь офицеры полевой арміи фактически получили право участія въ парламентской жизни столицы. Такъ въ 667 г. мы встрѣчаемъ въ собраніи нотаблей, кромѣ столичныхъ представителей, еще семь представителей отъ большихъ армій, сражавшихся въ провинціи противъ враговъ имперіи: 1. командующаго императорской гвардіей въ Азіи (Богомъ хранимый императорскій опсикій); 2. командующаго дивизіей на Анатолійской границѣ (югъ малой Азіи); 3. командующаго дивизіей на армянской границѣ; 4. командующаго дунайскихъ земель (Ѳракія); 5. экзархатъ Италіи; 6. экзархатъ Африки (ограниченный со времени вторженія арабовъ Цеутой и о. Сардиніей), и 7. великаго адмирала флота. Какъ мы видимъ, въ Византіи были на лицо всѣ элементы, изъ которыхъ съ теченіемъ времени, какъ и въ западной Европѣ, могла развиться настоящая парламентская жизнь. Но постоянныя войны и непрерывная борьба за существованіе не давали государству того мирнаго покоя, который является необходимымъ условіемъ для успѣшной парламентской жизни. Употребляя сравненіе, мы можемъ сказать, что въ Византіи пріостановленіе дѣйствія Habeas Corpus и объявленіе военнаго положенія были, такъ сказать, хроническими. Поэтому ромеи придавали больше значенія побѣдоносному преодолѣнію враговъ, угрожавшихъ со всѣхъ сторонъ имперіи, чѣмъ правильнымъ парламентскимъ дебатамъ[1]).

Если не на парламентской, то зато на дипломатической почвѣ византійскіе политики могли добиться успѣха. На всю между-

[1]) Сравн. *Gelzer*: Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung (Abhandlungen der phil.-hist. Klasse der Sächs. Gesellsch. der Wissensch. 1899. Bd. XVIII). (*В. Б.*).

и мелкіе крестьяне могутъ покупать у своихъ товарищей по сословію, и, какъ мы запрещаемъ имъ покупать помѣстья крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ и тѣмъ строго запрещено покупать помѣстья мелкихъ крестьянъ и обѣднѣвшихъ солдатъ". Опасность перехода дворянскаго крупнаго владѣнія въ руки крестьянъ была довольно призрачной; но зато тѣмъ важнѣе были постановленія, выдвинутыя противъ знати въ защиту слабыхъ.

Этотъ императоръ предвидѣлъ также, что огромныя, все возраставшія владѣнія монастырей и церквей станутъ опасными для государства въ хозяйственномъ отношеніи. Онъ рѣшился задержать властной рукой этотъ процессъ. Онъ запретилъ учрежденіе новыхъ монастырей, а духовенству воспретилъ увеличивать его крупныя владѣнія. Это запрещеніе подняло ужасную бурю: оно противорѣчило византійскому духу и церковному направленію императоровъ Македонской династіи. Македонскіе императоры именно, засвидѣтельствовали свое благочестіе учрежденіемъ множества монастырей.

Василій Болгаробойца, второй преемникъ Никифора, въ то время, когда претенденты на корону сильно угрожали его власти и даже нѣкоторое время ограничивали эту власть одной столицей, торжественно отмѣнилъ этотъ законъ, „сдѣлавшійся причиной и корнемъ настоящихъ смутъ и большой революціи въ государствѣ. Не только надъ церквами и Божьими домами совершено было кощунство, но также провинились противъ самого Бога. Вотъ почему намъ уже больше ничто не удается, а наоборотъ ни одно несчастье не щадитъ насъ". Такъ говорилъ не слабый ханжа, а одинъ изъ достигшихъ наибольшаго успѣха военныхъ государей на ромейскомъ престолѣ; онъ этими словами открыто высказалъ убѣжденіе и міровоззрѣніе своего времени.

Это благочестивое направленіе не помѣшало ему выступить со всей строгостью противъ землевладѣльцевъ, дѣйствовавшихъ насильственными путями. Несмѣтно богатый государственный канцлеръ Василій, огромныя владѣнія котораго, лежавшія на пути въ Византію, уже вызывали раздраженіе императора Іоанна Цимисхія (969—976), теперь быстро лишился всего своего имущества. Такимъ же образомъ въ столицу былъ вызванъ богатый Каппадокійскій землевладѣлецъ Евстаѳій Малеинъ. Онъ больше никогда не увидѣлъ своего каппадокійскаго замка. Послѣ его смерти все его имущество было конфисковано. Императоръ почти буквально послѣдовалъ совѣту „пустить кровь" богачамъ, чтобы они перестали быть сильными и опасными. Только такими драконовскими мѣрами онъ думалъ провести въ жизнь законы, остававшіяся до сихъ поръ на бумагѣ. Онъ выступилъ очень рѣшительно. Только тотъ имѣлъ право оставить за собой владѣнія,

кто могъ документально доказать, что еще во времена прадѣда императора—Романа—эти владѣнія были собственностью данной фамиліи. Въ противоположность своему предку, обѣщавшему только на будущее время охрану крестьянской собственности, Василій хотѣлъ, чтобы его охранительныя мѣропріятія имѣли обратное дѣйствіе. Самый сильный ударъ крупному землевладѣнію онъ нанесъ введеніемъ, такъ называемаго, аллиленгія, въ силу коего, подати, которыхъ не могли уплатить мелкіе крестьяне, должны были быть уплачены крупными собственниками. Естественно, это должно было вызвать бурю негодованія, и именно, со стороны страшно богатыхъ князей церкви: депутація съ патріархомъ во главѣ обратилась къ государю съ настоятельной просьбой „сбросить съ ихъ плечъ это безразсудное бремя". Но императоръ не тронулся этими просьбами.

Новелла Василія, является послѣдней попыткой правительства провести соціальную реформу.

Въ слѣдующемъ столѣтіи, когда чиновничья и сенатская аристократія пришла на смѣну военному господству, не было ничего предпринято для улучшенія земельныхъ отношеній. Именно въ восточной части государства особенно процвѣтало крупное сельскохозяйственное производство. Затѣмъ послѣдовалъ ужасный упадокъ, причиной котораго были сельджукскіе турки. Побѣда при Манцикертѣ 1071 г. окончательно оторвала отъ государства восточныя провинціи. Этому очень сильно содѣйствовала одна мѣра аграрно-политическаго характера, принятая новымъ турецкимъ властителемъ. Сулейманъ, сражавшійся съ греками, принялъ въ данномъ случаѣ съ большимъ успѣхомъ рѣшительныя мѣры. Онъ освободилъ многочисленное сельское населеніе, находившееся до сихъ поръ въ крѣпостной зависимости отъ магнатовъ. Всякій, платившій подушную подать, объявленъ былъ свободнымъ. Многочисленные крестьянскіе поселенцы, частью прежніе мусульмане, частью инославные христіане и безъ того чувствовали очень мало симпатіи къ правовѣрной имперіи. Теперь своими собственными жизненными интересами они были неразрывно привязаны къ новому владычеству.

Какъ въ Азіи, такъ и въ Европѣ, аграрныя отношенія, которыя застали франкскіе бароны при завоеваніи страны въ началѣ XIII вѣка, достаточно ясно показываютъ, что и здѣсь всѣ усилія центральнаго императорскаго правительства были совершенно безуспѣшны. Въ Пелопоннесѣ мы находимъ могущественную провинціальную аристократію, которая сдѣлалась уже почти независимой. Эти архонты защищаютъ съ большимъ мужествомъ свою страну противъ иностранныхъ завоевателей, латинянъ, однако, болѣе, какъ свою собственность, чѣмъ какъ провинцію имперіи. Они съ лег-

костью входятъ, какъ греческіе дворяне, въ составъ новой государственной организаціи. Но тутъ-то и обнаруживается все корыстолюбіе ихъ политики. Равновѣсія между дворянствомъ и мелкимъ крестьянствомъ не установилось. Архонты, подчиняясь франкамъ, заботятся только о своей судьбѣ и спокойно предоставляютъ крестьянъ ихъ участи. Наоборотъ, когда архонты поднимаются на защиту своей свободы, крестьяне совершенно ихъ покидаютъ. Этотъ совершенно подавленный классъ не интересовался возстаніями господствующей касты: владычество чужеземцевъ было только смѣной господъ [1]).

---

[1]) Сравн. особенно *В. Г. Васильевскаго*: 1). Законодательство иконоборцевъ (Журн. Мин. Нар. Пр., 1878, ч. CXCIX, 258—309, ч. CC, 95—129), 2). Матеріалы для внутренней исторіи визант. государства (ibid. 1879, ч. CCII, 160—232, 386—438; 1880, ч. CCX, 98—170, 355—404); *Б. А. Панченко*: Крестьянская собственность въ Византіи. Земледѣльческій законъ и монастырскіе документы. Софія. 1903 (=Изв. Русск. Арх. Инст. въ КП. т. IX вып. 1—2).

ГЛАВА V.

Церковь и монашество [1]).

Въ церковныхъ отношеніяхъ сказывается тѣснѣйшая связь свѣтской и духовной власти (imperium et sacerdotium). Древняя церковь удержала безъ колебаній и съ большой долей наивности за свѣтскою властью право надзора, которымъ обладали древне-римскіе императоры, какъ pontifices maximi. Правда, великій Донатъ, этотъ неистовый африканецъ, воскликнулъ однажды: „Какое дѣло императору до церкви?“ Тѣмъ не менѣе, на Востокѣ церковь всегда раздѣляла мнѣніе его противника, который видѣлъ въ Римской имперіи съ ея священствомъ—ливанъ невѣсты Христовой.

Поэтому уже въ IV в. православный императоръ Ѳеодосій Великій присвоилъ себѣ званіе верховнаго судьи въ вѣроисповѣдныхъ пререканіяхъ епископовъ. Еще болѣе важныя послѣдствія имѣлъ Халкидонскій соборъ 451 г. Архіепископы Александрійскіе, Кириллъ и Діоскоръ, были на пути къ тому, чтобы учредить на Востокѣ настоящее папство. Императоръ Маркіанъ ловко воспользовался ихъ презрительнымъ отношеніемъ къ древнему Риму (римскій епископъ занималъ первое мѣсто среди другихъ епископовъ, и это его право на особый почетъ признавалось до сихъ поръ всѣми): пораженіе египетской партіи означало въ то же время, что іерархія, власть которой выросла до угрожающихъ размѣровъ, снова была вполнѣ подчинена государству. Во всякомъ случаѣ, эта побѣда дорого обошлась государству. Большая часть населенія двухъ важнѣйшихъ областей, Сиріи и Египта, оторвалась отъ государственной церкви, а вслѣдствіе этого и политическія связи съ Римской имперіей были ослаб-

---

1) Сравн. *H. Gelzer*: 1) Die politische und kirchliche Stellung von Byzanz (Verhandlungn. der 33. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner zu Gera Leipzig 1879); 2) Zur Praxis der oströmischen Staatgewalt in Kirchensachen (Jahrb. f. protest. Theologie, 1887, XIII,); 3) Das Verhältniss von Staat und Kirche in Byzanz (Historische Zeitschrift, 1901, LXXXVI,). (*В. Б.*).

лены. Поразительный успѣхъ, который впослѣдствіи имѣлъ въ обѣихъ этихъ областяхъ исламъ, находится въ связи съ этимъ религіознымъ отдѣленіемъ отъ Новаго Рима. Но зато императоръ былъ господиномъ у себя дома и своими эдиктами не разъ предписывалъ принять такое вѣроисповѣданіе, на которомъ могли бы хоть сколько-нибудь примириться несговорчивые іерархи. Ничья дѣятельность въ этомъ отношеніи не была болѣе энергична и плодотворна, чѣмъ дѣятельность Юстиніана: онъ является истиннымъ воплощеніемъ цезарепапизма, онъ дѣйствительно заслуживаетъ названій верховнаго первосвященника и василевса, каковыми провозглашалъ его народъ, что намъ уже извѣстно.

Питая необыкновенный интересъ къ богословскимъ проблемамъ, Юстиніанъ высказывалъ подробныя мнѣнія о спорныхъ вопросахъ того времени и такимъ образомъ не только опекалъ церковь, но въ сущности создавалъ ея богословіе. Самое ревностное усердіе онъ проявилъ въ дѣлѣ обращенія отпавшихъ монофизитовъ. Политическая подкладка этихъ уніональныхъ стремленій достаточно ясна. Въ южныхъ провинціяхъ снова должны были возродиться идеи всемірной Римской имперіи и законности. Для достиженія этой цѣли правительство не отступало ни передъ какими средствами. Противящіеся патріархи и епископы были вынуждены къ согласію либо мягкими, либо рѣшительными мѣрами убѣжденія. Состояніе колеблющейся нерѣшительности папы Вигилія, который правда терпѣлъ неслыханное униженіе, сильно пошатнуло уваженіе къ его престолу. Постановленія Халкидонскаго собора, этотъ оплотъ православія, были фактически отмѣнены, а въ то же время было торжественно санкціонировано повиновеніе собору. Подобнымъ поведеніемъ правительство испортило отношенія съ обѣими партіями: отпавшіе, полные отвращенія къ государственой церкви, держались въ отдаленіи, а на латинскомъ Западѣ, въ Сѣверной Италіи и Истріи отказались отъ общенія съ господствующей церковью. Церковная политика императора потерпѣла полнѣйшее фіаско.

Сначала въ Африкѣ раздались голоса, выражающіе протестъ противъ императорской опеки и руководства церковью. Епископъ Факундъ Герміанскій проводитъ рѣзкую грань между духовной и свѣтской властью: только собору епископовъ подобаетъ устанавливать догматы вѣры; императоръ, будучи міряниномъ, не имѣетъ права отвергать то, что порѣшили святые отцы въ вопросахъ вѣры. Этотъ замѣчательный человѣкъ пытался установить границы между церковью и государствомъ совершенно такъ, какъ впослѣдствіи онѣ были проведены на Западѣ, но не на Римскомъ Востокѣ. Во второй половинѣ VI-го столѣтія царило сравнительное спокойствіе. Необходимость заставила императора на Востокѣ и папу на Западѣ протянуть другъ другу руки. Между первосвященникомъ

древняго Рима и первосвященникомъ Новаго Рима, поднятаго на извѣстную высоту императоромъ и правительствомъ, постоянно существовало соперничество. Великій Григорій I (590—604) усмотрѣлъ соблазнъ въ титулѣ „вселенскій патріархъ", который принялъ его Константинопольскій коллега Іоаннъ Постникъ (582—595). Онъ истолковалъ этотъ титулъ, какъ равносильный титулу „всемірный патріархъ", и усмотрѣлъ въ этомъ неслыханное высокомѣріе. Патріархъ всего міра показался ничѣмъ инымъ, какъ предтечей антихриста. Въ дѣйствительности дѣло шло объ истолкованіи слова „οἰκουμένη", которое иногда обозначало весь земной кругъ, иногда же одну Римскую имперію. Въ противоположность главамъ церквей Александрійской и Антіохійской, которыя жили въ странахъ чисто-еретическихъ и были патріархами почти только по имени, оба епископа, занимавшіе престолы древняго и новаго Рима, могли быть названы патріархами имперіи. Но восточные римляне не были такими простаками, какими хотѣли казаться. Ихъ льстивый канцелярскій языкъ слишкомъ охотно стеръ границы между „имперіей" и „вселенной", такъ что протестамъ нельзя было отказать въ нѣкоторой справедливости. Но почти уже цѣлое столѣтіе греки давали титулъ „вселенскаго патріарха" епископамъ какъ древняго, такъ и новаго Рима безразлично, а въ теченіе послѣдующихъ столѣтій папы, часто очень рѣзкіе противники имперскаго правительства, не возражая, дозволяли именовать себя такимъ образомъ. Легко объяснимо поэтому то, что Григорій I не былъ понятъ уже своими современниками, восточными патріархами, и весь этотъ споръ былъ похороненъ, какъ неумѣстный по существу [1]).

Гораздо болѣе важной казалась новая попытка вернуть въ лоно государственной церкви коптовъ и яковитовъ, этихъ совершенно отдѣлившихся, полныхъ ненависти египтянъ и сирійцевъ. Ужасающимъ образомъ ненадежность этихъ христіанскихъ подданныхъ, населяющихъ Сирію и Египетъ, поразила въ 612 г., когда туда вторглись персы. Ираклій, покрытый славою побѣдитель персовъ и возстановитель имперіи, хорошо понялъ эту опасность. Не изъ-за теологическаго пристрастія, какъ Юстиніанъ, но исключительно ради интересовъ жестоко угрожаемаго государства попытался онъ возстановить церковное единство. Во время своихъ походовъ онъ имѣлъ обстоятельныя совѣщанія съ выдающимися епископами Востока. Предложеніе провозгласить ученіе о единой волѣ во Христѣ имѣло неслыханный успѣхъ. Къ счастью, оба римскіе престола занимали податливые и склонные стать на цер-

---

[1]) Сравн. *H. Gelzer*: Der Streit über den Titel des ökumenischen Patriarchen (Jahrb. f. protest. Theologie, 1887, XIII). (*В. Б.*).

ковно-политическую точку зрѣнія епископы—Гонорій въ древнемъ Римѣ и Сергій въ Византіи. Они всячески содѣйствовали намѣреніямъ императора. Киръ, новый Александрійскій патріархъ, могъ объявить въ 633 году, что множество отпавшихъ священниковъ и мірянъ возсоединилось со вселенской церковью. Въ томъ же году императоръ добился уніи даже съ Арменіей и старался привлечь на свою сторону сирійцевъ. Но тутъ правительство совершило невѣроятную ошибку, посадивъ на патріаршій престолъ Іерусалима ученаго и набожнаго, но рѣзко настроеннаго противъ уніи монаха Софронія, который немедленно и сдѣлался главою противной партіи. Возбужденіе росло во всей имперіи и прежде всего въ латинскихъ провинціяхъ Запада. Правда, что надвигающаяся гроза со стороны арабовъ довольно скоро заставила замолчать Софронія; зато духовно стоящій выше его единомышленникъ Максимъ, бывшій тайный секретарь императора, поднялъ всю Африку, а когда экзархъ Григорій былъ тамъ провозглашенъ антиимператоромъ, Максимъ вступилъ съ нимъ въ тѣснѣйшую связь. Въ страхѣ пытался старый императоръ примирить души возставшихъ успокоительнымъ декретомъ, такъ называемымъ „эктезисомъ“ (Ἔκθεσις), но тщетно; онъ скончался въ глубокой скорби. Правительство, которому была вручена опека надъ Констансомъ, внукомъ умершаго императора, держало себя очень разумно въ этомъ запутанномъ и затруднительномъ положеніи. Новый декретъ (τύπος) запрещалъ всякій споръ на тему объ одной или двухъ воляхъ Христа: предписывалось слѣдовать благочестивому ученію отцовъ. Однако, не на это разсчитывали борцы за правовѣріе. Въ рѣзкой противоположности Гонорію, Римъ возсталъ теперь противъ императорскаго правительства. Огромныя конфискаціи римскихъ церковныхъ имѣній, происшедшія послѣ смерти Гонорія, вѣроятно, ожесточили римское духовенство и возбудили его религіозную ревность. На Латеранскомъ соборѣ папа Мартинъ проклялъ, какъ „въ высшей степени безбожный Ἔκθεσις“, такъ и „проклятый τύπος“. Съ этихъ поръ Римъ сдѣлался твердыней правовѣрія. Молчать ради сохраненія мира, какъ предписывалъ императоръ, было противъ совѣсти этихъ людей. Святой Максимъ, привлеченный къ суду, самымъ рѣшительнымъ образомъ оспаривалъ восточное ученіе, которое видѣло въ императорѣ священника: по его мнѣнію, императоръ не можетъ священнодѣйствовать. Точно такъ же онъ оспаривалъ право императора созывать соборы и утверждать ихъ постановленія. Выступая съ этими основными положеніями, утверждающими свободу церкви, Максимъ является революціонеромъ, бросающимъ вызовъ древне-традиціоннымъ воззрѣніямъ Востока. Кромѣ того его строго римскій образъ мыслей казался антипатріотичнымъ. „Почему любишь ты римлянъ и ненавидишь грековъ?“—Пробуждаю-

щееся національное сознаніе грековъ выступаетъ здѣсь передъ нами подъ церковной оболочкой. Однако, императоръ Констансъ, не далъ ввести себя въ заблужденіе. Подобно тому, какъ раньше онъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ защищалъ имперію отъ арабовъ, такъ и теперь онъ твердо держался императорскаго богословія. Папа Мартинъ былъ съ большими предосторожностями арестованъ и сосланъ въ Крымъ. Это произвело желательное дѣйствіе: его второй преемникъ Виталіанъ покорился. Прибывъ въ 663 году въ Римъ, императоръ Констансъ осыпалъ главнѣйшія церкви великолѣпными дарами и, вмѣстѣ со своимъ войскомъ, принималъ участіе въ торжественномъ богослуженіи въ храмѣ св. Петра. Такъ, папа молча подчинился „τύπος"'у, проклятому его предшественникомъ. Это было рѣшительной побѣдой правительства.

И тѣмъ не менѣе при преемникѣ Константа, Константинѣ IV Погонатѣ (668—685) наступилъ переворотъ: причины этому ясны. Провинціи, изъ-за которыхъ было начато дѣло объединенія, Египетъ и Сирія, подпали окончательно власти ислама. Части имперіи, оставшіяся вѣрными императору, именно Балканскій полуостровъ и Малая Азія, составляли въ основѣ компактную массу греческаго населенія, которая лойяльно тяготѣла къ императорскому дому. Прежде всего надо было заручиться потеряннымъ расположеніемъ Запада. Съ этою цѣлью на новомъ соборѣ въ Константинополѣ всѣ вопросы были рѣшены въ смыслѣ благопріятномъ для Рима; поводомъ къ тому послужила большая лойяльность папы Виталіана, которую онъ проявилъ въ 668 году въ дѣлѣ узурпаціи Мизизія. Въ результатѣ, итальянскія провинціи, по успокоеніи въ нихъ религіознаго пыла, были сохранены для имперіи еще на 50 лѣтъ.

Съ этого времени древній Римъ становится вождемъ во всѣхъ церковныхъ вопросахъ. Люди, защищавшіе свободу церкви въ Византіи, безусловно присоединились къ Риму. Это тотчасъ же обнаружилось, когда произошла новая борьба между церковью и государствомъ, связанная съ вопросомъ объ иконопочитаніи. Императоръ Левъ III глубоко смутилъ умы въ Греціи и Италіи своимъ запрещеніемъ почитанія иконъ. Въ обѣихъ странахъ дѣло дошло до открытыхъ возстаній. И на этотъ разъ руководители возстаній оспаривали право вмѣшательства въ духовныя дѣла. „Безъ вселенскаго собора ничего новаго не можетъ быть рѣшено въ дѣлахъ вѣры", говорилъ императору патріархъ Германъ. Особенно интересны два документа, которые выдавались за письма папы Григорія II; они хорошо передаютъ настроеніе тогдашнихъ константинопольскихъ кружковъ. Эти документы вездѣ самымъ строжайшимъ образомъ проводятъ мысль о раздѣленіи церковной и свѣтской власти. „Высшіе іерархи поставлены во главѣ церкви и воздер-

живаются отъ дѣлъ государственныхъ; точно также и императоры должны держаться вдали отъ церковныхъ дѣлъ и заниматься тѣмъ, что сопряжено съ ихъ саномъ".

Старинное право управленія церковью въ духѣ Юстиніана оспаривается теперь у императоровъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

При столь обостренной противоположности воззрѣній рѣшеніе спора становилось въ концѣ концовъ вопросомъ исключительно силы. Сопротивленіе правительству сконцентрировалось прежде всего въ монашествѣ и въ народныхъ слояхъ, которые находились подъ его вліяніемъ. Съ другой стороны, и правительство привлекало къ себѣ много симпатій, именно въ войскахъ и въ Малой Азіи, населеніе которой нерѣдко становилось въ оппозицію государственной церкви.

Чѣмъ рѣшительнѣе боролось духовенство за свободу церкви, тѣмъ упорнѣе и императоры, въ родѣ Льва III и его жестокаго, но замѣчательнаго сына Константина V Копронима, преслѣдовали свой планъ превращенія церкви въ отрасль государственнаго управленія.

Прежде всего слѣдовало удалить обоихъ патріарховъ имперіи. Въ Константинополѣ это обошлось, разумѣется, легко. Также и римскому папѣ Левъ, говорятъ, пригрозилъ судьбою его предшественника Мартина. Между тѣмъ большой греческій флотъ потерпѣлъ крушеніе въ Адріатическомъ морѣ; а впослѣдствіи выступленіе на историческую сцену франкскихъ вождей навсегда изъяло Римъ изъ сферы вліянія византійскаго императора. Гораздо значительнѣе было другое мѣропріятіе: Балканскій полуостровъ, за исключеніемъ Ѳракіи, находился, въ качествѣ Солунскаго викаріата, въ церковной зависимости отъ древняго Рима. Императорскимъ указомъ вся эта область, а также Сицилія и находящіяся подъ греческой властью части Италіи, были отторгнуты отъ Рима и подчинены Константинополю; равнымъ образомъ и Исаврія была отдѣлена отъ Антіохіи. Такимъ образомъ, византійскіе императоры усвоили себѣ ту основную мысль въ области церковнаго права, въ силу коей отрицалась возможность вмѣшательства внѣшней духовной власти внутри границъ имперіи. Діоцезъ вселенскаго патріарха совпадалъ теперь съ границами имперіи: за это держались крѣпко, несмотря на всѣ возраженія Рима. Когда въ 870 году папскіе легаты снова заявили свои притязанія, греки отвѣчали: „Въ высшей степени непристойно, что вы, отпавъ отъ греческой имперіи и заключая союзы съ франками, хотите удержать право назначенія на церковныя должности въ странѣ греческаго императора, нашего владыки".

Послѣ болѣе чѣмъ шестидесятилѣтней борьбы сказалась очень естественно сильная потребность въ мирѣ. Женщины всегда

оставались почитательницами иконъ, и вотъ, въ высшей степени знаменательно, что очень энергичная императрица Ирина на второмъ Никейскомъ соборѣ въ 787 году возстановила иконопочитаніе. Въ догматическомъ смыслѣ это было блестящей побѣдой церкви и, въ особенности, Рима. Но въ церковно-правовомъ отношеніи идея власти императоровъ надъ церковью добилась признанія, и это имѣло свое основаніе: въ средѣ высшаго чиновничества образовалась мало-по-малу третья партія, которая во всѣхъ вопросахъ вѣры предоставляла рѣшающій голосъ церкви, но зато тѣмъ энергичнѣе поддерживала право верховнаго надзора императора и въ дѣлахъ церкви. Такая точка зрѣнія руководила Ириной и ея духовными и свѣтскими совѣтниками.

Въ восточной церкви постепенно пріобрѣлъ права гражданства сохранившійся и понынѣ обычай замѣщать высшія церковныя должности исключительно монахами. Однако постъ въ монастырской кельѣ былъ совершенно неподходящей подготовительной школой для лицъ, назначаемыхъ на высшія должности церковнаго управленія. „Святые“ обычно доставляли государству одни затрудненія. Поэтому знаменательно, что великіе патріархи IX-го столѣтія, какъ Тарасій, Никифоръ, Фотій, принадлежатъ всѣ свѣтскому званію и были прежде высшими чиновниками. Они проявили ловкость государственныхъ людей и превосходный политическій опытъ въ своей борьбѣ съ первостепенными дипломатами и іерархами въ родѣ Адріана I, Николая I и Іоанна VIII. Греки прекрасно понимали, кого они имѣли въ этихъ патріархахъ-мірянахъ, и когда на соборѣ 879 года папскіе легаты требовали поручительства въ томъ, чтобы міряне болѣе не возводились на престолъ вселенскаго патріарха, они рѣшительно отклонили это.

Примиреніемъ между государствомъ и церковью, какъ оно осуществилось при Иринѣ, были очень недовольны монахи, поборники безусловной свободы церкви. Они видѣли, что идеалъ, за который они боролись и проливали мученическую кровь, свобода церкви, былъ ловко выхваченъ изъ ихъ рукъ. И вотъ „святые“ вступили въ споръ между собою. Старецъ-игуменъ Платонъ и его ученикъ Θеодоръ Студитъ отказали въ церковномъ общеніи патріарху Тарасію, когда онъ допустилъ второй бракъ сына Ирины, Константина, который отпустилъ свою первую жену.

Оппозиція стала систематичной, когда во главѣ ея оказался столь же геніальный, сколь и энергичный, а также и необыкновенно рѣзкій Θеодоръ Студитъ, доставлявшій много хлопотъ новому, вполнѣ правовѣрному, но слишкомъ дружественному къ свѣтской власти патріарху Никифору; оппозиція была такъ рѣзка, что многимъ казалось, будто Θеодоръ Студитъ былъ движимъ злобою изъ-за

ускользнувшаго отъ него патріаршаго престола. Правительство отправило пылкаго монаха въ изгнаніе, но этимъ только возвысило его значеніе. Подобно прежнимъ іерархамъ, онъ оспаривалъ у императора какое бы то ни было право вмѣшиваться въ церковныя дѣла. Древняя идея, что императоръ выше закона, — перешедшій еще изъ язычества остатокъ обожествленія императорской власти — встрѣчаетъ въ немъ рѣзкое отрицаніе: въ такомъ случаѣ императоръ долженъ быть Богомъ, ибо лишь Божество не подчиняется закону, или иначе царитъ беззаконіе и произволъ. Такой языкъ былъ неслыханъ въ Византіи: сходныя, почти республикански звучащія ноты привычно было слышать отъ монаховъ на Западѣ, но не на строго монархическомъ Востокѣ.

Θеодоръ Студитъ показалъ себя уже вполнѣ противникомъ императорской власти, когда въ лицѣ Льва V Армянина (813—820) снова вступилъ на престолъ иконоборецъ. Въ письмахъ къ нему и къ его преемнику Михаилу II (820—829) Θеодоръ милостиво дозволялъ императору поддерживать священниковъ въ приведеніи въ исполненіе ихъ приговоровъ; но всякая самостоятельная дѣятельность отнималась у императора, и онъ являлся простымъ фигурантомъ въ церковныхъ дѣлахъ.

Напротивъ, притязанія Рима на церковное первенство Θеодоръ поддерживалъ самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. Никто изъ греческихъ учителей церкви не раздѣлялъ съ такой рѣшительностью, какъ Θеодоръ Студитъ, той мысли, что первенство Рима не только преимущество чести, но что папа фактически осуществляетъ въ высшей степени дѣйственное право надзора за всей церковью: вѣдь, онъ — богоизбранный пастырь христіанскихъ овецъ. Студитъ убѣжденъ, что Господь не оставилъ церкви: ибо папа—невозмутимый и чистый источникъ правовѣрія, тихая пристань, гдѣ можетъ успокоиться церковь отъ всякихъ бурь. Такъ Θеодоръ Студитъ защищалъ до послѣдняго издыханія, какъ никто другой, свободу церкви и первенство Рима. Обѣ церкви причисляютъ его къ своимъ святымъ, но римская съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ греческая, среди которой онъ и его единомышленники стали скоро совершенно одинокими. Въ спорахъ эпохи Игнатія и Фотія оказалось, правда, что у римской церкви были убѣжденные и очень преданные сторонники; но они составляли меньшинство. И даже какъ разъ это благопріятное Риму настроеніе строгихъ и благочестивыхъ людей лишило римскую церковь всякаго вліянія у громаднаго большинства населенія. Уже соборъ 692 года рѣзко осудилъ цѣлый рядъ обыкновеній Западной церкви. Въ этихъ мелочныхъ придиркахъ проявляется инстинктивная ненависть къ латинянамъ; это первыя движенія пробуждающагося національнаго самосознанія грековъ.

Когда же патріархъ Фотій своей знаменитой энцикликой 867-го года бросилъ перчатку Риму и принялся за дѣло церковнаго отдѣленія отъ Рима, то весь народъ возликовалъ, прославляя „равноапостольнаго вселенскаго учителя“. И послѣ своего низложенія императоромъ Василіемъ I патріархъ получалъ многочисленные адресы съ выраженіемъ преданности отъ мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ столицы,—доказательство того, что его прославляли, какъ великаго патріота.

Поводъ спора былъ самъ по себѣ довольно ничтоженъ. Обѣ стороны препирались изъ-за незначительныхъ различій въ обрядахъ и церковной дисциплинѣ. Также и единственный вопросъ догматики—вопросъ объ исхожденіи св. Духа—не имѣлъ уже такого значенія, чтобы образовать серьезную пропасть между нераздѣльными до тѣхъ поръ церквами. Причина лежала глубже. Національное отвращеніе, существовавшее между греками и латинянами, искало возможно яснаго выраженія и нашло его на богословской почвѣ: истинный патріотъ не могъ пріобщиться неквасного хлѣба въ таинствѣ евхаристіи и относился съ отвращеніемъ къ filioque. Такимъ образомъ Фотій сдѣлался основателемъ эллинской національности, которая находилась въ рѣзкой враждѣ по отношенію къ Риму.

Востокъ не былъ однако окончательно отдѣленъ отъ Рима Фотіемъ. Напротивъ, въ послѣдующія столѣтія совершались многочисленныя уніи, обыкновенно по политическимъ соображеніямъ, и папы еще не разъ энергично вторгались въ судьбы ромеевъ; но первый шагъ къ окончательному разрыву уже былъ сдѣланъ.

ГЛАВА VI.

Торговля и промышленность. Области распространенія торговли въ Византійской имперіи.

Это совершенно невѣрное представленіе, будто Византійская имперія была страной, въ которой злоупотребленія безсовѣстныхъ намѣстниковъ и чиновниковъ вытягивали всѣ соки изъ народа. Читая ужасающіе разсказы Аммiана о состояніи Сиріи, Египта, Триполитаніи и Африки, не должно никогда забывать, что этотъ писатель, хотя и былъ совершенно правдивымъ человѣкомъ, но по національности былъ сирійцемъ съ пылкой семитической фантазіей, и что описанія его не всегда можно понимать строго буквально. Изъ повѣствованій арабовъ объ ихъ завоеваніяхъ видно, какъ блестяще развита была торговля и промышленность въ завоеванныхъ ими провинціяхъ, Сиріи и Палестинѣ. То же самое происходило и въ Египтѣ. Диль въ своемъ блестящемъ сочиненіи „L'Afrique Byzantine“ доказалъ, какъ разъ на основаніи арабскихъ извѣстій, въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находился экзархатъ Африка съ его многочисленными, зажиточными городами и замками еще непосредственно передъ паденіемъ византійскаго владычества, а возраженіе Гауклера, желающаго видѣть въ этихъ описаніяхъ только однѣ семитическія гиперболы, слишкомъ несостоятельно, чтобы его можно было принять серьезно. Омаръ, сынъ бѣдной, почти безлѣсной, покрытой только скудными оазисами Аравіи, при видѣ дельты, „дара Нила“, красующейся въ пышномъ плодородіи, воскликнулъ въ поэтическомъ восхищеніи: „Сначала пыльная пустыня, потомъ прохладное море, потомъ цвѣточная гряда“. Еще при арабахъ дивились баснословному богатству страны, возникшему благодаря древнему искусственному орошенію, и еще Абдъ Аллатифъ, арабскій врачъ изъ Багдада (XIV вѣка) хвалитъ тамошнія, существующія и теперь приспособленія для искусственнаго высиживанія яицъ, и все же благодаря грубому хозяйничанью мамелюковъ,

исполнилась судьба, которую пророчески предсказывалъ странѣ Гермесъ Трисмегистъ: „О Египетъ, Египетъ! отъ тебя останутся только сказанія, которыя не найдутъ себѣ вѣры у позднѣйшихъ поколѣній; и ничего не останется, кромѣ высѣченныхъ въ камнѣ словъ, которыя возвѣщаютъ о твоихъ благочестивыхъ дѣлахъ. Скиѳъ, индіецъ и чужестранный варваръ поселятся на священныхъ поляхъ Озириса". Это удивительное предсказаніе какъ разъ буквально исполнилось при жалкомъ господствѣ турокъ и черкесовъ.

Цвѣтущее состояніе не только Египта, но и всей Византійской имперіи объясняется неутомимымъ торговымъ духомъ ея населенія, грековъ въ такой же мѣрѣ, какъ египтянъ, сирійцевъ и евреевъ.

Египетъ въ теченіе всей римской и византійской эпохи находился въ непосредственной связи съ Индіей. Александрійскіе корабли плыли черезъ Нильскій каналъ, созданіе великаго Рамесу Маріамуна, которое возстановилъ и очистилъ Дарій, сынъ Гистаспа, къ гаванямъ Краснаго моря, Міосъ-Хормъ и Вереникѣ, а оттуда вдоль берега химьяритовъ (древнихъ сабейцевъ) и Хадрамаута, пользуясь пассатными вѣтрами, періодическое наступленіе которыхъ открылъ при императорѣ Веспасіанѣ смѣлый греческій мореплаватель Иппалъ, плыли въ Баригазу (Сурата на Тапти) въ Индіи, которая была главнымъ складочнымъ мѣстомъ интернаціональной торговли съ Загангской Индіей, Задней Индіей, островами Сатировъ (т. е. хвостатыхъ обезьянъ, орангутанговъ Борнео) и Китаемъ.

Понятно, что часто купцы въ своихъ далекихъ путешествіяхъ пріобрѣтали несравненно болѣе широкій кругозоръ, чѣмъ запертые въ Римѣ въ своихъ кабинетахъ бюрократы и составители бумагъ. Одинъ изъ такихъ купцовъ, Фирмъ, родомъ сиріецъ, былъ связанъ большими контрактами по поставкамъ съ арабами и влемміями, которые были посредниками въ торговлѣ на Красномъ морѣ и во внутренней Африкѣ; часто его корабли отправлялись и въ Индію. Онъ хвастался, что на доходъ только отъ своихъ бумажныхъ фабрикъ онъ можетъ содержать войско. Для назиданія египетской черни, если вѣрить нѣсколько сомнительному извѣстію Вописка, онъ ѣздилъ верхомъ на страусѣ и въ качествѣ атлета-чемпіона заставлялъ класть себѣ на животъ наковальню и колотить по ней молотками. Вѣчныя гражданскія войны при жалкомъ Галліенѣ и такъ называемыхъ тридцати тираннахъ разорили купцовъ и также угрожали банкротствомъ грандіозной интернаціональной конторѣ Фирма. Не долго думая, рѣшилъ онъ провозгласитъ себя императоромъ. Буркгардъ справедливо замѣчаетъ: „Если повсюду прежде императорскій пурпуръ одѣвали офицеры, знатные провинціалы искатели приключеній всякаго рода, то для Египта знаменательно, что тамъ и крупный торговецъ отваживаются на подобную попытку

Правда, Авреліанъ, этотъ restaurator orbis велѣлъ его, какъ разбойника, безъ всякаго снисхожденія распять накрестѣ.

Въ то время, когда въ имперіи подавлялся языческій культъ, и когда въ правленіе столь же жестокаго, сколь порочнаго императора Зинона хронисты упоминаютъ о многочисленныхъ кровавыхъ мученіяхъ грамматиковъ и философовъ, Максиминъ, намѣстникъ Маркіана въ Египтѣ, заключилъ съ тогда еще вполнѣ языческими племенами влемміевъ и нубійцевъ договоръ, который торжественно гарантировалъ имъ право паломничества къ прославленной святынѣ богини Изиды на островѣ Филахъ. Съ этой цѣлью имъ было разрѣшено переправляться на островъ, лежавшій въ предѣлахъ египетской области. Египтяне перевозили чудотворное изображеніе милосердной матери-богини въ область, независимую отъ Рима, а тогда влеммін обыкновенно въ теченіе нѣкотораго времени выпытывали оракулы у идола и затѣмъ переносили его въ торжественной процессіи изъ чужой земли на его родину, на островъ Филу. Заключенный тогда договоръ Максиминъ велѣлъ публично вывѣсить въ святилищѣ Филъ. Прискъ прибавляетъ, что это казалось Максимину въ высшей степени полезнымъ: очевидно, суевѣрный страхъ передъ высоко чтимой богиней долженъ былъ удерживать эти разбойничьи племена отъ новыхъ нападеній, точно такъ же, какъ христіанъ-сирійцевъ заставляли приносить присягу не въ церквахъ, посвященныхъ Христу, но въ капеллахъ мучениковъ потому, что Христосъ былъ кротокъ и милостивъ и сжалился даже надъ клятвопреступникомъ; наоборотъ мученики часто поражали прегрѣшавшихъ противъ святыни слѣпотой, нѣмотой и другими еще болѣе ужасными наказаніями.

Превосходными торговцами были также и сирійцы. Въ эпоху Меровингской династіи, въ важнѣйшихъ галльскихъ торговыхъ центрахъ, Массиліи (Марсели) и Бурдигалѣ (Бордо), имѣли прочную осѣдлость многочисленные сирійскіе крупные торговцы, которые въ качествѣ почти единственныхъ капиталистовъ въ этой безденежной странѣ, пребывавшей въ стадіи натуральнаго хозяйства, оказывали помощь въ денежныхъ затрудненіяхъ королямъ и вельможамъ, а затѣмъ заставляли оплачивать себѣ эту услугу ростовщическими процентами. Конечно, это были благочестивые и прямо суевѣрные люди, которые въ видѣ побочнаго ремесла занимались кражей реликвій; относительно подобнаго ремесла въ средніе вѣка люди испытывали такъ же мало нравственныхъ сомнѣній, какъ мало ихъ теперь испытываютъ современные нумизматы и подобные имъ собиратели памятниковъ искусства, пользуясь для пріобрѣтенія предметовъ своей коллекціонерской страсти не совсѣмъ безупречными способами. Торговцы имѣли свои факторіи какъ въ Галліи, такъ

и въ Испаніи: житія святыхъ, относящіяся къ готской эпохѣ, даютъ намъ объ этомъ подробныя свѣдѣнія. Часто они работали, соединившись въ компаніи. Нѣсколько беззастѣнчивый и не совсѣмъ чистый способъ, посредствомъ котораго эти люди стремились увеличить свое состояніе, создалъ имъ среди остального населенія довольно дурную славу, по крайней мѣрѣ крупный торговецъ считался — въ этомъ византійцы были настоящими людьми античности — не вполнѣ джентльменомъ. Сознаніе, что богатства ихъ были собраны часто очень нечистымъ путемъ, побуждало ихъ дѣлать огромныя пожертвованія церквамъ и капелламъ святыхъ. Не одинъ испанскій и французскій соборъ обязанъ самыми драгоцѣнными предметами своихъ церковныхъ сокровищъ терзаніямъ совѣсти какого-нибудь продувного сирійскаго мошенника. Gallodromi и Spanodromi были въ эпоху ранней Византійской имперіи такими же обычными понятіями, какъ въ XVII в. въ Нидерландахъ и Англіи понятія: левантскій купецъ и индійскій мореплаватель.

Чрезвычайно важны для насъ показанія египетскаго крупнаго торговца, современника Юстиніана I, Козьмы, индійскаго мореплавателя (Индикоплевста), [1]) котораго часто называютъ, но зато тѣмъ менѣе знаютъ. Въ ранніе годы онъ предпринималъ въ компаніи съ нѣкимъ Миной далекія торговыя путешествія на югъ Африки и въ Индію. Позже оба, слѣдуя духу своего времени, отказались отъ злого міра и приняли одежды „ангельскія" — Мина въ Раиѳскомъ монастырѣ, а Козьма, будучи уже гражданиномъ неба, не могъ разстаться съ Александріей. На площади большого города онъ, будто бы побѣдоносно, доказалъ въ рѣзкомъ диспутѣ съ невѣрующими философами, т. е. съ математически образованными астрономами, свой тезисъ, что земля — вовсе не шаръ, но что міръ, небо, земля и подземный міръ, имѣютъ форму четырехугольной коробки. Онъ жалуется на вѣроотступничество послѣдняго времени: съ тѣхъ поръ, какъ почили апостолы и святые отцы, хотя и продолжаютъ спокойно крестить, но сохраняютъ чисто языческую вѣру въ шаровидность земли и неба. Его долгъ, какъ христіанина, опровергнуть эту вѣру. Со своей странной топографіей земли и неба Козьма, однако, не имѣлъ успѣха даже у тогдашнихъ христіанъ: Іоаннъ Филипонъ, одинъ изъ немногихъ ученыхъ высокого стиля Юстиніановой эпохи, въ своемъ сочиненіи о сотвореніи міра опровергаетъ его прямо съ язвительной насмѣшкой. Все это еще никоимъ образомъ не сдѣлало бы намъ интереснымъ этого почтенаго человѣка. Но Монфоконъ (Montfaucon), издавшій Козьму къ сожалѣнію

[1]) Послѣднее и самое лучшее изданіе: The Christian Topography of Cosmas indicopleustes edited with geographical notes by *E. Winstedt.* (Oxford 1910). (*В. Б*).

очень безпорядочно, вѣрно замѣтилъ: „Побочныя дѣла бываютъ лучше главнаго". Побочнымъ дѣломъ являются, вплетенныя въ христіанскую топографію отступленія, сообщенія о прежнихъ путешествіяхъ его самого и его друзей. Употребленіе, которое дѣлаетъ много видавшій на своемъ вѣку авторъ изъ своихъ личныхъ наблюденій, свидѣтельствуетъ о стремленіи поставить географію въ болѣе близкое отношеніе къ практической жизни. Благопріятное впечатлѣніе производитъ его чисто научная добросовѣстность. Этотъ необразованный купецъ и монахъ дѣлаетъ педантически точное различіе „между тѣмъ, что онъ видѣлъ самъ и тѣмъ, что видѣли другіе, а также тѣмъ, что онъ знаетъ только по наслышкѣ", и такимъ образомъ самъ даетъ въ руки читателю всѣ средства для провѣрки его показаній. Описаніе пережитаго во время его путешествій отличается поэтому прямо образцовой добросовѣстностью.

Въ благочестивомъ монахѣ проглядываетъ по временамъ истый купеческій духъ; то, что римскія деньги всюду имѣютъ курсъ, онъ считаетъ одной изъ лучшихъ привилегій римскаго гражданина: „Римская имперія въ томъ отношеніи имѣетъ много преимуществъ, что она первая повѣрила во Христа и первая приняла всецѣло христіанскій порядокъ жизни. Другимъ признакомъ мощи римлянъ, которой надѣлилъ ихъ Богъ, является то, что они со своими деньгами предпринимаютъ путешествія ко всѣмъ народамъ, и деньги ихъ курсируютъ повсемѣстно отъ одного края свѣта до другого, такъ какъ они признаны всѣми людьми и каждымъ государствомъ. Никакое другое государство не имѣетъ такого преимущества". Какъ во времена составителя periplus maris Erythraei [1]) въ Баригазѣ курсировали исключительно золотыя монеты индійскихъ государей Меандра и Аполлодота, царствовавшихъ за 400 лѣтъ до того, какъ теперь въ южной Африкѣ курсируютъ талеры Маріи Терезіи, такъ же со времени великой Діоклетіано-Константиновой денежной реформы и византійскій золотой утвердилъ свой міровой курсъ какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ далеко въ глубь средневѣковья.

Описаніе Цейлона является настоящимъ перломъ въ сочиненіи Козьмы. Вмѣсто употреблявшагося у древнихъ грековъ названія Тапробане, онъ даетъ этому острову другое — Силедиба (Sielediba), т. е. Сигаладипа (Sihaladipa) „львиный островъ", названіе, которое персы и арабы исковеркали въ Серендибъ (Serendib). Еще къ императору Юліану явилось въ Константинополь для поздравленія посольство „серендивовъ".

---

[1]). *W. Schoff.*: The periplus of the Erythraean sea; travel and trade in the Indian. Ocean by a Merchant of the first century, translated from the Greek and annotated 1912. *В. Б.*

Козьма получилъ свѣдѣнія отъ одного дружившаго съ нимъ купца Сопатра, который, пользуясь дующимъ зимою благопріятнымъ вѣтромъ, проѣхалъ изъ Адулы на Цейлонъ и умеръ въ 512 г. Одновременно съ нимъ прибылъ персидскій корабль, привезшій посла. Согласно установившемуся обычаю оба были приведены портовымъ начальствомъ и таможенными чиновниками на королевскую аудіенцію. Цейлонецъ ставитъ обычные вопросы: „Въ какомъ состояніи ваши земли и ваша торговля"? „Въ хорошемъ". Послѣ этого спрашиваетъ царь: „Который изъ васъ сильнѣе и могущественнѣе"? Тогда персъ воспользовался случаемъ похвастаться. „Нашъ царь, говоритъ онъ, самый могущественный, самый великій и богатый; онъ есть царь царей: онъ все можетъ, чего только ни пожелаетъ". Сопатръ же молчалъ. Тогда царь спросилъ: „Ты, римлянинъ, ничего не скажешь"? Сопатръ отвѣтилъ: „Что я могу еще сказать, когда этотъ возвѣщаетъ о такомъ величіи? Если же ты все-таки желаешь знать истину, то ты имѣешь передъ собой обоихъ монарховъ. Посмотри на обоихъ, какъ слѣдуетъ и скажи, который свѣтлѣйшій и могущественнѣйшій". Такая рѣчь удивила царя и онъ сказалъ: „Какимъ образомъ я могу имѣть здѣсь обоихъ государей?" Сопатръ отвѣтилъ: „Ты имѣешь монеты обоихъ государей, отъ нашего—золотой, отъ другого серебряную монету, такъ называемый миліаризій. Посмотри на оба изображенія на монетахъ и ты увидишь истину". Царь нашелъ это благоразумнымъ и велѣлъ принести обѣ монеты. Римскій золотой былъ круглый, блестящій, хорошей формы, такъ какъ тамъ курсируютъ только отборные экземпляры. Персидскій же серебряный, коротко говоря, не годился въ подметки золотому. Царь внимательно осмотрѣлъ лицевую и задчюю сторону и очень хвалилъ золотой. „Вы, римляне, дѣйствительно знатны, могущественны и умны". Онъ велѣлъ почтить Сопатра, посадилъ его на слона и велѣлъ при звукахъ трубъ провести его по городу. „Объ этомъ", прибавляетъ критически осторожный Козьма, „разсказывали мнѣ, кромѣ Сопатра, также его товарищи по путешествію, которые пріѣхали вмѣстѣ съ нимъ изъ Адулы на тотъ островъ. Этимъ, какъ они говорили, былъ зажатъ персу ротъ".

Высокую цѣнность даннаго Козьмой описанія острова Цейлона отмѣтили уже Гееренъ и Риттеръ. Это описаніе намъ показываетъ, что Цейлонъ въ серединѣ VI в. былъ для южанъ общимъ міровымъ рынкомъ между восточнымъ берегомъ Африки и Китаемъ. Здѣсь товары находили обоюдный сбытъ и, наряду съ посреднической торговлей, островъ велъ торговлю и своими собственными продуктами. Съ живой наглядностью и основательнымъ знаніемъ дѣла, свойственнымъ спеціалисту, характеризуетъ египетскій купецъ высокое значеніе, которое имѣлъ Цейлонъ для

интернаціональной міровой торговли народовъ Востока и Запада. Прямо мастерскимъ является его описаніе индійскихъ животныхъ. Также и здѣсь онъ педантически точно различаетъ, что онъ видѣлъ самъ и что онъ узналъ отъ другихъ.

Вообще сочиненіе египетскаго монаха при всѣхъ его странностяхъ занимаетъ выдающееся въ культурно-историческомъ отношеніи мѣсто, благодаря его свѣдѣніямъ по географіи и исторіи торговли.

208 Время Юстиніана I представляется временемъ высшаго расцвѣта въ исторіи византійской торговли. Мы видѣли выше (см. гл. III), что всѣ дипломатическія попытки установить непосредственныя сношенія съ страной шелковаго производства кончились неудачей. При Юстиніанѣ, однако, прибылъ въ государство серовъ (Китай) одинъ персидскій монахъ, слѣдовательно, несторіанецъ. Ему посчастливилось провезти въ имперію и въ Константинополь въ пустой бамбуковой палкѣ коконъ шелковичнаго червя, причемъ его не выслѣдили рысьи глаза пароянскихъ таможенныхъ стражей. Онъ научилъ византійцевъ до сихъ поръ совершенно имъ неизвѣстному шелковому производству. Въ началѣ весны онъ сажалъ вылупившихся червячковъ на листья тутоваго дерева, и подъ руководствомъ умѣлаго хозяина червяки превращались въ шелковичныхъ бабочекъ; скоро въ Византійской имперіи такъ же хорошо знали шелковое производство, какъ и на его родинѣ. Съ тѣхъ поръ тамъ выросла колоссальная шелковая промышленность, огромное ткацкое и красильное дѣло доставляло пропитаніе тысячамъ людей. Но эти фабрики были строго и боязливо охраняемой императорской монополіей. Поэтому изъ восточнаго Рима, который только одинъ производилъ необходимыя для духовныхъ и свѣтскихъ чиновниковъ нѣмецкихъ, итальянскихъ и славянскихъ государей, шелковыя ткани, шли шелковыя одежды въ качествѣ драгоцѣнныхъ предметовъ роскоши на Западъ и на Сѣверъ.

Зависть и ненависть, съ которой смотрѣли бѣдные полуголодные крестоносцы на „схизматиковъ“ грековъ, основывались отчасти менѣе на религіозныхъ, чѣмъ на хозяйственныхъ побужденіяхъ: ихъ соблазняло то, что отступившіе отъ истинной вѣры христіане достигли такого блестящаго благосостоянія, какъ разъ благодаря торговлѣ шелкомъ. Грабежъ церковныхъ сокровищъ и реликвій производился съ неменьшей ловкостью французскими рыцарями, и венеціанскими нобилями, а также ихъ свѣтски настроенными спутниками изъ духовенства въ эпоху отвратительнаго четвертаго крестоваго похода съ меньшей виртуозностью, чѣмъ въ эпоху директоріи ново-французскими освободителями, въ особенности же ихъ генералами въ Италіи и другихъ земляхъ, „вздыхавшихъ подъ тиранніей мрачной реакціи“. Именно, походы итальянцевъ противъ неизмѣримо богатой

Восточной имперіи напоминаютъ по безсовѣстности вождей и подлости офицеровъ великія дѣла лорда Клайва и Уорренъ Гастингса, благодаря которымъ была разграблена нынѣшняя Индійская имперія. Великій король Рожеръ былъ, правда, историками искусства превознесенъ до небесъ за его Палатинскую капеллу (Capella Palatina), но все же его политическая точка зрѣнія едва ли отличается отъ точки зрѣнія какого-нибудь Хаиреддина Барбароссы и прочихъ, лишь съ ненавистью и презрѣніемъ упоминаемыхъ, беевъ и деевъ варварскихъ государствъ. Истребленіе Рожеромъ византійской шелковой промышленности представляетъ изъ себя одну изъ мрачнѣйшихъ страницъ исторіи средневѣковой Италіи, изобилующей всякого рода ужасами. Въ морской войнѣ съ имперіей, при Мануилѣ Комнинѣ норманны производили безстыднѣйшій разбой въ большихъ размѣрахъ. Адмиралъ флота корсаровъ—это тоже знаменіе времени—былъ Христодулъ, грекъ изъ Антіохіи. Норманнское войско безпрепятственно достигло изъ гавани Салоны до внутренней Біотіи, завоевало Ѳивы, бывшія тогда, подобно Коринѳу, благодаря своему шелковому ткацкому производству, чрезвычайно богатымъ торговымъ и фабричнымъ городомъ, и совершенно разграбили этотъ центръ шелковой промышленности, дѣйствуя систематически и сурово. Для культурнаго уровня этихъ грабителей въ высшей степени характерно, что они уводили въ плѣнъ множество работниковъ и ихъ женъ, искусныхъ въ ткацкомъ дѣлѣ. Та же самая судьба вскорѣ постигла и Коринѳъ. Возвратясь въ Палермо, глава корсаровъ изъ доставшейся ему значительной части добычи построилъ мостъ, еще теперь носящій его имя—Ponte del Ammiraglio (мостъ адмирала), и, согласно наивному представленію среднихъ вѣковъ, думалъ смыть грѣхъ совершенныхъ имъ ужасовъ постройкой церкви La Martorana. Король Рожеръ поселилъ въ Палермо привезенныхъ имъ съ собой греческихъ ткачей шелка и распространилъ въ Сициліи искусство ткать шелкъ, искусство, которое византійцы держали до сихъ поръ втайнѣ. Скоро ткани, производившіяся въ его государствѣ, были въ состояніи поспорить съ производившимися на Востокѣ, въ особенности потому, что легкомысленный греческій дворъ въ 1158 г. послѣ заключенія мира забылъ потребовать обратно плѣнныхъ.

Послѣ четвертаго крестоваго похода торговое процвѣтаніе восточнаго Рима было совершенно сломлено. Его подданные болѣе или менѣе ограничивались однимъ береговымъ судоходствомъ. Крупная торговля съ Левантомъ совершенно перешла въ руки итальянцевъ. Ея начало лежитъ далеко позади. Что итальянскіе приморскіе города Амальфи и Венеція такъ долго оставались вѣрными подданными

Восточной имперіи, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что, въ качествѣ имперскихъ подданныхъ, они могли безпрепятственно вести торговлю въ предѣлахъ Византійской имперіи безъ всякихъ таможенныхъ безпокойствъ. Эти итальянцы избрали Константинополь своимъ мѣстопребываніемъ отчасти уже въ XI в., такъ, напримѣръ, амальфійскій нобиль Панталеоне, домъ котораго былъ такъ блестяще устроенъ, что въ немъ могъ имѣть временную квартиру салернскій князь Гизульфъ. Панталеоне подарилъ также цѣлый рядъ произведеній византійскаго искусства въ итальянскія церкви, такъ, бронзовыя двери для собора въ Амальфи и для римской церкви S. Paolo fuori le mura въ Римѣ. Амальфитанцы основали монастырь даже на Святой горѣ, и золотыя буллы Алексѣя I Комнина и сына его Іоанна, заключающія въ себѣ привилегіи этого монастыря, до сихъ поръ сохраняются въ архивѣ Великой Лавры св. Аѳанасія. Когда же Амальфи передался въ руки норманновъ, то императоръ Алексѣй перенесъ всю свою милость на своихъ вѣрныхъ союзниковъ венеціанцевъ. Ихъ торговля съ Левантомъ очень давняя. При дворѣ Карла Великаго франкскіе придворные одѣвались въ пышныя одежды, которыя они покупали у венеціанцевъ. На своей большой ярмаркѣ венеціанцы выставляли на показъ все великолѣпіе Востока, которое они привозили съ собой изъ заморскихъ странъ. Со временъ экзархата сохранилась слабая связь зависимости Венеціи отъ имперіи. Географическое положеніе города влекло за собой то, что преимущественно его граждане бороздили греческія воды своими торговыми судами. Уже въ X в. они вели съ Константинополемъ цвѣтущую торговлю. Правда, передъ отплытіемъ ихъ корабли, не безъ основанія, строго осматривались, чтобы удостовѣриться въ томъ, не нагружены-ли они товарами, вывозъ которыхъ запрещенъ. Судовой грузъ оплачивался таможенной пошлиной въ 50 солидовъ; однако, по просьбѣ венеціанцевъ, благосклонно къ нимъ настроенные императоры, Василій и Константинъ, сбавили съ таможенной пошлины 17 солидовъ и передали ревизію высшему чиновнику, чтобы избѣжать хлопотъ, причиняемыхъ подчиненными. Алексѣй I Комнинъ въ видѣ отвѣтнаго подарка за военную помощь, оказанную Венеціей во дни бѣдствій, предоставилъ венеціанцамъ въ столицѣ участокъ земли, на которомъ они могли въ большомъ числѣ селиться, могли выгружать товары, держать ихъ въ складахъ и приносить для продажи. Въ грамотѣ отъ 1082 г. императоръ надѣляетъ церкви Венеціи, дожа и патріарха почетными подарками и жалуетъ дожу титулъ протосеваста, а патріарху — титулъ ипертима, почетный титулъ знатнѣйшихъ послѣ патріарха іерарховъ имперіи. Онъ позволилъ венеціанцамъ, чѣмъ они, впрочемъ, уже и раньше пользовались по праву, продавать и по-

купать въ своей имперіи все, что они хотѣли, безъ уплаты какихъ бы то ни было таможенныхъ пошлинъ, портовыхъ денегъ, или налоговъ какихъ бы то нибыло. Вскорѣ послѣ этихъ успѣховъ венеціанцевъ начались Крестовые походы. Пизанцы и генуэзцы, давно съ завистью смотрѣвшіе на доходную безпошлинную торговлю венеціанцевъ въ Византійской имперіи, воспользовались этими походами между прочимъ для того, чтобы пріобрѣсти также и себѣ торговыя льготы и прочно утвердиться въ Левантѣ. Алексѣй, конечно, не безъ основанія не довѣрялъ крестоносцамъ и ихъ итальянскимъ союзникамъ. Однако, нападенія Боэмунда Тарентскаго противъ Византійской имперіи побудили императора предоставить пизанцамъ въ 1112 г. выгодныя торговыя привилегіи: они получили облегченіе таможенныхъ пошлинъ, а въ столицѣ имъ была предоставлена пристань и особый кварталъ. Они получили почетныя мѣста на богослуженіи въ Св. Софіи и на общественныхъ играхъ на ипподромѣ. Вообще, бывшія раньше столь искренними отношенія между Венеціей и Византіей становились все болѣе и болѣе холодными. Венеціанцы встрѣчали съ величайшей дерзостью, какъ на это жалуется византійскій историкъ Киннамъ, не только грековъ изъ низшихъ народныхъ классовъ, но и высокихъ сановниковъ. Храбрый и энергичный сынъ Алексѣя, Іоаннъ Комнинъ, въ высшей степени раздраженный высокомѣріемъ венеціанцевъ, отказалъ имъ въ утвержденіи привилегій, данныхъ отцомъ. Послѣдствіемъ этого была морская война, въ которой они обложили контрибуціей острова Іонійскаго и Эгейскаго морей, планомѣрно ихъ разграбили и оккупировали въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ. Греческій флотъ, когда-то владычествовавшій на Средиземномъ морѣ, пришелъ въ такой упадокъ благодаря долгой систематическому пренебреженію къ нему, что инператоръ Іоаннъ призналъ полезнымъ, подавляя свое справедливое негодованіе, заключить договоръ съ прежними вѣрными союзниками, игравшими уже роль тягостныхъ опекуновъ. Конечно, всѣ привилегіи, данныя Алексѣемъ, должны были быть подтверждены. Какъ всѣ слабые люди, византійскій императоръ искалъ спасенія, покровительствуя соперникамъ Венеціи, но, въ то время какъ эти послѣдніе пользовались полной таможенной свободой, пизанцы должны были уплачивать со стоимости товара 4%, а генуэзцы до 1155 г. даже 10% таможенной пошлины.—При сынѣ и преемникѣ Іоанна, Мануилѣ, Венеція поддержала императора въ борьбѣ съ Рожеромъ. Граждане республики получили новыя преимущества и подъ именемъ burgesioi могли даже войти въ составъ [illegible] греческой имперіи: [illegible] натурализировавшіеся венеціанцы не были болѣе принуждены, подобно иностранцамъ, жить въ отведенныхъ имъ кварталахъ, но могли селиться по всему Константинополю. Правда, такое

привилегированное положеніе вызвало сильное раздраженіе среди грековъ, но Мануилъ далъ почти такія же самыя привилегіи генуэзцамъ, чтобы воспользоваться ихъ помощью противъ венеціанцевъ и пизанцевъ. Въ 1170 г. между императоромъ и Венеціей дѣло дошло до открытаго разрыва; онъ велѣлъ арестовать всѣхъ находившихся въ имперіи венеціанцевъ и конфисковать ихъ имущество. Въ отвѣтъ на это греческіе острова снова стали ареной грабежа и разрушенія со стороны венеціанцевъ, и въ концѣ концовъ Мануилъ все таки былъ вынужденъ, за недостаткомъ сильнаго флота, заключить еще разъ съ венеціанцами миръ и уплатить имъ высокое денежное вознагражденіе. Дѣло дошло до жестокой борьбы между пизанцами и генуэзцами; эта борьба велась, какъ и позднѣе въ эпоху Палеологовъ, главнымъ образомъ на греческой почвѣ, и беззащитное греческое правительство могло только бездѣятельно смотрѣть на эти злоупотребленія. Наконецъ, въ 1170 г. были, по крайней мѣрѣ, окончательно упорядочены отношенія съ генуэзцами, конечно, черезъ предоставленіе имъ новыхъ, гибельныхъ для греческихъ финансовъ привилегій. Понятно, что греки были чрезвычайно раздражены этими договорами и прямо обвиняли императорское правительство въ дружбѣ къ латинянамъ; число латинскихъ поселеній въ ту эпоху такъ возросло, что, по увѣренію епископа Евстаѳія, въ столицѣ находилось тогда около 60.000 латинянъ. Только высокомѣріе и тягостный деспотизмъ латинянъ въ имперіи объясняютъ то, что когда въ 1182 г. геніальный, но преступный императоръ Андроникъ Комнинъ устроилъ всеобщую латинскую „вечерню“ (рѣзню), весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, сталъ на его сторону. Но его героическая попытка освободить греческій народъ, потерпѣла полное крушеніе: его преемники, Ангелы, снова повели политику по старому руслу дружбы съ латинянами. Злополучное завоеваніе латинянами Константинополя, извѣстное подъ именемъ четвертаго крестоваго похода, доказало, что латиняне, хотя и были въ состояніи совершенно дезорганизовать государство, построенное на единой центральной власти, однако, не могли замѣнить его чѣмъ-либо жизнеспособнымъ. Наконецъ, послѣ возстановленія при Палеологахъ Римская имперія превратилась въ державу третьестепеннаго значенія: венеціанцы и генуэзцы господствовали въ греческихъ водахъ, итальянская торговля съ Левантомъ въ два слѣдующія столѣтія процвѣтала, какъ никогда, но греки, какъ факторы силы, были совершенно лишены значенія на своей собственной землѣ. Въ эту эпоху разложенія о византійской торговлѣ не можетъ быть и рѣчи: этотъ народъ, который съ древнихъ временъ и еще теперь, является геніальнымъ по преимуществу въ торговыхъ предпріятіяхъ, въ то время былъ такъ ничтоженъ, что турецкіе завоеватели заключали

договоры съ Венеціей и другими европейскими государствами, съ греческими же своими подданными, напротивъ того, обращались какъ съ vilis contribuens plebs *). Паденіе греческой торговли доказываетъ, что греческая нація, по крайней мѣрѣ на ближайшее время, прекратила существованіе не только политически. Позднѣйшее возрожденіе эллиновъ и новый блестящій расцвѣтъ ихъ торговли выходятъ за предѣлы нашего разсмотрѣнія.

*) Презрѣнной платящей черныю.

Преображен-
никольский

Энгельс,

76 № изв.

72 № мой Олаф

О Франке

Григорий Шуберт.